

и хуацяо. Однако при этих заимствованиях сохранялись не менее сильные и значимые элементы культуры традиционной, что и позволяет в случае с Японией говорить о плодотворном гармоничном синтезе.

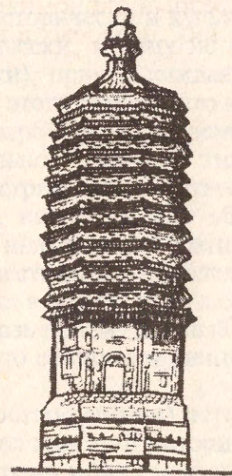
Менее гармоничным, но делающим свое дело следует считать и тот синтез, который демонстрируют хуацяо с их мафиозными корпорациями. Таким образом, сущность потенций в том, что они могут обеспечить плодотворный и гармоничный синтез, принципиально отличный от того уродливого силового синтеза, который являла собой государственная экономика в Китае в конце XIX и на протяжении большей части XX в.

Принципиальная разница здесь в том, что государственная экономика — эквивалент частнокапиталистической в тех обществах, которые не могут трансформироваться по еврокапиталистическому пути и (или) сознательно отвергают такой вариант развития, тогда как гармоничный синтез японского типа или типа хуацяо базируется на капиталистической основе и лишь обогащается (гармонизируется) за счет традиции. Отсюда и принципиально разный экономический эффект, не говоря уже о социально-политических, правовых и прочих институтах.

Часть четвертая

Современный Восток: процессы и проблемы

Современный Восток — особая, весьма емкая и специфическая часть истории Востока в целом. Специфика прежде всего в ее политической актуальности, калейдоскопическом динамизме. События следуют одно за другим, ситуация меняется едва ли не ежедневно, причем нередко весьма радикально. То и дело происходят военные и политические конфликты в том или ином регионе, государственные перевороты и многие иные события, из которых, собственно, и составляется ткань современной политической жизни. А так как стран, о которых идет речь, не менее сотни (не считая тех, что исторически и культурно близки к Востоку, но формально, т. е. географически, к нему не относятся, как, например, страны Латинской Америки), причем каждая из них закономерно претендует на внимание, то из этого следует, что излагать в рамках генерального очерка в деталях и подробностях современную историю каждой из стран практически нереально. Впрочем, этого и не нужно, ибо для знакомства с отдельными странами существует немало страноведческих изданий любого профиля, не говоря уже об обилии различного рода справочников. Перед нами иная задача: обратить внимание на важнейшие процессы и наиболее существенные проблемы, характерные либо для всего современного Востока в целом, либо для важнейших его регионов, цивилизаций и стран. Сквозь призму анализа этих процессов и проблем и высветится то главное, что составляет квинтэссенцию событий современной истории Востока.

Современная (contemporary; current) история во всем мире обычно выделяется в особый раздел или этап истории всемирной. Но если для Запада хронологическая грань между нею и новой (modern) историей в некотором смысле размыта и может быть сформулирована лишь весьма условно, то для Востока она более очевидна, формально и политически весьма отчетливо выражена. Речь идет о деколонизации, происходившей в середине XX в., в основном между 1945 и 1960 гг. Правда, деколонизация как обретение политической независимости коснулась не всего Востока, ибо многие его страны колониями не были и независимость не утрачивали, по меньшей мере формально. Однако фактически она так или иначе затронула весь Восток, и не только в том смысле, что зависимые страны обрели подлинную независимость, но прежде всего тем, что фактическое обретение всеми странами Востока реальной политической независимости означало превращение

их в свободных субъектов современного мира. Свободных потому, что каждый имел возможность избирать свой путь развития.

Разумеется, на выбор пути оказывали свое, порой решающее воздействие многие существенные факторы. Но при всем том была все же и некоторая свобода выбора пути трансформации традиционного восточного общества. О проблемах, с которыми традиционный Восток столкнулся под давлением колониального капитала в период колониализма, речь уже шла достаточно подробно в третьей части работы. Болезненность процесса трансформации, вынужденной внешними обстоятельствами, была очевидной и в некотором смысле общей для всех, включая шедшую особняком и добровольно по этому пути Японию. Но эта общность судеб никак не исключала их неодинаковости. Напротив, по мере углубления процесса трансформации все явственней становилась эта неодинаковость, корни которой уходили как в глубинные пласты истории, в религиозно-цивилизационный фундамент, так и порой в факторы природно-географические (нефть и нефтедоллары). Отсюда и результат: современная история разных стран Востока весьма различна.

Восток никогда не был единым и одинаковым, между его передовыми и процветающими государствами и отсталыми районами всегда существовала заметная грань, подчас цивилизационная и имущественная пропасть. Но при всем том было и нечто общее для всего Востока, и об этом общем выше немало уже говорилось. Однако именно в наши дни современный Восток демонстрирует наибольшую степень неравномерности и неравноценности развития, различий во внутренней структуре. И эти структурные различия — результат внутренней трансформации некоторых успешно развивающихся стран Востока, что наиболее отчетливо видно на примере Японии, структурно западной (вся техника, технология, наука, образование, инфраструктура и т. п.), но цивилизационно восточной. И это органичное сплетение, этот гармоничный синтез в немалой мере обусловили и обуславливают ее процветание и выдающиеся успехи в темпах и качестве развития.

Из сказанного ясно, какого рода процессы и проблемы следует считать главными для современного Востока. Именно они и все связанное с ними будут стоять в центре внимания и анализа, что во многом обусловило и композицию четвертой части работы. Первые ее главы посвящены краткому обзору конкретных данных из истории ряда стран, сгруппированных по основным регионам современного Востока. Эти данные сопровождаются аналитической оценкой с вычленением основной динамики развития соответствующих стран или групп стран. В последующих главах речь пойдет об общих для современного Востока процессах и проблемах. Здесь будет обращено внимание на причины и факторы, обуславливающие неравномерность развития и повлиявшие на выбор пути, а также пойдет речь о генеральном направлении развития Востока в наши дни и в ближайшем будущем.

Глава 1

Африка южнее Сахары после деколонизации

Освобождение от колониальной зависимости на рубеже 60-х годов XX века народов Тропической Африки было завершающим и наиболее мощным по звучанию аккордом деколонизации: свыше четырех десятков независимых и в подавляющем большинстве прежде не существовавших государств возникло на развалинах колониальных империй Англии, Франции, Португалии. Главным общим признаком всех этих новорожденных государств оказался их политический инфантилизм. Возникнув на базе вчерашних колониальных территорий, будучи воспитаны колониальной администрацией и соответствующими нормами метрополий, все они, обретя независимость, не имели собственного политического опыта, если не считать за таковой реминисценции, связанные с существованием протогосударственных образований, да и то не везде, преимущественно на западном побережье.

Оказавшись в столь незавидном состоянии, новые африканские государства стали быстро самоопределяться. Но на какой основе? Естественной традиционной основой были племенные связи, общинно-клановые структуры самоуправления, принципы социально-корпоративных и патронажно-клиентных взаимоотношений. Все это сыграло свою роль в процессе становления африканской государственности, но роль эта была скорее негативной, нежели позитивной, ибо апелляция к традиции не столько сплачивала жителей нового государства, сколько разъединяла их по племенному, клановому либо земляческому признаку. Поэтому нужна была весомая альтернатива традиционной основе. Эта альтернатива и была выработана десятилетиями усилий колониальной администрации, немало сделавшей для того, чтобы воспитать в колониях будущую правящую элиту, политически ориентированную на нормы и принципы соответствующей метрополии. Речь идет прежде всего о нормах и принципах буржуазной парламентарной демократии, основанной на фундаменте из рыночно-частнособытийных отношений, гражданского общества и правового государства.

Разумеется, ни того, ни другого, ни третьего во вчерашних колониальных территориях Тропической Африки не было. Все это следовало создать заново, как заново создавались и сами государства,

границы которых определялись не этническими или природными факторами, но исключительно случайностью колониального захвата. Понятно, что при этом родственные племенные группы оказывались в различных государствах, а неродственные и даже враждующие между собой соединялись жребием судьбы в одном. Логично, что это влекло за собой и вплоть до сегодняшнего дня порождает массу проблем, а то и ведет к кровавым межплеменным столкновениям, раздирающим многие молодые государства Африки. Но справедливости ради необходимо заметить, что здесь не было произвола коварных колонизаторов, хитроумно следовавших классическому принципу «разделяй и властвуй». Отнюдь. Просто иного варианта формирования государственности в Тропической Африке 60-х годов XX века не было.

Раздел Африки между державами породил современные границы ее государств, соответствующие вчерашним колониальным территориям. Колониальная администрация в рамках каждой из такого рода территорий немало, как упоминалось, делала для того, чтобы приобщить племенную знать к ценностям, которые предпочитались в Европе. Образованные африканцы, выпускники Кембриджа, Оксфорда и Сорбонны, постепенно, поколение за поколением, обретали уважение к этим ценностям, что и неудивительно: противостоять им могли лишь традиционные нормы африканской жизни, для создания устойчивой политической структуры, как правило, не приспособленные. Это не значит, что образованная элита пренебрегала традицией. Напротив, она уважала ее и опиралась на нее. Эта опора и сыграла свою роль в 60-е годы, когда от лозунга «Независимость при жизни настоящего поколения!» африканцы перешли к более радикальному — «Независимость немедленно!» — и добились своего. Однако, добившись цели, правящие образованные верхи новых африканских стран в поисках модели для оптимальной политической структуры возникавших государств обратились к хорошо знакомой им метрополии. Это было логично, особенно если учесть, что и господствующий язык, и система администрации в той или иной колонии соответствовали тем, что господствовали в метрополии.

Но это было лишь первым шагом новых государственных образований. Далее следовал выбор пути, кое-где приведший к смене приоритетных ориентаций. Однако вне зависимости от того, какая ориентация была избрана, как и когда этот выбор менялся — если он вообще изменялся, — каждая из молодых стран Африки прошла свой нелегкий и в какой-то мере общий для всех них путь становления государственности. Собственно, именно это и есть история — вся их история, в основном не превышающая сорока лет (имеется в виду история современных государств Африки в нынешних их границах). Как она выглядит, эта история, пусть даже в самом кратком изложении?

Страны Западной Африки

К этой группе стран Тропической Африки условимся отнести те, что лежат к западу от Нигера и Нигерии. За исключением Мали, все они территориально сравнительно невелики, а некоторые и вовсе малы. Но зато многие из них принадлежат к числу сравнительно развитых или, во всяком случае, достаточно успешно развивающихся, что в немалой мере обусловлено их выгодным географическим расположением, частично также древними традициями государственности, торговыми связями с миром ислама и исламизацией, пусть слабой и не всеобщей.

1. Мали, бывшая французская колония, стала независимой республикой в 1960 г. Ориентация на марксистский социализм в 60-х годах под руководством М. Кейта привела это слаборазвитое и сравнительно немногочисленное (ок. 11 млн.* человек) государство к серьезному кризису. Гипертрофированная роль государственного сектора в промышленности и кооперирование сельского хозяйства подорвали экономику, а экономические просчеты привели к политическому кризису, итогом которого был военный переворот 1968 г. Пришедший к власти генерал М. Траоре свыше десяти лет правил как глава Военного комитета национального освобождения, а в 1979 г., после вступления в силу конституции 1974 г., он стал президентом. Конституция предусматривала однопартийную систему (Демократический союз малийского народа с филиациями в виде национальных союзов женщин, молодежи, профсоюзов и т. п.), которая к 1991 г. изжила себя, погрязнув в коррупции, бюрократических злоупотреблениях и т. п. Весной 1991 г. недовольные потребовали отставки президента, и вскоре он был свергнут в результате очередного военного переворота, возглавленного А. Туре. Туре приостановил действие конституции, запретил деятельность партий и выступил против реформ. Правда, он пообещал покончить со злоупотреблениями и затем отдать власть гражданским лицам. Оппозиция в стране требовала введения многопартийной системы, продолжения реформ и, в частности, приватизации экономики. А. Туре, а вслед за ним и избранный в 1992 г. (переизбранный в 1997 г.) президент А.У. Конаре, укрепив свою власть, провели ряд реформ, направленных на демократизацию страны, свободу частного предпринимательства. Однако слабая экономическая база, отсутствие серьезных ресурсов (Мали экспортирует хлопок, арахис, скот) и недостаточно развитая правовая основа, равно как и отсутствие опыта сказались на

* Цифры, касающиеся численности населения современных стран Востока, здесь и далее даются на основании данных справочников или иных материалов, относящихся к концу 90-х годов. Цифры, естественно, не всегда вполне точны и должны поэтому восприниматься лишь как приблизительные, дающие представление о количестве населения страны.

результатах. Например, попытка возобновить добычу золота на древних приисках с помощью молодых русских бизнесменов, предпринятая в 1991—1993 гг., провалилась. Мали по-прежнему принадлежит к числу беднейших стран Африки. Доход на душу населения был равен в 1997 г. примерно 270 долларам.

2. Гана (16—17 млн. человек), в прошлом знаменитая английская колония Золотой Берег, стала независимой республикой во главе с президентом К. Нкрумой в том же 1960 г. Достаточно развитая, даже богатая ресурсами (золото, бокситы, какао-бобы) республика сразу же после возникновения на очередном съезде правящей Народной партии конвента летом 1962 г. избрала в качестве ориентира марксистский социализм. Результаты не замедлили сказаться: национализация промышленности и ставка на кооперацию по-марксистски достаточно быстро привели к развалу и без того весьма слабой экономики страны, чему способствовали и объективные факторы экономической конъюнктуры, в частности снижение мировых цен на какао-бобы. Естественной была и реакция: военный переворот 1966 г. сверг Нкруму, распустил правящую партию и решительно отказался от социалистических экспериментов. Конституция 1969 г. открыла путь для многопартийной системы, но избранный на этой основе парламент не сумел создать крепкую власть. В стране продолжались падение производства и инфляция. Военный переворот 1972 г. и созданный военными Совет национального спасения привели к роспуску парламента и партий. Новые руководители заявили о решимости продолжить развитие по марксистско-социалистической модели. Ситуация повторилась, причем к развалу экономики добавилась процветавшая коррупция.

В 1979 г. очередной военный переворот привел к власти капитана Д. Ролингса. Совет был распущен и вновь был сделан поворот к конституционному правлению. На многопартийной основе состоялись парламентские и президентские выборы. Но новый президент Х. Лиманн не сумел навести порядок в стране, в результате чего в 1981 г. Ролингс совершил еще один военный переворот, отменил конституцию, распустил парламент и партии и, создав Высший совет национальной обороны, сам принял за решительные реформы, ориентируясь на рыночно-частнособственнические отношения. Гана стала быстрыми темпами (5% прироста в год) развиваться, магазины наполнились товарами, усилился приток зарубежных инвестиций. В 1991 г. Высший совет выступил с инициативой демократизации политической структуры в стране. Сменив армейский мундир на штатскую одежду, Ролингс был избран президентом страны и восстановил распущенные им политические институты. Гана вновь обрела конституционные нормы и более уже их не лишалась. За годы правления Ролингса, избранного и на следующих выборах (его мандат заканчивается в 2000 г.), Гана обрела политическую устойчивость. Конституционный порядок упрочился, парламент и прочие властные структуры функционируют

нормально. Правительство борется с коррупцией, налаживает отношения с оппозицией, стремится улучшить жизнь народа. Экономика страны, добывающей золото, марганец, алюминий и экспортирующей какао-бобы, функционирует стабильно, давая за последние годы до 5 % ежегодного прироста ВВП. На фоне многих других африканских государств Гана может считаться островком относительного благополучия.

3. Гвинея (7—8 млн. человек) добила независимости в 1958 г., причем правящая Демократическая партия во главе с президентом А. Секу Туре сразу же взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Национализация промышленности, кооперирование сельского хозяйства, ограничения в сфере торговли и т. п. привели к заметному росту коррупции в администрации, разочарованию и недовольству населения. Авторитет президента помогал ему удерживаться у власти, несмотря на экономический кризис. Но после его смерти в 1984 г. к власти пришли военные и с социалистическим экспериментом в Гвинее было покончено. Поощрение частной инициативы, привлечение иностранных инвестиций, активное экономическое сотрудничество с развитыми странами, реорганизация финансовой системы — все это было предпринято новым президентом Л. Конте, избранным в 1993 г. и переизбранным в 1997 г., с целью выйти из кризиса.

Реформы в Гвинее идут вот уже полтора десятилетия. Много сложностей было связано с резкой переориентацией курса, ломкой экономической структуры. Страна остро ощущала нехватку компетентных кадров, страдала от коррумпированности чиновников, слабости финансово-банковской системы, неразвитости товарно-денежных отношений. Но курс на приватизацию привел к ощутимым успехам. Свое слово сказали и принятые государством законы, обеспечившие либерализацию экономики. С 1996 г. реформы стали приносить результаты. Растет экспорт железной руды, бокситов и алмазов. Возросло количество предприятий, особенно небольших. ВВП с 1984 по 1996 г. удвоился (при 4—4,5 % роста в год), а доход на душу населения вырос за эти годы с 356 до 590 долларов.

4. Кот-д'Ивуар (16 млн. человек), в прошлом Берег Слоновой Кости, — президентская республика с 1960 г. Правящая и единственная Демократическая партия успешно руководит страной, опираясь на профсоюзы, организации молодежи и женщин. Устойчивое правительство с отчетливой ориентацией на рыночно-частнособственническое развитие обеспечивает политическую стабильность и экономический рост (в среднем 7% в год), что позволило этому государству с его 11-миллионным населением занять место в числе наиболее преуспевающих стран Тропической Африки. Успехи в стране более всего были связаны с именем ее первого президента Ф. Уфуэ-Буаьи.

На рубеже 80—90-х годов страна демонстрировала пример относительного благополучия. Около трети ее населения были мигрантами из соседних, менее удачливых государств. 90-е годы прошли под знаком введения в республике многопартийности и проведения необходимых реформ, которые осуществлял избранный в 1995 г. новый президент А.К. Бедье. Ныне страна демонстрирует устойчивый экономический рост в 6—7 %, а доход на душу населения в ней в 1997 г. был равен 780 долларам.

5. Буркина-Фасо (б. Верхняя Вольта) — государство, расположенное между Мали и Ганой к северу от республики Кот-д'Ивуар. Население — около 11 млн. человек, республика — с 1958 г., независимое государство — с 1960 г. Авторитарное правительство, подавляющее оппозицию, было в 1966 г. свергнуто военными, распустившими парламент и партии. В 1970 г. была принята конституция и проведены выборы в Национальное собрание на многопартийной основе, а в 1974 г. армия вновь взяла власть в свои руки, приостановив действие конституции и распустив парламент. В 1977 г. была принята новая конституция, укрепившая руководящие позиции военных: возникшее в результате соперничество между военными и гражданскими политиками привело в 1980 г. к новому военному перевороту. Под знаком военных переворотов прошло все десятилетие 80-х. Военный переворот 1982 г. создал Временный совет народного спасения, в 1983 г. — Национальный совет революции. С 1983 г. делались попытки революционными методами покончить с обуревавшими страну невзгодами — коррупцией, отсталостью и т. п. К успеху эти методы не привели. Переворот 1987 г. ничего в этом смысле также не изменил, хотя и усилил было на некоторое время акцент в сторону создания «планируемой экономики». Естествен и результат: Буркина-Фасо считается одной из самых бедных и отсталых стран Африки. Промышленность практически не развивается, сельское хозяйство в упадке, уровень жизни очень низок.

Рубеж 80—90-х годов привел к демократизации политического режима. В стране возникла многопартийная система, вновь стал функционировать избираемый населением парламент. Президент Б. Компаоре, избранный в 1991 г. и переизбранный в 1998 г., пытался осуществить некоторые экономические реформы, но к успеху они не привели. Промышленность развита слабо. 90 % населения заняты в сфере сельского хозяйства. Однако существенно отметить, что в этой бедной стране сформировалась — при финансовой помощи Франции — одна из наиболее заметных в Африке кинематографических школ, представленная именами учившихся в Сорбонне режиссеров Г. Кабаре и И. Уэдраого.

6. Сенегал с населением ок. 9 млн. человек — одно из древних государственных образований Западной Африки, обладавшее определенными привилегиями и в годы французской колонизации (вспомним

о сенегальских стрелках и о сенегальцах, имевших статус французских граждан и посылавших своего депутата во французский парламент). Став независимой республикой в 1960 г., Сенегал вплоть до наших дней сохранил в качестве действующей конституцию 1963 г. Долгие годы президентом страны был великий африканец Л. Сенгор, а после его отставки в 1980 г. этот пост занял А. Диуф. Вначале в парламенте и политической жизни страны господствовала одна партия — социалистическая, входившая в Социнтерн. Затем возникли и другие. С 1981 г. была официально введена многопартийная система. Экономика развивается не быстро, но стабильно. В страну приезжает много туристов. Доход на душу населения равен 630 долларам. На рубеже 80—90-х годов страну начали сотрясать межплеменные конфликты, причем территориальные и политические притязания народности диола негласно поддерживаются соперничающей с Сенегалом Мавританией.

7. Сьерра-Леоне с ее 4—5 млн. населения — небольшое государство на побережье к югу от Гвинеи, бывшее в прошлом форпостом англичан в Западной Африке. Обретя в 1961 г. независимость, страна стала многопартийным парламентарным государством (главой его признавалась английская королева). После военного переворота 1967 г. около года страной управляли военные, затем действие конституции было восстановлено. С 1971 г. Сьерра-Леоне — республика, а в 1978 г. была принята новая конституция, основанная на президентской власти и однопартийной системе. Президент Д. Момо, сделавший ставку на разгосударствление экономики, на протяжении 80-х годов добился незначительных успехов и в 1990 г. был вынужден прибегнуть к радикальным реформам, включающим либерализацию экономики, приватизацию, многопартийную систему и т. п. Переворот 1992 г. привел к свержению и бегству Момо. Власть в стране взяли военные.

Встав у власти, они объявили о продолжении курса на реформы и выработали проект новой конституции (1993). С 1995 г. восстановлена многопартийная система, а в 1996 г. проведены свободные выборы. Новый президент А.Т. Кабба не сумел, однако, обеспечить стабильность в стране. Обострение недовольства властью и социальными издержками реформ после падения администрации Момо привело к волнениям. В 1997 г. власть вновь взяли военные, а президент Кабба эмигрировал в Гвинею. Вслед за тем в стране началась гражданская война, в ходе которой множество беженцев — едва ли не половина населения — покинули страну. В 1998 г. между враждующими сторонами был достигнут компромисс, чему способствовало вмешательство ряда соседних стран — Нигерии, Ганы, Гвинеи, Мали. Власть была возвращена президенту, но вскоре в стране вновь вспыхнула гражданская война, потребовавшая в 2000 г. вмешательства миротворческих сил ООН (в состав этих сил вошла и эскадра российских вертолетов).

Сьерра-Леоне, владеющая алмазными рудниками, принадлежит, тем не менее, к числу бедных даже по африканским стандартам. Доход на душу населения в 1998 г. был равен 215 долларам.

8. Либерия, государство потомков американских рабов-переселенцев, имела конституцию еще в 1847 г., причем эта конституция действовала до 1980 г., когда в стране был совершен первый военный переворот. На протяжении 80-х годов обстановка в стране была нестабильной, а междоусобицы военных претендентов на власть ее усугубляли. С 1986 г. начал функционировать двухпалатный парламент на многопартийной основе. Население страны невелико — приблизительно 2,5 млн. человек. Экономический рост, заметный в 60—70-х годах (до 8% в год), затем существенно снизился. Начало 90-х годов отмечено углублением политического кризиса.

В 1989 г. в стране на почве племенных разногласий вспыхнула гражданская война. Президент С. Доу был свергнут. Военные перевороты следовали один за другим. Обострение антагонизма между потомками американских негров и местным населением за последнее десятилетие стоили жизни примерно 150 тыс. либерийцев. Еще около миллиона, если не больше, бежали из страны. В середине 90-х годов соседние с Либерией страны пытались урегулировать конфликт, но долго терпели неудачу. Подготовленные ими соглашения срывались повстанцами, в том числе наиболее заметным среди них Ч. Тейлором, главой Национального патриотического фронта. Более того, в гражданскую войну вмешивались все новые мятежные группировки, отражавшие, как правило, интересы определенных племенных групп. Лишь в 1997 г. был, наконец, достигнут компромисс. Новым президентом страны стал Тейлор. Он попытался провести необходимые реформы, но в разоренной длительной войной стране, из которой к тому же вынуждена была бежать чуть ли не половина ее населения, сделать это было нелегко. Либерия пока находится в тяжелом положении.

9. Того, узкой полосой тянущееся вдоль восточной границы Ганы с выходом на побережье Гвинейского залива, — небольшое государство с 4 с лишним млн. жителей. Став независимой республикой в 1960 г. и испытав в 1963 и 1967 гг. два военных переворота, Того затем обрело завидную политическую устойчивость. Президент Г. Эйадема, вначале (до 1979 г.) бывший главой военного режима, утвердил в стране президентскую республику с однопартийным парламентарным режимом и немало сделал для развития экономики, осуществив, в частности, зеленую революцию в сельском хозяйстве. Неплохие темпы развития (3—4% в год) способствовали прогрессу. В 1990 г. оппозиционные молодежные организации начали активно выступать с требованиями плюрализма, демократизации политической жизни, многопартийности. Позиции генерала-президента заметно пошатнулись.

Пытаясь упрочить свое положение, Эйадема усилил нажим на оппозицию, многие из ее сторонников вынуждены были бежать из

страны в соседние Гану и Бенин. Введенный президентом режим так называемой «управляемой демократии» не принес стране заметного успеха. Уровень жизни не слишком высок — ежегодный доход на душу населения равен примерно 400 долларам.

10. Бенин (в прошлом — Дагомея) с его свыше чем 6-миллионным населением — еще одна узкая полоска африканской территории, идущая от Гвинейского залива в глубь континента, вдоль восточных границ Того. Независимая республика с 1960 г., Бенин до 1972 г. пережил пять военных переворотов, последний из которых, возглавленный М. Кереку, привел к созданию военно-революционного правительства, склонного к ориентации на марксистский социализм. Эта политика не привела страну к успеху. Пришедший к власти в 1991 г. новый президент Н. Согло предпринял реформы, направленные на демократизацию страны и преобразование ее отсталой экономики по рыночно-частнособственнической модели. Бенин стал многопартийной республикой.

На выборах 1996 г. президентом вновь стал Кереку, отказавшийся от своих марксистско-социалистических заблуждений. Он продолжил реформы своего предшественника, но отсутствие в стране серьезных ресурсов (экспортируются хлопок, пальмовое масло), неэффективность государственных предприятий и социальные издержки от их приватизации (повышение цен, падение заработной платы) привели к росту недовольства в стране. И хотя ежегодный прирост ВВП с 1991 по 1997 г. заметно увеличился (с 3,2 до 5,5 %), доход на душу населения остается небольшим (400 долларов в год), а экономика в целом нуждается в дальнейшей серьезной реорганизации. Парижский клуб списал Бенину две трети его долга, европейские страны и США оказывают ему помощь, но пока что все это слабо сказывается на уровне жизни населения.

11—13. Гамбия (1,2 млн. человек), **Гвинея-Бисау** (1,1 млн.), **острова Кабо-Верде**, в прошлом острова Зеленого Мыса (0,4 млн.), — небольшие государства Западной Африки, обретшие независимость соответственно в 1965, 1973 и 1975 гг. Гамбия, в прошлом французская колония, — стабильная парламентарная многопартийная республика, с 1982 г. связанная унией с Сенегалом. Гвинея-Бисау и Кабо-Верде — в прошлом португальские колонии, близкие друг к другу, — в первые годы после получения независимости имели в качестве правящей партии ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и Кабо-Верде), ориентировавшуюся на марксистский социализм. В 1990 г. эта партия в Кабо-Верде (с 1981 г. — ПАИКВ, т. е. Африканская партия независимости Кабо-Верде) выступила за введение многопартийной системы и на выборах потерпела поражение, уступив место оппозиции, выступающей за развитие по рыночно-частнособственническому пути с приватизацией государственной собственности и созданием основ гражданского общества. В Гвине-Бисау ситуация аналогичная.

Итак, перед нами тринадцать современных стран Западной Африки, в основном небольших (за исключением Ганы, население их не превышает 10 млн. человек, часто значительно меньше; невелика и территория). Кроме Либерии, все они — вчерашние колонии Англии, Франции и Португалии. Впрочем, принципиальной разницы между вчерашними колониями и Либерией с точки зрения стабильности конституционных и иных буржуазно-демократических институтов нет: в Либерии, имевшей конституцию еще полтора века назад, те же военные перевороты и жестокие межплеменные столкновения, что и в других странах Африки, а образцом политической стабильности и уважения к буржуазно-демократическим принципам жизни в наши дни могут считаться вчерашние колонии Сенегал, Гана и Гвинея, где колонизаторы чувствовали себя в свое время наиболее прочно. Напрашивается вывод о явной пользе колониализма для политической стабильности вновь возникающих государственных структур современной Африки.

Еще бросающаяся в глаза закономерность: едва ли не половина из стран этого региона так или иначе отдала дань идеям марксистского социализма, а некоторые из них зашли в свое время достаточно далеко в осуществлении преобразований по соответствующей модели. Хороших результатов это не дало нигде и практически везде страны от упомянутой модели рано или поздно отошли, что заметно способствовало изменению ситуации в лучшую сторону. И еще об одном: и в странах, ориентировавшихся на марксистско-социалистическую модель развития, и в тех, что шли по буржуазно-демократическому пути, ощущается явная тяга к однопартийной системе. Многопартийность фиксируется как эпизод в истории той или иной страны, причем нередко с неудачным исходом. Обратим теперь внимание на то, как все эти закономерности и особенности развития проявили себя в иных регионах Африки к югу от Сахары.

Страны Центральной Африки

К этой группе молодых государств Африки относятся как расположенные к востоку от западно-африканских страны суданского пояса, так и несколько экваториальных.

1. Нигерия — крупнейшая из них и самая населенная из стран Африки (около 115 млн. жителей). Она расположена рядом с Бенином и тяготеет к побережью в районе Гвинейского залива (в прошлом Невольничий Берег). Населенная этническими общностями хауса, йоруба, фульбе и многими другими, Нигерия обрела независимость в 1960 г. Ныне это государство состоит из прибрежных районов юга и

территорий прежних мусульманских эмиратов (Кано, Сокото, Борну и др.) на севере. Объединение обеих частей в рамках единой административной структуры, осуществленное английскими колониальными властями еще в начале XX века, сыграло определенную роль в развитии страны, хотя одновременно породило и массу конфликтных ситуаций. Современная Нигерия с 1963 г. — федеративная республика. Сложные взаимоотношения и межплеменные распри внутри страны не раз кончались военными переворотами. В январе 1966 г. в результате первого из них страну возглавил генерал А. Иронси, а в июле того же года результатом нового переворота был приход к власти генерала Я. Говона. Примерно в то же время в наиболее экономически развитой провинции страны Биафре начался сепаратистский мятеж, подавление которого обошлось Нигерии в миллион жизней. Только в январе 1970 г. мятежники капитулировали.

Очередной военный переворот 1975 г. заменил Говона другим генералом, который, однако, уже в 1976 г. пал жертвой еще одного переворота. В 1979 г. военные передали власть гражданскому правительству во главе с лидером победившей на выборах Национальной партии Нигерии Ш. Шахари, ставшим президентом. Впрочем, гражданское правление скоро увязло в коррупции и вызвало всеобщее недовольство, за которым последовали перевороты 1983 г., а затем и 1985 г. Приходившие к власти один за другим нигерийские генералы то вводили парламентские нормы с многопартийностью, то — чаще — запрещали и то, и другое. Впрочем, это мало влияло на экономическое развитие страны, шедшее сравнительно быстрыми темпами (8,5% в год в 70-х годах; около 1000 долл. дохода на душу населения в 1980 г. — очень высокая для Африки цифра), в основном за счет богатейших ресурсов Нигерии, прежде всего нефти.

Ситуация стала заметно меняться в худшую сторону в 90-х годах. Упали цены на нефть. Капитал стал уходить из страны. Реформы, включая приватизацию, а также крупные строительные проекты подорвали экономическое благополучие страны. При диктаторе С. Абачи (1993—1998) расцвела коррупция, причем больше всех грабил страну сам Абачи. В 1995 г. доход на душу населения снизился более, чем втрое — до 300 долларов. Именно в это время, особенно во второй половине 90-х годов, Нигерия прославилась едва ли не во всем мире жульническими экономическими проектами, рассчитанными на простаков из числа жаждающих легко разбогатеть зарубежных инвесторов, а также расцветом наркомафии, размах деятельности которой был очень заметным во многих странах, включая и Россию.

В 1998 г. Абачи умер. Президентом страны вскоре стал О. Обасанджо, при котором резко сменился политический курс. Стали восстанавливаться демократические порядки, вновь был сделан акцент на реформы, успеху которых способствовало заметное подорожание нефти, началась активная борьба с наркомафией. Нигерия возлагает большие надежды на новые открывшиеся перед ней возможности.

Однако необходимо заметить, что с ослаблением авторитарного режима в стране заметно усилилась межплеменная рознь. Весной 2000 г. вооруженные конфликты на этой почве прокатились по ряду городов. Население в страхе покидало свои дома. И хотя затем страсти несколько поутихли, все еще не очень ясно, как новый президент справится с этой серьезной проблемой.

2. Заир, в прошлом Бельгийское Конго, затем Конго со столицей Леопольдвиль (ныне Киншаса), — еще одно крупное государство центрально-африканского региона, около 45 млн. жителей. Став независимым в 1960 г., Конго под руководством П. Лумумбы было вначале настроено на радикальные преобразования по марксистско-социалистической модели. Но после убийства Лумумбы в 1961 г. страна на ряд лет превратилась в острый клубок конфликтов на политической и прежде всего племенной основе. С 1965 г. во главе страны стал генерал Ж. Мобуту, который в качестве руководителя единственной в стране партии Народное движение революции длительное время сохранял свою власть, несмотря на ряд сепаратистских выступлений против него в наиболее промышленно развитой части страны Катанге (Шабе) в 1977—1978 гг. Важно заметить, что внутренние смуты в Заире были подавлены с помощью европейских держав, заинтересованных в стабильности богатого ресурсами государства. Начало 90-х годов было ознаменовано резким политическим кризисом, усугубившим нестабильность и нищету в стране.

Президент Мобуту с каждым годом усиливал свое давление на страну и стремился стать харизматическим лидером, объектом всенародного восхищения, что вначале до известной степени ему удавалось. Однако при этом экономическое положение богатой ресурсами большой страны с каждым годом ухудшалось. Инфляция в 1993—1996 гг. ежегодно измерялась тысячами процентов. Так называемая «заиризация» способствовала развалу экономики Заира, вызвала уход иностранного капитала и падение производства, вела к расцвету коррупции. Тон задавал сам Мобуту, который нещадно грабил население страны, сколотив за этот счет многомиллиардное состояние. В стране то и дело вспыхивали восстания, особенно продолжительные в 1994—1995 гг. Опираясь на большую армию, Мобуту чувствовал себя более или менее уверенно до 1997 г., когда против него было поднято очередное восстание, на сей раз поддержанное соседней Руандой. Изгнав Мобуту (он вскоре умер от рака), глава мятежников Л. Кабила стал новым президентом страны, переименованной им в Демократическую республику Конго (ДРК).

Кабила, однако, недолго управлял страной в относительно спокойной обстановке. В конце 1998 г. против него поднялись солдаты из числа тутси, которых он попытался было уволить из заирской армии (руандийские тутси помогли ему прийти к власти). Президент был вынужден бежать в Катангу и только после достаточно длительного вооруженного конфликта, в котором приняло участие несколько аф-

риканских стран, поддерживавших обе стороны, он сумел возвратиться. Но проблемы, связанные с событиями в ДРК в 1998—1999 гг., еще нельзя считать окончательно урегулированными. Более того, нанесенный Заиру ущерб превратил эту богатую ресурсами страну в одну из беднейших в Африке. Доход на душу населения в 1998 г. упал до 140 долларов.

3. Камерун расположен к востоку от Нигерии с выходом на побережье Гвинейского залива. Обретя независимость в 1960 г. и воссоединившись затем со своей западной частью, входившей вначале в состав Нигерии и решившей свою судьбу в ходе плебисцита в 1961 г., Камерун с его 14-миллионным населением являет собой одно из редких для Африки государств с внутренней политической стабильностью. Это парламентарная республика, основанная на однопартийной системе. Председатель правящей партии (А. Ахиджо, затем П. Бийя) автоматически избирается президентом. Курс на рыночно-частнособственную экономику позволил Камеруну обеспечить себя продовольствием, что не так уж часто встречается в государствах современной Африки. Промышленность развита сравнительно неплохо. Экономический рост — 5—6 % в год. В стране имеются нефть, цветные металлы, драгоценные камни, лес ценных пород. Выращиваются кофе, какао, хлопок. Жизненный уровень населения по африканским меркам удовлетворителен.

4. Нигер — бывшая французская колония в центрально-африканской зоне суданской саванны, к северу от Нигерии. Население — ок. 7 млн. человек. С 1960 г. — президентская республика с однопартийным режимом. После военного переворота 1974 г. действие конституции было приостановлено, а правящая партия распущена.

Долгие годы правления диктатора С. Кунче (1974—1991) заморозили развитие страны и привели к полному упадку ее хозяйства. Расположенный в аридной зоне, и страдающий от частых засух Нигер не в состоянии обеспечить себя продовольствием. Нищенский уровень жизни и постоянная угроза голода не способствовали активной экономической деятельности населения. Остро были нужны реформы, к которым приступили лишь в начале 90-х годов, да и то при неустойчивой власти слабого президента М. Усмана (1993—1995). Победа оппозиции на парламентских выборах 1995 г. вызвала военный переворот в январе 1996 г. К власти пришел генерал И.М. Баре.

Военные вынуждены были продолжить реформы и обещать выборы на многопартийной основе. В июле 1996 г. президентом стал Баре, а в ноябре того же года в парламент были избраны в основном его сторонники. За демократическим фасадом сохранилось многое из старого. Но все-таки некоторое движение вперед наметилось, включая и экономику. Экспорт урановой руды дает Нигеру 70 % его валютных доходов, однако добыча руды сокращается. В целом же Нигер остается бедной страной. Доход на душу населения — чуть больше 200 долларов (1994).

5. Чад — независимая республика с 1960 г., население — 6 с лишним млн. человек. Все тридцать с небольшим лет существования насыщены межплеменной борьбой с периодическими военными переворотами. В борьбу нередко вмешивались иностранные государства, чаще всего Ливия и Франция. 70—80-е годы прошли в стране под знаком непрекращающихся междоусобиц. Изменения произошли в начале 90-х годов. Президент И. Деби, пришедший к власти в 1996 г. в условиях многопартийной системы и свободных выборов, получил в наследство разрушенную войнами экономику. Неясно, как сложится обстановка дальше, но пока экономических успехов еще не заметно, а уровень жизни населения очень низок. Доход на душу в 1997 г. был равен 190 долларам.

6. Центральнаяафриканская республика (ЦАР) с населением ок. 3,5 млн. человек стала независимой в 1960 г. В 1966 г. после военного переворота в стране был введен жесткий режим единоличной власти. В 1976 г. республика была преобразована в империю во главе с императором Бокассой, ставшим печально известным своей склонностью к каннибализму. После свержения Бокассы в 1980 г. была на короткий срок введена многопартийная система, но военный переворот 1981 г. ввел однопартийную республиканскую систему. Глава правящей партии А. Колинга стал главой и государства, и правительства. С 90-х годов ситуация в стране изменилась. Президент А.Ф. Патиссе, пришедший к власти в 1993 г. в результате свободных выборов в условиях многопартийной системы, пытается провести необходимые реформы, но, как и в соседнем Чаде, ему это дается с большим трудом. Доход на душу населения — 240 долларов.

7. Конго, в прошлом Французское Конго, затем Народная Республика Конго, — небольшое государство (3 млн. человек), обретшее независимость в 1960 г. В 1963 г. республиканское правительство во главе с аббатом Ф. Юлу было свергнуто в результате революционного переворота, лидеры которого стали ориентироваться на марксистско-социалистическую модель. В 1968—1969 гг. пришедший к власти М. Нгуаби продолжил движение по этому же пути. В 1977 г. он был убит в результате заговора, но его преемники один за другим продолжали идти проложенным курсом. Богатые природные ресурсы, прежде всего нефть, даже при обилии нерентабельных предприятий государственного сектора позволили не только сводить концы с концами, но и добиться весьма высокого для Африки жизненного уровня (около 1000 долларов дохода на душу населения). Правящая Конголезская партия труда длительное время стойко держалась на позициях марксизма и лишь в начале 90-х годов в стране приступили к радикальным реформам, включая демократизацию политической структуры и трансформацию экономики по рыночно-частнособственнической модели.

Ныне Конго уже не относится, как то было в недавнем прошлом, к странам так называемой социалистической ориентации. Его президент Д. Сассу-Нгессо, отошедший от идей социализма, ввел в стране

парламентскую многопартийную систему и способствует развитию экономики. Страна экспортирует нефть и лес. Ее ВВП в 1997 г. был равен 1,7 млрд. долларов — очень неплохая цифра для небольшого государства.

8—10. Габон (1,5 млн. человек), **Экваториальная Гвинея** (0,4 млн.) и острова **Сан-Томе и Принсипи** (0,1 млн.) в Гвинейском заливе — три небольших государственных образования, добившихся независимости соответственно в 1960, 1968 и 1975 гг. Габон прежде был французской колонией, Гвинея — испанской, острова — португальскими. Зажиточный Габон демонстрирует политическую стабильность в рамках однопартийной республики с парламентом и президентом, причем это одна из наиболее богатых по африканским стандартам стран. В бывшей испанской Гвинее первоначально функционировал аналогичный режим; в 1979 г. он был замещен правлением военных, а с 1982 г. там вновь была установлена президентская республика с однопартийной системой. Такого же типа республика и на островах, где политическая власть стабильна, но экономика слаба (доход на душу населения — 200 долларов).

* * *

Если попытаться подвести общую черту, то картина окажется достаточно пестрой. Государства очень разные — и по размеру, и по населенности, и по экономическому развитию, и по политической ориентации. Заслуживает внимания Нигерия, которая, несмотря на спорадические военные перевороты и внутренние неурядицы, все-таки развивается достаточно динамично. Удивляет маленькое Конго, которое в условиях длительного марксистско-социалистического эксперимента и неэффективной экономики ухитрилось не только сводить концы с концами, но и иметь высокий доход на душу населения. Общей закономерностью, подтверждающей уже сделанный вывод, является отсутствие или крайняя слабость политических структур, основанных на многопартийном парламентаризме.

Страны Восточной Африки

Группа восточно-африканских государств демонстрирует еще большую степень различий, даже контраста, причем здесь отдельные страны заметно выделяются на фоне остальных, как бы выходят из общего ряда. Это касается и Эфиопии, и Сомали, и Танзании, и некоторых других стран. Вообще страны восточно-африканского региона заслуживают в упомянутом смысле особого внимания.

1. Эфиопия — крупнейшая и древнейшая из них. Ее история уходит в глубь веков и о ней уже не раз шла речь в предыдущих частях работы. В 60-х годах XX века Эфиопия была самостоятельным и весьма уважаемым в Африке государством во главе с почитаемым монархом императором Хайле Селассие I. Правда, эту многонаселенную (свыше 60 млн. человек) и скудную ресурсами страну постоянно донимали стихийные бедствия, особенно засухи, почти регулярно доводившие ее хозяйство до катастрофического состояния. Засухи, голод, неудачи с аграрной реформой привели страну в 1973 г. к острому политическому кризису, следствием которого стало низложение императора. С 1974 г. власть перешла к Временному военному административному совету, лидеры которого в острой междоусобной борьбе уничтожали друг друга, пока к власти не пришел в 1977 г. М. Хайле Мариам, твердо взявший курс на развитие по марксистско-социалистической модели.

Национализация промышленности и земли, жесткий контроль власти над населением привели хозяйство страны за полтора десятилетия к полной деградации. Засухи участились, последствия их становились все более тяжелыми. Миллионы людей умирали от голода и беспорядка в стране, в то время как правящая бюрократия погрязала в беззаконии и коррупции. Решающий удар по правящей партии и ее руководству нанесли события в нашей стране, связанные с перестройкой и общим изменением идейно-политической ориентации, а также приостановившие поток поставок из СССР. Ослабление позиций правительства, усугубленное поражениями в борьбе с сепаратистами и повстанцами на севере, привело в 1991 г. к краху режима. Диктатор бежал, а его преемникам досталось нелегкое наследство. О марксистско-социалистической модели больше не было речи. Эфиопия оказалась перед тяжелой задачей обретения своего нового лица, выхода к нормальной жизни.

90-е годы прошли в стране под знаком демократических реформ и либерализации экономики. Избранный на свободных выборах в 1995 г. президент Н. Гидада пытается провести нужные реформы и обеспечить народ хотя бы самым необходимым. Но в бедной стране, изуродованной долгими марксистско-социалистическими экспериментами в их очень жесткой форме, добиться этого оказалось нелегко. Мешали быстрый рост нищего населения (3 % прироста в год — очень большая цифра даже для негритянской Африки), стагнация в сельском хозяйстве, нехватка воды, да и многое другое. Поощрявшееся новым режимом развитие частного предпринимательства и осуществлявшаяся им приватизация неэффективных государственных предприятий дали в 1995 г. некоторые результаты. Но это было еще очень мало. А вооруженный конфликт с северными провинциями, завершившийся отделением от Эфиопии Эритреи и чреватый спорадическими военными столкновениями с ней, свел почти на нет и без того слабые успехи страны. Эфиопия остается в числе весьма бедных и отсталых государств с бурно

растущим нищим населением. В последнее десятилетие здесь пытаются наладить добычу золота. Но результаты пока мало обнадеживают: за 1993—1994 гг. было добыто всего 2,5 т. Весной 2000 г. на Эфиопию обрушилась очередная засуха, грозящая гибелью сотням тысяч людей. Эксперты ООН подсчитали, что для спасения от голода нужно срочно направить в страну продовольствие на 190 млн. долларов.

2. Эритрея — сравнительно небольшое (3,5 млн. человек) государство, возникшее в результате освободительной войны северных племен, входивших прежде в состав Эфиопии. В 1987 г. Эритрея добилась автономии, с 1989 г. начала войну за независимость. В 1993 г., после референдума, было провозглашено независимое государство Эритрея, а власти ослабевшей в результате марксистского эксперимента Эфиопии вынуждены были на это согласиться. В последующие годы, в конце 90-х годов, не раз вспыхивали вооруженные столкновения между Эфиопией и Эритреей. Очередной вооруженный конфликт произошел в мае 2000 г. Экономически новое государство очень слабо развито. Доход на душу населения ничтожен — около 100 долларов.

3. Сомали, расположенное к востоку от Эфиопии, на побережье, в районе Африканского Рога, — государство сравнительно небольшое (население ок. 10 млн. человек). Независимость жители британского Сомали обрели в 1960 г.; была учреждена демократическая парламентская республика на многопартийной основе, одна из первых в своем роде в Африке. Но многопартийная демократия привела к ослаблению политической структуры, подорванной к тому же трибализмом и клановыми патронажно-клиентными связями. Переворот 1969 г. привел к власти С. Барре с его мечтами о Великом Сомали и с ориентацией на марксистско-социалистическую модель развития. В 1977—1978 гг. в войне с Эфиопией за Огаден Сомали потерпело поражение, причем это сказалось на смене ориентации: сомалийские власти отказались от прежней ставки на СССР, руководство которого предпочло взять сторону Эфиопии, и начали искать поддержки на Западе. В 1984 г. Сомали было вынуждено отказаться и от притязаний на часть Кении, населенную сомалийцами. Рухнула идея Великого Сомали. Наступила эпоха острого внутреннего кризиса, вызванного непосильными для маленькой страны военными тратами, разрухой, инфляцией. Начались выступления повстанцев против режима Барре. В 1989 г. он попытался было смягчить свой режим, взял курс на либерализацию экономики и приватизацию, обещал многопартийную систему и демократию, в октябре ввел даже новую конституцию. Но было уже поздно. В начале 1991 г. режим Барре пал под ударами повстанцев. В 1992 г. в стране началась кровавая междоусобица. Неустойчивость власти в ходе борьбы за политическое господство различных этнополитических групп создала в Сомали ситуацию опасной нестабильности, привела страну к голоду.

В некотором смысле можно сказать, что с уходом из политической реальности режима Барре Сомали как государство перестало существовать. Оно развалилось на несколько враждующих друг с другом частей, каждая из которых, отражая интересы определенной племенной группы, включилась в жестокую междоусобную борьбу. Попытка американских солдат — в рамках миротворческой миссии ООН (1993) — навести в Сомали порядок позорно провалилась. Политические междоусобицы с течением времени — к концу 90-х годов — привели к созданию на территории страны трех новых государств, Пунтленда на севере, Сомалиленда в центре и Джубаленда на юге. Однако внутри каждого из этих новых государственных образований продолжается внутренняя борьба местных племенных вождей. Из Сомали за последние годы бежало около миллиона жителей. Экономика всех новых государственных образований находится в состоянии паралича. В сентябре 2000 г. на сессии Временного парламента Сомали, прошедшей в соседней республике Джибути, был избран новый президент А.С. Хасан, которого сомалийцы встретили в Могадишо с большим энтузиазмом. Устав от длительной междоусобной борьбы, они надеются на возрождение единства страны. Многие государства Африки, Организация африканского единства, Лига арабских государств и ООН в лице своих высокопоставленных представителей заявили о признании итогов демократической процедуры избрания нового сомалийского президента. Вопрос лишь в том, согласятся ли на это руководители всех частей Сомали, на которые она расколота.

4. Кения, расположенная к югу от Эфиопии и юго-западу от Сомали, в прошлом английская колония, обрела достаточно широкую известность в первые послевоенные годы, когда здесь развернулось широкое национальное движение во главе с Д. Кениатой. Это движение было тесно связано с террористическими акциями общества Мау-мау, наводившими ужас на англичан. В 1953 г. движение Мау-мау было разгромлено, а Кениата оказался за решеткой. В 1960 г. страна обрела независимость, а ее президентом стал Кениата. В 1978 г. после его смерти страну возглавил Д. Мои. Однопартийная президентская система дала серьезные сбои при этом президенте: стала заметной коррупция, активизировалась оппозиция, требовавшая многопартийности. Мои пошел на уступки и в конце 1991 г. объявил о введении многопартийной системы. Экономика страны по-прежнему в трудном положении, уровень жизни населения (ок. 32 млн. человек) невысок. На выборах 1993 г. президентом вновь был избран Мои. В 90-х годах Мои провел в стране ряд экономических реформ. Однако результаты пока не слишком обнадеживающие. Во всяком случае, они заметно не сказались на уровне жизни в стране. Некоторый доход (примерно 400 млн. долларов в год) приносит стране туризм. ВВП в 1997 г. был равен 9,4 млрд. долларов, а доход на душу населения — около 270 долларов.

5. Уганда — государство к западу от Кении с населением 19—20 млн. человек. В 1962 г. оно обрело независимость и стало республикой с бывшим королем Буганды Мутесой II в качестве президента и М. Оботе в качестве премьера. В 1966 г. всю полноту власти взял Оботе, а конституция 1967 г. упразднила монархию в стране. В 1971 г. в результате военного переворота к власти пришел кровавый диктатор Иди Амин. Режим Амина был свергнут в 1979 г. при поддержке Танзании, а в 1980 г. одержавший победу на выборах Оботе вновь стал президентом. Военный переворот 1985 г. сместил Оботе; с 1986 г. страной руководит Й. Мусевени. Уганда — одно из немногих государств Африки, где достаточно длительное время, пусть с перерывами, действовала и действует многопартийная система. Хозяйство страны неразвитое, уровень жизни населения низок. Либерализация экономики на рубеже 80—90-х годов начала давать позитивные результаты (6—7% прироста в год). В 90-х годах президент Мусевени продолжал политику реформ, увеличив ежегодный экономический рост, по некоторым данным, до 10 %. ВВП в стране в 1996 г. достиг уровня 5,5 млрд. долларов, доход на душу населения — 240 долларов.

6. Танзания, расположенная к югу от Кении и озера Виктория, была создана в 1964 г. в результате объединения независимой с 1961 г. Танганьики с островом Занзибар, получившим независимость в 1963 г. Это едва ли не единственный случай, когда такого рода объединение оказалось жизнеспособным. Население ок. 25 млн. человек. Танзания — президентская республика с весьма стабильной политической системой. Долгие годы президентом страны был Д. Ньерере, при котором предпринимались эксперименты, связанные с ориентацией на марксистско-социалистическую модель (национализация, кооперирование в стиле «уджамаа» и т. п.). Сменивший Ньерере в конце 80-х годов президент А.Х. Мвиньи был склонен поддерживать принятую в 1986 г. программу экономического возрождения, связанную с либерализацией экономики и отходом от социалистических экспериментов.

Пришедший к власти в 1995 г. президент Б.У. Мкапа продолжал политику своего предшественника. За десять с небольшим лет Мвиньи и Мкапа сумели демонтировать созданную Ньерере нежизнеспособную социалистическую систему. В стране обрели право на существование многопартийный плюрализм и свобода прессы, был обеспечен некоторый экономический рост (3—4 %) и приток инвестиций (60 млн. долларов), что, в частности, способствовало развитию туризма (доход от него в 1993 г. — 120 млн. долларов). В современной Танзании поощряется частное предпринимательство, строятся отели и дороги, развиваются горно-рудные промыслы. Есть залежи алмазов и иных драгоценных камней, но основная часть их пока, к сожалению, попадает в руки контрабандистов. Система администрации не свободна от коррупции. Сейчас южно-африканская компания де Бирс пытается навести в этом деле порядок, однако существенных результатов пока еще нет. Экономика страны, несмотря на реформы в либерально-ры-

ночном духе, остается слабой. ВВП в 1997 г. был равен 6,2 млрд. долларов, а доход на душу примерно 200 долларам. Бюджет страны на 70 % обеспечивается за счет внешней помощи. Состояние экономики заметно ухудшилось во второй половине 90-х годов из-за наплыва руандийских беженцев (их около миллиона).

7—8. Руанда (ок. 7 млн. человек) и **Бурунди** (ок. 6,5 млн. человек) в 1908—1912 гг. были включены в состав германской Восточной Африки, с 1923 г. стали подмандатной территорией Бельгии, а в 1962 г. — соответственно независимыми республикой и монархией. Республиканская структура Руанды оказалась устойчивой. Бурунди, испытав ряд военных переворотов, тоже стала республикой. В обоих государствах — однопартийная система, экономика слабо развита, жизненный уровень низок.

90-е годы были ознаменованы в этих странах одной из наиболее кровавых в Африке междоусобиц. В Бурунди этнические конфликты начали проявлять себя еще в 70-х годах, когда была сделана попытка уничтожить всех «грамотных хуту» (хуту — основная группа коренного населения страны). Но 90-е годы оказались роковыми и для Руанды, и для Бурунди. Междоусобные войны между двумя племенными группами, хуту и тутси (потомки некогда завоевавших хуту кочевников; составляя меньшинство населения, они отличаются высоким ростом и заметным уровнем развития; тутси издревле играли руководящую роль в администрации и особенно в армии). Сначала столкновения между ними были спорадическими и гасились с помощью соседней Уганды. Однако после того, как в 1994 г. был сбит лайнер, на котором летели президенты Руанды и Бурунди, в этом преступлении обе стороны стали активно обвинять друг друга. Страсти накалились и началась страшная резня, в ходе которой в Руанде 0,5—1 млн. человек были убиты, подчас зверски, а еще вдвое большее количество в страхе бежало. Около 700 тыс. человек бежало и из Бурунди.

Победителями оказались более крепкие воины тутси. Новым президентом Руанды стал пастор Бизимунгу, а Бурунди — П. Буойя, оба из тутси. В военном отношении и с точки зрения своей политической роли Руанда после прекращения междоусобиц пострадала не слишком сильно. Более того, она продолжала в конце 90-х годов активно вмешиваться в события в тех соседних странах, где было заметное количество тутси, в частности, в Заире. Однако для населения (особенно для его большинства, хуту) и экономики страны столкновения обернулись подлинной трагедией, последствия которой будут сказываться еще долго. В Бурунди экономическое положение хуже (доход на душу населения в середине 90-х годов был равен примерно 160 долларам), неустойчива и политическая ситуация.

9—13. Джибути (0,6 млн. населения), а также ряд островных государств — **Реюньон** (0,6 млн.), **Сейшелы** (0,07 млн.), **Коморские острова** (0,5 млн.), **Маврикий** (1,1 млн.) — являют собой небольшие независимые страны Восточной Африки, обретшие свою независи-

мость сравнительно поздно, в 1968—1977 гг. (Реюньон остается в статусе заморского департамента Франции). Маврикий — многопартийная парламентарная республика, формально признающая главой государства английскую королеву. Джибути — однопартийная президентская республика. На Сейшельских островах переворот 1979 г. привел к власти партию, ориентировавшуюся на марксистско-социалистическую модель. На Коморских островах аналогичный переворот 1975 г. имел иную судьбу: очередной переворот 1978 г. вернул к власти правительство А. Абдаллаха, которое затем устойчиво управляло страной долгие годы. Общим для всех этих небольших государств являются их сравнительная молодость как независимых структур (это не относится к Реюньону), достаточно заметная степень политической стабильности и, кроме Джибути, отдаленность от материка, что в немалой мере сказывается на их судьбах. Существенно заметить, что на Коморах преобладают арабы, на Маврикий — индо-пакистанцы, на Сейшелах и в Реюньоне — креолы-христиане.

14. Мадагаскар, крупный остров к востоку от Африки, обрел свою независимость в 1960 г. Население — свыше 15 млн. человек. Вначале руководителем государства и правительства был лидер социал-демократов Ф. Циранана. Переворот 1972 г. привел к власти военных, в 1975 г. Верховный революционный совет во главе с Д. Рациракой взял курс на развитие по марксистско-социалистической модели. Созданный советом Национальный фронт защиты революции объединил 7 политических партий, запретив деятельность остальных. Была национализирована экономика, государственный сектор абсолютно преобладал. В начале 90-х годов власть Рацираки и его политический курс потерпели крах. В стране развернулось мощное оппозиционное движение.

Результатом его стали отставка президента и референдум 1992 г., приведший к принятию новой конституции. В 1993 г. страну возглавил президент А. Зафи. Но в 1996 г. его сменил вновь возвратившийся к власти Рацирака. В итоге всех политических пертурбаций страна мало чего достигла. Экономика по-прежнему неразвита, уровень жизни низок. ВВП в 1995 г. равнялся 3,18 млрд. долларов, а доход на душу населения — 230 долларов.

* * *

Итак, среди 14 больших и мелких стран региона в четырех больших (Эфиопия, Сомали, Танзания и Мадагаскар) и по меньшей мере в двух остальных (Сейшелах, Коморы) были предприняты попытки развиваться по марксистско-социалистической модели, причем в трех случаях (Эфиопия, Танзания и Мадагаскар) это были длительные эксперименты, исчисляемые десятилетиями. Столь же длительным эксперимент мог бы оказаться и в Сомали, если бы политическая конъюнктура не

побудила С. Барре сменить взятую ранее ориентацию. И только в Уганде, да и то с перерывами, функционировала многопартийная система. Все крупные страны региона развиты слабо, имеют низкий уровень жизни. Только некоторые из островов (Маврикий, Реюньон и крохотные Сейшелы) выделяются на общем безрадостном фоне в лучшую сторону. С оговорками это же можно сказать о Джибути. Чуть выше, чем в других крупных странах региона, уровень жизни в политически сравнительно благополучной Кении.

Страны Южной Африки

Страны юга Африки, не говоря уже о ЮАР, несколько более развиты по сравнению со среднеафриканским уровнем. Но у многих из них свои проблемы.

1. Ангола, вчерашняя португальская колония (население — ок. 11 млн. человек), обрела независимость в 1975 г., после крушения салазаровского режима в Португалии. Так как в предшествующие годы в стране уже существовали национально-освободительные движения различных ориентаций, то неудивительно, что после 1975 г. между ними началась борьба за власть. Ориентировавшаяся на марксистско-социалистическую модель развития группировка во главе с А. Нето с помощью СССР сумела одолеть противников и стать у власти, образовав правительство Народной Республики Ангола. Основная часть соперничавших группировок отступила на юг. Началась длительная война между правительством, на помощь которому были мобилизованы регулярные войска с Кубы, преимущественно из числа кубинских негров, и войсками оппозиционеров, возглавленных Ж. Савимби и опиравшихся на поддержку США и ЮАР. В некотором смысле Ангола в 70—80-х годах была своего рода полигоном, острой точкой соперничества великих держав, двух мировых сил. Вторая половина 80-х годов, прошедшая в СССР под знаком перестройки, медленно, но неуклонно изменяла ситуацию в Анголе в пользу антиправительственных сил, пока не было наконец в 1989—1991 гг. достигнуто соглашение о мирном урегулировании проблем Анголы. Кубинские войска были выведены из страны, великие державы отказались от активной поддержки воюющих сторон, встал вопрос о всеобщих выборах с участием всех политических сил Анголы. Выборы 1992 г. должны были поставить точку на военном этапе истории независимой Анголы. Однако результаты выборов не удовлетворили оппозиционеров, в стране сохраняется напряженность.

На президентских и парламентских выборах 1992 г. победу одержали представители правящего движения. Президентом стал М. душ Сантуш, а оппозиционерам из УНИТА во главе с Ж. Савимби были предложены посты в правительстве. Но Савимби не признал результаты выборов. Не согласился он и на предложенный ему в 1995 г. пост одного

из двух вице-президентов, резонно считая, что вице-президент должен быть один. Попытка в марте 1996 г. достичь соглашения об объединении Анголы и создании единой армии не привела к позитивным результатам. В итоге каждая сторона продолжает стоять на своем, хотя внешние союзники у той и другой временами меняются. Вплоть до сегодняшнего дня богатая полезными ископаемыми (алмазы) часть Анголы, находящаяся под управлением Савимби, не испытывает нужды в оружии и готова противостоять официальным властям. Экономика Анголы, несмотря на немалые природные ресурсы (нефть, драгоценные камни, древесина ценных пород, кофе), находится в результате непрерывных войн в неважном состоянии. Однако ВВП в 1995 г. был равен 3,5 млрд. долларов, что для страны со сравнительно небольшим населением не так уж мало, во всяком случае по африканским меркам. Правда, на Анголе висит огромный долг — 12,5 млрд. долларов (на 1998 г.), который, впрочем, судя по всему, не очень тяготит ее руководство.

2. Мозамбик — еще одна португальская колония (17—18 млн. человек), обретшая независимость в 1975 г. и имеющая сходную с Анголой судьбу. Здесь тоже власть оказалась в руках марксистски ориентированных лидеров национально-освободительного движения. Страна с населением ок. 15 млн. человек на протяжении полутора десятков лет энергично шла по привычному для марксистско-социалистической модели развития пути национализации и насильственной кооперации в деревне. Прогрессирующее ухудшение экономического положения вызвало к жизни мощное движение сопротивления, опирающееся на национально-трибалистскую основу. Рубеж 80—90-х годов был ознаменован отказом руководства Мозамбика от многих из его первоначальных позиций. Руководитель правящей партии и президент страны Ж. Чиссано, сменивший в 1986 г. С. Машела, провел реформы, связанные с приватизацией экономики и отказом от насильственной кооперации. Положение в стране стало понемногу улучшаться.

Президент Чиссано приложил немало усилий для того, чтобы перевести экономику страны на рыночные рельсы. Он добился ежегодного экономического роста в 5 %, провел в 1998 г. выборы в местные органы власти. Но к решительному повороту в сторону демократического либерализма страна еще не подошла. Руководящей силой считается движение ФРЕЛИМО, осуществляющее функции правящей партии.

3. Замбия, в прошлом Северная Родезия, расположена между Анголой и Мозамбиком (ок. 7,5 млн. человек). В 50-х годах включенная в состав Федерации Родезии и Ньясаленда, она в 1964 г. была провозглашена независимой республикой, во главе которой стал один из местных лидеров партии Африканский национальный конгресс (АНК) К. Каунда. Конституция 1973 г. установила в стране однопартийную президентскую систему с правящей Объединенной партией национальной независимости, преемницей замбийской части АНК. При Национальном собрании страны была создана в качестве совещательного органа палата вождей, что способствовало политической стабилизации

режима. Экономика была частично национализирована, но сохранила активные позиции частного капитала. Богатые природные ресурсы (в первую очередь медь) способствовали энергичному развитию смешанной экономики Замбии (6—8% годового прироста в среднем). В начале 90-х годов Каунда отказался от монополии на власть, объявив о переходе к многопартийной системе.

Выборы 1991 г. принесли победу Ф. Чалубе. В отличие от Каунды с его идеями панафриканского социализма, Чалуба успешно управлял страной, способствовал развитию рыночных отношений и наполнению рынка товарами. ВВП в 1996 г. был равен 2,4 млрд. долларов, а доход на душу — 400 долларам. При новом президенте стали уделять большое внимание школьному образованию и фермерскому хозяйству. Немалый доход стране приносит и торговля изумрудами. Как и ряд других стран Африки, Замбию в 90-х годах захлестнула волна наркоторговли, борьба с которой ведется очень нелегко.

Президент Чалуба долгое время чувствовал себя уверенно. Он добился популярности, но в 1996 г. на очередных выборах прибегнул к политической хитрости, исключив из числа кандидатов своего главного соперника Каунду. Этот политический финт (предлогом явился тот факт, что родители Каунды родом из Малави) уронил его престиж и стоил ему ссоры с правителями ряда соседних стран (Мугабой, Манделой, Нуйомой), а также западной помощи. Хотя второй президентский срок дал возможность Чалубе и его партии, получившей подавляющее большинство в парламенте из-за бойкота выборов обиженным Каундой, продолжать реформы, ситуация в стране изменилась в худшую сторону. Реформы теперь идут не слишком успешно, особенно после прекращения помощи. Хотя в Замбии много меди, доход от нее незначителен. Столица туризма г. Ливингстон находится в состоянии полного упадка, так что туристы предпочитают, перейдя мост через Замбези, оказаться в Зимбабве, где их встречают хорошие отели, парки и заповедники, словом, налаженная индустрия приносящего неплохие доходы туризма. Зато Чалуба увлекся христианством и активно строит в своей слаборазвитой стране церкви. Телевещание наполнено проповедями.

4. Малави, в прошлом Ньясаленд, — небольшая (ок. 12 млн. населения) республика к востоку от Замбии, расположенная вдоль западного побережья оз. Ньяса. Как и Замбия, она вначале была включена в Федерацию Родезии и Ньясаленда, а в 1964 г. стала независимой. По конституции 1971 г. в стране установлен президентский однопартийный режим с правящей Партией конгресса Малави, в прошлом малавийской частью АНК. Пожизненным президентом этой партии был объявлен К. Банда. Как и Замбия, Малави демонстрирует политическую стабильность. Экономика страны развита слабо, но уходящая на заработки в ЮАР часть населения обеспечивает некоторый приток доходов в страну.

В 1994 г. Банда ушел в отставку по возрасту (ему было 88 лет, умер он в 1998 г.), а его партия на многопартийных выборах того же года

потерпела поражение. Новый президент Б. Мулузи начал с того, что потребовал от своего престарелого предшественника вернуть миллионы долларов, которые тот за долгие годы пребывания у власти сумел присвоить (сдавал в аренду дворцы и т. п.). Кроме того, он переименовал все объекты, названные именем Банды. Однако в сфере экономики Мулузи не сумел добиться чего-либо значимого. Малави по-прежнему входит в число наиболее отсталых стран Африки. ВВП в 1996 г. был равен всего 1,7 млрд. долларов, а доход на душу — 180 долларам. Кроме того, у Малави большие долги.

5. Зимбабве, в прошлом Южная Родезия, расположена к юго-востоку от Замбии, с населением ок. 13 млн. человек, включая заметную часть (ок. 100 тыс.) европейцев, прежде всего фермеров. Это одно из древних государств Африки (Мономотапа), колонизованное в конце XIX века англичанами во главе с Сесилом Родсом. После распада Федерации Родезии и Ньясаленда Южная Родезия в 1965 г. провозгласила независимость, причем во главе страны стал лидер партии белых поселенцев Родезийский фронт Я. Смит, опиравшийся на поддержку ЮАР. Против правительства Смита энергично выступили африканские национально-освободительные организации ЗАПУ (Союз африканского народа Зимбабве) во главе с Д. Нкомо и ЗАНУ (Африканский национальный союз Зимбабве) во главе с Р. Мугабе. Обе группировки были достаточно радикальны, с марксистско-социалистическим уклоном, но первая из них при этом пользовалась активной поддержкой СССР. В 1978 г. обе они вошли в Патриотический фронт, а в 1979 г. на переговорах в Лондоне между фронтом и правительством, в то время уже возглавлявшимся африканским епископом А. Музорекой, было достигнуто соглашение о будущем страны. На выборах в 1980 г. победил союз ЗАНУ и премьером страны стал Р. Мугабе; этот же выбор населения был подтвержден и в последующие годы. По итогам Лондонского соглашения 1980 г. и выработанной на нем конституции Зимбабве — многопартийная парламентарная республика, причем 20% мест в парламенте зарезервировано за европейцами. В верхней палате парламента была выделена квота для вождей. Политика разумных компромиссов Р. Мугабе за десятилетие с лишним принесла свои плоды. Не отказываясь от марксистско-социалистической ориентации в принципе, Мугабе в то же время поощрял частнособственническую экономику в сельском хозяйстве, включая европейских фермеров, да и следующих за ними африканцев. Аналогичная картина в промышленности. Уровень жизни населения по африканским меркам выше среднего: ВВП в 1994 г. — 4,8 млрд. долларов. Правда, темпы экономического роста сравнительно невелики — около 2%. Зато быстро идет прирост населения.

В конце 90-х годов в Зимбабве из-за этого резко обострились межрасовые отношения. Сообщается о захвате земли европейских фермеров под предлогом — видимо, имеющим под собой основание, — нехватки пахотной земли в стране. Захвачено к весне 2000 г. уже около

500 ферм. Мугабе, спровоцировавший своей изменившейся по отношению к белым фермерам политикой эту экспроприацию, позже под давлением ряда обстоятельств (в частности, внешних сил) стал призывать новых скваттеров к умеренности. Неизвестно, как будут развиваться события дальше. Одно можно сказать с уверенностью: изгнание европейских фермеров пойдет во вред уже и без того испытывающей серьезные трудности экономике Зимбабве.

6. Ботсвана, в прошлом Бечуаналенд, с населением 1,6 млн. человек — небольшое, с 1960 г. независимое государство в пустыне Калахари, к югу и юго-западу от Замбии и Зимбабве. Многопартийная система с парламентом и президентом, со сравнительно высоким для Африки уровнем жизни населения, немалая часть которого выезжает на заработки в ЮАР. Доход на душу населения в Ботсване — около 1000 долларов в год (по другим данным — намного выше, до 2—3 тысяч). Большая часть его обеспечивается за счет добычи и обработки алмазов (в стране три гранильные фабрики — немалое богатство). Значительную роль в экономическом благополучии страны сыграла разумная политика ее президентов С. Кхама, К. Маспре, а с 1998 г. — Ф. Могае. В Ботсване успешно развиваются рыночные отношения, оказывается поддержка мелким предпринимателям, поощряется приватизация предприятий, обеспечивается бесплатное 12-летнее школьное образование для всех детей. Развивается животноводство. Темпы ежегодного экономического роста — ок. 8 %. И все это в основном на территории прежде почти безжизненной пустыни Калахари.

7. Намибия (ок. 1,8 млн. человек, включая примерно 100 тыс. европейцев) до 1989 г. оставалась подмандатной территорией ЮАР и обрела независимость лишь несколько лет назад, в немалой степени в связи с достижением договоренности великих держав по проблемам Анголы, где базировались намибийцы, выступавшие за независимость страны под руководством СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) во главе с С. Нуйомой. Долгие десятилетия СВАПО вела борьбу за освобождение Намибии под знаменем марксистского социализма, но приход этой организации к власти в результате свободных выборов, проводившихся под контролем ООН, который совпал с мировым кризисом марксистского социализма на рубеже 80—90-х годов XX века, многое изменил в лозунгах, политике, да и стратегических установках СВАПО. Ныне руководство Намибии во главе с президентом Нуйомой действует в рамках многопартийной парламентской республики и осуществляет демократические реформы. Тем не менее, значительная часть белых поселенцев, буров (40 тыс. из 100 тыс.), за последний десяток с лишком лет мигрировали с соседнюю ЮАР.

Намибия богата минеральными ресурсами, в том числе алмазами, имеет неповторимую флору и фауну, роскошные пляжи. Это способствует расцвету туризма, чему объективно содействует стабильная внутривнутриполитическая ситуация. Страна быстро развивается. Строятся великолепные шоссе через пустыню Калахари. Высок и ВВП. В

середине 90-х годов он был свыше 130 млн. долларов, а доход на душу населения в 1997 г. достиг 1900 долларов.

8—9. Лесото (2,2 млн. человек) и **Свазиленд** (0,9 млн.) — территориальные анклавы в ЮАР, формально независимые королевства соответственно с 1966 и 1968 гг. Лесото до военного переворота 1986 г. было многопартийным государством; многопартийная структура долгие годы была нормой и в Свазиленде. Оба королевства — их иногда именуют бантустанами, — будучи анклавами на территории ЮАР, сильно зависят от нее. Значительная часть населения уходит на заработки в ЮАР.

10. Южно-Африканская республика (ЮАР) — единственное на континенте современное развитое капиталистическое государство с многогорасовым составом населения (из 42 млн. населения в 1996 г. около 5 млн. белых, еще 4 млн. — так называемые цветные, т. е. мулаты, и выходцы из Азии). О возникновении его шла речь в предыдущей части работы. Надо заметить, что страх белого меньшинства потерять власть явился причиной жестких расовых ограничений, апартеида, долгие десятилетия бывшего зловещим символом ЮАР. Апартеид вызвал мощное национальное, даже расовое движение черного населения, основной поток которого был возглавлен АНК. Вооруженные отряды АНК одно время были серьезной силой, угрожавшей стабильности ЮАР и опиравшейся на активную поддержку окружающих ЮАР стран так называемой прифронтовой зоны. Ситуация стала заметно меняться после прихода в 1989 г. к власти правительства Ф. де Клерка, который выступил за достижения компромисса и создание государства без апартеида. Многие апартеидные запреты и ограничения были официально сняты уже в 1990 г., но психология апартеида еще долго сохранялась. Часть белого населения была недовольна реформами. Не удовлетворены ими были и радикалы из АНК, хотя Н. Мандела, выпущенный из тюрьмы, где он провел долгие годы, и ставший во главе этой организации, проявил готовность к сотрудничеству с правительством де Клерка.

Обстановка в ЮАР сильно осложнялась трибализмом, проявлявшимся, в частности, в противостоянии многочисленной зулусской организации Инката и АНК. Это противостояние нередко выливалось в кровавые межплеменные столкновения. Переговоры между АНК и Инкатой в 1991 г. сняли остроту разногласий, но не ликвидировали их. В целом важно констатировать, что начало 90-х годов прошло в ЮАР под знаком поиска и достижения компромисса. В 1993 г. после серии серьезных переговоров и соглашений всех заинтересованных сторон было создано Учредительное собрание, принявшее новую конституцию страны, текст которой был опубликован 1 января 1994 г. На выборах в апреле того же года победу одержала АНК. Президентом ЮАР стал Мандела, а вице-президентом — де Клерк (в 1996 г. он добровольно ушел с этого поста). В парламенте страны большинство досталось сторонникам умеренного крыла АНК, готовым сотрудничать с Манделой.

Для ЮАР наступила принципиально новая жизнь. Апартеид окончательно остался в прошлом, но позиции белого и цветного населения не пострадали, как сохранили и даже упрочили свой особый статус зулусы во главе с королем, на расходы которого выделяется определенная сумма строкой в бюджете (впрочем, король, как правило, в эту сумму не укладывается и требует дополнительных субсидий на содержание своих жен, детей и дворцов).

Что касается экономики ЮАР, то уровень жизни здесь высок именно из-за ее развитости (золото, алмазы, машиностроение, металлургия, химия, судостроение и т. п.). Впрочем, процветание высоко-развитой экономики не свободно от проблем. Первая и главная из них — коррупция в аппарате власти, включая органы правопорядка. Считается, что взятки и мошенничество поразили едва ли не всю армию чиновников, насчитывающую до 100 тыс. человек. Мандела пытается бороться с этим, но успехи в таком деле даются нелегко. Хорошо еще, что размах коррупции не слишком заметно отражается на общем финансово-экономическом положении страны.

С этим в ЮАР дело обстоит хорошо. ВВП на душу населения в 1997 г. был равен 3,2 тыс. долларов.

Более высокий уровень жизни, чем где-либо еще в Африке, позволяет получать образование, участвовать в работе многочисленных партий и общественных организаций, вырабатывать — что видно, в частности, на примере АНК — уже не племенное, а национальное самосознание (за АНК, по некоторым подсчетам, стоит 56% черного населения, представителей разных племен).

* * *

Итак, юг Африки — группа стран весьма своеобразного облика. Здесь и развитый промышленный многорасовый гигант ЮАР с крошечными бантустанами в нем, и явственно тяготеющие к нему и связанные с экономикой ЮАР небольшие государства Ботсвана, Намибия, частично и Малави. Здесь и уникальный эксперимент Р. Мугабе в Зимбабве, сочетающий умеренные марксистско-социалистические установки с трезвым и основанным на рыночных реалиях расчетом, что позволяет добиваться заметных успехов в развитии. Наконец, сюда же входят истощившие себя в междоусобных войнах под знаменем чистоты радикального марксистского социализма Ангола и Мозамбик.

В целом, учитывая оговорки относительно Зимбабве, юг Африки подтверждает выводы, сделанные при изложении ситуации в иных регионах Африки южнее Сахары: попытки развиться по радикальной марксистско-социалистической модели приводят к краху экономики и острому внутреннему кризису; многопартийные режимы редки, как не часто встречается и политическая стабильность. Спецификой реги-

она является вынужденная связь большинства его стран с ЮАР, что, в частности, способствует повышению жизненного уровня в этих странах.

В заключение несколько общих замечаний. Даже беглый взгляд на особенности истории сорока с лишним ныне независимых государств Африки за четыре десятка (а кое-где и меньше) лет существования их государственности позволяет сделать ряд наблюдений.

Первое из них: весьма многие из стран Африки к югу от Сахары при выборе пути склонились вначале в сторону марксистско-социалистической модели, но, за редкими исключениями, каждое из которых имеет свое объяснение (Конго, Зимбабве), этот выбор привел их к кризису, даже к краху. В одних случаях это случилось достаточно скоро, в других заняло десятилетия, однако конец режимов подобного рода всюду был одинаков.

Второе: почти все политические режимы новых самостоятельных государств оказались внутренне слабыми. Это проявлялось в их политической нестабильности, в обилии военных переворотов. На этом фоне политически стабильные структуры, чаще всего в весьма небольших странах, выглядят пусть и благоприятным, но все же исключением из общей нормы.

Третье: политическая нестабильность чаще всего была связана с внутренними противоречиями, с трибалистскими конфликтами. Попытки преодолеть их вели обычно к ликвидации многопартийности, а выход противоречий на передний план совпадал с требованиями многопартийности. В результате демократия по-европейски (многопартийность) в Африке оказывалась элементом политической нестабильности, ибо возрождала трибалистские и сепаратистские тенденции.

Глава 2

Африка южнее Сахары: специфика этносоциополитической структуры

Даже в силу необходимости беглое, поверхностное знакомство с каждой из сорока с лишним стран неарабской Африки, точнее, с молодыми независимыми государствами, возникшими здесь после деколонизации, сразу же сталкивает с множеством проблем социального, политического, экономического, этнического и иного характера. Африка южнее Сахары в этом смысле — туго затянутый клубок проблем, анализ каждой из которых существен для оценки ситуации в целом.

Отсталость социальной структуры

Проблемы социальные среди них стоит вынести на передний план не потому, что они наиболее значимы, но из-за того, что социально-цивилизационная отсталость, как о том уже говорилось в третьей части работы, лежит в фундаменте современной Африки, являясь первопричиной всех остальных ее проблем, прежде всего сложностей ее независимого существования и развития. Африка южнее Сахары — в отличие от большинства стран Азии и даже от северной арабской части той же Африки — еще в недавнем прошлом была океаном первобытности и полупервобытности, морем этнических общностей, многие из которых еще не достигли в своем развитии уровня структурированного племени, т. е. устойчивых протогосударственных племенных образований во главе с вождями. Однако даже этот уровень означал для африканцев доколониальной эпохи не более чем стандарт полупервобытности. Лишь в немногих ее регионах, в основном благодаря транзитной торговле и влиянию извне, складывались прото- и раннегосударственные образования чуть более высокого уровня. Но и они, как правило, были хрупки и существовали, за редкими исключениями, не слишком долго. К числу исключений можно отнести, например, Эфиопию, хотя и здесь требуются оговорки.

О причинах социально-политической отсталости тоже уже специально шла речь. Здесь же следует более детально рассмотреть формы социальной структуры, ибо именно эти формы определяют многое из того, что характерно для современной Африки. Основой социальной организации здесь были, как и повсюду, семья и община. Но и то, и другое были всегда опутаны огромным количеством иных социальных связей, начиная с родовых (патри- и матрилинейных) и кончая земляческими, половыми (мужские союзы), возрастными (возрастные классы) и т. п. Среди них едва ли не ведущую социальную роль издревле играли клановые связи, объединявшие друг с другом группы родственных по определенной, чаще всего по мужской линии семей, а также связи патронажно-клиентного типа.

Все эти связи в условиях привычной патриархально-первобытной жизни служили важному делу устойчивости общества. Они были элементом общей культуры отношений, регулировали эти отношения и обеспечивали стабильное их существование и воспроизводство. Каждый рождавшийся человек с малолетства хорошо знал свое место в этой не столь уж сложной социальной сети, возникавшей в результате переплетения связей различного типа. А так как упомянутая сеть была практически единственной, знакомой ему, ибо административно-политической системы в подавляющем большинстве африканских обществ просто не существовало (ее функции как раз и исполняла, причем достаточно успешно, сеть социальных связей), то неудивительно, что

соответствующим образом формировался культурный стереотип и менталитет.

Дело в том, что все связи и вся их сеть в целом были не только знаками, обозначавшими место каждого в системе взаимоотношений: кому за кого выходить замуж или на ком жениться, от кого ждать помощи в случае беды, с кем в первую очередь объединяться в момент опасности и т. п. Значимость социальной сети была обширнее и весомее: она как бы навечно закрепляла *каждого среди своих*. Практически это означало, что от *своих* уйти нельзя, что каждый всегда и при любых обстоятельствах зависит от своих и связан с ними множеством жестко фиксированных стандартов нитей. Хорошо это или плохо — вопрос бессмысленный. Такого рода связь рождена условиями первобытной структуры и является фактом бытия, нерушимой и непрекращаемой традицией, причем свойственной отнюдь не только африканцам. Об этих связях уже шла речь в первой части работы, где давался анализ древним обществам. Но там на этом не делалось акцента потому, что связи описываемого типа, постепенно трансформируясь под воздействием динамики политического и экономического развития, понемногу и достаточно гармонично на протяжении веков дополнялись, а затем и во многом замещались связями иного типа, свойственными развитому государству, и тем самым теряли свое первоначальное значение, обретая иную форму — форму социальных корпораций (община, клан, секта, цех, землячество, каста и др.), о месте которых в традиционном восточном обществе специально говорилось. Не то в Тропической Африке.

Здесь сильных государств не было, а потому и не возникали сотрудничавшие с властью социальные корпорации. Точнее, эти корпорации или потенциальные их зародыши как раз и переплелись в ту социальную сеть, о которой идет речь и которая выполняла функции и корпораций, и административно-политической власти одновременно. Но принципиальным отличием типичной для африканцев социальной сети как раз и является то, что определяет ее отсталость: она безразлична к надобщинным политическим административным отношениям и фиксирует незыблемость принципа «каждый прежде всего среди своих и для своих».

Казалось бы, что тут особенного?! Тем более, что нечто в этом роде можно встретить у многих народов мира — достаточно вспомнить, к примеру, о горцах Кавказа и о многих странах Азии. Но особенное все-таки есть, включая и степень силы упомянутой социальной сети, дающей много очков вперед даже спаянным традицией кровной мести социальным обязательствам тех же кавказских горцев. Это особенное в той роли, какую играют в Тропической Африке патронажно-клиентные отношения, в принципе хорошо знакомые и многим другим народам.

Вообще-то отношения патрон-клиент базируются на классических реципрокных связях. Но, будучи включены в сложную социальную сеть взаимных обязательств, они обретают новые и более жесткие очертания постоянных взаимоотношений между старшими и различными категориями младших. Старший по возрасту, по социальному положению, по счету в системе родства автоматически оказывается и более значимым, и обладающим авторитетом среди окружающих, и в конечном счете носителем власти. В процессе трибализации примитивных этнических общностей именно эти старшие становятся вождями и королями, главами племен. Но далеко не всегда за этим следует становление государственных административно-политических связей. Очень часто альтернативой их в африканских раннеполитических структурах оказываются именно традиционные патронажно-клиентные отношения, включенные в привычную социальную сеть.

Суть отношений, о которых идет речь, сводится к тому, что каждый в рамках этой социальной структуры имеет свою строго определенную нишу, обусловленную многими жестко фиксированными параметрами. Соответственно своей нише каждый имеет право на строго определенную долю совокупного общественного пирога. Вся эта практика складывалась веками, освящена традицией и потому весьма прочна, закреплена в умах африканцев социопсихологическими стереотипами. Жить нужно и можно только и именно так — и не иначе. В этом суть стереотипов. И они, естественно, не могут не оказывать своего влияния на жизненные реалии. Особенно отчетливым это становится и проявляется себя, когда речь заходит о столкновениях интересов «своих» и «чужих». А такого рода столкновения в современной Африке южнее Сахары на каждом шагу, если вспомнить о том количестве племен и племенных групп, которые обитают на ее обширных территориях и из причудливого конгломерата которых по прихоти судьбы составлены все современные африканские государства. Это вплотную сталкивает нас с проблемами этническими.

Этнические проблемы и трибализм

Этнические проблемы в Тропической Африке необычайно обострились именно после обретения новыми странами их государственно-сти. За редкими исключениями типа воссоединения части Восточной Нигерии с Камеруном в результате плебисцита, этнические проблемы и нагнетание в связи с ними напряженности, а также все проявления этих проблем, имеющие в современной политологической лексике сводное наименование «трибализм», — это стремление «наших» противопоставить себя «чужим» и добиться в чем-то лучших позиций и вообще жизненных условий, чем имеют другие. Иными словами,

этнические проблемы сродни сепаратистским устремлениям, что при благоприятных условиях может вылиться в политический сепаратизм, как то случилось с Биафрой в Нигерии в конце 60-х годов, с Катангой (Шабой) в Заире в 60-х и снова в 70-х с Эфиопией и особенно Сомали в 90-х годах. Иногда этнические противопоставления усугубляются религиозным антагонизмом, однако в Африке южнее Сахары религиозные конфликты явно отступают на задний план перед этническими, может быть, из-за недостаточной эффективности и христианства, и ислама в этих странах (господствующая же здесь местная религиозная система, обычно неточно именуемая анимизмом, этнически нейтральна и потому не накладывает своего отпечатка на национальные конфликты).

Всего в Африке, по данным специалистов, насчитывается три — пять сотен этнических групп различного размера, от многомиллионных до весьма малочисленных. Каждая группа имеет свой язык — по языку они и классифицируются. Логично и понятно, что каждому этносу дорог свой язык, и это одна из важных причин (хотя и не единственная) того, что государственным языком в описываемых молодых государствах обычно становился не язык какого-либо из этносов, хотя бы численно преобладающего, но чужой язык, язык колониальной метрополии. Образованные люди, городское население (а оно численно и в процентном отношении очень быстро растет — в 1996 г. — 35 %, к 2030 г. ожидается 55 %) говорят чаще всего по-английски, по-французски, по-португальски — в зависимости от того, чьей колонией была та или иная страна в прошлом. Впрочем, это немаловажное обстоятельство никак не исключает того, что вне пределов города и в домашних условиях в городах те же люди, как правило, говорят на родном языке, который следует считать важнейшим для них этноидентифицирующим признаком.

Нормой едва ли не для всех молодых независимых африканских государств является то, что деревня остается этнически цельной, населенной данным племенем, его представителями, тогда как город, напротив, полиэтничен. Это, впрочем, никак не исключает того, что и в городе, особенно большом, приходящие из деревень новопоселенцы стремятся селиться земляческо-племенными коллективами, образуя соответствующие районы, микрорайоны или кварталы. Неудивительно в этой ситуации и то, что трибализм сильнее и жестче проявляет себя не в деревне, где соседние поселки, населенные разными этническими группами, вполне могут длительно и бесконфликтно сосуществовать (им, собственно, чаще всего нечего делить — у каждого своя земля, а то и своя природная ниша), но именно в городе, где этнические процессы и проблемы тесно переплетаются с политическими и экономическими.

Еще более очевидной этническая основа проявляет себя в тех случаях, когда в государстве разгорается внутренний конфликт. О

сепаратистских конфликтах в этой связи уже упоминалось. Но ими одним делом отнюдь не ограничивается. Вспомним Анголу, где полтора десятилетия существования этого одного из наиболее молодых независимых государств Африки шла острая борьба между, казалось бы, двумя политическими группировками, ориентировавшимися соответственно на социализм и СССР, либо капитализм и помощь со стороны ЮАР, а также США. Если изменить уровень наблюдения и, оставив в стороне верхние эшелоны власти и высшие политические задачи, обратить внимание на тех, кто воевал, то окажется, что за Луандой и ее властями шли одни племенные группы, а за Савимби — другие, этнические близкие именно ему. И так в основном везде. Кровавый Иди Амин в Уганде опирался на поддержку своего племени и был изгнан из страны тогда, когда лидеры иных этнических групп той же Уганды сумели с помощью соседей одолеть его и его сподвижников. О том же свидетельствуют трагедия Руанды с ее хуту и тутси, расчленение Сомали и др.

Трибализм — это своего рода знамя, символ современной Африки. Гордиться им не приходится, но и обойтись без него никто не может. В дни вооруженных конфликтов он выходит на передний план в его наиболее резкой форме, генетически восходящей все к тому же классическому и всем понятному членению на «наших» и «чужих». Но и в дни относительной стабильности он незримо присутствует в каждой из стран, накладывая свой весомый и очень заметный отпечаток на ее жизнь, в первую очередь политическую, хотя и не только. Стоит заметить, что лидеры африканских государств лучше других понимают это и со своей стороны делают все, чтобы держать трибализм в приемлемых рамках. Совсем обойтись без него они не в состоянии — на кого еще им опереться в трудную минуту, как не на своих? Ведь сколько-нибудь развитой и устоявшейся социально-классовой структуры ни в одном из молодых африканских государств, о которых идет речь, пока нет. Она, эта структура, в лучшем случае только формируется, да и то далеко не везде. Однако в то же время политические лидеры хорошо осознают, что ради достижения желанной стабильности необходимо держать трибализм и все связанные с ним племенные и иные предпочтения в определенных рамках. Как конкретно это достигается и в чем проявляется?

Трибализм и политическая власть

Прежде всего, на передний план выходят все те же патронажно-клиентные связи, вся та сеть традиционных социальных взаимоотношений, которая столь привычна для африканцев с их полупервобытным менталитетом. Можно сказать, что эта сеть не просто целиком пере-

носится из деревни в город, но в условиях крупномасштабной городской жизни как бы заново воссоздается. Далеко не случайно один из африканских политологов как-то даже заметил, что трибализм в этом смысле является для Африки чем-то искусственным, заново созданным для нужд правящей элиты. При всей рискованности такого рода тезиса в целом, в нем немало от справедливой истины. Дело в том, что эта сеть приходит в город не просто с земляками того или иного из формирующихся политиков. Она действительно целенаправленно переносится и к тому же обрамляется новыми, еще более надежными скрепами.

Система личных связей формируется как за счет действительных родственников и соплеменников, которые приходят из родных мест в город и, естественно, оказываются клиентами своего добившегося сколько-нибудь заметных политических либо иных успехов соплеменника, становящегося их патроном, так и за счет адаптации различного рода аутсайдеров, почему-либо выпавших из собственной кланово-племенной структуры случайных лиц, также изъявивших готовность стать клиентами влиятельного патрона. Возникает надежный социальный механизм на племенной (частично псевдоплеменной, адаптированной) основе, который является элементом все той же трибалистской практики. И чем выше на политической лестнице стоит патрон, тем мощнее его клиентелла, тем крепче и шире, разветвленней его опирающийся на родное племя клан. А все это в порядке обратной связи влияет на рост политических потенций патрона. И если мысленно представить себе, что такова в принципе социально-трибалистско-политическая структура в любом из независимых государств современной Тропической Африки, то мы и получим политическую административную, состоящую из ряда соперничающих влиятельных деятелей, каждый из которых опирается на свой клан, на своих клиентов и в конечном счете на свое племя. В крупных племенных группах может быть ряд аналогичных структур — скажем, по числу подразделений племени. Но в конечном счете главное состоит в том, что принцип создания политических структур и функционирования политической элиты именно таков.

Специалисты давно обращали внимание на то, что стоит кому-либо из политиков в той или иной африканской стране получить, скажем, министерский пост, как он тут же заполняет это министерство своей родней, соплеменниками. И это не только не удивительно (удивительным это может показаться лишь незнакомому с африканскими реалиями иностранцу), но, напротив, закономерно. Во-первых, потому, что традиционные нормы реципрокности и социальных связей вынуждают того из родни и соплеменников, кто поднялся по социально-политической лестнице выше других, позаботиться о своих ближних. И эти ближние в такого рода случаях не церемонятся. Они окружают преуспевающего родственника, объявляя себя его клиентами и законно требуя

за это места, должности, вспомоществования и т. п. Во-вторых, клиенты такого рода — это и есть привычная в Африке социальная опора каждого высокопоставленного представителя элиты. И если ты получил министерство — оно твое в буквальном смысле этого слова. Ты не только можешь, ты обязан отдать должности в нем своим клиентам. Неважно, могут они выполнять при этом необходимые функции или нет. Гораздо важнее то, что это твои люди, на которых ты всегда можешь положиться.

Трибализм, обусловивший функционирование и даже господство подобного рода кланово-патронажных структурных ячеек в политической жизни едва ли не всех стран Африки*, оказал свое решающее воздействие и на выживаемость тех или иных форм политического режима в независимых странах Африки. Обратим внимание на два аспекта режима, на характер государства и проблему многопартийности. В современной Африке, как то видно из предыдущей главы, республиканская форма правления абсолютно доминирует. Правда, есть мелкие королевства типа Лесото и Свазиленда, временами тот или иной правитель типа Бокассы объявлял себя монархом, даже «императором». Но все это скорее карикатура, нежели норма. Нормой оказалась республика — при всем том, что Британия, одна из главных колониальных держав, была и формально остается ныне монархией (да и в африканских странах всегда хватало, есть и сегодня немало королей и вождей с явно монархическим стилем существования и соответствующим менталитетом их племенного окружения). Причина видна невооруженным глазом и сродни тому, о чем уже говорилось в связи с упоминанием о государственном языке: любой вождь или король, став во главе нового государства, уже одним этим восстановил бы против себя все те племена, к которым он не принадлежит и по отношению к которым заведомо является чужим — со всеми вытекающими из этого негативными и политически дестабилизирующими последствиями. Отсюда логичный вывод: нужна не монархия, а республика; во главе страны должен быть не обожествленный несменяемый монарх, но избранный большинством сменяемый президент.

Президент в большинстве стран современной Африки — это не столько символизирующая государство политическая фигура, сколько фиксированный результат определенного общественного компромисса, баланса политических сил. Разумеется, бывают случаи, когда во главе того или иного государства оказывается выдающаяся личность, чьи деяния как бы возносят ее над племенными предпочтениями,

* Только в немногих из них структура подобного рода испытала определенную модернизацию, став чем-то вроде моноклановой, как в Кении, где политическое господство выходцев из племени кикуйю оказалось признанным другими этническими группами, добровольно выступающими в позиции младших партнеров.

выносят за скобки элементарных политических расчетов. Но это — своего рода выход за пределы нормы, пусть даже выход желанный и благотворный для страны, хотя и не всегда. Нормой же остается баланс сил, и это убедительно проявляет себя в тех случаях, когда на смену выдающейся личности в той же стране приходит обыкновенная.

Наряду с президентской практически во всех молодых государствах Африки принята парламентская форма правления. Парламенты во всех возможных модификациях — национальные собрания, палаты представителей, национальные ассамблеи, революционные советы, даже советы вождей, как демократически избранные, так и порой наспех скомплектованные, созданные по воле военных диктаторов, — неизбежная и немаловажная часть политической власти почти во всех африканских странах. У этих представительств может быть весьма разная доля власти, от почти полной до едва заметной консультативной, но всех их объединяет нечто общее: все они являются более или менее точным инструментом, отражающим совокупность этнических групп данного социума, а также соотносительную силу и значимость каждой из упомянутых групп. Можно сказать и более определенно: парламентское представительство такого типа, о котором идет речь, является необходимым условием нормального осуществления политической администрации в стране, без него сколько-нибудь эффективная власть вообще невозможна.

Казалось бы, все сказанное должно по логике вещей вести к практике политического плюрализма и к системе многопартийности. Многопартийность как таковая присуща любой нормальной парламентской демократии. А уж Африке с ее групповыми интересами вроде бы сам бог велел быть многопартийной. Между тем на деле все не так. Многопартийность как политическая система не только не распространена, но и с трудом находит себе место в молодых странах. Даже напротив, практика показывает, что эта система вредна и деструктивна, во всяком случае на раннем этапе становления государственности. Нетрудно понять, в чем дело: партии в рамках той структуры и той социальной сети, которые уже были охарактеризованы, неизбежно и очень быстро становятся племенными. Вместо партий появляются хорошо политически организованные противостоящие друг другу мощные этнополитические организации, каждая из которых радеет за своих и претендует на максимум власти и влияния. В любой стране, где подобное происходило, дело шло, как правило, к дезинтеграции и политической нестабильности и обычно завершалось военным переворотом и запретом на деятельность партий. Правда, военные режимы с их однопартийными организациями типа народных фронтов тоже на практике оказывались малоэффективными и обычно бывали нестабильными. Но одно преимущество таких режимов, как и функционально родственных им революционных, марксистски ориентированных, несомненно: это стремление и практическая возможность собрать под

национально-революционными лозунгами все население страны, отодвинув на задний план этнические предпочтения и своекорыстные цели групп. Как правило, программы фронтов и общенациональных правящих партий крайне расплывчаты, как размыты сами эти организации по их внутренней структуре (в некоторые из них автоматически включается все взрослое население страны). Но свое дело они делают. Впрочем, здесь необходимы оговорки и дополнительные пояснения.

Парламентарная демократия и реалии африканских стран

Совершенно очевидно, что принятая практически всеми деколонизованными странами система парламентарных режимов с президентской властью и демократическими выборами, пусть даже не регулярными и далеко не всегда истинно демократическими, — это историческая неизбежность. Никакой иной системы власти молодые страны изобрести не могли, а принятая ими была хороша не только тем, что соответствовала этническому плюрализму в каждой из вновь возникших стран, но также и тем, что была неплохо известна и отработана веками в парламентской традиции Европы. С этой традицией была знакома получившая образование в метрополии правящая элита, которая, собственно, тот или иной политический режим и создавала, начиная с выработки (с помощью колониальной администрации или под ее влиянием) конституции. Но одно дело — респектабельная внешняя форма демократической президентско-парламентарной республики и нечто совершенно иное — наполняющие эту форму жизненные реалии.

Совершенно очевидно, что реалии африканских стран не соответствовали принятой ими политической форме, во всяком случае в том смысле, что все тонкости процедуры и хитросплетения разделения властей — а на этом стоит любая развитая демократическая система власти — были чужды массе электората. Люди привычно шли за своими и голосовали за своих. Это характерно не только для Африки, но и для всего Востока, даже и для Латинской Америки, т. е. встречается практически везде, куда демократия была привнесена извне и где тысячелетиями до того господствовали привычные нормы командно-административной системы. Но специфика Африки в том, что в ней не была развита даже эта самая командно-административная система. Альтернативой ее была уже упоминавшаяся социальная сеть, вписанная в привычную форму этноцентризма. И потому демократический плюрализм естественно и однозначно принимал облик полиэтнической дезинтеграции и способствовал дестабилизации.

Однако отказ от политического плюрализма, ставший почти нормой в странах Тропической Африки, где многопартийность вначале решительно не привилась, имел свои существенные недостатки. Главными из них были даже не деспотизм и произвол власти — к этому на Востоке привыкли издревле, — а то, что оппозиция лишалась голоса. Иными словами, немалая часть этнических групп оказывалась как бы отодвинутой от рычагов власти. Разумеется, им всегда предлагалась определенная доля формального соучастия в отправлении власти в пределах народного фронта либо правящей партии. Но эта доля низводила оппозиционные группы на уровень несамостоятельных младших партнеров, что обычно рождало чувство неудовлетворенности, а то и обиды. Отсюда — мощные взрывы недовольства, которые проявлялись то в сепаратистских выступлениях (Ангола — наиболее наглядный пример этому), а то и в открытом противостоянии претенденту на диктаторскую власть или очередному диктатору. Вспомним события в Чаде в 70—80-х годах, когда за мощными политическими группировками Г. Уэддея и Х. Хабре при всем различии их политической ориентации (с опорой соответственно на Францию и Ливию) стояли все те же племенные разногласия, все тот же привычный и всесильный трибализм. И это не только не удивительно, а закономерно и естественно, ибо иной надежной социальной опоры у представителей власти в молодых африканских государствах просто не было и пока еще нет.

Словом, недовольные оппозиционеры в рамках однопартийной системы обычно накапливают недовольство, которое ищет выхода и проявляется обычно тогда, когда однопартийная власть входит в состояние кризиса. Кризис же как таковой для этой формы власти неизбежен примерно так же, как неизбежно наступление дня после ночи. Дело в том, что за однопартийной и тем более диктаторской (революционной, марксистской, народной и т. п.) властью, как правило, следуют по пятам такие хорошо знакомые командно-административной системе явления, как nepoтизм, коррупция, неэффективность экономики, особенно государственного сектора (а стремление усилить этот сектор жизненно связано с однопартийной формой власти, отнюдь даже не обязательно в ее марксистско-социалистическом варианте), инфляция и т. д. Ведь слабость создаваемой диктаторским режимом административной системы как раз в том, что она не институционализирована, что она вынуждена вписываться в те реалии, которые у нее есть. А это значит, что министерства заполняются чиновниками по кланово-трибалистскому признаку, что администрация неумела, чиновники берут взятки и воруют, сколько могут, не видя в этом даже криминала: если тебе досталось право распоряжаться общим достоянием, то как не взять себе солидную его часть?! Соответственно частнособственнический сектор экономики находится в

подчиненном, зависимом от чиновников положении, процветает коррупция, растут цены и инфляция и т. п.

Это, собственно, и есть кризис, который ведет к ослаблению и дестабилизации власти. Вот здесь-то и наступает час оппозиции, представители которой выходят на улицу с требованиями многопартийности, плюрализма, приватизации и либерализации экономики. И нередко добиваются требуемого. Наступает период многопартийности, у которого свои уже описанные слабости и который, в свою очередь, ведет к дестабилизации и ослаблению власти. И снова переворот, чаще всего военный, ведущий к новому витку однопартийности, диктаторского по сути режима.

Бывают, разумеется, варианты, в том числе связанные с тем, что у власти в стране оказывается на долгие годы, десятилетия влиятельный выдающийся деятель, пользующийся всеобщим уважением и признанием и потому обретающий возможность соединить в своем лице разноречивые тенденции и выступить в качестве верховного медиатора. Это способствует стабильности структуры, будь то Сенегал при Сенгоре, Танзания времен Ньерере или Заир под властью Мобуту. Однако в большинстве случаев ситуация именно такова: правящие однопартийные режимы, погрязая в коррупции, рушатся под давлением оппозиции, а многопартийные режимы, приходящие им на смену, не выдерживают испытания властью, следствием чего являются военные перевороты, снова ведущие к однопартийности.

За последние годы все чаще раздаются голоса, смысл которых сводится к тому, что в рамках многопартийных режимов следует вводить конституционные ограничения, запрещающие создание партий на моноплеменной основе. Может быть, на новом этапе существования независимых стран Африки это будет иметь шансы на осуществление и как-то повлияет на политическую реальность. Но это в лучшем случае дело будущего. Пока же ситуация в основном остается именно такой, как она выше была описана, пусть с исключениями и вариантами. В политическом цикле, характерном для развития большинства стран Тропической Африки в период их независимости, остался пока без специального внимания один аспект — тот, что связан с военными переворотами и вообще с ролью военных и войн в современной Африке.

Политика и военные

Независимое государство должно иметь свою армию. Армия, как на то обращал внимание специально исследовавший эту проблему Г. Мирский, едва ли не единственная структура, которая не создается и не может создаваться в полиэтническом государстве по племенному

признаку. Это не значит, что в рядах офицерского корпуса не существует клановых и земляческих связей, патронажно-клиентных отношений. Но это означает, что армейская структура как таковая этнически нейтральна и потому в наименьшей степени поддается трибалистским настроениям. Поэтому армия в современных африканских странах является собой хорошо организованную и как бы стоящую над этническими интересами типично государственную структуру, к тому же имеющую немалую внутреннюю силу и соответствующий авторитет. Армия обычно хорошо вооружена, базируется чаще всего на профессиональной основе и потому хорошо оплачивается. Быть военным, кроме всего, престижно, ибо открывает потенциально для каждого путь наверх, в правящую элиту, а то и непосредственно к власти.

Кризисная ситуация, вызываемая многими причинами (политические описаны выше, об экономических речь пойдет в следующей главе), подчас приводит не только к дестабилизации и слабости, но и просто к вакууму власти. Этот вакуум требует своего заполнения — и именно тогда наступает время армии. Генералы, офицеры, а то и сержанты во главе военных подразделений выступают на передний план и с завидной легкостью берут власть, объявляя себя правителями страны. Некоторые из них после этого проявляют себя умелыми политиками, другие быстро сходят на нет, подчас уступая место более удачливым и напористым своим сотоварищам. Но в принципе ситуация очевидна: военные оказываются у власти, наводя армейскую дисциплину и порядок. Военные перевороты, несомненно, способствуют стабилизации власти после кризиса. И в этом смысле они часто играют позитивную роль, являясь своего рода санитарами, оздоравливающими обстановку в целом. Однако этим, как правило, их роль и ограничивается. Управлять страной в армейской форме с автоматом наперевес практически невозможно. Поэтому либо военные снимают форму и баллотируются на очередных объявленных ими же выборах в президенты, что нередко бывало во многих странах, как крупных типа Нигерии, так и небольших, будь то Того или ЦАР, либо, что реже, они вновь уступают место гражданским правителям.

В обоих случаях армия вскоре после переворота уходит в казармы и как бы дистанцируется от носителей власти. Власть же ведет себя как обычная власть, более всего склонная, особенно после кризиса и переворота, к введению сравнительно жесткого однопартийного режима, нередко усиленного революционной фразеологией. После этого динамика политического развития идет своим чередом, со всеми теми этапами, о которых уже говорилось.

Обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что роль военных в современной Африке южнее Сахары наиболее выявляется именно в политических переворотах. Реже она проявляет себя

на поле брани. Если не считать не слишком большого числа внутренних войн и сепаратистских выступлений, пусть даже чреватых миллионами жертв (для субконтинента с 40—50 полиэтническими государствами с неустоявшейся системой власти десяток-другой серьезных конфликтов в Анголе, Мозамбике, Нигерии, Заире, Чаде, Эфиопии, Сомали, Руанде и других странах — это в общем-то естественно), то межгосударственных столкновений, особенно с применением военной силы, было сравнительно немного. Это конфликты Сомали с Эфиопией, Эфиопии с Эритреей, Заира с его соседями после Мабуту, Чада с Ливией, вмешательство Танзании в дела Уганды в годы правления там диктатора Иди Амина. Пожалуй, почти все. Даже если в перечне опущены кое-какие другие войны, это не влияет на общий вывод: межгосударственных военных столкновений на огромном континенте было мало. И вообще, как то ни покажется странным, здесь почти нет пограничных проблем, взаимных претензий (кроме разве что претензий на создание Великого Сомали, завершившихся полным крахом). Все как бы удовлетворено тем, что имеют. Видимо, отсутствие существенных и осознанных национально-территориальных притязаний — результат все той же инфантильности политических структур, племенной дробности и отсутствия исторических споров в прошлом между не существовавшими ранее государствами. В принципе это весьма позитивный фактор. Правда, нет уверенности, что он и впредь будет постоянно действующим.

Как показывают специальные исследования, Африка в целом весьма быстрыми темпами вооружается, закупает оружие, а в некоторых ее странах, во многом благодаря советской помощи, численность вооруженных сил в свое время достигла уровня, сопоставимого с уровнем богатых, развитых и могущих себе такое позволить стран. Это внушает определенные опасения за будущее. Но пока что ситуация в военном плане относительно спокойная. Создается впечатление, что африканцы удовлетворены обретенной ими независимостью в тех рамках, какие были посланы судьбой. Они ценят свое и, как правило, не притязают на чужое, пусть даже родственное им в языковом и этническом плане. Не встает и проблема мирного соединения соседних стран. Если не считать соединения Занзибара с Танганьикой, добровольно объединившихся еще в 1964 г., никто больше такого рода проектов не выдвигал. Зато сепаратистские выступления подавляются жестко и бескомпромиссно. Словом, случайные границы уважаются и, похоже, обретают стандарты политической вечности. Причем делается это не столько за счет пограничных шлагбаумов с армейскими вооруженными заставами, сколько за счет взаимного уважения к границам, своим и соседей.

Проблема расизма и поиск самоидентичности

Специфика жизненных реалий, искажающая облик парламентарной демократии и во многом превращающая режим африканских стран в псевдodemократии, имеет еще один важный аспект, с которым, как правило, не сталкиваются народы иных современных государств Востока. Это расовая проблема. Правда, в подавляющем большинстве африканских государств этой проблемы внешне как бы и нет по той простой причине, что инорасовые вкрапления в них малы, а немногочисленная колония европейцев обычно ведет себя в этом смысле не только осторожно, но даже и подчеркнуто лояльно по отношению к местному негритянскому населению. Но это только внешне. Внутренне любая из стран, о которых идет речь, ощущает свою неполноценность по отношению к развитым странам европейского или американского Запада. И хотя эта неполноценность имеет цивилизационные, технологические, экономические, культурные и прочие корни, подспудно она неизбежно как бы опрокидывается на неравенство расовое. Другими словами, образованные слои местного населения (о прочих речи нет, ибо они над этими проблемами в абстрактном плане не задумываются, а в реальной жизни с ними редко сталкиваются) в той или иной степени почти всегда затронуты комплексом расовой неполноценности.

Этот комплекс после достижения независимости усилился и нашел свое проявление в теории в форме концепций типа негритюда, смысл которых в том, чтобы подчеркнуть расовое достоинство, даже превосходство негритянской расы. Концепция эта, детально разработанная Л. Сенгором, получила достаточно широкое распространение, хотя и не была принята всеми. Характерна в этом плане реплика знаменитого африканского писателя, нобелевского лауреата нигерийца В. Шойинка, смысл которой в том, что тигр не провозглашает тигритюд, он просто прыгает. Реплика явно призвана погасить комплекс расовой неполноценности не за счет выпячивания мнимых достоинств своей расы, но за счет признания и трезвого учета своих потенций.

Иная формула преодоления комплекса, о котором идет речь, — в призыве к самоидентичности. Наиболее отчетливо эта политика проводилась в Заире до недавнего времени усилиями президента маршала (едва ли не единственный маршал в Африке) Мобуту. Мобутизм как доктрина, претендующая на изложение основ национальной самобытности заирцев, исходил из того, что африканский путь самобытен и тем ценен, что необходимо максимально сохранять эту самобытность (для чего Мобуту, в частности, переименовал все европейские названия в стране), культивируя ее всеми средствами, прежде всего с помощью

национального телевидения. Самобытным, чисто африканским политическим принципом (в этом маршал не ошибся) был провозглашен и однопартийный режим власти в стране. Другим аналогичным самобытным принципом был обозначен факт сосредоточения всей власти в руках полуобожествленного правителя-президента, не только теоретика, но и пророка африканцев. В менее яркой и претенциозной форме с проповедью аналогичной самобытности выступали и другие руководители африканских стран, в частности президент республики Кот-д'Ивуар Ф. Уфуэ-Буаньи, также прибегавший для пропаганды своих идей к помощи телевидения.

Но если в большинстве стран Африки расизм и внутренняя потребность преодолеть связанный с этим комплекс неполноценности проявляются в общем в почти невинной форме негритюда или стремления к самоидентичности, то совершенно иначе обстоит дело с этим в тех странах, где из-за наличия заметных инорасовых прослоек расовая проблема реально ощутима, а то и крайне остра. Речь идет прежде всего о Зимбабве и ЮАР. В Зимбабве с ее сотней тысяч европейцев-предпринимателей, в основном богатых фермеров, дающих товарную продукцию, расовая проблема в свое время выразилась в нежелании правительства Я. Смита отдавать власть африканцам. Трудные поиски выхода, вначале решавшиеся было попыткой создать невыносимые условия для европейцев с целью заставить их покинуть страну, в конечном счете дали оптимальный итог: Лондонские соглашения 1979 г. сохранили европейцев в Зимбабве, чему страна в немалой мере обязана своими экономическими успехами, и нашли разумный баланс интересов, смягчив расовую проблему (впрочем, в последнее время нехватка земли снова обостряет ее).

Иное дело — ЮАР. Здесь долгие десятилетия власть белого меньшинства была абсолютной, и только в самые последние годы ситуация резко изменилась. Апартеид благодаря мудрой политике де Клерка и Н. Манделы ушел в прошлое, пусть не без сопротивления консерваторов из числа белых. Крупнейшая партия негритянского населения АНК ныне активно способствует оптимальному решению расовой проблемы. Лидеры белого, черного и цветного населения ищут компромисс, способный обеспечить разумный баланс в стране. Будущее покажет, как пойдут в этом смысле дела (события в Зимбабве — попытка в 2000 г. изгнать белых фермеров с их земли, сопровождавшаяся в ряде случаев убийствами, — вызвали у некоторых специалистов серьезные опасения за судьбу европейцев в ЮАР). Одно несомненно: расовая проблема в ЮАР, в отличие от иных африканских стран, отнюдь не сводится к внутреннему комплексу неполноценности и к поискам его нейтрализации. Главное здесь — обеспечить равенство возможностей (не говоря уже о гражданских правах и свободах) для представителей всех расовых групп.

Глава 3

Африка южнее Сахары: экономика и ориентация в развитии

Несовершенство политической системы, нестабильность власти и свойственные новоявленному примитивно-бюрократическому режиму административные пороки, такие, как nepotизм, коррупция, злоупотребление служебным положением, неумение эффективно управлять и т. п., — все это явилось в африканских странах следствием не только отсталой сети социальных связей и отсутствия сколько-нибудь развитой политической структуры, но также и отсталости экономического развития, низкого уровня образовательной и специальной подготовки тех, кто оказывался причастен к управлению. Все это следует считать естественным в молодых государствах, быстрыми темпами структурировавшихся на базе полупервобытности, пусть даже и обогащенной несколькими десятилетиями практики колониальной администрации. Но молодые африканские государства стремились как можно быстрее преодолеть свою вопиющую отсталость. А для этого следовало решить прежде всего две основные проблемы, экономическую и социокультурную. Первая сводилась к организации управления хозяйством и развитию экономического потенциала страны. Вторая — к решению проблем образования населения и подготовки квалифицированных работников. Обе они в конкретных условиях современной негритянской Африки могли решаться лишь при активном содействии и участии государства, административной власти. Это, разумеется, тоже наложило свой заметный отпечаток как на характер власти, так и на выбор пути развития.

Ресурсы и экономический потенциал

Природными ресурсами Южная и Тропическая Африка не обделена. Медь и золото, нефть и алмазы, бокситы и фосфаты, да и многое другое обильно представлены в ее недрах и уже давно и в немалых количествах добываются. Но добычей полезных ископаемых заняты преимущественно иностранные компании или — если иметь в виду ЮАР — те, что основаны некоренным населением. Разумеется, при этом для работы в шахтах, на нефтепромыслах и в иных предприятиях привлекаются как раз коренные жители, африканцы. А в таких странах, как ЮАР, где промышленность хорошо развита и существует огромное число неплохо оплачиваемых рабочих мест, немалое количество рабо-

тающих составляют так называемые отходники, т. е. мигранты из соседних африканских стран.

О ЮАР особо говорить не приходится. Это высокоразвитая современная держава с высоким уровнем жизни, причем высоким для представителей всех рас, хотя при этом важно оговориться, что представители белой расы в этой стране апартеида до последнего времени получали за ту же работу в несколько раз больше африканцев. Впрочем, стоит еще раз заметить, что уровень зарплаты африканца в этой стране был выше, чем в других. Но не только ЮАР, а и многие другие страны все активнее и результативнее разрабатывают богатства своих недр.

Успешно качают нефть Нигерия, Конго и Габон. Маленький Габон практически за счет нефти обеспечивает своим немногочисленным жителям сказочный, невероятный по африканским стандартам уровень жизни — средний ежегодный доход на душу населения равен здесь 3 тыс. долларов. Нигерия и Конго тоже за счет нефти не только сводят концы с концами, но и — пусть не всегда — добиваются ощутимых успехов как в темпах годового экономического прироста, так и в доходах на душу населения, хотя Нигерия многонаселенна, а Конго долгие годы истощалось экспериментом в марксистско-социалистическом духе. Богата цветными металлами, а также и нефтью Замбия, причем для активной промышленной разработки ресурсов в этой стране создана хорошая энергетическая база. Отсюда сравнительно высокие темпы экономического роста, хотя при этом уровень жизни достаточно скромнен. К числу стран со сравнительно развитой промышленностью обычно относят также Заир с его индустриальным центром в Катанге (медь, кобальт, цинк и пр. металлы), но при этом с весьма низким уровнем жизни населения. Намибию (медь, цинк, урановые руды, алмазы), Ботсвану (алмазы, цветные металлы) с ее сравнительно высоким уровнем жизни населения, а также ныне разоренную междоусобными войнами Либерию (железная руда, алмазы).

Ценными ресурсами справедливо считаются и растительные. Так, богата красным деревом республика Кот-д'Ивуар, Гана экспортирует какао-бобы, Кения — кофе и чай, Камерун — какао-бобы, кофе и каучук, Сенегал — арахис, Мозамбик — кешью. И хотя по уровню благосостояния перечисленные страны, как правило, уступают тем, в которых имеется сравнительно развитая промышленность, на общем фоне остальных стран Африки они все же выделяются в лучшую сторону (кроме разве что Мозамбика, обессиленного длительной войной и рискованными социальными экспериментами). Неплохо зарабатывают экспортом собственных ресурсов также небольшие островные государства, в первую очередь Реюньон (ваниль, гвоздика, табак, сахар), а также Сейшелы (рыба и копра), Маврикий (сахар, чай). Достаточно развитым на общем фоне выглядит и королевство Свази-

ленд с его почти 700 долларами годового дохода на душу населения (сахар, табак, хлопок, цитрусовые).

Как легко заметить из вышеизложенного, экономический потенциал африканских стран во многом измеряется природными ресурсами. Есть ресурсы — их разрабатывают и экспортируют, за счет чего и повышается уровень жизни населения. Нет ресурсов — страна, естественно, лишена возможностей для экспорта и оказывается отсталой, нищей. Более того, общие темпы экономического роста Африки в целом за последние десятилетия (приблизительно 5% в год в 70-х и 2—4% в 80—90-х годах) достигались в основном тоже за счет добывающей промышленности, наращивания экспортного производства. В принципе это вполне нормальный путь экономического развития слаборазвитого государства. Проблема в том, что для большей части новых государств Африки такой возможности просто не было. В этом случае должен встать вопрос об альтернативном развитии. Но где было искать альтернативу? Для стран Тропической Африки с их полупервобытной социальной структурой и соответствующим уровнем социокультурного стандарта, цивилизованности альтернативы практически не было. Вот она, жестокая закономерность современных африканских реалий: нет ресурсов — нет развития. И далеко не случайно около 30 стран Тропической Африки вошли в число 48 самых отсталых стран мира по классификации специализированных организаций ООН, как не случаен и тот показательный факт, что совокупный валовой продукт (ВВП) полусотни африканских стран за год в конце 80-х годов был равным примерно 150 млрд. долларов, что соизмеримо с аналогичным продуктом одной Бельгии.

Стоит сделать важную оговорку, суть которой сводится к тому, что при всей важности фактора природных ресурсов далеко не все от него зависит. Известно, что многие беднейшие страны Африки характеризуются постепенным падением дохода на душу (с учетом темпов прироста населения). К их числу относятся Эфиопия, Заир, Мадагаскар, Мозамбик, Замбия, Нигер, Сомали, Руанда, Бурунди, Танзания, Мали, Чад, ЦАР, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне, Гамбия. В случае со всеми этими странами проблема отнюдь не сводится только к ресурсам. Замбия с ее немалыми запасами меди или Заир с еще большим количеством ценных руд никак нельзя отнести к числу стран, обиженных природой. Поэтому, имея в виду проблему ресурсов, есть основания считать, что свою роль играет и умение наладить производство, уберечь страну от возможных войн и междоусобиц и соответственно от бегства из нее квалифицированных зарубежных специалистов. Вот это удастся далеко не всем из тех стран, у кого в принципе хватает ресурсов для более или менее успешного развития. Отсюда и их прогрессирующая нищета, что особенно заметно на примере недавно еще далеко не столь бедного Заира.

Если говорить экономическим языком, все перечисленные печальные факты означают прежде всего то, что экономический потенциал многих новых государств Африки лишен главной его составной части, без которой процветание в современном смысле невозможно, — нет подготовленного к производительному труду работника. Во всяком случае, во многих странах Африки таких работников в сколько-нибудь достаточном количестве пока еще нет. Имеются в виду как специалисты, имеющие навыки и квалификацию для регулярного труда на современных промышленных предприятиях, промыслах, плантациях, так и те простые труженики преимущественно городского типа, которые могли бы взять на свои плечи всю массу необходимой работы по налаживанию современной инфраструктуры, — речь идет прежде всего о торговле, бытовом обслуживании, мелком и частично среднем предпринимательстве.

Грех обвинять в этом недостатке самих африканцев, ибо это не их вина, а их беда. Но тем не менее в этом — корень зла. В чем же конкретно все это проявляется? И как эта проблема сегодня решается?

Государство и экономика

Пути решения различны, но в конечном счете почти все они так или иначе упираются в государство, в проводимую им экономическую политику, в ориентацию на ту или иную модель развития. Далеко не случаен при этом тот знаменательный факт, что едва ли не половина из новых государств Африки отдала дань марксистско-социалистическим экспериментам. О пагубности этой дани еще будет идти речь ниже в специальной главе. Пока же заметим, что причиной ее было то, что в странах, претендовавших на реализацию идей «научного» социализма, осуществлялась суперцентрализация власти при лишении населения практически всех прав и свобод и превращении его в трудовую армию, что во многом отвечало реалиям стран с отсталой экономикой и неразвитым общественным сознанием. Руководителям соответствующих государств казалось, что путем небольших усилий, не меняя коренным образом привычной структуры и при сохранении привычных норм бытия можно за счет энтузиазма и организации сконцентрировать трудовую мощь населения и таким образом решить проблему отсталости. Увы, практика показала, что расчет этот был неверен в самой своей основе. Ошибка была в том, что такими методами свободную рыночную экономику не создать. Что же касается несвободной хозяйственной системы, основанной на известных с древности нормативах власти-собственности и централизованной редиистрибуции, командно-административной системы управления, то для ее формирования нужны, как показывает история, столетия и тысяче-

тия, не говоря уже о скромных ее возможностях с точки зрения современных темпов и качества развития.

Если же учесть стартовый полупервобытный, а то и вовсе первобытный уровень, с которого многим из числа отсталых стран Африки приходилось начинать, то станет совершенно понятным, почему марксистско-социалистическая модель с ее откровенным акцентом на коллективизм и эгалитаризм в потреблении (нормы, близкие полупервобытности и первобытности) и неприятием частной собственности и свободного рынка, в основе своей неведомых и африканскому населению, оказалась не просто экономически неэффективной, но и явственно ведшей в тупик. Социалистические марксистские лозунги подчас с энтузиазмом подхватывались массами и создавали иллюзию как в верхах, так и в низах. Но иллюзия не могла превратиться в реальность, так что рано или поздно трезвая реальность вынуждала правительства соответствующих стран отказываться от ведшего в никуда пути и возвращаться на иной, рыночно-капиталистический.

Не был устан розами и этот путь. Для тех стран, которые вернулись на него после эксперимента с социализмом, многое оказалось упущенным, прежде всего темп. Достаточно привести в качестве примера Гвинею, раньше и активнее многих вступившую уже в 1960 г. под руководством Секу Туре на путь марксистского эксперимента. Владея 2/3 мировых запасов бокситов, эта небольшая страна могла бы только за этот счет стать вровень с теми, кто мудро распорядился своими ресурсами. Но национализация львиной доли промышленности, включая горно-добывающую, воспрепятствовала этому. Отсюда и результат: уровень жизни крайне низок, экономика неэффективна. Реформа 1986 г. с курсом на приватизацию промышленности и активизацию иностранного капитала привела к улучшению положения, но время было безвозвратно утеряно. Однако не слишком многим лучше оказалось положение тех стран, которые с самого начала прочно встали на путь капиталистического рыночного развития.

Конечно, умелая эксплуатация ресурсов дала тем, кто сумел ее наладить, много очков, о чем уже упоминалось. Но тем, кто этого сделать не сумел или у кого было мало ресурсов, приходилось опираться на имевшиеся возможности. И здесь было вынуждено выходить на передний план государство. Экономически неэффективные, но крайне нужные для развития страны производства государство брало на себя, национализировало (не из принципа, как в марксистском эксперименте Секу Туре, а в силу необходимости), что сразу же вело к усугублению экономической неэффективности, отягощенной к тому же коррупцией и злоупотреблениями администрации. Разумеется, при этом государство обычно проводило политику стимулирования частного предпринимательства и мелкого рыночного хозяйства (о крупном, естественно, речи не было, если не считать, что государственные предприятия наряду

с иностранными были субъектами мирового рынка). Но втягивание местного населения даже в мелкое рыночное хозяйство с акцентом на развитие предпринимательства требовало времени и усилий, а потому долго не могло дать необходимого эффекта.

Следует еще раз напомнить, что для абсолютного большинства стран, о которых идет речь, — практически для всех них, кроме разве что ЮАР, — характерен необычайно низкий уровень производительности и культуры производительного труда. Это и неудивительно, скорее закономерно, если учесть исходный уровень работников. Повышение качества труда — дело медленное, требующее кроме терпения и настойчивости еще и условий. Условия же в данном случае сводятся к тому, чтобы обеспечить все возрастающее, причем весьма быстрыми темпами, городское население подходящими для него рабочими местами. Только обеспечение этими рабочими местами, т. е. строительство промышленных предприятий, как и инфраструктуры, способно необходимым образом дисциплинировать и цивилизовать массы прибывающих в города выходцев из общинной деревни, из привычного доиндустриального племенного быта.

Специальное исследование проблем развития мелкого и среднего предпринимательства в современных молодых государствах Африки показало, что в последние годы в этом деле произошел своего рода поворот, т. е. что все большее количество частнособственнических предприятий, в большинстве своем мелких, практически индивидуальных, появляется в экономике и на рынке африканского континента. Это обнадеживающий признак, даже если принять во внимание, что многие из такого рода предприятий еще далеки от того, чтобы уподобиться современным рыночным фирмам, ибо несут на себе заметный отпечаток привычных старых форм торговли или ремесленного производства. Дело в том, что путь к рынку тем сложнее, чем с более низкого уровня экономического существования населения он начинается. Ниже африканского этот уровень едва ли еще где-либо можно встретить. Поэтому тенденция к развитию рынка и некоторому его насыщению за счет самостоятельного африканского населения — факт отрядный и заслуживающий внимания.

Этот факт заслуживает внимания прежде всего в том плане, что он свидетельствует о массовом выходе на рынок мелкого местного предпринимателя. Только такой предприниматель может если не насытить рынок — это с успехом делают и без него, в основном зарубежные фирмы, — то хотя бы освоить, сделать его своим для масс местного населения. А от такого рода освоения рынка и вообще рыночного хозяйства местным населением и зависит в конечном счете будущее национальной экономики каждой из новых современных стран Африки. Иными словами, экономический успех, успех в развитии станет заметен в Африке южнее Сахары тогда, когда на ее рынки выйдут в

заметном количестве мелкие и средние местные предприниматели. Пока до этого, увы, еще далеко. И обусловлено это многими причинами. Частично о них уже шла речь. Обратим теперь внимание на социокультурный аспект проблемы.

Социокультурные стандарты и ориентиры

Как и во многих развивающихся странах, в отсталых странах Африки — а в интересующем нас аспекте они все могут быть отнесены именно к такой категории — наивысшим социальным престижем пользуется причастность к власти. Или, точнее, место служащего в государственном учреждении. А так как вследствие огромной роли государства не только в политической администрации, но и в хозяйстве страны государственных учреждений в городах достаточно много, то весь вопрос сводится к тому, чтобы найти себе в них место. Именно так обстоит дело со всеми теми, кто получил какое-либо образование в своей стране и тем более где-то за рубежом (как известно, во многих странах мира существовали и существуют квоты студенческих мест для выходцев из африканских стран, которые получают образование за небольшую плату, а то и вовсе бесплатно). Какая-то доля выпускников вузов, встав благодаря полученному образованию в ряды социальной элиты, может заняться бизнесом или пополнить ряды лиц так называемых свободных профессий. Однако это меньшинство. Большинство заполняет собой многочисленные государственные учреждения и к тому же, по упоминавшемуся уже закону клановой солидарности, наполняет низшие должности в этих же учреждениях своей родней.

Воспринимать государственные учреждения в качестве кормушки — это типичное проявление психологии иждивенчества, социального паразитизма, которая генетически связана с общинно-коллективистской кланово-трибалистской психологией и функционально родственна психологии любого лишенного собственности и индивидуальности субъекта, что очень хорошо известно нам по собственному опыту. Естественно, это рождает определенный социопсихологический стандарт, устойчивый, четко ориентированный стереотип: главное — хорошо устроиться. Рассчитывать же на самого себя приходится тогда, когда устроиться не удалось.

Преодолеть такого рода стереотипы, уходящие корнями в социопсихологический стандарт полупервобытности, очень непросто. Когда на рубеже 50—60-х годов в формирующихся странах Африки стал вопрос о том, кто заменит ушедших колонизаторов и как организовать производство на предприятиях, в большинстве стран пошли по пути резкого увеличения заработной платы рабочих, особенно имевших хорошую квалификацию. Этим была повышена значимость их труда и

обеспечена ломка привычного стереотипа. Работать и зарабатывать свой хлеб в условиях города за счет собственного труда стало достаточно престижным, хотя престиж государственной службы по-прежнему оставался вне досягаемости. Кроме того, высокая заработная плата оказалась стимулом к хорошему регулярному труду, учиться которому тоже следовало практически почти заново.

Той же цели преобразования привычных общинно-первобытных стандартов служило стимулирование образования в африканских странах. С 1950 по 1988 г. общее число учащихся на континенте возросло в 10 раз, с 9,3 до 92,2 млн., причем в средней школе — в 27 раз (ныне количество учащихся свыше 20 млн.), а студентов — в 30 (теперь свыше миллиона). Правда, эти цифры, если исключить арабскую Африку, окажутся несколько ниже, как в абсолютных, так и в относительных величинах. Но при всем том рост весьма заметен. В одной только Нигерии сегодня функционирует 28 университетов, тогда как до создания государства не было ни одного. И пусть даже стремление к получению образования, особенно среднего и высшего, стимулируется возможностью влиться в ряды правящей элиты и получить свой кусок пирога, не слишком утруждая себя трудом. В конечном счете важен процесс и итог: чем больше в странах Африки станет образованных людей, тем быстрее они психологически преодолеют синдром коллективистской первобытной общинности. И, преодолев, сумеют переориентироваться в быстро меняющихся условиях жизни, стать активными работниками, влиться в сферу производства и предпринимательства.

Проблема, о которой идет речь, для Африки сегодня крайне актуальна. Известно, в частности, что на континенте проживает 14% населения мира (цифра с каждым годом увеличивается), а промышленной продукции здесь производится менее 1%, сельскохозяйственной — 6% (без ЮАР). Привлечение и приучение населения к регулярному производительному труду является, таким образом, делом жизненной необходимости. И именно для этого нужны резкая ломка привычных стереотипов, повышение уровня образованности и культурности населения, для чего — если учесть быстрый рост городского населения и вообще влияние стандартов полиэтнического города в отличие от родной кланово-трибалистской деревни-общины — объективно создаются неплохие возможности. Важно уметь и хотеть ими воспользоваться.

Определенную роль в качестве стимула играет и хорошо известный социологам и культуроведам так называемый демонстрационный эффект. Ведь все страны Африки (быть может, за исключением немногих из числа долгое время ориентировавшихся на марксистскую модель или ведших постоянные войны), являя собой обширный рынок, буквально забиты хорошими товарами, включая японскую и иную электронику, красивую одежду и обувь и многое-многое другое. Нельзя сказать, чтобы эти товары по ценам были всем доступны. Но и не

следует считать, что они вовсе недоступны простому человеку. Рынок есть рынок, так что тот, кто хочет, чтобы товары не залеживались, соизмеряет цены на них с финансовыми возможностями населения. Практически это означает, что почти любая городская семья, как и многие деревенские, могут себе позволить покупать и пользоваться этими товарами. А это, собственно, и есть демонстрационный эффект: каждый хочет иметь то, что уже есть у других. Но для этого нужно работать и зарабатывать. Отсюда — дополнительный стимул к производительному труду, к предпринимательской инициативе. Кроме того, овладение современными товарами, особенно электроникой и иной сложной техникой, косвенно содействует как повышению культурного уровня владельцев, так и развитию их грамотности и образованности, хотя бы за счет радиовещания и телевидения (как в недавнем прошлом во всем мире — за счет кино).

Кризис развития и иностранная помощь

Африка, по признанию специалистов, понемногу изменяется. Наметившийся на рубеже 80—90-х годов в связи с крушением марксистского социализма переход избравших было эту модель стран на рельсы рыночно-частнособственнического развития дал дополнительный импульс для экономического роста. Многие страны, как упоминалось, проявляют склонность к либерализации и приватизации экономики, готовность заимствовать идеи плюрализма и практику многопартийности. Не вполне ясно, насколько эти намерения серьезны и приведет ли их осуществление к заметному движению вперед. Но сам импульс отчетливо заметен, это в некотором смысле знамение нашего времени, чутко воспринятое на континенте, где до того к развитию по рыночно-частнособственническому капиталистическому пути многие относились настороженно, считая его как бы чужим, негодным для Африки (иное дело генетически близкий марксистский социализм с его коллективистскими установками, командной дисциплиной и священной ненавистью к частной собственности и богатым вообще).

Однако одно дело — благие намерения, и совсем другое — реальность. Даже если принять как желаемые и обнадеживающие движение Африки в сторону рыночной экономики и некоторые достижения в этом направлении, включая адаптацию городского населения и определенное развитие мелкого и среднего предпринимательства, об успехах здесь говорить рано. Зато о суровом кризисе, кризисе развития континента, говорят уже многие и достаточно давно, как в самой Африке, так и вне ее. И для этого есть серьезные основания.

80-е и 90-е годы прошли в Африке под знаком спада в темпах развития, а кое-где и существенного обострения продовольственной

проблемы. Поразившая обширный пояс Сахеля и некоторые прилегающие районы жестокая засуха, связанная с наступлением песков Сахары, принесла бедствия ряду стран, от Мали до Мозамбика. Но особенно пострадали Эфиопия, Чад, ЦАР, Нигер. В Эфиопии, наиболее многонаселенной из перечисленных стран, это привело к массовым вынужденным перемещениям населения и соответственно к резкому обострению нищеты, а в сочетании с марксистско-социалистическими экспериментами, обескровившими экономику страны, — к голоду и голодной смерти сотен тысяч, если не миллионов людей.

Распространенность социальных экспериментов по марксистской модели привела на рубеже 80—90-х годов к кризису, аналогичному эфиопскому, многие из стран Тропической и Южной Африки. Нарушился привычный баланс во внешнеторговых связях, а торговые связи со странами социализма всегда имели уродливый характер и обычно не способствовали развитию, в лучшем случае содействовали вооружению и усилению военной мощи соответствующих стран, что опять-таки ложилось на слабую экономику этих стран невыносимым бременем.

Результат кризиса развития неутешителен. Ослабели позиции Африки в мировом товарообороте — с 5 % в 1980 г. до 2 % в конце 90-х годов. И хотя в экономике ряда стран Африки появились первые транснациональные корпорации (ТНК) с совокупным капиталом в середине 90-х годов в 25 млрд. долларов, огромная доля дохода этих ТНК оседает вне Африки, что вполне естественно для любого капитала, ищущего оптимальные варианты своего существования. Африка бедна капиталами и более того, ей не приходится рассчитывать на заметный их прирост, включая рост ВВП. Сколько-нибудь существенный ежегодный рост ВВП был замечен в 90-х годах лишь в 8 странах. И хотя при этом число стран с отрицательным показателем роста ВВП уменьшилось до 5, в целом для Африки этот показатель не только крайне незначителен, но и в пересчете на душу населения постоянно падает.

Доля Африки в мировом ВВП тоже заметно снижается. По некоторым подсчетам, доходы 20 % населения мира в богатых странах в 1997 г. относились к доходам 20 % беднейшей части мира (а это в основном именно Африка южнее Сахары) как 74 : 1. Растет и внешний долг Африки. Его уже не раз частично списывали, но на сегодняшний день он равен примерно 200—300 млрд. долларов (на встрече с Б. Клинтонем весной 1998 г. президенты ряда африканских стран подняли вопрос о списании 80 % долга, на что Клинтон заметил, что будет готов списать все 100 % тем странам, кто твердо идет по пути демократии и экономических реформ). Постоянно растет отрицательное сальдо в торговом балансе Африки, не снижаются, а чаще возрастают темпы инфляции. В ряде регионов стремительно деградирует природная среда.

К этому следует добавить, что Африку буквально потряс мощный демографический взрыв. Издревле этот полупервобытный континент был малонаселенным вследствие хотя бы неблагоприятных условий для обитания человека. Темпы прироста населения были достаточно стабильными в своей неторопливости, причем массовый вывоз рабов — вопреки имеющимся на этот счет предвзятым представлениям — не слишком на них влиял. К началу XVII в. на континенте ориентировочно проживало 55 млн. человек, к началу XIX в. — 70, к началу XX в. — 110 млн. человек. Однако энергичная колонизация и освоение Африки европейцами, знакомство с основами европейской культуры, в частности с медициной и гигиеной, успешная борьба с африканскими болезнями (малярией, сонной болезнью и т. п.) — все это уже к моменту деколонизации за какие-то 60 лет привело к тому, что население континента возросло более чем вдвое — до 275 млн. человек. Освобождение Африки дало еще один мощный толчок возрастанию темпов прироста, которые ныне достигли 3,1% в год. В результате население континента за 30 лет увеличилось еще раз более чем вдвое, достигнув 600 млн. И продолжает расти такими же темпами. К 2010 г., как ожидается, африканцев будет один миллиард.

Нетрудно из этого заключить, что при общем падении темпов экономического роста демографический взрыв привел к тому, что доход на душу населения на континенте стал уменьшаться. Иными словами, люди начинают жить беднее, чем вчера. Это и есть кризис развития. Кризис, составляющими которого являются многие факторы — социальные, экономические, политические, цивилизационно-культурные, но решающий вклад в который внес фактор демографический, тоже в конечном счете тесно связанный со всеми остальными.

Кризис не явился неожиданностью для мира. О нем предупреждали давно, оперируя серьезными экономико-статистическими выкладками, социологическими, демографическими и иными специальными исследованиями. В ряде стран, как в Кении и Ботсване, Нигерии и Замбии, Сомали, Зимбабве, Заире и некоторых других, ведутся даже на национальном уровне кампании в пользу малосемейности, ограничения рождаемости. Но эффект их пока невелик. Кроме того, корни кризиса уходят не только в демографический фактор. Социокультурная отсталость населения, о которой уже шла речь, играет здесь большую роль, ибо именно она сдерживает темпы экономического роста и благоприятствует рискованному социальным экспериментам. А для преодоления ее нужно немалое время. Времени же у африканцев нет, ибо каждый прожитый год приносит новые проблемы, в первую очередь все те же демографические. Как вырваться из этого порочного круга?

Конечно, лучше всего было бы сделать это, поднатужившись, собственными силами — примерно так, как решает свои проблемы,

гордясь этим, тоже весьма перенаселенный Китай. Но Африка — не Китай. Разность потенциалов весьма ощутима. И на собственные силы африканцам рассчитывать не приходится, что хорошо понимает и весь остальной мир. Поэтому проблемы Африки — это проблемы всего мира, что человечество достаточно адекватно осознает, пытаясь помочь.

Прежде всего это помощь продовольствием, помощь в беде, в трудную минуту. Такое случается нередко, причем чаще всего — в бедных странах с марксистским режимом, как то было в 80-х годах в Эфиопии. Мир до сих пор помнит, как в дни, когда правящая верхушка страны помпезно отмечала десятилетие своей революции, народ умирал от голода, а помогали людям те самые «империалисты», которых поносила официальная пресса. Западная помощь Африке исчисляется в среднем в 15—20 млрд. долларов в год. Эти цифры крайне незначительны. В конце XX в. развитые страны выделяют для помощи отсталым странам (а это прежде всего именно страны Тропической Африки) всего 0,22 % их ВВП. За 1963—1982 гг. бесплатный продовольственный импорт в Африку увеличился, по некоторым подсчетам, в 6,5 раза. В середине 80-х годов потребность в продовольствии уже на 20% удовлетворялась за счет такого рода импорта. Все более очевидным становится, что Африка прокормить себя не может и в обозримом будущем, видимо, не сможет.

За определенную, причем все возрастающую часть импорта приходится платить. Платить же странам Тропической и Южной Африки, кроме разве что некоторых зажиточных стран, практически нечем. Отсюда угрожающий и быстрыми темпами увеличивающийся рост задолженности, о чем уже упоминалось. Правда, частично быстрый рост задолженности был связан с игрой мировых цен на некоторые виды сырья, поставляемые Африкой. Однако игра цен в этом смысле — норма мирового рынка, как закономерно и постоянное относительное возрастание цен на технический импорт, импорт промышленных товаров высокой технологической сложности. Баланс, естественно, не в пользу Африки.

ООН не раз принимала программы помощи или содействия росту ВВП в Африке, выступала с различного рода «специальными инициативами». Однако все оказывалось напрасным. Планы развития проваливались, финансовые вливания и рекомендации Всемирного банка или Международного валютного фонда не давали ожидаемого эффекта ни в 80-х, ни в 90-х годах. Африка южнее Сахары (ЮАР не в счет) с большим трудом поддавалась структурной перестройке — при всем том, что в 90-х годах, после краха марксистского социализма, почти все ее страны заявили о реформах и переходе к многопартийной системе

со свойственными ей демократическими институтами. Ситуация кажется настолько безвыходной, что в серьезных аналитических трудах порой стали развиваться идеи о реколонизации Африки на новой, «гуманитарной» основе. Разумеется, эти идеи не слишком серьезны. Они являются скорее воплем отчаяния, нежели реальностью. Ближе к реальности призывы установить так называемый новый международный экономический порядок. Под этим терминологическим нововведением скрывается надежда на закрепление в нормативной форме практики постоянных дотаций. Но эта и любая иная помощь — следует четко себе представлять — не может решить проблем Африки, может даже усугубить их. Дело в том, что любая искусственная экономическая стимуляция, любые формы помощи и дотаций могут иметь значение лишь как поддержка собственных усилий Африки. Без собственных усилий, направленных на налаживание самообеспечивающего хозяйства, помощь уйдет в песок. Только решительный поворот к рыночно-частнособственнической экономике и превращение массы люмпенов и социальных иждивенцев в хозяев собственной жизни, отвечающих за себя и свои семьи участников рыночного экономического процесса, могут решительно изменить судьбы оказавшихся в жесточайшем кризисе стран.

Как и когда, при каких обстоятельствах сумеет Африка добиться такого — это вопрос вопросов. Но иного выхода у нее нет. А возможности, при всех сложностях достижения желаемой цели, все-таки есть. Важным залогом успеха является решительный поворот стран Африки в сторону капиталистического рынка, рыночно-частнособственнической экономики, к либерализации и приватизации, многопартийности и плюрализму и т. п.

Отмечая с некоторой долей оптимизма это обстоятельство, нельзя не обратить внимания на одну достаточно мрачную сторону процесса развития современной Африки. Речь идет о массовой легальной и в еще большей степени нелегальной эмиграции. Понятно, когда имеются в виду просто беженцы, ищущие приют, особенно от гражданских войн и погромов в собственной стране, где-нибудь на богатом Западе. Это дается нелегко, но в конечном счете через посредство воссоединения семей многие жители Африки за последние годы сумели перебраться на постоянное жительство в Европу, а то и в Америку. Однако это еще не все. Сильный урон Африке и угрозу успехам в ее развитии наносит хорошо известный миру развивающихся стран феномен утечки умов и талантов. В средствах массовой информации все чаще говорится об эмиграции не только бедняков, ищущих в странах Запада спасения от нищеты, но и многих так называемых новых африканцев — различного рода удачливых предпринимателей и менеджеров с их капиталами, а

также хороших специалистов, получивших образование в странах Запада и не желающих возвращаться домой, ученых, художников, музыкантов и т. п. Словом, многие из тех, ко может опереться на свои способности, готов покинуть нищую родину и обосноваться на новом месте в Европе или Америке. Этот печальный для с трудом выживающей в современном мире Африки факт отнимает у континента немалую долю надежд и шансов на выход из одолевающего его длительного многостороннего кризиса.

Стремление к сотрудничеству и компромиссам

Последние годы, 80—90-е, были отмечены заметными изменениями на континенте именно в этом плане. Враждующие стороны в странах, разрывавшихся непримиримыми противоречиями и ведших между собой многолетние регулярные или партизанские боевые действия, пытаются найти путь к примирению. Решительные шаги по такому пути делает многострадальная Ангола, хотя результатов пока мало. Бóльшего успеха добились правящие круги Мозамбика. Успешно завершилась долгая партизанская война за освобождение Намибии, причем завершилась не в результате победы одной из сторон, а в ходе поиска мирного и удовлетворившего обе стороны решения проблемы. Все три примера — знамение времени, того самого времени, параметры которого были обусловлены ликвидацией противостояния двух миров в связи с крахом марксистско-социалистических режимов в одном из них. В этом смысле можно сказать, что поиски компромисса и прекращение внутренних войн в ряде стран Африки явились результатом генерального изменения баланса сил в мире в связи с крахом идеи мирового коммунизма.

Впрочем, стремление к компромиссу, пусть не в такой степени, проявляло себя и раньше, начиная с конца 70-х годов, когда в Лондоне за стол переговоров сели и достигли приемлемого результата враждующие стороны в стоявшем на грани внутренней войны Зимбабве. Завершились связанные с сепаратистскими выступлениями войны в Нигерии и Заире. Достигнуто мирное урегулирование сложнейших внутренних проблем в ЮАР. Правда, параллельно с этим возникло немалое количество новых вооруженных столкновений, будь то события в Руанде и Бурунди, в Сомали или Заире. Обостряются межрасовые взаимоотношения в Зимбабве, причем это, как упоминалось, наталкивает на мысль, что нечто подобное со временем может произойти и в только что урегулировавшей свои расовые проблемы ЮАР. Разгорают-

ся порой и настоящие войны (Эфиопии с Эритреей, Заира с его соседями, Либерии с ее соседями и т. п.). Однако эти столкновения не исключают того, что параллельно с ними существует заметная тяга к солидарности, различным формам сотрудничества и кооперации.

Разумеется, нет оснований предаваться эйфории, но тенденция все же ощущается достаточно определенно: количество компромиссов и заметная тяга к решению проблем путем мирных переговоров нарастают. В общем это может быть определено как некий поворот континента в сторону сотрудничества — сотрудничества ради выживания.

В Африке существуют и за последние годы усиливают свою активность организации континентального и регионального сотрудничества. Многие годы функционирует Организация африканского единства (ОАЕ — ее штаб-квартира расположена в Эфиопии), на ежегодных сессиях которой рассматриваются важнейшие проблемы континента, вырабатывается общая позиция по многим из них, включая проблемы развития, задолженности, апартеида, региональных конфликтов. Есть объединения территориально-зонального характера, экономические сообщества, таможенные союзы, кредитные учреждения. Создаются время от времени организации, ставящие своей целью решение какой-либо одной из важных проблем экономического или экологического характера, будь то Комиссия по освоению бассейна оз. Чад (с 1964 г.), Администрация бассейна р. Нигер (1964), Организация по освоению бассейна рек Сенегал (1972), Мано (1973), Кагеры (1977), Гамбии (1982), Организация по борьбе с засухой (1973 и 1986) и т. п. Каждая из них разрабатывает проекты, намечает планы совместных согласованных действий, формирует свою администрацию, договаривается о координации и т. п. Пусть межгосударственные и региональные связи в рамках перечисленных организаций еще слабы, как не имеют обязательной силы их рекомендации, особенно если они противоречат интересам какой-либо из заинтересованных сторон. Однако сам интеграционный импульс, стремление к сотрудничеству весьма существенны для Африки, для преодоления ее отсталости и раздробленности.

Труден этот путь для вчера еще полупервобытной, а то и просто первобытной Африки. Но, опираясь на уже достигнутое, ориентируясь не на конфликты, а на поиски компромиссов и на сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами, Африка вполне может рассчитывать на успех. Пусть не быстрый и не легкий, но на успех в конечном счете. И это очень важно, как важно осознать и самой Африке, и всему миру, что происходящие на континенте благотворные перемены, даже если они и не сразу дадут результаты, в конечном счете могут помочь решению многих сложных проблем Тропической Африки.

Арабские страны Африки

Группа современных арабских государств Африки в историко-цивилизационном плане является прямым наследником арабского мира времен халифата, хотя некоторые из них, как Египет и Ливия, уходят корнями в глубь истории. Все они позже оказались в вассальной зависимости от турецкого султана и еще позже — в колониальной зависимости различной степени от европейских держав. Пройдя таким образом свой нелегкий исторический путь, арабские страны Африки обрели в середине XX века политическую независимость и вместе с другими странами арабского мира стали играть заметную роль на политической арене.

Всего в мире сейчас около двадцати арабских стран, причем все они входят в основанную в 1945 г. Лигу арабских стран, созданную для защиты интересов арабских государств, для сплочения их и координации их общей политики. Надо заметить, что арабы практически всех современных арабских государств, объединенные общей исторической судьбой, языком, религией, культурой, да и многими прочими этническими признаками, считают себя частями единой арабской нации. Однако это самосознание мало способствует их интеграции. Если не считать объединения в рамках Лиги, все прочие попытки интеграции обычно давали отрицательный эффект. Можно напомнить о непрочном, рухнувшем после нескольких лет существования объединении Сирии и Египта в рамках Объединенной Арабской Республики (1958—1961), упомянуть о нескольких экстравагантных попытках ливийского руководителя М. Каддафи соединить Ливию чуть ли не с каждым из ее арабских соседей, от чего все решительно отказывались. Единственное исключение на этом фоне — созданный сравнительно недавно из двух частей, северной и южной, единый Йемен.

Территориально современные арабские страны, о которых в этой и последующей главе пойдет речь, подразделяются на три большие зоны, африканскую, восточно-средиземноморскую и аравийскую. У каждой из этих зон своя судьба, но при этом первые две в чем-то ближе друг к другу, а крупнейшая из арабских стран, Египет, в котором проживает около трети общего числа арабов, как бы сближает их между собой, так как принадлежит одновременно к обеим. Дело в том, что по многим параметрам разница между африканской и восточно-средиземноморской зонами невелика, хотя приоритет средиземноморской достаточно ощутим. Третья, аравийская зона до недавнего времени была отсталой периферией арабского мира, но нефтедоллары позволили ей за последние четверть века преобразиться, как Золушке из известной сказки.

На сегодняшний день арабские страны очень неодинаковы, среди них есть большие и малые, богатые и бедные, многонаселенные и малолюдные. И хотя в рамках арабского единства существует практика взаимопомощи (богатые государства помогают нуждающимся), каждая страна имеет собственную судьбу и дорожит ею. Это сыграло свою роль в том, что тенденция к политической интеграции арабов не дала должного эффекта. Более того, когда попытки интеграции осуществлялись посредством насилия, как то было в 1990—1991 гг. в зоне Персидского залива (попытка аннексии Ираком Кувейта), большинство арабского мира решительно выступило вместе с другими странами мира против агрессора.

Африканская зона арабского мира часто именуется сводным термином Магриб (Запад), хотя в строгом смысле этого понятия термином Магриб обозначаются страны лишь к западу от Египта. Но так как в Африке расположены и Египет, и еще одна арабская страна, Судан, которые находятся восточнее, то целесообразнее говорить просто об арабских странах Африки, об арабской Африке или африканских арабах.

Страны Магриба :

Алжир, Марокко, Мавритания, Тунис, Ливия

Крупнейшей страной арабского Магриба считается **Алжир** (ок. 30 млн. жителей). Завоевав в нелегкой борьбе с французскими колонистами свободу и торжественно объявив на Учредительном собрании 1962 г. о создании независимой Алжирской Народной Демократической Республики, новое государство с первых дней своего существования стало на путь радикальных реформ и преобразований. Оказавшаяся в руководстве страны марксистски ориентированная правящая элита вчерашних борцов за свободу сочла первое алжирское правительство А. Бен Беллы недостаточно радикальным, и в 1965 г. сместивший Бен Беллу глава Революционного Совета Х. Бумедьен и правящая партия Фронт национального освобождения (ФНО) взяли курс на построение «социализма в рамках национальных ценностей и ислама». Национальная хартия и новая конституция 1976 г. выработали собственную линию развития, которая не совпадала с развитием по марксистско-социалистической модели, но кое-что из нее взяла. Социально-экономические преобразования свелись к национализации значительной части собственности и национальных ресурсов страны при сохранении, однако, определенных позиций за частным капиталом; политико-идеологические — к стремлению совместить несколько секуляризованные ценности ислама с идеями социализма. Пятилетние планы с установкой на индустриализацию страны выявили неэффективность государственной

экономики, которая до определенного момента гасилась доходами от нефти. Упадок наблюдался и в сельском хозяйстве: кооперативы и иные формы коллективного труда в деревне оказались нерентабельными, так что после эвакуации европейских колонистов до того кормивший себя Алжир стал удовлетворять свои потребности в продукции сельского хозяйства лишь на 30%. Все это, включая и падение цен на нефть в середине 80-х годов, привело к острому кризису в экономике.

Встал вопрос об экономической реформе (1986—1987), направленной на приватизацию промышленности, предоставление определенной самостоятельности государственным предприятиям, на поощрение частного сектора в городе и деревне. Однако реформы явно запоздали. Несмотря на рост частного сектора — а в какой-то степени именно из-за этого, — в стране усилились кризисные явления, возросли безработица, инфляция и социальная напряженность, чем не преминули воспользоваться противники режима из числа исламских фундаменталистов. Преемник умершего в 1978 г. Бумедьена Ш. Бенджедид быстро терял доверие населения, явно уставшего от истощивших страну экспериментов, сопровождавшихся коррупцией и некомпетентностью руководителей страны и ее хозяйства. Под давлением изменившейся ситуации и оппозиции власти были вынуждены в 1989 г. принять новую конституцию, допускавшую многопартийность.

Этим воспользовались оппозиционеры из числа экстремистских мусульманских группировок. На выборах в муниципалитеты в июне 1990 г. Исламский фронт спасения получил большинство голосов избирателей и большинство мест в двух третях областей страны. Воодушевленные победой фундаменталисты стали требовать новых выборов в парламент. Этим требованием и успехами фундаменталистов были напуганы власти, да и не только они. Многие партии, вышедшие на арену политической жизни в 1990—1991 гг., заняли достаточно умеренные позиции. Назначенные на лето 1991 г. выборы в парламент были в последний момент отложены на полгода. Первый тур выборов на рубеже 1991—1992 гг. принес победу фундаменталистам, после чего руководство Алжира отменило второй тур, ликвидировало результаты первого и, воспользовавшись террористическими актами недовольных сторонников Исламского фронта спасения, объявило это движение вне закона. В стране резко ускорились темпы реформ, направленных в сторону создания основ рыночной экономики и светского плюралистического государства. Однако параллельно резко усилилась и политическая напряженность.

Дело в том, что недовольные политикой властей многочисленные сторонники ревнителей ислама объявили правительству — а вместе с ним и всему народу — войну. Террористические акты следовали один за другим и многие десятки тысяч ни в чем не повинных людей, подчас целые деревни, безжалостно уничтожались экстремистами. Власти с большим трудом, затратив на это многие годы, не говоря уже о

погибших и нанесенном стране материальном ущербе, сумели приостановить наступление на Алжир исламского фундаментализма. Большую роль в этом сыграл приход к власти в 1999 г. нового президента А. Бутефлики, который принял ряд энергичных мер для прекращения вооруженного противостояния с исламскими экстремистскими организациями и на референдуме с вопросом о доверии к его шагам по достижению национального согласия получил внушительную поддержку (85 %). В стране возникли объективные условия для выздоровления, хотя об окончательном урегулировании отношений с воинствующими алжирскими исламистами говорить еще рано.

Что касается экономического состояния современного Алжира, то следует заметить, что он производит некоторое количество нефти и газа, развивает промышленность, львиная доля которой находится пока еще под контролем государства. Постепенно в стране проводятся рыночные реформы. Немалый долг отягощает страну, экономическая политика руководства которой еще недавно отдавала столь значительную дань идеям социализма.

Марокко — независимое государство с 1956 г., конституционная монархия с населением ок. 30 млн. человек. По конституции 1972 г., дополненной в 1980 г., король Хасан II делит власть с парламентом, созданным на многопартийной основе. В политическом плане Марокко демонстрирует завидную стабильность, чему способствует устойчивая плюралистическая система с ориентацией на буржуазно-демократические нормы. Будучи страной в основном аграрной и в этом смысле более отсталой по уровню экономического развития, чем Алжир, Марокко, тем не менее, уверенно идет вперед по пути наращивания экономического потенциала. В стране преобладает частный капитал, включая иностранные инвестиции. Богатые залежи фосфоритов (3-е место в мире), а также уголь, металлические руды создают условия для развития горно-добывающей промышленности. Продукции сельского хозяйства, включая рыболовство, стране с избытком хватает для удовлетворения собственных нужд, остается и для вывоза. Среди экспортных товаров — цитрусовые, сардины. Немалая часть марокканцев выезжает в поисках заработков за границу, прежде всего во Францию.

Марокканско-алжирские отношения резко ухудшились в 70-х годах из-за вопроса о так называемой Испанской (ныне она именуется Западной) Сахаре, малонаселенной территории на Атлантическом побережье Африки к юго-западу от Марокко. В спор за Западную Сахару вступили Марокко, Алжир и Мавритания, граничащие с ней. В 1975 г. Испания официально передала административные функции в Западной Сахаре Марокко и Мавритании. В 1979 г. Мавритания под нажимом организации западно-сахарских националистов ПОЛИСА-РИО отказалась от претензий на часть Западной Сахары. Марокко, напротив, аннексировало значительную часть ее территории, причем бежавшие от аннексии нашли убежище в Алжире, оказывавшем под-

держку ПОЛИСАРИО, что в немалой степени, видимо, определялось и марксистско-социалистическими симпатиями руководителей этой организации, борющейся за независимость Сахары. Война с ПОЛИСАРИО сильно истощила экономику Марокко — достаточно напомнить о многокилометровой стене, которой Марокко попыталось отгородить свои владения от набегов националистов. Тем не менее Марокко является собой достаточно редкий в Африке пример политической стабильности и экономических успехов.

90-е годы прошли здесь без особых потрясений, если не считать волны исламизма, захлестнувшей практически все страны Магриба. В Марокко эта волна была относительно слабой и проявила себя в основном в студенческих волнениях 1997 г. Недовольство студентов условиями их жизни и учебы было легко использовано ревнителями ислама, что не следует считать удивительным, если принять во внимание, сколь большую роль сыграли студенты в исламской революции 1978—1979 гг. в Иране.

В 90-х годах к власти в стране пришел новый король Мухаммед VI, взявший курс на создание в Марокко конституционной монархии западного типа с одновременным ускорением процесса модернизации и экономического развития. Политика короля нуждается в помощи европейских стран, особенно соседней Испании, король которой Хуан Карлос служит для Мухаммеда своего рода образцом. За последние годы вновь обострилась ситуация с Западной Сахарой, где по решению ООН намечено провести референдум. Позиция Испании в отношении судьбы этой территории до последнего времени была не очень ясна. Король Мухаммед рассчитывает, что Испания не поддержит ПОЛИСАРИО.

Мавритания с ее 2 млн. жителей, в основном арабов и арабо-берберов, с 1960 г. является независимой исламской республикой. Расположенная к югу от Марокко, в основном на песках Сахары, она является малонаселенной и в экономическом отношении слабо развитое государство с доходом на душу населения в 370 долларов (в середине 80-х годов). С 1965 г. в стране господствует однопартийная система, а с 1978 г. власть в руках военных. Вывозит железную руду и продукцию рыболовства; неплохо развито скотоводство. Частная инициатива в стране поощряется, что способствует развитию экономики и торговли. Мавритания на юге граничит со странами Тропической Африки, в частности с Сенегалом. Иногда это соседство ведет к вовлеченности Мавритании в дела соседей, как это имело место в случае с сепаратистскими волнениями в Сенегале.

С 1997 г. президент страны — А. Ахмед Тайя. В Мавритании существует многопартийная система, работает парламент. ВВП в 90-х годах примерно равен 1 млрд. долларов. Доход на душу населения — 640 долларов, что на фоне многих бедных стран Африки выглядит не так уж плохо.

Тунис (население ок. 9 млн. человек) с 1957 г. стал республикой. К власти вместо упраздненной монархии пришла партия Нео-Дестур с ее социалистическим уклоном. Во главе партии стоял создавший ее в 1934 г. Х. Бургиба. Конституция 1959 г. ввела в стране президентское правление, президентом страны был Бургиба до его ухода от власти в 1987 г. по состоянию здоровья. В 1987 г. президентом стал, согласно конституции, премьер З. Бен Али, который одновременно возглавил дестуровскую партию, переименованную в Демократическое конституционное объединение. С 1981 г. в стране введена система многопартийного плюрализма, однако созданные и легализованные в результате этого акта партии при Бургибе не были в состоянии составить серьезную конкуренцию правящей дестуровской.

Экономическая доктрина дестуровцев, предполагавшая гармоничное сочетание государственного, кооперативного и частного секторов экономики, достаточно быстро, за десятилетие с небольшим, выявила свою слабость и неэффективность. С 1969 г. в стране начался энергичный процесс реформ, в частности приватизации государственных предприятий. Были либерализованы система торговли и финансов, ликвидированы не оправдавшие себя кооперативы, стали активно поощряться частное владение землей и предпринимательство. Небольшое количество добываемой в Тунисе нефти и частичный ее экспорт обеспечивают страну необходимой валютой, равно как и вывоз продуктов обработки фосфоритов, традиционных фиников и оливкового масла. Большая статья дохода — тунисский туризм: достаточно напомнить о развалинах Карфагена.

После прихода к власти президента Бен Али многое в Тунисе стало изменяться в лучшую сторону. Ушли в прошлое автократизм Бургибы и всесилие дестуровских идей. Возвратились в страну эмигранты. Пресса получила полную свободу. Демократические реформы привели к подлинному политическому плюрализму и созданию правового государства. Волна исламизма, затронувшая и Тунис, захлебнулась. Бен Али, проявив государственную мудрость, совершил хадж в Мекку и тем как бы признал право на существование умеренного исламизма в Тунисе. Но не более того. Права женщин гарантированы в конституции наравне с правами мужчин. Вообще стабильность политической структуры, динамичное развитие экономики и сравнительно высокий уровень развития культуры и необходимой инфраструктуры выгодно выделяют не слишком богатый, но весьма привлекательный для иностранцев Тунис среди прочих стран Северной Африки. Пожалуй, из всех стран Магриба Тунис является если не наиболее процветающим, то, во всяком случае, наиболее уважаемым и близким к европейским стандартам. ВВП в 1997 г. — 20 млрд. долларов.

Ливия с ее пустынями и немногочисленным (5 млн. человек) населением могла бы считаться одной из самых отсталых среди араб-

ских стран Африки. Она и была именно такой, когда в 1951 г. при поддержке ООН обрела свою независимость. Тогда это была монархия, тесно сотрудничавшая со странами Запада. Но открытие в Ливии нефтяных месторождений и их интенсивная эксплуатация круто изменили судьбу страны. Поток нефтедолларов вначале способствовал укреплению позиций конституционной монархии и ее главы Идриса I. Однако в недрах богатевшей и понемногу решавшей свои проблемы страны созрел заговор, нити которого шли к Организации свободных офицеров, созданной в Ливии в 1964 г. по образцу египетской и имевшей сходные установки и цели. В результате военного переворота 1969 г. монархия была низвергнута, а власть в стране перешла к Совету революционного командования во главе с М. Каддафи.

Экстремист по натуре, Каддафи жесткой рукой принялся за радикальные реформы, руководствуясь при этом собственными представлениями о благе народном и не останавливаясь перед самыми рискованными экспериментами. В сфере политико-административной были упразднены привычные формы власти. Ливия стала в 1977 г. джамахирией, т. е. общенародным самоуправляемым государством. В центре и на местах были созданы народные собрания, руководители которых составили Всеобщий народный конгресс, заменивший собой парламент. Эти и им подобные эксперименты сопровождалась национализацией экономики под лозунгами исламского социализма, обоснованию доктрины которого сам Каддафи посвятил свои книги. Вместо упраздненных в стране партий были созданы «революционные комитеты», руководившие деятельностью собраний, а руководитель страны стал именовать себя не иначе, как лидером революции.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не нефтедоллары, десятки миллиардов которых не только щедро оплачивают издержки экспериментов, но и сохраняют необходимый жизненный уровень. Для работы на нефтепромыслах и функционирования всей обслуживающей их инфраструктуры Ливия энергично импортировала рабочую силу: около полумиллиона рабочих из Турции, арабских стран, даже из Южной Кореи были заняты в этой стране, собственное население которой из-за его отсталости и неквалифицированности не могло их заменить. Правда, с годами ситуация в этом плане изменилась, так что сегодня число иностранных рабочих наполовину уменьшилось. Сокращение потока нефтедолларов в связи с падением цен на нефть в начале 80-х годов вызвало в Ливии некоторые экономические затруднения. Однако и оставшихся денег с избытком хватало не только на импорт продовольствия и иных товаров для снабжения ими населения, давно уже оказавшегося не в состоянии само себя прокормить, но и для закупок современного оружия, широ-

комасштабного строительства военных объектов, включая предприятия по изготовлению оружия, в том числе массового поражения.

Ливия имеет хорошо обученную и до зубов вооруженную армию, много более сильную, чем это можно было бы считать нормальным для столь небольшой страны. Мало того, Каддафи, опираясь на провозглашенную им внешнеполитическую доктрину, суть которой сводится к решительной борьбе с империализмом, энергично поддерживает все вооруженные партизанские и террористические группировки в мире, будь то палестинские или ирландские. И не только поддерживает финансами, но и обеспечивает условия для их успешной деятельности, создает на своей территории базы для их обучения и оснащения и, следовательно, в глазах мирового общественного мнения несет ответственность за различного рода террористические акты, убийства политических противников, взрывы на самолетах и т. п. Словом, усилиями Каддафи Ливия за последние десятилетия обрела устойчивую репутацию страны, поощряющей международный терроризм и принимающей в нем едва ли не наиболее активное участие среди других стран, особенно если иметь в виду именно государственный уровень.

Конец 80-х — начало 90-х годов прошли в мире под знаком крушения позиций марксистского социализма. Хотя Каддафи исповедует социализм несколько иного толка, по своей деструктивности и ряду других параметров он достаточно близок марксистскому, так что перемены в мире не могли косвенно не затронуть и Ливию. В 1986 г. там были предприняты некоторые меры, направленные на либерализацию экономики («зеленая перестройка»). Тем не менее Ливия лишь на 30%, как и соседний Алжир, удовлетворяет свои потребности в сельскохозяйственных продуктах, компенсируя расходы нефтедолларами. Почти 90 % промышленного производства находится в руках государства.

Стоит заметить, что в 90-х годах несколько изменилась тональность общения лидера Ливии с миром. В 1991—1992 гг. в связи с увеличением его сотрудников в совершении взрывов на авиалайнерах и предпринятыми в связи с этим международными санкциями Каддафи громко заявил, что он не поддерживает и не будет поддерживать террористов. И хотя громогласные заявления Каддафи, как показывает жизнь, мало чего стоят, тон их заслуживает быть принятым во внимание. Под нажимом мировой общественности и в результате одобренных ООН санкций в конце 90-х годов Каддафи был вынужден выдать тех двух террористов из числа сотрудников спецслужб Ливии, которые были обвинены в подготовке взрыва лайнера над Локерби (Шотландия), когда погибли 270 человек. Террористы находятся под судом в Европе, причем сам Каддафи уже успел выступить с разъяснением, что он лично не несет никакой ответственности за их поступки, ибо именно это вытекает из структуры созданной им джамахирии.

Египет, как уже упоминалось, — главная страна арабского мира, его наиболее населенная (св. 50 млн. человек) и развитая часть. После достижения независимости, ликвидации монархии, успешной войны 1956 г. и национализации Суэцкого канала руководство страны во главе с президентом Насером взяло курс на строительство социализма по марксистской модели. За 1961—1964 гг. были национализированы вся крупная и средняя промышленность (в 1965 г. государственный сектор давал 85% промышленной продукции), финансы, транспорт, внешняя торговля и т. п. Были также приняты меры по социальному обеспечению населения, особенно неимущей его части. В Хартии национальных действий 1962 г. говорилось о необходимости научного планирования экономики, ограничении крупного капитала и строительстве социализма, правда, без диктатуры пролетариата и с сохранением неэксплуататорского мелкого частного предпринимательства. В том же году был создан Арабский социалистический союз как правящая партия страны в рамках парламентарной однопартийной структуры. Декларация 1964 г. объявила все национализированное хозяйство страны общенародной собственностью. Во всех этих преобразованиях СССР оказывал Египту большую и дорогостоящую помощь — достаточно напомнить о вооруженной нами египетской армии и об Асуанской плотине.

Поражение в арабо-израильской войне 1967 г. и вынужденный курс Насера на союз с богатыми аравийскими государствами (которые прежде он именовал «реакционными монархиями»), взявшимися компенсировать ущерб, а также временное закрытие Суэцкого канала явились началом некоторой переоценки ситуации в стране. Экономика оказалась в состоянии стагнации, причем даже все возраставшие доходы от нефти не могли существенно изменить положение. Смерть Насера в 1970 г. и новая война с Израилем в 1973 г. окончательно расставили все точки над «i». Неэффективность государственной экономики становилась очевидной и, более того, угрожающей для то и дело терпевшей политические неудачи страны. Преемник Насера А. Садат с 1974 г. взял решительный курс на реприватизацию экономики и поощрение частного сектора. В стране была восстановлена многопартийная система, а тесные связи с СССР стали свертываться. Эта же линия была продолжена сменившим Садата в 1981 г. президентом Х. Мубараком и в целом она принесла свои позитивные для экономики Египта результаты. Конец 70-х и 80-е годы были периодом бурного экономического развития страны, уверенно вступившей на путь капиталистического развития. Изменился и политический курс Египта, что нашло проявление в кэмп-дэвидском соглашении и заключении мирного договора с Израилем (1979), а затем и в урегулировании взаимоотношений с недовольными этим арабскими странами.

Гибкая внешняя политика Египта пришлась не по вкусу многим арабским странам, обвинившим правительство Садата в том, что оно предало интересы палестинцев. Как известно, многие из этих стран разорвали дипломатические отношения с Египтом, было приостановлено и членство его в Лиге арабских стран. Но Египет не уступил. Время показало, что избранная Садатом политика поиска мирного решения отношений с Израилем оправдала себя, и это в конечном счете были вынуждены признать прежде осуждавшие ее арабские страны. В 1987 г. порванные дипломатические отношения были восстановлены, затем Египет снова стал полноправным членом Лиги.

Поворот политического курса в годы правления президента Садата проявился не только в экономике и внешнеполитических актах, но также и в сфере внутренней политики. Была открыта дорога многопартийному плюрализму, изменился характер деятельности парламента, нейтрализованы экстремистские группировки. Правда, члены одной из них, «братья-мусульмане», убили Садата во время военного парада. Но это убийство не изменило политики страны и ее уверенной рыночно-частнособственнической ориентации. В Египте появилось довольно много богатых предпринимателей, что явно свидетельствует о процветании экономики. Средний доход на душу населения в конце 80-х годов составлял 700 долларов, что для Африки в целом неплохой показатель. Кроме того, Египет — страна высокой культуры, с большим количеством почитаемых древних развалин и памятников, включая великие пирамиды и богатейшие музеи, наполненные раритетами. Индустрия туризма дает экономике страны немалый доход. Большое количество, временами до 2 млн., египтян работает вне страны, пересылая на родину немалую часть своих заработков, как правило, в высоко ценимой валюте.

В дни спровоцированной Ираком в 1990 г. войны в Персидском заливе Египет проявил себя с лучшей стороны, решительно выступив в защиту жертвы агрессии — Кувейта. Умеренных позиций придерживался он и в ходе попыток начала 90-х годов и в 2000 г. найти мирные пути решения палестинской проблемы. Высокий авторитет страны проявился в конце 1991 г. в том, что ООН подавляющим большинством голосов избрала ее представителя Б. Гали, египетского копта-христианина и одного из наиболее опытных руководителей, в недавнем прошлом министра иностранных дел, генеральным секретарем этой всемирной организации.

В 90-е годы в Египте — как и в ряде других мусульманских стран — усилились позиции фундаменталистов. Отряды исламских экстремистов объявили войну правительству и, как в Алжире, производили террористические акты, в результате которых гибли мирные люди, в том числе и иностранные туристы, охота на которых была составной частью

наступления мятежников. Принятые властями решительные меры, а также выдвижение на передний план в стране уважаемых в исламском мире богословов, осудивших радикализм и призвавших к веротерпимости (речь о новом министре вакуфов М. Закзуке, муфтии Н. Фариде и главе университета Аль-Азхар шейхе Тантауи), сыграли важную роль в пресечении деятельности террористов. Руководство страны и, в частности, президент Мубаррак не позволили сбить страну с избранного ею пути. Египет по-прежнему имеет огромный авторитет в арабском мире, а его миротворческие усилия в ближневосточном конфликте приносят немалые результаты.

Судан — еще одно крупное арабское государство в восточной части континента, с населением около 23 млн. человек. Только половину этого населения составляют арабы, сконцентрированные в основном на севере страны, близ границ с Египтом. Южная часть Судана населена африканцами из числа негритянских этнических общностей, причем это этнорасовое несходство обеих частей страны является одной из важных причин внутренней политической нестабильности Судана, обретшего независимость в 1956 г.

На протяжении 1958—1969 гг. в стране произошло несколько переворотов, пока к власти не пришел генерал Д. Нимейри, ставший президентом. Политические партии после 1969 г. были запрещены, была проведена широкомасштабная национализация в сфере экономики, установлены тесные связи с СССР и получена помощь от него в строительстве ряда промышленных предприятий и иных сооружений. Было ограничено право собственности прежних властителей, особенно негритянских вождей южной части страны. В то же время Нимейри приложил немало усилий, чтобы блокировать сепаратистские выступления на юге, где мятежи почти никогда не прекращались. С 1971 г., после неудачной попытки радикального переворота, Нимейри изменил свой политический курс, отказавшись от сотрудничества с СССР и сделав заметный крен в сторону ислама. Новое законодательство 1983 г. формально выдвинуло на передний план законы шариата.

Военный переворот 1985 г. низложил Нимейри. Пришедшие к власти генералы распустили его партию Суданский социалистический союз и объявили о введении многопартийного плюрализма. В 1986 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, после чего было создано коалиционное правительство во главе с лидером партии «аль-Умма». Конец 80-х годов был ознаменован ростом политической нестабильности в Судане, что, кроме всего прочего, оказалось тесно связанным с этноплеменными столкновениями, особенно на юге страны, и с крайней экономической неразвитостью. Хотя с 1993 г. ВВП в Судане растет, а инфляция снижается, это слабо сказывается на экономике страны, в общем-то богатой природными ресурсами. Судан — отсталая

сельскохозяйственная страна. Средний доход на душу населения здесь вдвое меньше египетского. Ощущается нехватка воды. Руководство страны пытается договориться с Египтом и Эфиопией о распределении вод Нила. Около 80% населения неграмотно — при всем том, что эта страна древней культуры и что далекие предки суданцев, мероиты, были причастны к грамоте еще задолго до нашей эры.

Военный переворот 1989 г. ознаменовал наступление в стране эпохи господства исламского фундаментализма в его экстремальной форме. Президентом страны в 1993 г. стал А. Башлир, который начал осуществлять жесткий государственный контроль над экономикой. Под его руководством Судан постепенно превращается в рассадник идей фундаментализма. Здесь стали активно готовить исламских боевиков и террористов из разных стран — во всяком случае до того, как эту функцию взяли на себя афганские талибы.

Арабская Африка: успехи и неудачи

Арабские страны Африки, как это видно из всего, изложенного выше, очень разные. Однако за этой разницей прослеживаются определенные закономерности, о чем и следует сказать теперь в первую очередь. Начнем с того, что две из арабских стран Африки резко выделяются на общем фоне в сторону отсталости. Это Мавритания и Судан, крайние звенья цепи государств, протянувшихся по северной кромке континента с запада на восток, точнее, с северо-запада через север на северо-восток. Обе стороны получившейся таким образом дуги смыкаются своими краями с неарабским негритянским миром Африки, так что неудивительно, что в Мавритании и в Судане заметная доля населения — негроидные этнические общности. Это не могло не наложить своего отпечатка, что проявилось как в сравнительной отсталости соответствующих стран, так и в силе сепаратистских тенденций, рождающих серьезную внутривнутриполитическую нестабильность. В этом смысле Мавритания и Судан как бы оттеняют собой остальную часть арабской Африки, демонстрируя ее цивилизационное и экономическое превосходство по сравнению с негритянскими странами Тропической Африки.

Что касается других арабских стран Северной Африки, то все они, имея свое лицо, в то же время как бы вписываются в некие общие закономерности, частично уже выявленные на примере современной Африки южнее Сахары. Речь идет прежде всего об экспериментах в духе марксистского социализма с нарочитым упором на тотальную национализацию экономики и кооперацию, на ограничение частного сектора и свободного рынка. Как хорошо известно, эти эксперименты

в экономике и социальных отношениях тесно сопряжены с соответствующими принципами во внутренней политике — ограничением демократии, однопартийностью, сильным президентским правлением, нередко перерастающим в деспотическую диктатуру.

Из пяти стран, о которых идет речь, три избрали в свое время такого рода эксперименты. И хотя лишь Египет откровенно ориентировался на марксистскую модель, тогда как ливийский лидер и алжирское руководство отступили от этой модели в сторону более приспособленной к исламу ее модификации, в каждой из этих двух стран особой, общие результаты одинаковы: во всех трех случаях (к ним можно было бы добавить и четвертый, суданский, если бы не кратковременность там эксперимента, не давшая ему проявить себя в полную силу) экономика достаточно быстро оказалась неэффективной. С особенной силой это проявило себя в Египте, где поворот в сторону частнособственнической рыночной экономики был наиболее резким и решительным. В Алжире и тем более в Ливии нефтедоллары заметно смягчили негативные результаты экспериментов, что и позволило лишь в некоторой степени отступить от сомнительной доктрины в сторону прагматических отношений. Но и в Алжире, и даже в Ливии поворот все же стал фактом и об обратном пути в сторону чистого эксперимента уже не может быть речи. Еще раз заметим, что на этот поворот повлияли события, связанные с кризисом мирового марксистского социализма на рубеже 80—90-х годов.

Политическая стабильность в Марокко и Тунисе, с самых первых лет независимого существования уверенно шедших в своем развитии по рыночно-частнособственническому пути, достаточно убедительно свидетельствует о вреде сомнительных социальных экспериментов. Дестуровское движение умеренного буржуазно-социалистического направления экспериментом называть нет оснований. Это лишь определенная тенденция, вполне ощутимая и в ряде развитых стран мира. В любом случае заслуживает внимания то, что лишенные нефти Марокко и Тунис вполне в состоянии прокормить себя и к тому же немало продуктов вывозят на мировой рынок, тогда как имеющие нефть Алжир и особенно Ливия себя не кормят, только нефтедоллары позволяют им сводить концы с концами. И здесь опять-таки приговор системе, склонной к утопическим идеям и экспериментам.

Из всех пяти стран, как богатых нефтью, так и лишенных ее, выделяется Египет. Не то чтобы он очень богат. Если посчитать, маленькая щедро осыпанная нефтедолларами Ливия в расчете на душу населения окажется много богаче. Но Египет добился такого уровня развития экономики, сельского хозяйства и культуры, который позволил ему не только в численном отношении, но и по многим другим параметрам стать подлинным лидером арабского и одним из ведущих

лидеров исламского мира. Египет, несмотря на свои эксперименты насеровского времени — а может быть именно потому, что нашел в себе силы и решимость энергично от них отказаться и преодолеть все связанные с ними потери, — ныне уверенней многих других идет по капиталистическому пути и больше других преуспел в движении по нему.

Если рассматривать и оценивать страны арабской Африки в целом, то за десятилетия независимого существования они сумели достичь достаточно многого. Возрос их престиж в мире, заметны успехи в развитии — где благодаря отказу от рискованных экспериментов, а где вне зависимости от этих экспериментов. Если не говорить о Мавритании и Судане, то остальные страны арабской Африки развиваются в целом достаточно успешно, особенно по сравнению со всей остальной Африкой, не считая ЮАР. Арабские страны Африки мало участвовали в войнах. Египет потерпел ряд неудач в войне с Израилем; Ливия предприняла несколько в общем неудачных военных экспедиций в Чаде; Марокко вело боевые действия против ПОЛИСАРИО. Но все эти военные кампании были маломасштабными и даже в случае их неудачи не слишком сказались на соответствующих странах и их политике (стоит разве что сделать оговорку о неудачах Египта в войнах с Израилем, которые сыграли определенную роль в изменении его политики). В общем, это вполне согласуется с аналогичной незначительной ролью военных действий на всем африканском континенте с его этнополитической пестротой и случайными границами.

Африку как гигантский континент развивающегося мира нередко воспринимают и оценивают в целом, делая при этом лишь необходимые оговорки относительно ЮАР и арабского севера. В этом есть определенный смысл. Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что — оставляя в стороне ЮАР — между негритянской и арабской зонами существует серьезная разница. Она ощущается во многом, а прежде всего — в общем уровне развития и в цивилизационном фундаменте. Именно поэтому первые три главы четвертой части работы были специально посвящены Африке южнее Сахары, тогда как данная глава — и об этом уже упоминалось в ее начале — является частью раздела, посвященного арабским странам и миру ислама в целом. Соответственно и все приводившиеся выше данные, оценки и выводы целесообразно рассматривать именно сквозь арабо-исламскую призму. Если подходить с этой меркой, то окажется, что страны Магриба и Египет — не просто часть мира арабов, но самая многонаселенная и в этом смысле весьма значимая его часть. Здесь, в Африке, проживает свыше $\frac{2}{3}$ всех арабов, а Египет, как упоминалось, является крупнейшей и едва ли не наиболее важной частью арабского мира (в этом с ним может соперничать разве что Саудовская Аравия с ее Меккой).

Арабские страны Азии

Арабы Азии достаточно отчетливо подразделяются на две зоны. Во-первых, это восточно-средиземноморская, к которой тяготеет по ряду параметров также и Ирак. Во-вторых, аравийская с ее преимущественно бедуинским населением. Разница между обеими зонами весьма ощутима во многих отношениях. Правда, за последние десятилетия ситуация сильно изменилась, но тем не менее различия остались. Разница прежде всего в глубине цивилизационного фундамента, а суть ее сводится к тому, что арабы восточно-средиземноморской зоны пришли сюда из Аравии в VII в., причем до их прихода эта земля уже много тысячелетий интенсивно осваивалась земледельцами, была едва ли не центром мировой цивилизации, во всяком случае наиболее древней ее частью (Египет и Двуречье). Иными словами, цивилизационный фундамент этого региона был наиболее мощным и плодотворным, а навыки земледелия и ремесла уходили корнями в глубь многих тысячелетий. Что же касается аравийской зоны, то это древние места обитания арабов и иных семитских этнических групп, причем в силу природных условий они в основном пригодны лишь для кочевой жизни бедуинов, с редкими и небольшими земледельческими оазисами типа той же Мекки.

Разница, о которой идет речь, многое может объяснить и в последующей судьбе арабских государств обеих азиатских зон, когда поток нефтедолларов стал решительно менять структуру стран аравийской зоны и соотношение между зонами. Это касается и темпов, и качества, и направления развития. Почему, например, Кувейт или Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) стали процветающими мирными государствами, а качающий ту же нефть Ирак — агрессивной диктатурой? Разумеется, здесь сыграли свою роль многие факторы, начиная с размеров и населенности той или иной страны. Но среди прочих — и практика имперского мышления с соответствующими традициями, столь хорошо знакомая восточно-средиземноморской зоне и столь мало — бедуинам Аравии. Впрочем, чтобы разобраться в этом, обратим внимание на сами страны, о которых идет речь.

Страны Восточного Средиземноморья

В этом регионе четыре арабские страны — Сирия, Ливан, Иордания, Ирак (проблема Палестины будет рассматриваться особо). Две из них, Сирия и Ирак, — сравнительно крупные, сильные, даже агрессивные государства, если иметь в виду господствующие в них политические

режимы; две другие — государства небольшие и слабые, особенно это касается Ливана.

Сирия с ее 15 млн. населения после неудачной попытки объединения с Египтом в 1963 г. оказалась под властью лидеров ПАСВ (БААС), партии арабского социалистического возрождения. По духу своему это была партия национального единства арабов, и в ней было немало сторонников восстановления унии с Египтом и даже прибавления к этой унии Ирака. Однако в ПАСВ достаточно быстро верх одержала националистическая фракция с ориентацией на тоталитарный социализм, во многом близкий к классической советской марксистской модели (национализация предприятий и ресурсов страны, акцент на общественную собственность, правда, с признанием роли мелкой частной собственности и предпринимательской инициативы). Вскоре социалистический акцент в экономике был смягчен, но за этим последовал военный переворот 1966 г., вновь приведший к руководству страной радикалов. Курс на укрепление роли государственного сектора в экономике был продолжен.

Конституция 1969 г. определила Сирию как демократическую, народную и социалистическую республику с плановой экономикой, с ограниченной рамками закона частной собственностью. В 1972 г. во главе республики стал президент Х. Асад, а по конституции 1973 г., одобренной всеобщим референдумом, к формуле о плановой экономике был добавлен тезис о ликвидации «всех форм эксплуатации». Явный светский социалистический уклон политики нового руководства был уравновешен реверансами в адрес ислама. Арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг. способствовали увеличению роли Сирии в общем противостоянии арабов Израилю, что также говорило в пользу признания заслуг сирийского руководства в борьбе за ценности ислама. На волне этого признания Сирия попыталась было в конце 70-х годов улучшить свои взаимоотношения с арабскими соседями, Иорданией и Ираком, но в силу ряда причин, включая и вмешательство Сирии в дела раздираемого внутривосточными и религиозными конфликтами Ливана, этого не удалось достичь. Зато постепенно становилось все более очевидным сближение Сирии с экстремистски настроенным лидером Ливии Каддафи.

Несмотря на ряд мер, предпринятых в 1974 и 1979 гг. и направленных на либерализацию экономики, руководство Сирии не изменило своего курса, более того, постепенно радикализировало его. Эта радикализация проявлялась не только в дружбе с Ливией, но и в противостоянии умеренной политике Египта, и в той позиции, которую руководство страны заняло в ирано-иракском конфликте 1980—1988 гг., когда Ливия и Сирия оказались союзниками радикального, даже экстремистски настроенного правительства Ирана, но не Ирака, правитель которого, к слову, в то время еще не был символом радикализма и экстремизма на Ближнем Востоке. Кроме того, Сирия все эти годы

была одним из ближайших, если не самым близким союзником СССР на Ближнем Востоке.

Политика и позиция Сирии в Ливане, исторически связанном с нею многими корнями, требует особого разговора. Вкратце можно сказать, что долгие годы это вмешательство выглядело более негативным, нежели позитивным, даже имея в виду совместное всеарабское противостояние Израилю. Но в начале 90-х годов оно неожиданно оказалось залогом оздоровления ситуации в Ливане. Едва ли это заслуга Сирии, скорее так сложились обстоятельства. Но факт остается фактом, как фактом остается и резкое противостояние Сирии и Ирака, что на первый взгляд может показаться удивительным хотя бы потому, что обе страны держатся почти одинакового курса во внешней, внутренней и экономической политике, имеют сходные режимы (буквально режимы-близнецы) и в обеих у власти стоит одна и та же партия ПАСВ, точнее, ответвления одной и той же первоначально единой партии. Видимо, здесь следует говорить уже не столько о близости режимов и политических курсов или партий, сколько о национальных интересах, которые Сирию и Ирак в основном и разделяют, прежде всего потому, что в рамках арабского Ближнего Востока обе страны объективно выступают как два сильных соперника. Обострилось за последние годы и противостояние Сирии с Турцией, связанное как с пограничными претензиями, включая политику по отношению к курдам, так и с проблемой водных ресурсов (имеются в виду воды реки Евфрат).

В заключение существенно заметить, что социальные эксперименты, проводимые правительством Сирии в экономике, не могли привести эту страну к процветанию, скорее наоборот. Экономические реформы в середине 90-х годов застопорились. Рост производства упал с 7 до 3,4 %. Доход на душу населения остановился на скромном для арабской страны на уровне в 1500 долларов. Банки остались под жестким контролем государства. Инвестиций практически нет, как нет в стране реально гарантированных прав и свобод. Военные расходы съедают практически всю валюту. И если неэффективное национализированное хозяйство не привело страну к экономическому кризису, то это не столько потому, что частный сектор в определенных пропорциях всегда продолжал существовать, хотя это весьма существенно, сколько из-за того, что Сирии, на чьи плечи падает весомая доля в борьбе с Израилем, активно помогают нефтедобывающие арабские страны (не стоит забывать и о немалой советской помощи, причем не только оружием). Нельзя сбрасывать со счетов и стабилизирующую роль правительства Х. Асада, стоявшего во главе страны почти тридцать лет. Опираясь на силовые структуры, но сохраняя при этом некий демократический фасад (парламент, партия, Национальный фронт), президент пользовался популярностью в стране и поддержкой деловых кругов. Спорадические чистки в армии и государственном аппарате способствовали укреплению его власти. В последние годы тяжело больной Асад более всего был озабочен тем, чтобы подготовить себе

преемника в лице младшего сына, врача по специальности, Башара (старший сын, давно готовившийся к этому, трагически погиб в 1994 г.). Как известно, после смерти отца в 2000 г. именно Башар стал во главе Сирии. Не исключено, что это приведет к некоторому смягчению отношений Сирии с рядом стран, в том числе с Израилем.

Ирак с его 22 млн. населения — вторая крупная арабская страна ближневосточной и восточно-средиземноморской зоны. После революции 1958 г. эта страна, занимающая территорию древнего Двуречья, перестала быть монархией. В 1963 г. на передний план в Ираке, как и в соседней Сирии, вышла партия ПАСВ, хотя она и не сразу укрепилась в позиции правящей партии, ибо между претендентами на руководство страной шла ожесточенная борьба. 1969—1971 годы были отмечены реформами, направленными на усиление государственного сектора в экономике и кооперации в сельском хозяйстве. В 1974 г. на долю государственной экономики приходилось около 3/4 промышленной продукции, чему способствовало и заметно усилившееся сотрудничество с СССР.

Политическая власть в стране не была стабильной, перевороты следовали один за другим, острая внутривластная ситуация то и дело осложнялась национальными конфликтами с иракскими курдами на севере. Рискованные социальные и экономические эксперименты не приносили и не могли принести успеха. Положение спасла национализация нефтяной промышленности страны с полной ликвидацией здесь позиций иностранных компаний. Резкое увеличение доходов от нефти в 70-х годах, когда цены на нефть были весьма высокими, позволило Ираку компенсировать все экономические неудачи и еще остаться в выигрыше, несмотря на большие расходы, связанные с закупкой оружия. Ежегодный доход от нефти составлял 21—26 млрд. долларов. Это усиление потока нефтедолларов могло бы сыграть важную позитивную роль в судьбах Ирака, если бы не война с Ираном, стоившая огромных жертв и материальных затрат и завершившаяся безрезультатно.

Приход в 1979 г. к власти в партии ПАСВ и в государстве С. Хусейна явился важной вехой в истории страны. Жестокий и беспринципный политик, коварно уничтоживший всех своих потенциальных соперников и умело установивший в стране режим тоталитарной диктатуры, Хусейн достаточно быстро сориентировался в обстановке и принял ряд мер, которые должны были способствовать росту его популярности. Прежде всего, он либерализовал экономическую политику, признав роль и место частной собственности и перестав рассуждать на каждом углу о социализме, чем обычно грешили его предшественники. Затем он стал играть на чувствительных струнах национального достоинства, выдвинув на передний план образ врага, против которого всем надлежало сплотиться. Хусейн был бы рад найти этого врага в Израиле, что принесло бы ему, бесспорно, много больше очков. Но Израиль оказался вне сферы его возможностей; кроме того, с ним уже успешно веда

политику жесткого противостояния Сирия, соперничество Ирака с которой все время обострялось. Оставался один возможный враг — Иран. Была и причина вражды — спорные территории в районе Персидского залива. Именно с приходом Хусейна к власти в 1979 г. то и дело возникали в районе этих территорий конфликты и вооруженные столкновения, которые в 1980 г. переросли в широкомасштабную войну.

Война затянулась почти на десятилетие. Хотя она не принесла успеха ни одной из сторон и дорого обошлась каждой, победителем в ней оказался С. Хусейн. Это с особой силой выявилось на рубеже 80—90-х годов, когда в глазах населения Ирака Хусейн стал почти обожествленным национальным вождем, подлинным харизматическим лидером, которому верят и за которым готовы идти если не все, то очень многие. И вот здесь-то Хусейн решил играть ва-банк, пойдя на авантюру, которая могла в случае удачи сделать его лидером всего арабского, может быть даже арабо-исламского мира. Речь идет об аннексии Кувейта с дальним прицелом: в случае войны держав против агрессора обрушить всю накопленную страной военную мощь, включая оружие массового уничтожения, на Израиль и тем расколоть мир на враждующие лагеря и спасти свое положение. Как известно, авантюра провалилась. Кувейт был почти бескровно для войск коалиции, куда вошли и многие арабские страны, освобожден, а Израиль не дал спровоцировать себя, несмотря на регулярные ракетные обстрелы. Но показательно, что даже эта неудача не выбила Хусейна из седла, как того многие ожидали. Напрашивается вывод, что агрессивная тоталитарная структура пока не отторгается Ираком, а харизма всесильного лидера, несмотря на неуспех двух его войн, еще не изжила себя.

90-е годы прошли в Ираке под знаком тяжелого внутреннего кризиса, вызванного последствиями поражения в войне. Экономический ущерб от этого поражения исчисляется, по различным подсчетам, 50—150 млрд. долларов. В это число входит стоимость разрушенных нефтепромыслов, предприятий по переработке нефти, терминалов, а также ирригационных систем и инфраструктуры. Если принять во внимание ущерб, нанесенный санкциями ООН, которые фактически наложили эмбарго на торговлю нефтью до тех пор, пока Ирак под строгим контролем международных наблюдателей не уничтожит все предприятия, изготавливающие оружие массового уничтожения, картина действительно покажется достаточно мрачной. Упрямый Хуссейн при активной поддержке верящего в него и с каждым годом живущего все хуже народа то отказывается от сотрудничества с наблюдателями ООН, то вновь соглашается их принять, но при этом чинит препятствия их работе. Результаты естественны. Ираку разрешается продавать небольшое количество нефти лишь для того, чтобы можно было закупать минимально необходимое количество продовольствия и медикаментов.

Народ живет в условиях нарастающей инфляции, пайковых выдач, постоянного дефицита, порой просто голода.

Иордания, расположенная к югу от Сирии и к западу от Ирака, — наиболее отсталая из стран восточно-средиземноморской зоны. Слабонаселенная (ок. 5,5 млн. населения), она по многим параметрам тяготеет к странам аравийской зоны арабского мира. Правда, после объединения западно-иорданских земель Палестины с Трансиорданией в рамках Хашимитского королевства (1950) ситуация в этом смысле несколько изменилась: вновь присоединенные районы были относительно развитыми и многонаселенными. Правивший страной с 1953 г. король Хусейн установил режим умеренной конституционной монархии с парламентом и многопартийной системой. Отторжение западно-иорданских территорий после арабо-израильской войны 1967 г. нанесло удар по экономике страны и привело к обострению внутриполитической обстановки, ибо отступившие на восток палестинцы стали представлять серьезную угрозу власти короля. В 1971 г. Хусейн добился вывода палестинских отрядов с территории Иордании, хотя он при этом вплоть до 1988 г. поддерживал население оккупированного Израилем Западного Иордана, выплачивая жалованье чиновникам, предоставляя социальную поддержку нуждающимся, чему израильские власти не препятствовали. Следует заметить, что Иордания, как и Сирия, не имеет нефтяных запасов. Неразвитость экономики, особенно после потери западно-иорданских территорий, привела к тому, что Иордания, как и Сирия, стала получать регулярную помощь от богатых нефтью аравийских монархий. В 1988 г. в связи с решением признать территорию Палестины (в том числе западно-иорданские земли) подвластной арабскому государству в лице Организации освобождения Палестины (ООП) Хусейн отказался от остатков своего суверенитета над Западным Иорданом, включая и упомянутые выплаты.

Соседство с Израилем и постоянная вовлеченность в дела палестинцев позволяют Иордании рассчитывать на поддержку богатых нефтедолларами соседей, что сильно помогает этой бедной стране с неразвитой экономикой сводить концы с концами. Тем более удивительной выглядела позиция короля Хусейна в дни кувейтского кризиса, когда Иордания, пусть с колебаниями, но встала на сторону агрессора, своего могучего соседа Ирака (как это сделали и тесно связанные с ней едиными судьбами палестинцы во главе с Я. Арафатом) и тем самым как бы бросила вызов аравийским монархиям, оказывавшим ей помощь.

Эта позиция была во многом вынужденной, так как экономические связи с Ираком и транзитная торговля приносили Иордании едва ли не основной доход. Экономический рост в стране достигал в 1993—1996 гг. 6 %. После войны в заливе доход начал понемногу уменьшаться, ибо торговый поток заметно оскудел. К этому существенно добавить, что в стране стала остро ощущаться нехватка воды. Договоренность с

Израилем закрепила за Иорданией право на 50 млн. кубов воды из Иордана, но квота обычно достается стране в сильно урезанном виде.

Что касается режима власти, то он являет собой ныне конституционную монархию с демократическими институтами, включая многопартийность и гражданские свободы. Проводимые в стране реформы, в том числе процесс приватизации, способствуют экономическому росту, а мирный договор с Израилем (1994) гарантирует безопасность и спокойствие на границах. Новый король Абдалла, заместивший умершего отца в 1999 г., обещает продолжить его политику, особенно в том, что касается мира с Израилем.

Ливан — тоже небольшая страна восточно-средиземноморской зоны с населением св. 3 млн. человек. В отличие от Иордании, она всегда была едва ли не наиболее развитой частью арабского мира, а левантская буржуазия издревле заправляла делами на рынках Магриба, как и в Египте, и в неарабском Средиземноморье. Став независимой республикой с 1943 г., Ливан с его сложным этнорелигиозным составом населения (христиане, мусульмане-сунниты, мусульмане-шииты, друзы; арабы, арабы-палестинцы из числа беженцев с юга, армяне, курды и пр.) два-три десятилетия с трудом поддерживал внутривосточный баланс, основанный на Национальном пакте, который предусматривал строгую систему распределения высших должностей в республике в зависимости от принадлежности к той или иной общине. В 50-х годах при президенте К. Шамуне Ливан в экономическом плане был процветающей страной, выступая в качестве богатого посредника между Западом и арабским рынком. На рубеже 60-х годов Ливан оказался вовлеченным во внутриарабские конфликты, прежде всего в противостояние арабов Израилю. Июньская шестидневная война 1967 г. и перемещение едва ли не главного центра деятельности антиизраильских политических организаций в Ливан, где обосновалось до 400 тыс. изгнанных или уехавших из Палестины, а затем и из Иордании арабов, усугубили это противостояние и к тому же сильно осложнили и без того напряженную внутривосточную ситуацию в стране. 70-е годы принесли с собой дальнейший рост напряженности, которая в 1975 г. переросла в острый кризис власти, сопровождавшийся постоянными междоусобными войнами между различными общинами страны.

Некогда процветавшая экономика Ливана за последовавшие затем полтора десятилетия была подорвана практически не прекращавшимися войнами между христианами и мусульманами, шиитами и суннитами, ливанцами и палестинцами и всеми ими вместе — с израильянами. Южная полоса Ливана, граничащая с Израилем, была оккупирована союзной с израильянами ливанско-христианской армией, создавшей в этой полосе нечто вроде буфера, который предохранял Израиль от террористических актов со стороны базирующихся в Ливане боевых отрядов Организации освобождения Палестины (ООП). Итог был плачевным: правительство Ливана оказалось в состоянии парали-

ча, боевые отряды ливанских общин действовали на свой риск и страх, а некогда цветущий Бейрут был превращен в разделенную на части груду развалин.

Вмешательство Сирии в ливанские дела долгое время было лишь усложняющим ситуацию моментом, пока в начале 90-х годов оно не стало способствовать консолидации страны и примирению враждующих сторон, чему содействовали принятие в 1989 г. и ратификация членами парламента 1972 г. (после этого выборов в стране больше не было) новой Хартии национального согласия. В 90-х годах Ливан встал на путь политического выздоровления. Разрушенная войной страна за короткий срок залечила свои раны, а процветающий Бейрут вновь стал важнейшим деловым и финансовым центром Средиземноморья. Ежегодный экономический рост — не менее 3,5 %. Союз с Сирией был скреплен договорами 1991 г., гарантировавшими безопасность Ливана. Отношения с Израилем тоже несколько стабилизировались, что, впрочем, не мешает палестинским террористам из организации Хезболла спорадически обстреливать южные районы Израиля, в ответ на что обычно следует бомбардировка тех территорий Ливана, где находятся отряды и базы Хезболла. В конце 90-х годов стал активно обсуждаться вопрос об уходе израильянов из южной части Ливана и соответственно о роспуске державшей там оборону ливанско-христианской армии. В 2000 г. южная часть страны была — при определенных обязательствах со стороны Ливана и контроле со стороны миротворческих сил ООН — возвращена. Как и Иордания, Ливан страдает от нехватки воды, причем проблема здесь упирается не столько в соглашение с Израилем, у которого воды тоже не слишком много, сколько в проблему принадлежавших в прошлом Сирии Голанских высот, владение которыми позволяет Израилю контролировать водосбор реки Иордан.

Аравийские монархии

Республика Йемен, возникшая на рубеже 80—90-х годов в результате объединения Йеменской Арабской Республики с Народно-Демократической Республикой Йемен, бывшим Аденом (страной, которая еще в 70-х годах взяла курс на развитие по марксистско-социалистической модели, но в движении по этому пути, как и другие, не преуспела) — единственное исключение среди аравийских государств, являющихся монархиями. Йемен, 17 млн. населения которого не могут пока похвастать высоким уровнем жизни (ок. 500 долларов в год на душу населения), не принадлежит к числу процветающих стран. Его избранный в 1994 г. президент А. Салех стремится преодолеть отсталость страны. Обнаруженные сравнительно недавно залежи нефти, пусть не слишком богатые, обещают изменение экономического положения

Йемена. Сулит определенные доходы в будущем и переоснащение аденского порта, всегда бывшего важной точкой на морских транзитных путях. Растет рыболовство. Но страна в целом еще отсталая, страдает из-за отсутствия современных дорог. Словом, Йемен пока только рассчитывает на успех осуществляемых в нем экономических реформ, на скорый расцвет рынка, особенно нефтяного.

В отличие от все еще достаточно отсталого республиканского Йемена монархии аравийской зоны сегодня — это богатейшие и процветающие государства. Правда, процветание их — скорее результат щедрости судьбы, своего рода подарок Аллаха, нежели плод собственных целенаправленных усилий. Имеются в виду нефть и обильный поток нефтедолларов.

Саудовская Аравия — крупнейшая и богатейшая из этого ряда стран (население — ок. 20 млн. человек). Родина арабов и ислама, Аравийская пустыня с ее немногочисленными оазисами издревле была малонаселенной, что, впрочем, не мешало ей время от времени выплескивать на север очередные волны семитских племен и народов, последней в ряду которых была именно арабо-исламская. Расцвет арабо-исламской культуры, однако, мало затронул бедуинов Аравийской пустыни, сохранивших свой привычный образ жизни до наших дней. Активность ваххабитов, приведшая к созданию в XIX в. государства Саудидов, заложила основу современной монархии, существующей в ее нынешнем политическом оформлении с 1932 г.

Основа процветания саудоаравийской экономики — нефть, добыча которой по объему сопоставима с российской и американской. Если принять во внимание, что эта нефть добывается в малонаселенном (в основном кочевниками) государстве и почти целиком идет на экспорт, то нетрудно заметить, что нефтедоллары, объем поступления которых резко возрос после национализации нефтяной добычи (1975) и особенно после увеличения цен на нефть, сыграли роль золотого дождя для не ожидавшей такого подарка судьбы страны. За счет нефтедолларов в 70-х и особенно 80-х годах стала быстро развиваться экономика страны, укрепляться вооруженная новейшей техникой армия. Многие десятки и сотни аравийских миллиардов долларов осели в банках и реализованы в акциях капиталистических стран (стоит напомнить, что богатейшим человеком мира был назван в 1988 г. аравийский миллиардер). Заметное количество их (до 12 млрд. в год) идет в форме помощи на нужды арабских государств, противостоящих Израилю. Немало делается для развития образования, культуры, для строительства и обслуживания туристов, особенно приезжающих в Мекку в дни хаджа. Однако все это принципиально пока не изменило образ жизни большинства населения страны. По-прежнему преобладают кочевники-бедуины (хотя их верблюды уже не нужны для дальних перевозок товаров — с этим отлично справляется движущийся по великолепным и порой странно выглядящим в пустыне шоссе современный автотранспорт),

и лишь некоторая часть их, оседая в городах или орошаемых заново районах, постепенно адаптируется к новым условиям жизни и вкушает плоды бурного процветания. В частности, стоит особо сказать о полутораста сотнях тысяч субсидируемых государством современных ферм, производящих в бывших песках пустыни миллионы тонн первоклассной пшеницы, идущей и на экспорт.

Стоит заметить, что после войны в Персидском заливе в начале 90-х годов, в которую Аравия была всерьез вовлечена, положение в стране по сравнению с процветанием в 80-х годах несколько ухудшилось. Затраты на войну вынудили правительство на протяжении ряда лет сокращать бюджетные ассигнования на здравоохранение, образование, социальные выплаты. Впрочем, это сравнительно мало сказалось на высоком уровне жизни аравийцев. Во второй половине 90-х годов их ВВП вновь стал расти (до 130—140 млрд. долларов в год), а доход на душу населения стал составлять примерно 18 тыс. долларов при ежегодных темпах промышленного прироста в 6—9 %.

Кувейт с его 2 с небольшим млн. жителей, из которых более половины не являются гражданами этой небольшой страны, обрел независимость в 1961 г. Будучи формально конституционной монархией во главе с эмиром из династии Сабах, он по конституции имеет парламент и избираемого из членов клана Сабахов правителя-эмира. Но в реальности эта традиционная политическая структура не всегда функционировала. В частности, кувейтский парламент был малодоступен и маловлиятелен, а в 1986 г. вовсе прекратил свою деятельность. Это и неудивительно: традиционные формы исламского эмирата гораздо более привычны для жителей страны, в подавляющем своем большинстве вчерашних бедуинов-кочевников, возглавляемых своими шейхами.

Нефтяной бум 70—80-х годов превратил это небольшое государство в обладателя многих сотен миллиардов нефтедолларов, которые были умело вложены в ряд программ, обеспечивших за четверть века процветание преобразенной страны. Усилиями нанятых за хорошую плату десятков и сотен тысяч опытных рабочих и специалистов, мигрантов из разных стран, с помощью новейшей техники и технологии Кувейт сумел создать в буквальном смысле слова чудо в пустыне, стать своего рода жемчужиной Ближнего Востока. Это пример того, что может дать современная развитая техническая цивилизация даже в столь неблагоприятных для обитания человека пустынных землях с небольшими оазисами, какие характерны для Кувейта.

Миллиарды Кувейта оказались яркой приманкой для иракского диктатора, который вскоре после окончания длительной и бесплодной ирано-иракской войны 80-х годов решил на своем рода блицкриг, аннексировав в начале 90-х годов Кувейт. Эта аннексия вызвала решительный отпор со стороны арабских соседей Кувейта, хотя и не всех. Возглавленные американской армией войска, как упоминалось,

изгнали иракскую армию из Кувейта, быстро восстановившего свои тяжелые потери, — достаточно напомнить о примерно пятистах нефтяных скважинах Кувейта, которые были подожжены отступающими войсками Хусейна и с трудом в течение многих месяцев и ценой миллиардных затрат потушены специалистами из разных стран. Богатый Кувейт не только оплатил весомую часть расходов, связанных с войной за его освобождение, но и остался достаточно богат для того, чтобы продолжать быть процветающей страной Аравии.

В 1996 г. здесь состоялись очередные выборы в Национальное собрание, в котором преобладают сторонники правительства из числа умеренных националистов-исламистов. По-прежнему, несмотря на потери в войне, в стране высокий уровень жизни с весомыми социальными выплатами и бесплатным обеспечением великолепным жилищем всех граждан, в этом нуждающихся. Женщины в Кувейте не закрывают лица и пользуются равными с мужчинами правами. Обучение в школах и университете ведется на высоком уровне. Что касается неграждан, то они не имеют права на многие льготы и привилегии, но зато неплохо зарабатывают — в среднем по 2—4 тыс. долларов в месяц. Доход на душу населения в стране в 1999 г. — 19,5 тыс. долларов, а зарубежные авуары в 1997 г. исчислялись в 130 млрд. долларов, из них 80 млрд. — частные вклады.

Нечто похожее на Кувейт представляют собой и остальные небольшие эмираты аравийской зоны — **Бахрейн, Катар, Оман** и **ОАЭ** (Объединенные Арабские Эмираты), разбогатевшие на нефтедолларах и быстрыми темпами развивающиеся на хорошо продуманной коммерческой основе. Если и можно применительно к этим странам с их общим населением в 4—5 млн. человек говорить о некоторых социальных и экономических проблемах, то только по отношению к тем иностранцам-мигрантам, которые своим трудом и за хорошую плату создают развитую экономику и инфраструктуру нефтедобывающих стран, оставаясь при этом людьми второго сорта, лишенными гражданства, не имеющими права на те многочисленные бесплатные социальные блага, которые полагаются гражданам этих стран — к слову, опять-таки преимущественно кочевникам-бедуинам или вчерашним кочевникам, далеко не все из которых спешат воспользоваться предлагаемыми им льготами и благами, нередко предпочитая привычную жизнь в пустыне со своими верблюдами.

В расположенном на 35 островах Бахрейне (0,6 млн. человек) кроме нефти немалый доход приносит добыча жемчуга, которой местное население промышляло испокон веков. Но есть и вполне современная — кроме нефти — процветающая отрасль экономики. Это финансово-банковский бизнес, обслуживающий не столько местное население, сколько многочисленных богатых иностранцев.

Не приходится и говорить, что в Бахрейне добиваются высоких урожаев экзотических южных фруктов, не считая иных удовлетворяющих нужды населения сельскохозяйственных продуктов.

Оман, в который входит, помимо оманского имамата, султанат Маскат (всего примерно 2,2 млн. человек), предоставляет своим гражданам все те же блага, что и Кувейт. Это касается школьного и университетского образования, огромных социальных выплат, жилья и т. п. Роль парламента здесь выполняет Консультативный совет, кабинет министров работает под руководством правителя страны — султана из правящего дома бен Саид. ВВП в 1997 г. — 11 млрд. долларов. Примерно в таком же положении находятся Катар (0,7 млн. человек, 11 млрд. долларов ВВП, 20 тыс. долларов на душу) и ОАЭ (2,5 млн. человек, 47,7 млрд. долларов ВВП в 1997 г., 18 тыс. долларов на душу).

Вообще аравийские монархии конца XX века — интересный парадокс истории, в некотором смысле витрина возможностей современных техники, технологии и цивилизации Запада на далеком от всего этого и недавно еще заброшенном судьбой нищем Востоке. Здесь царство крайностей. С одной стороны, неслыханные богатства и соответственно необыкновенные, почти в духе сказок «Тысячи и одной ночи» возможности, с другой — уходящая в родоплеменную первобытность отсталость образа жизни кочевников-бедуинов; с одной стороны, наиболее благоприятнейшие возможности для получения хорошего современного бесплатного образования и соответствующего рывка в мир современности, с другой — нежелание многих, имеющих на то право, воспользоваться этим; с одной стороны, высокие темпы экономического роста и уровень дохода на душу населения, а с другой — подчас полное безразличие к этому и явное отсутствие желания привести уровень процветания в соответствие с социально-политическими нормами бытия (имеются в виду многопартийный плюрализм парламентарной демократии и связанные с этим иные институты).

Правда, кувейтская трагедия сильно повлияла на изменение привычных стереотипов в аравийских монархиях. Пережитые регионом потрясения заставили осознать, что, во-первых, небольшим странам нужно объединиться, дабы трагедия не повторилась, — объединиться хотя бы в форме некоей конфедерации с общей или находящейся под общим командованием хорошо вооруженной, совместно содержащейся армией. Во-вторых, война дала толчок сотрудничеству с оказавшим помощь Кувейту Западом, восприятию западных форм политического устройства. В Кувейте, как упоминалось, вновь воссоздан закрытый было в 1986 г. парламент. Консультативные советы существуют и в других монархиях Аравии. Тяга к вестернизации ощущается практически везде.

Пока что аравийские монархии в целом — это страны-рантье, пользующиеся готовым, не созданным своими руками. В этом их внутренняя слабость, которую новые поколения сегодня, видимо, уже осознают. И пусть психология рантье еще преобладает, сдвиг уже ощущается. Если вчера престижем пользовалась в основном профессия военного, то сегодня немало вчерашних бедуинов уже получили обра-

зование и адаптировались к потребностям и возможностям современной городской жизни. Видимо, в недалеком будущем достигнутая столь легко высокая стартовая основа позволит адаптироваться к новым условиям жизни большинству местного населения (тем более, что есть неплохой пример и ориентир в виде массы наемных и хорошо работающих тружеников-мигрантов). Переход к регулярному созидательному труду в недалеком уже будущем может решительно преобразовать эту отсталую в недавнем прошлом периферию арабского мира.

Арабы Азии и мир арабов сегодня

Еще сравнительно недавно, как о том уже шла речь, отсталой периферией были аравийские монархии; наиболее передовой зоной арабского мира считалась восточно-средиземноморская с Египтом, Сирией и Ливаном в качестве и экономических, и политических лидеров, а страны Магриба стояли как бы посередине. Сегодня в этой расстановке сил многое изменилось. По-прежнему общим для всех арабских стран являются их генетические связи и этнорелигиозное родство. Общим следует считать их давнишнюю — до середины XX века — политическую несамостоятельность или неполную самостоятельность в качестве сначала периферии Османской империи, а затем колоний или колониально-зависимых стран. Для всех деколонизация стала исходным моментом нового развития, и практически все арабские государства, за редкими исключениями вроде Мавритании, Судана, Иордании или Йемена, развиваются достаточно успешно и весьма быстрыми темпами, особенно по сравнению с государствами Тропической и Южной Африки (кроме ЮАР). Безусловно, здесь сказался исходный более высокий цивилизационный фундамент. Но сыграло свою роль и нечто другое, причем именно это «другое» и разделило современный мир арабов на несходные судьбой группы стран. Речь идет о нефти и нефтедолларах.

В Алжире и Тунисе нефтедоллары лишь помогают сводить концы с концами, зато в монархиях Аравии, в Ливии и Ираке нефть льется потоками и оказывается не просто основой основ экономики, но и залогом процветания, богатства. Более того, за счет нефтедолларов даются дотации тем странам (Иордания, Сирия, Ливан), где нефти нет и где в противном случае — без вливаний извне — было бы трудно избавиться от бедности. Практически сказанное означает, что все арабские страны Азии — кроме, быть может, Йемена — так или иначе существуют за счет нефти либо вливания нефтедолларов. Это не ликвидирует существенную разницу между группой стран, богатых нефтью, и группой тех, кто ее не имеет, но это позволяет странам второй группы поддерживать их жизненный стандарт. В странах Маг-

риба нефть тоже играет аналогичную роль. Только лишенное нефти Марокко и мало ее имеющий Египет (оставляя в стороне периферийные и полуарабские Мавританию и Судан) живут не за счет нефтедолларов. Но, не будучи вовлечены в рискованные социальные эксперименты, как Марокко, либо преодолев последствия таких экспериментов и решительно вступив на путь капиталистического развития (как Египет), они успешно развиваются и без потока нефтедолларов.

Резюмируя, можно сказать, что нефть и нефтедоллары в какой-то степени разделили арабский мир и поддержали те его части, которые оказались без нефти. Без нефти и нефтедолларов оказалось явное меньшинство стран. Подавляющее же большинство их так или иначе от нефти зависит. Более того, все их вооружение, количество которого особенно впечатляет в Ираке и Сирии, равно как и все их рискованные социальные эксперименты с марксистским акцентом (это касается Алжира, Сирии, Ливии, Ирака), оплачивались все теми же нефтедолларами. Словом, мир арабов отличается от остальных регионов не столько своими цивилизационными особенностями, сколько обилием нефти. Неудивительно поэтому, что нефтяное хозяйство здесь пользуется очевидным приоритетом и что в первую очередь создается та инфраструктура (дороги, трубопроводы, насосные станции, нефтеперерабатывающие предприятия, терминалы и т. п.), которая нужна для бесперебойной работы скважин и реализации нефти и нефтепродуктов. Во всех экспортирующих нефть странах существуют министерства нефтяного хозяйства, а министры регулярно представляют свои страны на совещаниях стран ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти).

Если говорить о вненефтяном развитии промышленности, то наивысшего уровня она пока что достигла в Египте, кое-чего в этом смысле добились Сирия, Алжир и особенно Ирак, сделавший акцент на военной промышленности. Что касается сельского хозяйства, то в ряде случаев радикальные аграрные реформы способствовали росту производства продовольствия, однако тот печальный факт, что эти реформы нередко сопровождались рискованными экспериментами, направленными на кооперирование крестьянства и против частного сектора, объясняет, почему, скажем, богатые хорошими землями Алжир и Ливия обеспечивают себя продовольствием лишь примерно на 30%.

В целом результаты развития арабского мира гораздо более внушительны, чем можно было бы ожидать, имея в виду и социальные эксперименты, и истощающие Ближний Восток частые войны, и безудержную гонку вооружений, и традиции кочевой жизни бедуинов, да и многое другое, включая неприятие исламом и особенно исламским фундаментализмом западных капиталистических норм, ценностей и порядков. Причин здесь две: во-первых, нефтедоллары, о которых много уже было сказано, а во-вторых, существенная тенденция к всеарабской солидарности, что также было отмечено. Впрочем, об этом стоит сказать еще несколько слов.

Дело в том, что реальной политической солидарности арабы в современном мире обычно не демонстрируют. Уже обращалось внимание на то, что случаи объединения между соседними странами уникальны и к тому же не всегда прочны. Говорилось и о расколах между арабскими странами в серьезные моменты, например в ходе ирано-иракской войны, когда радикально настроенные Сирия и Ливия поддержали Иран. То же, хотя и с иным раскладом сил (Иордания, Ливия за Ирак), произошло в дни войны в связи с аннексией Ираком Кувейта. Но если так, то на чем держится экономическая солидарность арабов, почему миллиарды нефтедолларов ежегодно текут из богатых арабских стран в некоторые восточно-средиземноморские арабские государства, в связи с чем? Ответ один, и он хорошо известен. Речь идет о проблеме Палестины, проблеме, которая не просто объединяет всех арабов, но и является для них столь принципиально важной, что, коль скоро заходит речь о ней, все остальное остается на заднем плане. Не случайно миллиарды щедро текут на помощь палестинцам, а также тем странам, которые несут на себе тяжесть противостояния с Израилем. И далеко не случайно С. Хусейн мечтал разыграть израильско-палестинскую карту и тем не только сохранить за собой аннексированный Кувейт, но и стать признанным лидером всего арабского мира. Хусейн, как известно, проиграл. Но при несколько ином раскладе сил и как-либо изменившихся обстоятельствах он вполне мог и выиграть. Так в чем же суть проблемы палестинцев?

Палестина, Израиль* и ближневосточный конфликт

Образование государства Израиль в 1948 г. стало отправной точкой ближневосточного конфликта. Все началось с первой арабо-израильской войны, вспыхнувшей в связи с решением ООН создать в Палестине государство евреев. Придя на помощь палестинцам, группа арабских стран (Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, а затем также Саудовская Аравия и Йемен) объявила войну Израилю. Результаты войны были печальны для арабов: Израиль захватил большую часть предназначавшейся палестинцам территории, а остальная попала под

* В параграфе, посвященном проблеме Палестины, фактически не идет речь о почти уже полувековой истории государства Израиль. История эта заслуживает серьезного внимания, но по сути своей как бы выходит за рамки издания, посвященного истории Востока. Дело в том, что современное государство Израиль — при всех восточных корнях евреев как этноса — к государствам Востока не может быть отнесено. Оно по всем основным параметрам структуры и традициям культуры относится к Западу, даже принимая во внимание деятельность и традиции правоверных хасидов и иных групп ревностных сторонников древнего иудаизма.

власть Иордании (западный берег р. Иордан) и Египта (сектор Газа). Именно в это время, на рубеже 1948—1949 гг., из Палестины было изгнано около 900 тыс. арабов, нашедших убежище в различных арабских странах. Возникла острая проблема беженцев, причем попытки расселить их с выплатой компенсации и последующей адаптацией на новых местах (с такого рода инициативой выступили, в частности, США) вызвали бурю возмущения и были с негодованием отвергнуты. Палестинцы стремились вернуться на свою родину, а родственные им арабские страны горели желанием осуществить это, а заодно и наказать Израиль.

Спустя почти двадцать лет, когда Египет времен Насера был, как казалось, в расцвете сил и, в частности, обрел достаточно хорошо вооруженную с помощью СССР армию, наступил момент для нового вооруженного конфликта. Политика Египта, не скрывавшего своих намерений в скором времени вновь скрестить оружие с Израилем, вызвала настороженность последнего. Упредив удар, израильская армия в июне 1967 г. разгромила египетскую армию и потеснила на других фронтах вооруженные формирования Сирии и Иордании. Результатом этой войны было присоединение к Израилю западного берега Иордана и сектора Газа с соответствующим включением в государство нескольких сотен тысяч проживавших на этих землях арабов, не получивших, однако, израильского гражданства (как упоминалось, в определенной степени они продолжали находиться — что касается западно-иорданских территорий — под опекой и юрисдикцией Иордании). Очередная война 1973 г., ставившая своей целью возвратить утраченное, также не принесла успехов арабским государствам. Можно сказать и больше: новая война убедительно показала, что военной силой ближневосточной проблемы не решить.

Это был сильный удар по престижу арабского мира. Ничего не оставалось, как пойти на решительный пересмотр всей стратегии противостояния Израилю, за спиной которого была поддержка США. Дальше всех в направлении пересмотра своей ближневосточной политики пошел Египет, для которого 70-е годы были временем переоценки многих позиций, в первую очередь социально-экономических, внутриполитических. Президент А. Садат в 1979 г. заключил мир и восстановил дипломатические отношения с Израилем, что позволило ему вернуть утраченные в 1967 г. территории сектора Газа. И хотя остальные арабские страны дружно осудили за этот шаг Садата, расценив мир с Израилем как предательство общеарабских интересов (Египет после этого был исключен на несколько лет из Лиги арабских государств), решение прекратить состояние войны с Израилем со стороны крупнейшей и влиятельнейшей страны арабского мира означало как раз то, о чем уже только что было сказано: военными средствами проблему не решить. Нужно искать иные. Какие же?

Прежде всего, с середины 70-х годов центр тяжести противостояния Израилю переместился в сторону самих палестинцев, которые для этого должны были организовать и добиться международного признания. Собственно, именно достижение этой цели и легло в основу новой стратегии арабов в ближневосточном конфликте после войны 1973 г. Созданная еще в 1964 г. Организация освобождения Палестины (ООП), к руководству которой в 1969 г. пришел Я. Арафат, начала энергично бороться за международное признание. В 1974 г. она приняла участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН, затем получила официальный статус наблюдателя при ООН, была принята в ЮНЕСКО и ряд других организаций, находящихся под эгидой ООН. Территориальной базой для существования ООП и различных ее боевых и иных подразделений стали Сирия и Ливан (Иордания, как уже говорилось, настояла на выводе палестинцев со своей территории), финансовой основой — нефtedоллары из арабских стран.

Особый разговор о методах и средствах борьбы ООП. Рассчитывать на быстрое международное признание эта организация — при всей поддержке арабского мира — могла лишь при условии, если бы о ее целях, стремлениях и заботах узнали все, если бы палестинская проблема стала в центре внимания мирового сообщества. Но у мира множество проблем, и палестинская — лишь одна из них, причем далеко не самая животрепещущая. Стало быть, нужно было сделать так, чтобы ее заметили все, чтобы палестинцы и их дело были у всех на устах, чтобы все газеты мира писали о них.

И палестинцы сумели добиться этого, начав с террористических актов, потрясших мир. В 1972 г. во время Мюнхенской Олимпиады группа специально подготовленных боевиков проникла в здание, где находились израильские спортсмены, и хладнокровно уничтожила группу невооруженных людей. Затем начались взрывы и похищения людей, захваты самолетов и угроза жизни случайно захваченных заложников. Не проходило и года, чтобы очередной страшный террористический акт не напоминал миру о том, что палестинцы существуют и требуют к себе внимания мировой общественности. Мало того, с легкой руки именно палестинских террористов, сумевших добиться своей цели и доказавших эффективность методов террора в век массовой информации, эти же методы стали успешно использовать и другие агрессивные меньшинства и экстремистские группы, от басков и ирландцев до «красных бригад» или групп «прямого действия». После 1978 г. едва ли не лидирующие позиции заняли в терроризме шиитские сторонники иранского аятоллы. К слову, к этому времени палестинский терроризм стал постепенно уходить в прошлое. Террористических актов, совершаемых палестинцами, становилось все меньше, и они терялись среди массы других аналогичных экстремистских выступлений.

Разумеется, официальные руководители ООП всегда откешивались от действий боевиков. Но свое дело эти боевики, подчас смертники, сделали. Они заставили весь мир со вниманием отнестись к палестинскому делу. ООП была признана в качестве руководителя палестинского движения практически всеми государствами мира, установившими с ней отношения и предоставившими ей право представительства в своих столицах. Ближневосточный конфликт на долгие годы оказался в центре внимания мировой прессы. Проблема палестинцев стала объектом заботы многих держав, включая и великие. Было принято решение об организации международного совещания по ближневосточному вопросу с участием всех заинтересованных сторон и так или иначе озабоченных его решением великих держав. Практически проблема долгие годы упиралась лишь в то, чтобы на такого рода совещание согласился Израиль.

Но как раз в этом пункте, что называется, нашла коса на камень. Сумевший защититься от ударов палестинских боевиков, Израиль не без оснований обвинил в терроре всю Организацию освобождения Палестины и наотрез отказался иметь с ней дело, считать ее официальным и тем более единственным представителем народа Палестины. Формально в этом Израилю помогал и отказ ООП признать право Израиля на существование, для чего необходимо было публично заявить о принятии соответствующей резолюции ООН, с чем Арафат долго не торопился. Если задаться вопросом, почему ООП не торопилась официально признать право Израиля на существование, которое и сегодня многие из арабских стран не признают, то окажется, что здесь сыграли свою роль разногласия и в мире арабских стран, и в рядах самой ООП по поводу того, как вести дела с Израилем.

Аннексировав Кувейт, Ирак в 1990 г. неожиданно для многих обрел горячего союзника в лице Арафата. Неожиданно потому, что несколько сотен тысяч палестинцев работали в Кувейте и жили за счет кувейтских нефtedолларов, что, казалось бы, подразумевало их лояльность по отношению именно к Кувейту. Решительный выбор противоположного характера означал, что палестинцы во главе с Арафатом меньше всего были озабочены долгом благодарности по отношению к приютившему и дававшему хорошие заработки немалой их части Кувейту. Их мечты сводились к одному: наконец-то нашелся лидер, проявляющий решимость, имеющий силу, пользующийся доверием людей и к тому же явно намеренный решительно покончить с Израилем, о чем Хусейн не стеснялся громко напоминать. Стоит добавить к этому, что ряд лидеров ООП считают Арафата весьма умеренным, за что он постоянно критикуется сторонниками более жесткой линии по отношению к Израилю.

Сказанного достаточно, чтобы понять, сколь накалена обстановка вокруг Палестины и как велика ненависть к Израилю не только и не столько как к агрессору, захватившему принадлежащие палестинцам

земли, сколько как к государству, само существование которого недопустимо. И любой диктатор, берущийся помочь в уничтожении Израиля, — друг и брат палестинцев. Такой является неприкрашенная реальность, даже если она порой смягчалась явно вынужденными обстановкой заявлениями о готовности признать право Израиля на существование при определенных условиях. К подобного рода заявлениям лидеры ООП вынуждены были прибегнуть после провала авантюры Хусейна в Кувейте, благодаря чему международный рейтинг Израиля, проявившего сдержанность, резко повысился, а рейтинг ООП, Арафата и соответственно палестинцев и их дела явно понизился (причем понизился в глазах не только внешнего мира, но и наиболее богатых арабских стран — можно вспомнить о том, что Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива приостановил в связи с поведением палестинцев регулярную помощь им). Конечно, палестинское дело по-прежнему осталось в глазах всех арабов делом правым и касающимся всех арабов. Но престиж его на некоторое время упал.

На этом новом фоне сразу же после победы над Ираком США и СССР предприняли меры для решения сложной палестинской проблемы. Однако многосторонние переговоры, проходившие на виду у всего мира и постоянно осложнявшиеся непредсказуемыми политическими поворотами, не могли дать результата, тем более быстрого. Зато к ошеломляющему и никем не ожидавшемуся результату привели конфиденциальные встречи представителей Израиля и ООП, проходившие в Осло под патронажем норвежского министра иностранных дел и завершившиеся в сентябре 1993 г. торжественно подписанным соглашением: ООП и Израиль официально признали друг друга, а сектор Газа и город Иерихон были переданы под управление ООП. Конечно, окончательное решение палестинской проблемы было еще далеко, но соглашение 1993 г. означало политический прорыв, который не случайно сравнивали с падением берлинской стены.

Вторая половина 90-х годов ознаменовалась некоторым успехом в деле налаживания палестино-израильских отношений и урегулирования ближневосточного кризиса. Под лозунгом «мир в обмен на земли» израильтяне стали понемногу уступать палестинцам занятые ими земли в районе Иордана — при жестком условии придерживаться строго оговоренных норм поведения и, в частности, защиты прав еврейских поселенцев. Эти уступки вызывают эксцессы со стороны недовольных израильтян. Жертвой их недовольства стал в 1994 г. один из премьеров Изариля И. Рабин. Однако пришедший ему на смену и многим казавшийся непримиримым Б. Нетаньяху продолжил политику своего предшественника. В результате его переговоров с Арафатом в 1998 г. были достигнуты новые соглашения о территориальных уступках палестинцам. Сменивший в 1999 г. Нетаньяху Э. Барак в основном продолжает ту же политику. К сожалению, 2000 год ознаменовался новым взрывом ненависти в отношениях палестинских арабов и Израиля. Попытки согласовать темпы территориальных уступок палес-

тинцам и взаимные претензии Израиля и арабов на Иерусалим привели осенью этого года к ряду провокационных выступлений с обеих сторон. Вмешательство держав и ООН практически не помогло урегулированию конфликта, так что вопрос о мирном решении проблем палестинского государства арабов пока как бы повис в воздухе.

Проблема Палестины долгие годы была и еще будет одной из острых на Ближнем Востоке. Однако стоит заметить, что в том же регионе есть и другие, не менее острые проблемы, например курдская, привлекающая внимание мира вскоре после поражения Хусейна, когда иракские курды попытались было еще раз открыто выступить против иракского господства вообще и диктатуры Хусейна в частности. Под покровительством держав-победительниц, в первую очередь США, в иракском Курдистане летом 1992 г. были проведены выборы в парламент. Во всю остроту встал вопрос об автономии. Как будут развиваться события дальше, пока неясно. Но стоит напомнить, что проблема курдов имеет отношение далеко не только к Ираку и даже не только к арабам, ибо немалая часть 20-миллионного курдского народа проживает и в Иране, и в Турции. Проблема Курдистана еще не поставлена перед миром достаточно определенно, ибо слишком многие из стран, поделивших между собой курдские земли и население, не заинтересованы в этом. Но она, проблема, все же существует и время от времени дает о себе знать.

Последние годы принесли резкое обострение курдской проблемы на границе Турции с Ираком. Турецкие войска жестоко подавили мятежные выступления курдов, в ответ на что курды начали энергичную партизанскую войну, сопровождавшуюся террористическими актами в разных странах мира, преимущественно в Европе, где живет много курдских эмигрантов. Арест и суд над лидером курдов А. Оджаланом в 1999 г. можно считать успехом Турции. Однако к решению курдской проблемы это вряд ли приведет.

Глава 6

Турция, Иран, Афганистан

Эти три государства не принадлежат к числу арабских, являясь вместе с тем странами традиционной исламской культуры. Общее между ними и в том, что все они в прошлом не были — в отличие от арабских государств — колониями, хотя каждая из них достаточно ощутимо зависела от Запада. Отсутствие колониального статуса позволило сохранить в этих странах традиционную государственность, что, впрочем, не помешало ей в наши дни претерпеть серьезные испытания,

а подчас и существенно трансформироваться. Особо выделяются из интересующих нас в данной главе стран две, Иран и Афганистан, судьбы которых в 80-х годах оказались в некотором смысле близки. Турция в этом плане стоит особняком, да и о ее недавней истории уже было достаточно сказано в предыдущей части работы. Поэтому ее проблемам мы уделим сравнительно немного внимания.

Турция

Как о том уже шла речь, современная Турция (ок. 63 млн. человек) достаточно уверенно развивается по капиталистическому пути, причем динамика ее развития (почти регулярные военные перевороты с последующим выходом на передний план парламентского демократизма) свидетельствует о том, что страна в целом достигла достаточной зрелости в процессе модернизации и трансформации. Ни фундаментализму, ни социальному экстремизму — ради пресечения влияния которых, собственно, и брали власть военные — уже не одолеть наметившейся тенденции поступательного развития капиталистических методов в экономике и парламентарных в политике. В этом смысле у страны, несмотря на недавно еще характерную для нее нестабильность, вполне надежные позиции, чего нельзя сказать ни об Иране, ни об Афганистане.

В конце 80-х и в 90-х годах эта тенденция была уже ощутима практически во всем — и в экономике, и в политике, и в социокультурных стандартах. Экономические реформы, совершавшиеся рывками, но в конечном счете давшие желаемый результат, привели к преобразованию хозяйства страны. Фиксируется устойчивый экономический рост (8 % в год), принята 20-летняя программа модернизации, развивается национальный капитал и его экспорт, в том числе и в Россию. Упорядочены валютно-финансовые связи: только за пять лет, 1986—1990, объем зарубежных инвестиций превысил их сумму за предшествовавшие 30. Объем торговли растет. Ожидается, что в 2000 г. товарооборот достигнет 10 млрд. долларов. Успехам экономического развития в 90-х годах помешали как война в Персидском заливе, довольно дорого обошедшаяся туркам, так и финансовый кризис 1994 г., вызвавший заметное падение курса лиры. Тем не менее Турция оправилась от неудач, а доход на душу населения в 1997 г. достиг 3 тыс. долларов. Этому способствовали и явно наметившаяся наконец политическая стабильность в стране, и либеральное законодательство, и конвертируемость турецкой лиры, и сравнительно дешевая рабочая сила. Избрание в 2000 г. нового президента А.Н. Сезера — гражданского лица, юриста по образованию, — свидетельствует об укреплении позиций либеральной демократии в Турции.

Политический плюрализм в современной Турции вполне удовлетворяет мировым стандартам, что косвенно способствовало включению этой страны не только в ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), но и в другие организации объединяющейся ныне на глазах всего мира западнокапиталистической Европы. Турция демонстрирует миролюбивую внешнюю политику, что особенно существенно отметить в наше время, когда на территории бывшего СССР возникло несколько самостоятельных государств, в том числе не только мусульманских, но и тюркоязычных. От того, какие связи установят с ними их восточные соседи и едва ли не в первую очередь Турция, зависит во многом будущее большого региона. Если курс на связи с Ираном означает сегодня курс на исламский фундаментализм, то связи с Турцией ведут к иному пути, к становлению демократического современного капитализма. И важно заметить, что руководители Турции хорошо сознают и активно содействуют этому. Можно предположить в этой связи, что, видимо, уходит понемногу в прошлое и жесткий армяно-турецкий антагонизм, долгие десятилетия питавший страшными воспоминаниями о геноциде турецких армян. В сегодняшних условиях возникают возможности для плодотворного сотрудничества Турции с ее ближайшим соседом, независимой Арменией, весьма нуждающейся в таком сотрудничестве. Тесные контакты устанавливает Турция с Азербайджаном и новыми государствами Средней Азии, в первую очередь тюркоязычными.

Некоторую озабоченность вызывают непрекращающиеся попытки усилить значение ислама и навязать стране исламские нормы жизни. Успех на выборах последних лет исламской партии (Рефах) Н. Эрбакана, а также стремление многих его сторонников возродить похороненные еще Кемалем Ататюрком обычаи (демонстративно закрытые одежды для женщин, в том числе в университетах, старательное изучение Корана на многочисленных курсах при мечетях, попытки расширить сеть частных исламских школ, пышно праздновать мусульманские праздники и т. п.) не могут не настораживать. Правда, пока что военные достаточно легко справляются с наступлением ислама (в 1998 г. Рефах была запрещена). Политика на сближение с Израилем — еще один демонстративный удар по ревнителям ислама. И все-таки проблема остается и относиться к ней приходится со всей серьезностью. Тем более, что наступление ислама ощущается в наши дни едва ли не повсюду.

Иран под знаком исламской революции

«Белая революция» сверху или курс шаха на ускоренное развитие Ирана по еврокапиталистическому образцу при участии государства, взявшего на себя львиную долю расходов и забот, привели в середине 70-х годов к резкому обострению внутренних противоречий и к мас-

совому недовольству в стране. Экономический бум, стимулированный увеличившимся потоком нефтедолларов (повышение цен на нефть позволило шаху с 1973 по 1975 г. более чем вдвое увеличить объем ассигнований на индустриализацию страны), привел к диспропорциям. В частности, возрастание денежной массы в руках работающих не было приведено в соответствие с товарной массой необходимых населению продуктов. Да и само это население (всего — ок. 65 млн.), особенно из числа недавно осевших в городах маргинальных слоев, не было еще готовым к столь быстрым темпам трансформации. Нужны были силовые методы, чтобы заставить людей энергичнее вращаться в меняющуюся на глазах новую и непривычную для них структуру. И шах, как типичный восточный деспот, в средствах не стеснялся. Он не очень-то считался с нормами конституции, ограничивал права и свободы, предоставив огромные полномочия охранке (САВАК), стремился зажать рот оппозиции и высылал из страны влиятельных ее руководителей.

В числе важных просчетов шаха было пренебрежение к духовенству. Вместо того чтобы как-то наладить контакт с шиитскими лидерами либо опереться на часть их, осыпав именно ее льготами, шах вступил в конфронтацию со служителями ислама. Одной из самых крупных его ошибок было лишение духовенства доходов (секуляризация их земель, вакуфов). Рассчитывая этим ослабить духовенство, шах на деле лишь восстановил его против себя. Вожди шиитского духовенства умело воспользовались ошибками шаха и начали против него ожесточенную кампанию. В ход пошло все: и вестернизаторские симпатии правителя Ирана, и его экономические просчеты, и вызывавшие недовольство чересчур быстрые темпы трансформации привычных норм бытия, и не в последнюю очередь отношение к служителям ислама. В результате идейное знамя ислама оказалось у противников шаха. Может быть в иных условиях это еще и не было бы столь уж страшным — вспомним Ататюрка, бросившего вызов исламу в Турции пятьдесятю годами раньше и выигравшего бой. Но в Иране все было не так. Не было революционного подъема снизу. Не было лишившегося авторитета суннитского духовенства, обанкротившегося вместе с претендовавшим на верховенство (халифат) султаном. Зато был ненавистный всем тиран, формально к тому же не имевший права господствовать над правоверными (напомним, что у шиитов глава государства не имеет сакрально освященного права на власть). Были поруганное духовенство и выбитый из привычной колеи жизни народ. И отсутствовала понятная людям идея, которая могла бы объяснить народу необходимость преобразований.

Можно прибавить к сказанному, что и образованные круги иранской интеллигенции, за которыми, в частности, шли студенты, тоже высказывались преимущественно за сохранение исламской традиции.

Левые группировки влиянием в стране не пользовались. Таким образом, единственным по сути источником индоктринации оказался традиционный шиитский ислам со всеми его характерными чертами, включая фанатизм, непримиримость в борьбе за идею, веру в мессию-Махди и следование за руководителями-имамами, наиболее авторитетные из которых имели почетное звание аятоллы. Аятолла Хомейни в этой ситуации оказался тем, кто не только бросил открытый вызов шаху и поднял против него народ, но и сумел возглавить исламскую революцию и довести ее до успешного конца. В обстановке небывалого подъема революционной активности народа вопрос о власти в начале 1979 г. был решен. Шах покинул Иран, в стране был проведен референдум, следствием которого было провозглашение 1 апреля 1979 г. Исламской Республики Иран. В декабре того же года была принята новая конституция, в которой было специально оговорено, что высшая власть принадлежит духовенству в лице имама Хомейни (после его смерти — его преемнику), а гражданскую политическую власть осуществляют президент, меджлис и премьер.

Государственная, кооперативная и частная собственность — три сектора экономики новой республики. Вмешательство и влияние западных держав ликвидируются. Страна принципиально отвергает капитализм и коммунизм и противопоставляет им собственный, «исламский» путь развития. Что все это означает практически — не вполне ясно. Известно лишь, что развитие страны по тому пути, который был избран для нее шахом, приостановилось. Не то чтобы капиталистический свободный рынок вовсе был свернут. Нет, он продолжает существовать, как существует и мощнейший созданный усилиями шаха государственный сектор в экономике. Но в условиях резко обострившегося противостояния Ирана вначале чуть ли не всему миру, затем в основном странам Запада (в первую очередь — США) говорить о продолжающемся развитии капиталистических связей приходится с осторожностью и оговорками. Если они и продолжали существовать и более или менее активно развиваться, так только в тех сферах, которые были жизненно необходимы для страны, — в реализации иранской нефти и в закупках оружия, которое требовалось для войны.

Что же касается войны, то именно она с начала 80-х годов стала основным содержанием внешней политики, а во многом и всего образа жизни новой республики. Не затрагивая в подробностях поводов, которые сыграли решающую роль в развязывании ирано-иракской войны, стоит заметить, что война эта была необходима прежде всего Ирану, точнее тем, кто стал управлять страной. В войне духовные пастыри иранского народа видели едва ли не подарок Аллаха: где, как не в ожесточенной бойне за великое дело исламской революции может отстоять Иран свое право на существование, мобилизовав и сплотив весь народ, консолидировав власть новых верхов под неопределимым

патриотическим лозунгом борьбы за правое дело? И хотя противником иранцев оказались их единоверцы-мусульмане, в том числе и шииты (в Ираке свыше половины населения составляют шииты), это не изменило положения. Свыше восьми лет шла борьба, унесшая более миллиона жизней с обеих сторон и не давшая ни одной из них ощутимого результата. Но не добившийся успеха в войне и вынужденный в конечном счете согласиться на мировую Иран все же не проиграл. Точнее, не проиграли те, кто руководил страной. Власть имама Хомейни не только не была поколеблена, но даже как бы приобрела новый ореол, оттенок борца за великое дело со всем миром.

И это не пустые слова. Авторитет имама вплоть до его смерти в 1989 г. действительно был необычайно высок. Шииты в разных странах мира считали его своим духовным главой. От его имени и в его пользу действовали они, в частности, в Ливане, где шиитские группировки чаще других похищали людей (особенно представителей западных стран) и держали их в качестве заложников, пытаясь в нужный момент сыграть на этом при решении тех или иных политических проблем. Стоит напомнить, что и разоблачения, связанные с попыткой продажи Ирану американского оружия (события, связанные с этим, будоражили Америку и весь мир несколько месяцев, получив наименование «ирангейта»), во многом были связаны с тем, что руководящие деятели США пошли на сомнительную сделку с Ираном именно во имя спасения жизней заложников.

Каковы перспективы Ирана? Что он представлял и представляет собой после прекращения войны и смерти всесильного имама? Ответить на эти вопросы далеко не просто. Сегодня страной уверенно управляют фундаменталисты жесткого толка. В их руках немалая сила. И эта сила движет страну в весьма определенном направлении: в сторону поисков принципиально нового, «исламского» пути развития. Но что составляет суть такого пути? Она — в сочетании традиционных форм экономической активности, характерных для мусульманских стран в прошлом, со значительным простором как для частнособственнического предпринимательства, так и, особенно, для государственного хозяйства. Правда, государственная экономика неэффективна, что хорошо известно и Ирану. Компенсацией неэффективности являются нефтедоллары. В недавнем прошлом едва ли не все они уходили на войну, затем пошли на восстановление разрушенного войной хозяйства. Но что дальше?

Пока что годы, миновавшие после прекращения ирано-иракской войны и кончины всесильного имама, к сколько-нибудь заметным переменам в политике страны не привели. Быть может, Иран при новом руководстве стал более сдержанным в своих внешнеполитических акциях и чуть менее радикальным во внутриполитических. Но принципы его поведения и генеральные его установки остаются прежними. Как и раньше, считается действующей и не дезавуирована новыми

властями анафема аятоллы в адрес писателя-еретика С. Рушди, до сих пор вынужденного скрываться от жаждущих его крови убийц, причем не столько наемных (хотя награда за голову Рушди немалая), сколько идейных, стоящих за чистоту и честь фундаментального ислама. По-прежнему Иран принадлежит к числу самых яростных противников Израиля — практически только из Тегерана донесся голос, близкий по тону к анафеме, когда готовилась одобренная даже всеми арабскими странами конференция в связи с ближневосточным кризисом в конце 1991 г.: по мнению иранских лидеров, с Израилем говорить не о чем и не следует — он просто не должен существовать. Да и поведение Ирана в дни кризиса в связи с аннексией Ираком Кувейта можно назвать двусмысленным: не столько жертва агрессии, сколько агрессор, вчера еще на протяжении многих лет воевавший с Ираном, воспринимался иранским общественным мнением даже с некоторым сочувствием. Причина очевидна: Иран активно поддерживал антиизраильский пафос и намерения иракского Хусейна.

Будущее покажет, как станут развиваться события и сколь долго Иран сможет еще позволить себе активно противостоять миру капитализма, позиции которого в связи с крушением СССР заметно укрепились. Стоит напомнить, что выборы 1992 г. склонили чашу весов в пользу умеренной политики президента Хашеми Рафсанджани, который встал на путь реформ, ведших к ослаблению сил клерикализма и реакции. Реформы эти были еще весьма осторожными, но они положили начало движению в новом направлении, противоположном тому, которое хотели бы видеть и поддерживать духовные руководители иранского ислама во главе с преемником Хомейни Али Хаменеи. Выборы в меджлис в 1996 г. привели к еще большей секуляризации Ирана. Новый президент М. Хатами (с 1997 г.) и поддерживающий его политику меджлис начали гораздо более энергично — нежели то мог позволить себе несколькими годами раньше Рафсанджани — осуществлять различного рода реформы, как в экономике, где в центре внимания реформаторов оказалась проблема неэффективности государственных предприятий и начался одобренный меджлисом переход к приватизации, так и иных сферах общественной жизни. Стоит заметить, что эти реформы дают желаемый результат. ВВП демонстрирует ежегодный прирост в размере 6—10 %. В 1997 г. он достиг 190 млрд. долларов. Клерикалы вынуждены понемногу отступать. После очередного успеха на выборах в меджлис сторонников реформ Европа и США весной 2000 г. несколько ослабили режим санкций и заметно смягчили свое отношение к Ирану. Однако стоит заметить, что, оправившись от неудач, сторонники реакционных иранских мулл, стоящих у власти, продолжают активно действовать. В 2000 г. ими было закрыто несколько десятков периодических изданий, пропагандирующих реформы и поддерживающих политику президента Хатами.

Афганистан

Политика и позиции нового Афганистана стала всерьез меняться с 1992 г., когда активное вмешательство держав в дела этой многострадальной страны решительно кончилось. Какова же ситуация в этой стране сегодня?

В середине XX века, когда лишенная своих владений в Индии Англия перестала играть сколько-нибудь заметную роль в афганских делах, а попытавшиеся было потеснить ее на Среднем Востоке немцы потерпели поражение в войне, СССР превратился в главного и наиболее влиятельного соседа Афганистана, о чем уже упоминалось. Соседство такого рода сыграло свою роль и в сфере экономики (участие СССР в строительстве ряда важных промышленных объектов), и в области политики (основанный на договоре 1931 г. дружественный по отношению к нашей стране нейтралитет Афганистана), и в идеологической ориентации. После ликвидации монархии правительство М. Дауда явственно ориентировалось на советскую помощь и содействие, хотя и не очень-то стремилось открыть дорогу к власти для радикальных групп. Курс на неприсоединение и независимость Афганистана был зафиксирован в конституции 1977 г., закрепившей в стране (ныне ок. 21 млн. населения) парламентарный однопартийный режим, президентское правление. Однако контроль над армией Дауд установить не сумел. Многие армейские части оказались под руководством радикально настроенных офицеров, что и привело к военному перевороту в апреле 1978 г., в результате которого власть перешла к Революционному совету, возглавленному лидерами бывшей до того на полулегальном положении Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

В апреле 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан, а в декабре того же года между этой республикой и СССР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, ознаменовавший качественно новый этап во взаимоотношениях между двумя странами. Новое качество сводилось к тому, что Советский Союз как бы брал на себя роль политического гаранта существования ДРА. В том, что такая роль была жизненно необходимой для новой республики, можно убедиться при знакомстве с последующим ходом событий. Дело в том, что к радикальным преобразованиям Афганистан не был готов. Отсталая экономика, низкий исходный уровень развития, социально-психологическая неподготовленность населения к трансформации, да к тому же еще и глубокие корни ислама, препятствовавшие распространению марксистско-социалистических идей и идеалов (при всем том, что сами мусульмане часто и охотно говорят о социализме, нельзя не заметить, что для правоверных все это имеет значение лишь постольку, поскольку основой основ продолжает оставаться ислам, пусть даже чуть перекрашенный в социалистические тона), — все это сужало социальную базу НДПА до минимума. Опереться внутри страны

этой партии с ее радикальными установками было почти не на кого — и альтернативой стала опора на СССР.

Но и это еще не все. Внутри НДПА существовала устойчивая вражда между двумя составляющими ее фракциями — Хальк и Парчам. Вражда была, что называется, не на жизнь, а на смерть. Несмотря на все попытки сверху и со стороны (имеется в виду СССР) погасить ее, она продолжала пылать. В огне жестокой борьбы погибли многие сотни, если не тысячи членов НДПА, что не только ослабило партию, но и создало обстановку внутренней нестабильности в стране. В сентябре 1979 г. руководитель НДПА и Революционного совета Н. Тараки был свергнут и уничтожен его соперником Х. Амином, после чего была развернута кампания преследования сторонников Тараки. Похоже на то, что Амин склонен был противопоставить поддержке СССР какую-либо иную внешнюю силу. Это и сыграло роковую роль в его судьбе: в декабре 1979 г. в Кабул были введены советские войска, президентский дворец был окружен, Амин убит, а во главе НДПА и Революционного совета стал еще недавно бывший послом ДРА в Чехословакии Б. Кармаль.

С этого момента Афганистан оказался в огне войны, которая длилась свыше 13 лет. Речь идет как о гражданской войне, так и о войне с введенными в Афганистан советскими войсками, численность которых была для этой страны достаточно внушительной — около 100 тыс., не говоря уже о техническом оснащении и армейской выучке. Введение советских войск в Афганистан было не только ошибкой, но и грубым политическим просчетом, а фактически — преступлением бывшего советского руководства, привыкшего полагаться на силу. Нежелание познакомиться со страной и ее историей, пренебрежение к реальности привели к бессмысленной гибели нескольких десятков тысяч советских солдат, не говоря уже о миллионе, если не больше, уничтоженных современным оружием афганцев, о бесчисленных страданиях афганского народа. Кроме того, введение советских войск не только оттолкнуло от СССР большинство афганцев, но и еще резче выявило слабость социальной базы правительства в Кабуле. Запоздалые попытки выправить перекосы времен Тараки и Амина не дали заметных результатов, как и замена Кармаля новым президентом страны Наджибуллой и срочная институционализация власти (новая конституция, созыв парламента, призыв к многопартийному сотрудничеству на широкой политической основе и т. п.). Все эти реформы, равно как и укрепление достаточно хорошо оснащенной и обученной армии ДРА, позволили НДПА удержаться у власти. Но дни ее были сочтены.

Длительная война привела к неслыханным разрушениям, уничтожению сотен и тысяч деревень, разрушению городов, массовой миграции населения (до 3—5 млн. афганцев находились в качестве беженцев в соседних Пакистане и Иране). Но главное — она вызвала резкий рост сопротивления, взрыв национализма в Афганистане, мно-

гократное усиление позиций различного рода фундаменталистских, исламско-националистических и монархических политических течений, которые в ходе вооруженной борьбы выявили себя в рамках различного рода племенных и политических группировок. Как известно, борьба завершилась в 1992 г. капитуляцией лишившегося поддержки извне правительства в Кабуле. Новый президент Б. Раббани оказался марионеткой в руках продолжавших соперничать за власть в стране различных группировок. Впрочем, уже в середине 90-х годов в Афганистане стала решительно заявлять о себе новая политическая сила — талибы (букв. — учащиеся религиозных школ). Это были выходцы из исламских военно-религиозных училищ при медресе, в обилии создававшихся в соседнем Пакистане для юных беженцев из Афганистана.

Будучи непримиримыми фанатиками ислама, талибы вместе с тем обладали хорошей воинской выучкой, энергией нерастраченной молодости, чувством ненависти к развязавшим войну в их стране иноверцам и, главное, привитыми им фундаменталистскими идеалами. В короткий срок они одолели уставших за долгие годы войны соперников и овладели в 1996—1997 гг. 80—90 % территории страны. Нынешний Афганистан — это страна талибов, хотя власть их пока не признана мировым сообществом. Непризнание же этой власти связано главным образом с тем, что талибы, захватив страну, превратили ее в страшный средневекового типа образец того самого стопроцентного фундаментализма, который в своей гораздо более умеренной форме вызывал ужас где-нибудь в Судане или Алжире.

Речь не о том, что талибы уничтожали массу несогласных с ними людей, хотя не обошлось, естественно, и без этого. Гораздо более страшным в глазах современного мира стал тот образ жизни, который они стали насильственно насаждать. Радио, телевидение и музыка были запрещены, а все соответствующие сложные технические сооружения уничтожены (приемники просто конфискованы и разбиты). О свободе печатных средств массовой информации тоже, естественно, говорить не приходится. Всем мужчинам было велено носить бороду (не желавших этого сажали в тюрьмы до тех пор, пока борода не вырастет). Всем женщинам было вменено в обязанность закрывать тело и лицо (что прежде в Афганистане не было принято), им строго запретили не только делать макияж или маникюр, но и наниматься на работу или учиться в школе. Талибы открыто заявили о своей ненависти ко всем инаковерцам и о поддержке тех, кто солидарен с ними, включая террористов. Глава международного исламского терроризма Усама бен Ладен нашел себе приют именно у них. Им были созданы лагеря, где воспитываются будущие террористы. И хотя в 1998 г. по решению международных организаций его авиары в зарубежных банках были блокированы, это не помешало тому, что Афганистан усилиями талибов и Усамы бен Ладена становится ныне центром международного исламского террора.

Оказавшись во главе нищей и отсталой страны с разрушенной войной экономикой, талибы открыто занялись производством и продажей наркотиков, что стало основой их доходов. В ответ на призывы прекратить заниматься этим, они предъявили миру ультиматум, заявив представителю ООН, что делают это лишь в том случае, если будут официально признаны и получают экономическую помощь, которая компенсировала бы отказ от наркодоходов. Словом, сегодняшний Афганистан талибов — образец стопроцентного исламского фундаментализма в его наиболее экстремистской форме. Давно уже ушли в могилу те советские руководители, которые приняли роковое решение вмешаться в дела этой страны, что и привело Афганистан в его сегодняшнее состояние. В некотором смысле это урок мировому коммунизму, уже едва дышащему. Но проблема в общем-то глубже. Она сводится к тому, что в наши дни на смену тоталитаризму фашистско-коммунистического типа приходит экстремистский фундаментализм.

Есть ли будущее у исламского фундаментализма?

Здесь мы подходим к весьма тонкой материи футурологических прогнозов. Несомненным фактом последних десятилетий является усиление позиций ислама и исламских государств в мировом сообществе. Этот процесс заметен и в Турции, казалось бы, давно покончившей с засильем ислама и вполне светской после реформ Ататюрка; ощущается он и в Египте, хотя там группа «братья-мусульмане» — олицетворение фундаментализма — после убийства президента Садата была поставлена вне закона. Во многих других арабских странах, в том числе и в палестинской ООП, позиции сторонников фундаментализма еще более ощутимы. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует и взрыв фундаменталистского ислама во вполне, казалось бы, благополучном в этом смысле, долгие годы ориентировавшемся на социалистические ценности и идеалы Алжире. Не приходится напоминать об Иране, признанном центре наиболее жесткого и активного исламского фундаментализма, Судане или Афганистане. Но стоит обратить внимание на тенденцию к возрождению чистоты ислама в Пакистане, об исламских настроениях в тюркоязычных среднеазиатских государствах и Азербайджане, да и некоторых иных странах ислама, которых в мире свыше сорока. О чем говорит сегодня повышенный интерес к исламу? И что является собой исламский фундаментализм, каковы его идеи и потенции? Частично об этом уже шла речь. Но пора посмотреть в корень проблемы.

Фундаментализм — это не просто возвращение к истокам, чистоте подлинного древнего ислама, когда был жив великий пророк и не было еще деления правоверных на шиитов и суннитов, хотя и это очень важно для всех его сторонников. Фундаментализм — это прежде всего требование единства всех мусульман в качестве ответа на вызов современности. Тем самым выдвигается претензия на создание мощного консервативного политического потенциала. Фундаментализм в его крайних формах ведет речь, таким образом, об объединении всех правоверных в их решительной борьбе с изменившимся миром, за возврат к нормам очищенного от позднейших наслоений и искажений настоящего ислама, и в этом он чем-то напоминает распространенные в XIX в. идеи панисламизма.

Популярны ли подобные идеи и если да, то где именно и почему, в какой степени? Стоит сразу же заметить, что, если не считать небольших групп фанатиков, фундаментализм как всеобъемлющее и влиятельное течение мысли и тем более реальная политическая сила явно не грозит тем странам, которые уже успешно движутся по капиталистическому пути, будь то Турция, Египет или Пакистан и Алжир. Пусть даже в этих странах движение за чистоту ислама станет заметным — оно не имеет в них серьезных шансов на успех по той простой причине, что здесь ненависть к чужим стандартам ушла в прошлое, а многие из этих заимствованных стандартов с успехом прижились и способствуют процветанию, чего не может не ценить население (опять-таки если не принимать всерьез небольшие группы фанатиков). По той же причине нет условий для роста фундаменталистских идей и настроений в современных аравийских монархиях, при всем том что здесь позиции ислама как такового крепки, как, может быть, нигде. Достаточно напомнить, что Саудовская Аравия с ее Меккой — признанный центр ислама, цель хаджа. Но при всем том и в Аравии, и в соседних с ней эмиратах высочайший современный технический и цивилизационный, капиталистический в своей технологической основе стандарт гармонично сочетается с ненарушенным привычным исламским, подчас исламо-бедуинским образом жизни. Для такого рода гармонии нужны были большие деньги — эти деньги появились и сыграли свою благотворную позитивную роль, прежде всего в том смысле, что сняли внутреннюю социально-политическую, экономическую и любую иную напряженность, рождаемую обычно нехватками и жизненными невзгодами.

Разумеется, эти рассуждения не абсолютны. Им можно противопоставить, например, ситуацию в Ливии, где все перечисленные факторы вроде бы действуют или, точнее, могли бы действовать так же, как в аравийских монархиях, но где тем не менее усилиями Каддафи все перевернуто с ног на голову и в результате для исламского фундаментализма созданы все условия. Спорить тут не с чем. Но Ливия все же исключение, отнюдь не отменяющее, скорее оттеняющее пра-

вило. Для анализа же важна именно норма, но не исключение, хотя и его нельзя не принимать во внимание.

Если исходить из изложенных реалий, то логично заключить, что в основе фундаментализма лежат неудовлетворенность успехами в развитии, социопсихологический дискомфорт основной массы населения и, как следствие, ностальгия по идеализированному прошлому. Этот комплекс достаточно распространен в разных странах и в разные времена, нечто в этом роде типично и для нашей страны в переживаемое сейчас тяжелое время. Он сыграл свою роковую роль в судьбах Ирана, определив характер, успехи и направленность событий 1979 г. и, как итог, взрыв исламского фундаментализма. Где еще он может сыграть аналогичную роль?

Практически, если иметь в виду современные страны ислама, мало где. Небольшие государства вроде Ливии явно не в счет — там негде развернуться. Из более или менее крупных государств Магриба и восточно-средиземноморской зоны арабского мира всерьез заражен вирусом фундаментализма разве что Судан, одно из самых отсталых исламских государств. Теоретически фундаментализм имеет некоторые шансы также и в Алжире, Сирии и Ираке. Алжир, где революционное правительство потерпело неудачу со своими социалистическими экспериментами, чуть было не стал жертвой этих неудач — только решительные действия властей преградили путь фундаменталистам в 1991—1993 гг. Сирия и Ирак, находящиеся под властью баасистских режимов скорее национал-социалистического, нежели религиозно-исламского характера, в принципе достаточно энергично развиваются по капиталистическому пути, хотя и несколько ослаблены экспериментами того же социалистического характера. Слабости свои Ирак компенсирует нефтедолларами, а Сирия — дотациями от богатых нефтедолларами стран. Поэтому, строго говоря, почвы для серьезного недовольства жизнью и осознанного массового социополитического дискомфорта, для стремления в ностальгических поисках счастья обратиться к глубокому прошлому здесь пока что вроде бы нет. Однако эта почва при неудачном развитии событий и ухудшении ситуации, кризисных явлениях может, как то показывает пример Алжира, появиться. И в этом смысле Сирия, Алжир и богатый нефтью Ирак — это как бы резерв фундаменталистов, хотя реально рассчитывать на успех исламский фундаментализм в этих странах пока не имеет оснований. По сути, единственное государство, где такого рода основания имеются в избытке, это Афганистан.

Афганистан в чем-то близок к иранским реалиям. Правда, у него нет столь давней истории, древних и развитых традиций, которыми можно было бы гордиться. Зато он потенциально в еще большей степени, чем Иран, оказался неподготовленным к радикальным преобразованиям современного типа. У него нет и нефти, которая могла бы помочь. И главное, именно здесь оказались наиболее живучими

восходящие к первобытным племенным нормам свободолюбие и горделивое стремление к независимости горцев, готовых сражаться за свой привычный образ жизни с кем угодно и сколько угодно. Идейной опорой этой позиции сегодня в Афганистане служит ислам. И этот ислам буквально на наших глазах перерастает в исламский фундаментализм, чему в немалой степени способствует тот комплекс, о котором только что упоминалось и все составные элементы которого в избытке представлены в современных афганских реалиях.

Надо заметить, что афганский фундаментализм отличен от иранского. Он не столько внешне-формальный, сколько глубинно-истинный, доктринально-сущностный. В фундаменталистских тенденциях афганцы видят и то *свое*, что дорого каждому из них, каждой племенной или политической группе, и то *общее*, что сплавливает всех их в нечто единое целое. Практически это означает, что взрыв фундаментализма в Афганистане был почти неизбежен, ибо для этого был накоплен немалый потенциал.

Существен и вопрос о потенциях исламского фундаментализма в соседних с Афганистаном странах, в частности, в Средней Азии или Азербайджане. Трудно строить прогнозы, но все говорит в пользу того, что потенции исламского фундаментализма и даже экстремизма, — который демонстрируют подчас, например, палестинцы, — еще далеко не исчерпаны. Многое свидетельствует в пользу того, что быстро увеличивающееся мусульманское население планеты гораздо активнее стремится обратить в свою веру других, нежели заимствовать от капиталистического Запада его достижения. Более того, даже заимствовав их (живя, например, в Европе или США), многие мусульмане нередко склоняются в сторону активной поддержки исламского фундаментализма.

Глава 7

Кавказ, Закавказье и Средняя Азия после распада СССР

Как это хорошо известно, крушение СССР в 1991 г. оказало большое влияние на изменение геополитической обстановки в мире, в первую очередь в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии. Появление здесь ряда новых молодых государств, прежде бывших республиками в составе СССР, заметно изменило весь облик региона и породило много новых проблем, от решения которых зависит развитие взаимоотношений как между различными восточными странами, так и между Востоком и Западом.

При этом следует обратить внимание на то немаловажное обстоятельство, что такие новые страны, как Армения и Грузия, цивилизационно тяготеют не столько к Востоку, сколько к христианскому Западу, тогда как многие из оставшихся в составе России республик Кавказа, напротив, являются едва ли не по всем основным параметрам восточными (исламскими) и оказываются объектами пристального внимания именно с этой точки зрения. Внимание это выражается в различных формах, как в стремлении сыграть на национально-религиозных противоречиях, так и в откровенном желании фундаменталистов навязать населению этих республик, прежде всего Чечни и Дагестана, свои взгляды и системы ценностей. В определенной степени это же относится и к тем новым государствам (Азербайджан и страны Средней Азии), которые ныне стали независимыми и с немалыми трудностями пытаются найти свое место в мире. Рассмотрим ситуацию, которая сложилась в упомянутых странах.

Надо сразу сказать, что независимость выпала на долю закавказских и особенно среднеазиатских республик достаточно неожиданно. Вся структура внутренних связей и административно-политических отношений не была к этому готова, что особенно явственно выявилось на примере хозяйства и экономических отношений, долгие десятилетия — если не века — строившихся в интересах русской имперской, а затем советской централизованной системы. Это с неизбежностью определило то, сколь медленно и болезненно шла структурная перестройка в каждом из новых государств. А если учесть различного рода социальные, политические и даже природные катаклизмы (будь то армянское землетрясение 1988 г., армяно-азербайджанские конфликты или гражданская война в Таджикистане), то сложность обстановки в постсоветских государствах, о которых идет речь, станет вполне очевидной.

Разумеется, каждая из республик столкнулась со своими проблемами, не исключая и вновь возникшую Российскую Федерацию, в рамках которой остались территории Северного Кавказа. Пожалуй, именно с этого целесообразно начать изложение проблем всего того нового региона восточного мира, который сформировался после распада СССР.

Россия и Кавказ

Случилось так, что конкретные формы распада СССР оказались в тесной зависимости от случайности административно-политического членения Советского Союза, которое было создано в свое время без особых раздумий, не раз перекраивалось по прихоти руководства и служило в основном целям удобства управления (с учетом классического принципа «разделяй и властвуй»). В рамках жесткой централи-

зованной имперского типа структуры на административные границы республик и тем более на их официальное наименование (союзная или автономная) обращали очень мало внимания, ибо разница была незначительной и касалась в основном размеров административно-территориального подразделения Союза, но никак не его прав и реальных возможностей, тем более перспектив. Если бы кому-то пришлось в голову задуматься о перспективах в тот момент, когда Н. Хрущев щедрой рукой отдал русский Крым Украинской ССР, возможно, этого бы не случилось. Но никому такое не могло прийти в голову в то далекое время.

Проблемы начались тогда, когда Союз стал разваливаться на куски. Вот здесь-то и сыграло свою роковую роль то обстоятельство, какой статус имела данная республика. В результате населенная в основном русскими *союзная республика* Белоруссия, где почти никто, кроме очень небольшой группы националистов, о независимости и не помышлял, оказалась самостоятельным государством, тогда как *автономные республики* Кавказа, народы которых долгие века боролись за независимость от России и силой окончательно были покорены лишь в середине XIX в., оказались частью Российской Федерации. Не все из республик Кавказа смирились с этим. И хотя большинство вынуждено было принять сложившуюся ситуацию, по меньшей мере одна из них, Чечня, пришла в лице ее руководства — впрочем, активно поддержанного населением, — к иному решению.

Последствия этого широко известны. Активные действия чеченцев в самой Чечне и в других регионах России, где чеченская диаспора широко представлена и благодаря сплоченности ее рядов весьма преуспела как в официальном бизнесе, так и в теневой экономике, тем более в криминальной сфере, привели достаточно быстро к тому, что огромные деньги, полученные различными способами (вспомним хотя бы о многочисленных мошеннических авизо в банковской сфере первой половины 90-х годов), были направлены на приобретение оружия. Вооружившись, чеченцы стали все энергичней демонстрировать свои претензии на независимость от России. Признанный их глава генерал Д. Дудаев, став президентом республики, вскоре фактически объявил об отказе подчиняться России. Проходившие через Чечню товарные составы останавливались и откровенно подчистую грабились местными жителями, организованными в кланово-земляческо-мафиозного типа организации. Назревала первая чеченская война 1994—1996 гг., к которой еще не оправившаяся от вызванных перестройкой страны потрясений Россия не была готова. Эта война, как известно, оказалась фактически проигранной русской армией, чьи действия на Кавказе не получили поддержки общественности и рассматривались как попытка силой задавить стремление маленького народа к свободе и независимости.

Хасавюртские соглашения 1996 г., поставившие точку в этой войне, предполагали восстановление мира с предоставлением Чечне права через несколько лет самой решить сложный вопрос о характере ее

взаимоотношений с Россией. Однако отстоявшая себя Чечня открыто заявляла, что никаких сомнений и колебаний на этот счет у нее нет и не будет. И хотя ее попытки получить международное признание терпели крах, ибо мир по-прежнему считал ее частью России, а ее войну чем-то вроде мятежа, справиться с которым было внутренним делом России, она, несмотря на гибель своего президента, не сдавалась. Новый президент Чечни А. Масхадов и его активные помощники из числа полевых командиров не только не были готовы идти на мировую, но напротив, своими террористическими рейдами внутрь российских территорий (налет вооруженной группы Басаева на Буденновск) стремились показать всем, что Чечня намерена добиваться своего любой ценой.

Как известно, вслед за бандитскими вылазками последовали новые акты террора в самой Чечне против находившихся там русских строителей или иностранных представителей. Их в большом количестве брали в заложники с требованием выкупа и угрозой расправиться в случае отказа. Ряд заложников, в том числе иностранцы, был демонстративно казнен. Одновременно страна быстрыми темпами исламизировалась, а многочисленные иностранные наемники и добровольно прибывавшие из разных стран исламские проповедники активно этому содействовали. Провозглашенный примат законов шариата с его опять-таки демонстративными публичными наказаниями и казнями в средневековом стиле всколыхнули мир. Становилось все более очевидным, что проблеме Чечни нужно как-то решать.

Серия взрывов жилых зданий в Москве и Волгодонске в 1999 г., террористические акты на вокзалах и в иных местах скопления людей все это переполнило чашу терпения. «Чеченский след» при расследовании такого рода актов явственно проявлял себя, да и руководители Чечни не скрывали, что именно методами террора намерены заставить Россию признать независимость их республики. Затем последовало нападение на соседний с Чечней Дагестан, где у чеченских экстремистов было немало сторонников из числа местных ревнителей ислама. Проникавший в Дагестан и Чечню ислам в его остротной, в прошлом саудовской форме борцов за чистоту веры (ваххабизм) быстро набирал сторонников и оказался в России и азиатских странах СНГ формой исламского фундаментализма. Стоит заметить, что распространению ваххабизма в немалой степени способствовали миллиарды международного террориста, выходца из Саудовской Аравии Усамы бен Ладена и его воспитанников.

В назревавшей в таких условиях второй чеченской войне, начатой русской армией осенью 1999 г., настроение общественности было уже иным. Возрождение средневековых норм, участвовавший наглый захват, рабство и убийство заложников, террористические акты с многими десятками, даже сотнями погибших побудило абсолютное большинство россиян отнестись к новой войне как к вынужденному акту самозащиты и наведения порядка в России. Война, затянувшаяся на весь 2000 г. и

пока еще явно очень далекая от завершения, привела к ликвидации значительной части военного потенциала Чечни. Русские войска дорогой ценой, считая и разбомбленные города и села самой Чечни, эвакуацию половины ее населения, добились некоторых успехов в борьбе с экстремистами. Правда, эти успехи не следует переоценивать, ибо на смену военным действиям крупного масштаба пришла партизанская война. Однако, тем не менее, определенный и наиболее кровавый этап военных действий завершился. Более того, начато создание новой местной администрации, готовой сотрудничать с Россией.

Эпопея с Чечней долгие годы была в центре внимания и мирового сообщества, с неодобрением воспринимавшего войну регулярной армии против населения маленькой республики, и России, в основном одобрявшей силовые методы армии и руководства страны по наведению в ней порядка (стоит напомнить, что на гребне этого одобрения новый президент В. Путин с первого же тура голосования получил свой президентский мандат в марте 2000 г.), и особенно соседей чеченцев, справедливо увидевших в судьбе Чечни нечто вроде урока, преподанного всем народам Кавказа.

Разумеется, решением — пока далеко не окончательным — проблемы Чечни все осложнения, связанные с Кавказом, отнюдь пока не урегулированы. В горном Дагестане, например, обнаруживаются села, где по чеченскому образцу годами используют похищенных в России людей в качестве рабов. И вполне возможно, что заложники и рабы могут обнаружиться и в других отдаленных горных районах русского Кавказа. По-прежнему дают о себе знать мусульманские фундаменталисты, особенно ваххабиты, влияние которых в Дагестане и в некоторых других кавказских республиках ощущается все заметнее. Словом, Северный Кавказ, оставшийся волею судеб частью России, далеко не готов безропотно и мирно согласиться с выпавшим на его долю жребием. Он в лице значительной части местного коренного населения — а нельзя не принимать во внимание, что здесь пока еще живет и немало русских, потомков завоевывавших Кавказ казаков либо переселенцев, — остается Востоком, причем, за единственным исключением Осетии, исламским Востоком, явственно проявляющим свое стремление сблизиться с единоверцами вне России.

Закавказье

Исторические судьбы небольших государств Закавказья с глубокой древности были достаточно близки друг другу, подчас сплетены между собой в тесный клубок. Правда, исламизация восточной части этого региона заметно изменила ситуацию, противопоставив исламские общности и государственные образования христианским. Однако это не

слишком мешало их постоянному взаимодействию, не говоря уже об упоминавшейся общности судеб. Достаточно напомнить, что все государства Закавказья практически одновременно вошли в состав Российской империи и нашли свою нишу в ней.

Разумеется, культурные традиции Грузии и Армении были ближе православной России, чем азербайджанские шииты. Но это не мешало тому, что каждая из стран Закавказья не ощущала себя Золушкой, но напротив, активно вносила свой вклад в процветание России и в то же время энергично использовала те немалые возможности, которые давало ей русское подданство. Вместе со всей огромной страной Закавказье испытало все то, что уготовила империи пришедшая ей на смену власть большевиков, будь то массовые репрессии, жесткий идеологический контроль правящей партии, разорение сельского хозяйства или направленная в основном на создание военного производства индустриализация. Разумеется, при этом у каждой из стран Закавказья — тем более Средней Азии — были и свои особенности, сохранявшие ее облик в те годы, когда все они были республиками СССР. Эти особенности с немалой силой проявили себя после того, как распад СССР в 1991 г. превратил страны Закавказья в независимые республики. Обратим внимание на то, как это было и к чему за истекшее десятилетие привело.

Азербайджан. Это страна с населением около 8 млн. человек обрела свою независимость — как, впрочем, и соседняя с ней Грузия — достаточно дорогой ценой. Обострение внутренней борьбы в стране на рубеже 1989—1990 гг. в связи с возникновением национально ориентированного Народного фронта и поиском новых путей развития в годы перестройки привело не только к страшной резне армян в Баку с последующей насильственной их депортацией, но и к политическому противостоянию между правящей верхушкой СССР и лидерами национально-демократических группировок. Ввод русских войск в республику в январе 1990 г. ценой множества убитых погасил назревавший конфликт, но одновременно породил ощутимые антирусские настроения. Дальнейшие события вылились в сложную борьбу за власть между разными политическими силами обретшей независимость страны. Борьба осложнялась длительной и в конечном счете завершившейся поражением неудачной войной с Арменией за Карабах.

Рубеж 1991—1992 гг. был ознаменован формальным предоставлением Азербайджану независимости, которая фактически уже была им обретена. На передний план в стране вышел Народный фронт, пользовавшийся немалой поддержкой населения. Однако неуспехи в сфере внутренней политики, а также постоянная борьба за власть на фоне все ухудшающегося экономического положения резко оторванной от России и лишившейся привычных связей страны привели к ослаблению позиций лидеров фронта. Этим воспользовались их противники из числа оправившихся от неожиданных перемен представителей

бывшей советской партноменклатуры, несравненным преимуществом которых был не столько опыт административного управления, сколько умение создавать крепкие кланового типа сообщества. Сплоченная сила партноменклатуры достаточно быстро переломила ход событий.

После отстранения от власти в 1993 г. лидера национально-демократического движения президента А. Эльчибея и других активных деятелей Народного фронта, многие из которых подверглись репрессиям или погибли, на авансцену вновь вышел опытный и искушенный в политической борьбе бывший первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Г. Алиев, который и был избран президентом. Перед президентом Алиевым встала задача восстановить свое бесспорное лидерство в стране, устранить и обезвредить возможных соперников, ослабив те политические группы, на которые они опирались, и на этой основе, весьма напоминаящую прежнюю, советскую, укрепить властную вертикаль в новой для Азербайджана ситуации. Со всеми этими задачами Алиев сумел справиться без особых сложностей.

Власть и авторитет его быстро росли по мере того, как в стране наводился административный порядок и соответственно был заметно ограничен объем завоеванных в первые годы независимости демократических прав и свобод. Экономика в новых условиях стала объектом борьбы сильных клановых группировок. Межклановое соперничество с опорой на представителей власти порождало в стране коррупцию и не содействовали достижению успехов в экономической стабилизации. Неизвестно, насколько глубоко упал бы в Азербайджане уровень жизни населения, если бы не то немаловажное обстоятельство, что по мере развития в России рыночных отношений все большую роль на продовольственных и иных российских рынках стали играть азербайджанцы. Опираясь на отсутствие визовых ограничений и энергично реализуя свои преимущества не столько в умении торговать, сколько в искусстве использования национальных традиций клановой сплоченности, выходцы из Азербайджана (их число не менее 2—3 млн.) заполнили русские рынки и более того, начали диктовать там свои условия, препятствуя торговле по иным ценам или ограничивая подвоз товаров. В результате переводы из России являются ныне главным источником дохода для примерно 60 % семей Азербайджана.

Азербайджанская нефть — еще один важный источник дохода страны. Балансируя между Россией, Востоком и Западом, страна пытается увеличить количество труб, по которым нефть могла бы поступать на международные рынки. В этом заинтересованы и некоторые страны Средней Азии, рассчитывающие, по меньшей мере отчасти, все на те же трубы, которые должны связать нефтяные и газовые месторождения Каспия, особенно в Туркмении, через Баку со Средиземноморским побережьем Турцией (Джейхан). Только чересчур высокая стоимость прокладки трассы нового трубопровода и неуверенность в достаточности запасов Каспия, — не говоря уже о политических и геостратегиче-

ских соображениях и соответствующем противостоянии крупных держав друг другу, — замедляют процесс решения проблемы.

Азербайджан, как и все другие республики бывшего СССР — кроме прибалтийских, — входит в СНГ (Содружество Независимых Государств). Формально этот союз должен способствовать сближению входящих в него стран, выявлению общих интересов, прежде всего экономических, и их реализации. Однако на деле, как упоминалось, геополитические соображения играют значительно большую роль. Вот почему, несмотря на ряд договоров и соглашений с Россией, Азербайджан — как, впрочем, и некоторые иные страны СНГ — проводит политику на сближение с теми государствами (Турция, Иран, США), которые заинтересованы в его нефти и готовы оказывать финансовую помощь в строительстве трубы, призванной конкурировать с теми трассами нефтепроводов, которые идут по территории России. К слову, часть их пути проходит через Чечню, что до недавнего времени было для России существенным препятствием в соревновании с конкурентами.

В современном Азербайджане скверно обстоит дело с сельским хозяйством. Оно лишь в незначительной степени удовлетворяет потребности населения в продовольствии. Остальное дает импорт, благо хватает средств за него платить. Сложной проблемой для современного независимого Азербайджана стал национальный вопрос. Решив часть его посредством армянского погрома в Баку с последующим изгнанием бакинских армян (их там было достаточно много), азербайджанцы натолкнулись на жесткое сопротивление в Нагорном Карабахе, который, как уже упоминалось, после ряда неудачных для них войн остался фактически независимой армянской республикой с собственной системой правления (ситуация, близкая к тому, что имеет место в бывшем молдавском Приднестровье или бывшей грузинской Абхазии). Еще один нерешенный национальный вопрос — проблема лезгин, территория которых разрезана границей, проходящей между Азербайджаном и Дагестаном. Дагестанские лезгины хотят изменения границы и создания лезгинской республики (это древняя кавказская Албания). Азербайджан против этого и в свою очередь оказывает на своих лезгин давление, преследует их лидеров, выступающих за объединение. Проблема остается нерешенной и имеет тенденцию к обострению, особенно если учесть, что 200—300 тыс. лезгин пребывают в эмиграции в Турции и внимательно следят за ходом событий на их родине.

Еще более серьезной, чем национальный сепаратизм, проблемой для Азербайджана является ислам. Шиитские лидеры в стране быстро наращивают влияние и авторитет. Существуют и политические объединения, ставящие своей целью возрождение и укрепление позиций ислама в республике. Соперничество с суннитами, проявляющееся в политике преимущественной ориентации на Иран, создает в среде азербайджанских шиитов антитурецкий и антисуннитский потенциал.

Если принять во внимание, что северо-кавказские мусульмане сплошь сунниты, наличие в Закавказье шиитского Азербайджана может рассматриваться как некоторый противовес, играющий свою немаловажную роль в сложной религиозно-политической борьбе в регионе.

Грузия. Грузины (5,5 млн. человек), как и азербайджанцы, начали движение за независимость задолго до развала СССР. Еще в апреле 1989 г. в Тбилиси это движение приняло формы активного противостояния. Тогда многие тысячи в основном молодых людей вышли на центральную площадь города с соответствующими лозунгами. Испугавшись этого, руководители ЦК компартии Грузии потребовали от Москвы помощи. Прибывшие в Тбилиси отряды спецназовцев с помощью дубинок и газовой атаки разогнали собравшихся, 20 из которых были убиты либо отравлены.

Грандиозный скандал, последовавший за этими событиями и сопровождавшийся приездом в Тбилиси Э. Шеварднадзе, бывшего в ту пору министром иностранных дел СССР, и парламентской комиссии во главе с А. Собчаком, не привел в то время к выявлению истинных виновников насилия, но немало способствовал укреплению в стране сепаратистских настроений. Грузия была готова к независимости и лишь ждала — как и некоторые другие республики СССР, в первую очередь прибалтийские, — своего часа. Этот час настал, наконец, в конце 1991 г., когда СССР прекратил свое существование.

Формально акт о восстановлении независимости Грузии был принят в Тбилиси еще в апреле, но фактически он стал действовать с декабря 1991 г. Как и все остальные новые независимые республики, Грузия сразу же столкнулась с серьезными экономическими проблемами, вызванными как нарушившимися в одночасье связями, так и успехом проводившимися рыночными преобразованиями, не говоря уже о чудовищном для всего СССР дисбалансе между военной промышленностью и всем остальным производством. Проблемы экономики были усугублены сепаратистскими выступлениями в Абхазии, требовавшими вмешательства грузинских войск, завершившегося через несколько лет провалом. Вплоть до настоящего времени на абхазской границе живут ненавидящие абхазцев мингрелы (всего грузин в Абхазии осталось около 100 тыс. из прежних 240), а также действуют навешающие свою родину некогда компактно жившие там грузины («партизаны», как их подчас называют). С остальной территории Абхазии грузин выжили, а их дома разобрали или заняли переместившиеся с гор либо приехавшие из Турции абхазы. В Абхазии резко усилилось значение клановых связей (всего существует около 600 кланов-ажала), заметен также усилившийся процесс криминализации общества, особенно за счет безработной молодежи. Сохранение стабильности вот уже ряд лет лежит на плечах отрядов русских миротворцев.

Сепаратистские стремления проявляются в Южной Осетии и даже во внешне лояльной и населенной грузинами Абхазии. Но главные политические раздоры в Грузии были связаны все-таки — при всей драматичности ситуации с Абхазией — не с сепаратизмом окраин. Раздоры начались с того, что на передний план политической жизни страны в начале 90-х годов вышли — как то было и в Азербайджане — активные националистически настроенные демократы во главе со Звиадом Гамсахурдиа. Неуравновешенность и спонтанность их политики привели к открытым столкновениям с многочисленными оппонентами, почти что к гражданской войне, в ходе которой Гамсахурдиа был убит, его сторонники потерпели поражение, а оппоненты вышли победителями. Однако, поскольку ни одна из группировок, пришедших на смену национал-демократам, не имела достаточной поддержки в обществе, возникла необходимость обратиться к Шеварднадзе, престиж которого не только в Грузии, но и во всем мире был весьма высок. Шеварднадзе прибыл в Грузию и вскоре, в 1995 г., стал ее президентом.

Экономика страны к этому времени пришла в окончательный упадок, свирепствовала инфляция, чуть ли не голод. Уровень жизни некогда весьма богато живших грузин резко снизился, появилось много безработных, да и бездомных (если принять во внимание сотни тысяч беженцев из Абхазии). Усилилось влияние криминального мира, причем некоторые выходцы из этой среды, как например Д. Иоселиани, вышли в большую политику. Отряды, организованные Иоселиани (Мхедриони) стали играть в стране роль жандармерии и весьма активизировали свои действия. В борьбе с ними Шеварднадзе был вынужден прибегнуть к крайним мерам. После ареста Иоселиани он сумел навести порядок в обществе и обрести его поддержку.

В сфере внешней политики Грузия, как и Азербайджан, вынуждена лавировать между Россией, Востоком и Западом, особенно в связи со всей той же важной для всего Закавказья проблемой нефтяной трубы, прохождение которой через территорию Грузии могло бы приносить ей немалые регулярные доходы. Сближение с Турцией, заигрывание с США и НАТО побуждают Шеварднадзе ограничивать притязания России, включая и статус русских военных баз. Правда, русские пограничники на границе с Турцией остаются, причем заменить их, особенно в зоне морской границы с ее плавсредствами, Грузия пока не в состоянии.

Денежная реформа и переход к собственной валюте (лари) еще раз подчеркнули слабость грузинской экономики и низкий уровень жизни населения страны. Ни нефти, ни доходов от рыночных спекуляций на территории России грузины не имеют. Правда, грузинская промышленность работает, а в последнее время даже наметился существенный экономический рост — 7—8 %. Но мало инвестиций, что не может не сказаться на ухудшении положения в стране. Проявляются и элементы политической нестабильности, что, в частности, находит свое выраже-

ние в неоднократных покушениях на Шеварднадзе, которые, правда, не достигали цели. Не очень ясно будущее этой страны. Но убедительная победа Шеварднадзе на президентских выборах 2000 г. свидетельствует о стабилизации внутривластной ситуации в Грузии и дает основание надеяться на лучшее. После успеха на выборах Шеварднадзе объявил о проведении политики примирения в стране, которая выразилась в амнистии его политических противников, как звиадистов, т. е. сторонников Гамсахурдиа, так Иоселиани.

Армения. Наиболее древняя из стран Закавказья, Армения (около 4 млн. жителей), в наши дни переживает глубокий кризис. О ее экономических трудностях не приходится и говорить — они совершенно очевидны в стране, где нет нефти или существенных доходов из внешних источников. Немалое количество полезных ископаемых — цветные металлы, драгоценные камни — пока не дают большого дохода, равно как и металлургия или машиностроение. Страшное землетрясение 1988 г. было как бы прологом современного бедственного состояния Армении. За девяностые годы уровень жизни населения снизился едва ли не в десять раз. Аграрная реформа (80 % земли было отдано крестьянам) способствовала некоторому развитию сельского хозяйства, но она же привела к его натурализации и вызвала немалую потребность в импорте продовольствия. Война в Нагорном Карабахе потребовала от Армении неимоверных усилий и материальных затрат. Правда, помощь вооружением из России облегчила эту задачу (стоит заметить, что это вызвало резкие протесты в Азербайджане), но она, естественно, не сыграла и не могла сыграть заметной роли в облегчении экономических проблем Армении.

Президент Л. Тер-Петросян немало сделал для того, чтобы провести необходимые экономические реформы и демократические преобразования. В середине 90-х годов начался заметный экономический рост (5—6 % в год). Процесс приватизации затронул многие промышленные предприятия, как мелкие и средние, так и крупные. Стали снижаться темпы инфляции — до 8—10 % в год. Увеличился экспорт. Но страна продолжает оставаться в состоянии серьезного экономического кризиса, выход из которого требует времени, четкой политики и немалых усилий. Кроме всего прочего, на экономический кризис накладывается политический.

Тер-Петросян не сумел справиться со сложившейся в стране ситуацией. Не в состоянии добиться этого и его преемник президент Р. Кочарян, в прошлом глава Народно-Карабахской республики. Драматические события в армянском парламенте в октябре 1999 г., когда группа экстремистов сумела убить премьера страны и спикера парламента (а также еще несколько человек) свидетельствуют не столько о том, что плохо поставлена служба госбезопасности — хотя и в этом стоит разобраться, — сколько о сложности внутривластных противоречий и размерах недовольства ходом событий в стране. Намечился

конфликт между президентом и главой нового кабинета министров. Политические партии в стране нередко не находят общего языка.

Во внешней политике Армения держит твердый курс на союз с Россией, поддерживает активные связи со своими южными соседями, Турцией и Ираном, склонна к сотрудничеству с Европейским Союзом и США. Особо она стремится укрепить отношения с соседней Грузией. Более того, нанеся визит в Тбилиси в марте 2000 г., президент Кочарян высказался за продолжение диалога с Г. Алиевым и за то, чтобы все три государства Закавказья совместно превратили бы регион в зону стабильности и безопасности. Впрочем, высокопоставленные представители Азербайджана отнеслись к этому предложению без особого энтузиазма, дав понять, что прежде следовало бы решить проблему Карабаха.

Средняя Азия

Если молодые страны Закавказья — кроме, может быть, Армении, — страстно желали независимости, были внутренне в значительной степени готовы к ней, даже более того, стремились обрести ее задолго до окончательного распада СССР, то в республиках Средней Азии дело обстояло совершенно иначе. Ни одна из них не стремилась обрести независимость, тем более до распада СССР. Напротив, все они боялись независимости, не были подготовлены к ней и даже в определенной степени просто не хотели ее. Особенно наглядно это видно на примере политических акций Н. Назарбаева накануне крушения Советского Союза. Он, как то хорошо известно, до самой последней минуты предлагал различные проекты, направленные на сохранение Союза.

Причин для возникновения ситуации такого рода немало, как общих для всех среднеазиатских стран с их вчера еще отсутствовавшей вовсе или весьма слабо развитой государственностью, так и различных для каждой из этих стран в отдельности. Но, как бы то ни было, независимость была им навязана, и с этим приходилось считаться. Нужно было принять ее и постараться как можно более безболезненно организовать новые формы администрации, определить основные параметры политики в новых условиях существования. Как именно это происходило в разных странах и к чему в конечном счете привело?

Туркмения. Это молодое и сравнительно малонаселенное (около 5 млн. человек) государство заметно выделяется среди остальных. Отличия его связаны прежде всего с тем, что здесь на смену пришедшему в упадок и рухнувшему советскому тоталитаризму пришла ярко выраженная жесткая авторитарная единоличная система власти. Оказавшийся во главе государства его партийный руководитель С. Ниязов сразу же стал не только президентом (практически без временного

ограничения полномочий), но и общепризнанным народным вождем, туркменбаши, отцом нации. Его именем называют города и поселки, площади и предприятия; его изображения — причем только его — развешаны повсюду и буквально мозолят глаза. Во многом это напоминает культ С. Хусейна в Ираке. Но существенная разница, которую не только нельзя игнорировать, но наоборот, стоит принять во внимание, состоит в том, что С. Ниязов действительно ведет или по крайней мере старается вести себя по отношению к стране и ее населению как заботливый отец.

Он не убивает оппонентов, не слишком часто сажает в тюрьмы недовольных и протестующих, не старается наворовать миллиарды и, главное, действительно основывает свое правление на патернализме, близком к современному китайскому. Близость эта в том, что Ниязов стремится к проведению полезных стране рыночных преобразований при жесткой даже не однопартийной, как в КНР, а именно единоличной власти. Власти, так сказать, мудрого и доброго правителя.

В наследство от распавшегося СССР Туркмении досталась неэффективная экономика, требовавшая немедленной перестройки. Провозгласив принцип нейтральности во внешней политике (что по сути означало умелое лавирование между Россией, СНГ, Востоком и Западом), погасив начавшийся было проявляться национализм и тем более межплеменные и межклановые раздоры (о сколько-нибудь ощутимом всплеске исламизма в Туркмении пока нет и речи), а также сделав государственными сразу три языка — русский, английский и туркменский, Ниязов приступил к реформам. Суть их сводилась к изменению характера экономической структуры не только под покровительством государства, но при строгом повседневном контроле с его стороны.

Политическим оппонентам не было предоставлено свободы действий, как не ставился вопрос и о создании гражданского общества и правового государства, о гласности или многопартийном плюрализме. Президент и подчиненные его воле парламент и вся вертикаль власти — вот то, что стало стержнем административной политики, весьма в этом смысле близкой к советскому прошлому. Существует цензура, в случае нужды проводится чистка аппарата администрации. Русскоязычная часть населения имеет право покинуть страну, как, впрочем, и возвратиться назад. Что же касается экономики, то здесь были сделаны немалые шаги в сторону рыночного хозяйства — правда, скорей, социально-рыночного.

Поставив своей официальной целью пробудить народ и побудить его осознать национальные чаяния, а также создать за 10—15 лет процветающую экономику, Туркменбаши начал аграрную реформу. Туркмения — преимущественно аграрная страна с более или менее развитым зерноводством, хлопководством, овощеводством и скотоводством. Много выращивается и фруктов. Неудивительно поэтому, что главное внимание Ниязов обратил на развитие земледелия. Около

80 тыс. гектаров земли — для начала в порядке эксперимента — было предложено тем, то был готов ее осваивать на правах дехкано-фермерских хозяйств. Каждому крестьянину выделялось 50 га в аренду на 10 лет при условии, что в случае создания рентабельного хозяйства земля останется за ним навечно. Это неплохой стимул для активизации земледельческого труда и налаживания самообеспечения страны сельскохозяйственной продукцией.

Конечно, пока еще рано говорить о результатах. В стране, где преобладают безводные пустыни, продовольствия явно не хватает, так что в городах существуют — или, во всяком случае, существовали до недавнего времени — ограничения на выдачу некоторых видов продовольствия. Эти ограничения соседствуют с низкой заработной платой и низкими, но ощутимыми для горожан ценами. По меньшей мере частично невысокий уровень жизни компенсируются бесплатными коммунальными услугами (вода, газ, свет). Нет бьющего в глаза богатства, тем более коррупции и связанного с ней криминала. Относительное богатство немногих пока не выделяется, ибо проведенная в стране приватизация затронула лишь небольшие предприятия в сфере торговли и услуг, в легкой промышленности и строительстве. Над ключевыми отраслями экономики — а это прежде всего нефть и газ — сохраняется полный контроль государства. Развивается финансовая система (в Туркмении существует несколько десятков различного рода банков), национальная валюта стабильна. За счет государства строится немало престижных зданий и сооружений.

Проблема трубопроводов важна для Туркмении, пожалуй, более всего. Запасы нефти и газа настолько велики, что решение этой проблемы дало бы возможность резко поднять в стране уровень жизни. Однако ведущиеся вот уже много лет переговоры о транскаспийской и транскавказской трубе пока не привели к результату. Строительство трубопровода через Каспий или Иран сопряжено как с политическими, так и с финансовыми сложностями, не говоря уже, как о том упоминалось, о геостратегических соображениях держав. Оно пока даже не начато. Использование же давно существующих русских трубопроводов ограничивается их недостаточной мощностью и требует урегулирования финансового вопроса. По этому поводу давно уже ведутся переговоры с Россией, но удовлетворяющего обе стороны решения пока не найдено.

Усиливаются связи Туркмении с Турцией и особенно с Ираном, куда недавно была проведена железная дорога. Планируется строительство ряда других дорог, как железных, так и шоссейных, число которых было весьма ограниченным в богатой пустынях Туркмении. Существуют далеко идущие планы транспортировки нефти и газа в Иран и даже в Пакистан через Афганистан. Но все это пока лишь планы, для осуществления которых нужны не столько время и большие деньги, сколько урегулирование политических взаимоотношений.

Честолюбивые замыслы сделать из Туркмении нечто вроде Кувейта достаточно четко свидетельствуют о параметрах курса С. Ниязова. Его цель — не западная либерально-демократическая модель, о достижении которой практически почти никто в этой стране не говорит. Туркменская модель в ее сегодняшнем виде — нечто среднее между социалистическо-рыночной китайской и умеренно-исламско-рыночной кувейтской.

Узбекистан. Довольно близка к туркменской модели развития узбекская, хотя разница весьма значительна. Узбекистан с его более 25 млн. жителей — гораздо более крупная страна. И проблем у нее соответственно больше, причем они намного разнообразнее. Однако стоит начать с того, что несменяемый узбекский лидер, президент И. Каримов, в принципе весьма похож на С. Ниязова. Хотя он и не претендует на лавры отца отечества и не стремится к тому, чтобы его имя и изображение были на каждом углу, патернализм в его политике ощущается очень зримо, как, впрочем, и авторитарные тенденции. Выступив в качестве создателя новой конституции страны (1992), он сделал акцент не только на интересы и верховенство народа, но также и на власть закона. Правда, провозглашение верховенства закона отнюдь не означало признание прав человека и демократических свобод. Напротив, активисты политических организаций оппозиции «Бирлик» и «Эрк» преследовались, неугодные властям подчас просто исчезали, а студенческие волнения в том же 1992 г. были подавлены силой.

В сфере экономики президент провозгласил курс на создание социально ориентированного рыночного хозяйства. И стоит сказать, что решительность и вместе с тем осторожность в проведении этого курса позволили стране не только быстро выйти из кризиса, вызванного развалом СССР, но и на протяжении 90-х годов последовательно добиваться стабильных результатов в развитии. Главный элемент стратегии — поэтапное развитие страны с постоянным учетом достигнутых результатов и коррекцией продвижения вперед в случае нужды.

Многонаселенность страны с ускоренными темпами прироста (в Узбекистане на небольшой территории проживает едва ли не половина всех жителей Средней Азии) рождает серьезные проблемы, подчас выходящие на передний план. Ощущается нехватка земли и особенно воды в орошаемых долинах, прежде всего Ферганской и Зерафшанской, где живет подавляющее большинство как крестьян, так и горожан. Многие из них не имеют работы и регулярного заработка. Проблема воды в долинах едва ли не наиболее острая. В низовьях главных рек страны, Амударьи и Сырдарьи, вода для питья не пригодна. Экологическая катастрофа с Аральским морем практически необратима. По официальным данным, 30 % населения страны страдают от нехватки питьевой воды.

Перенаселенность страны и скученность населения в долинах еще до образования независимого Узбекистана рождала вспышки национальной розни, направленные против меньшинств (например, турок-месхетинцев), которые вынуждены были покидать обжитые ими места. После достижения независимости началась энергичная национализация, точнее, деруссификация, проявлявшаяся во всех сферах жизни. Узбеки стали назначаться на различные должности, вытесняя русских. Массовая эмиграция русских поощрялась — при всем том, что уезжавшие практически не могли ни продать свое имущество, включая жилье, за соответствующую цену, ни увезти с собой все нажитое. Оставшееся в стране русскоязычное население все более остро ощущает свою второсортность, проявляющуюся в ограничениях в сфере русского языка, прессы, в переименовании названий, в условиях миграции и т. п.

Жесткость в политической структуре, не оставляющая места ни для сколько-нибудь организованной оппозиции, ни для требований либерально-демократических преобразований, ни для свободы средств массовой информации, позволила властям избежать нежелательных последствий в сфере экономических реформ. Эти реформы были направлены на достижение производственно-экономической независимости (стоит напомнить, что еще совсем недавно Узбекистан был хлопковой республикой, где постоянно наращивалось производство хлопка в ущерб всему остальному), развитие коммуникаций и инфраструктуры, необходимую социальную поддержку населения, особенно в районах, остро страдающих от скученности и безработицы. Осторожные экономические реформы сопровождались необходимой финансовой защитой. Цены на хлопок, зерно и энергию регулировались государством.

Узбекистан богат природными ресурсами, включая энергоносители, золото, цветные металлы, уголь и другие полезные ископаемые. Однако добыча и разработка их ныне затруднена в связи с нехваткой квалифицированных кадров (это связано с миграцией русских) и нехваткой капитала, инвестиций. Промышленность страны недостаточно развита. Приватизация к 1996 г. затронула примерно две трети предприятий страны, в основном мелких и средних. При этом она не сопровождалась быстрым ростом остро ощущаемой коррупции и криминализации. Темпы инфляции невысоки, что способствует достижению экономической стабильности, пусть даже при весьма низком уровне жизни. В начале 2000 г. в Узбекистане стали проводиться меры, направленные на конвертацию местной валюты. Узбекский сом, до того резко падавший в цене по отношению к доллару, начал расти. Принимаются меры к увеличению валютной выручки от нерезидентов.

Узбекистан активно устанавливает экономические связи с разными странами, в том числе со столь отдаленными, как Южная Корея. Именно с помощью южно-корейской фирмы Дэу в стране был постро-

ен первый в Средней Азии автозавод, выпускающий модифицированные модели автомобилей марки Дэу. Есть инвестиции и из других стран, хотя они пока не столь впечатляющи.

Разумеется, весь этот многообещающий процесс пока еще слабо сказывается на уровне жизни в стране, который подчас имеет даже явственную тенденцию к снижению за счет роста нищеты быстро увеличивающегося в числе местного населения и обилия беженцев из соседнего Таджикистана, где издревле проживало немало узбеков. Надо сказать, что печальный пример Таджикистана сыграл свою позитивную роль для соседнего Узбекистана. Президент Каримов вовремя и адекватно оценил угрозу исламского фундаментализма и, при всем его официально декларируемом уважении к исламу, резко выступил против усиления позиций экстремистов. В том, что внушительный по числу жителей и исторически принадлежавший к миру ислама Узбекистан ныне практически почти не затронут (или пока еще слабо затронут) волной исламского фундаментализма, — несомненная заслуга президента. В то же время страна активно поддерживает отношения со многими странами, будь то Восток или Запад.

Наиболее осторожны эти связи с соседним Таджикистаном. Порой они даже бывают достаточно напряженными и обостряются из-за таких казусов, как мятежное выступление таджикского полковника Худойбердыева. С другими соседями по СНГ Узбекистан поддерживает стабильно дружеские отношения, изредка осложняющиеся таможенными проблемами. Внешнеполитические связи Узбекистана довольно широки, но особенно тесные — с Россией, Турцией, США и некоторыми странами СНГ. Как и Туркмения или Азербайджан, Узбекистан заинтересован в строительстве трубопроводов, способствующих получению дохода от экспорта углеводородных энергоносителей.

Таджикистан. В этой республике с ее сравнительно небольшим населением (всего около 6 млн.) события после распада СССР развивались наиболее драматично. Дело в том, что явные перекосы сфер экономики и социальной политики здесь дали о себе знать еще в конце 80-х годов, в начале перестройки. Суть их сводилась к тому, что ускоренные темпы индустриализации и насильственное перемещение крестьян горных районов в становившиеся центром производственной активности долины (в 1992 г. население долин составляло 70 %, тогда как в 30-х годах оно равнялось лишь 30 %), где — как и в Узбекистане — главным занятием земледельцев стало выращивание хлопка, привели к резкому росту антропогенной нагрузки на природу, нехватке земли и воды и, учитывая колхозно-совхозную систему хозяйства, варварскому и нерациональному использованию того и другого. В результате возникла резкая грань между разными регионами страны, к тому же населенными различными племенными группами (в долинах племенные различия и традиции достаточно быстро если и не размывались,

то утрачивали свое значение, в горах они сохраняли свою крепость и значимость).

Противоречия между северянами (партийные руководители Таджикской ССР на протяжении многих лет были в основном выходцами из Ферганской долины, преимущественно из Ходжента) и южанами, жителями горных районов, включая Припамирье, обострились еще в 1990 г., так что армейским частям приходилось восстанавливать порядок. Развал Советского Союза усугубил ситуацию. Слабая и неустойчивая местная власть вынуждена была уступить нажиму недовольных и согласиться — как то было и в России — с многопартийным плюрализмом, что в конкретных условиях раздираемой на части страны быстро вылилось в постоянные политические, межплеменные и, главное, религиозные раздоры.

Президент К. Махкамов, поддерживавший сторонников ГКЧП в Москве, был вынужден уступить место Р. Набиеву. Набиев, не имея опыта, терпел поражения в противостоянии все усиливавшейся исламской оппозиции, опиравшейся на поддержку мятежного юга. В ответ на попытки запретить оппозицию, она стала создавать вооруженные отряды. Россия вначале подчас поддерживала южан, ибо расклад сил был внешнему наблюдателю не очень понятен: северяне стойко стояли за привычное и отражали интересы коммунистического прошлого, тогда как южане, умело используя лозунги демократического плюрализма и гласности, не выпячивали свой исламизм на передний план. Лишь с течением времени становилось все более ясным, что их сила не в демократии, а именно в исламской традиции. Как бы то ни было, в стране началась гражданская война, сопровождавшаяся жестокостями, массовыми убийствами людей по религиозно-племенному и даже территориальному признаку. 201-я русская дивизия, охранявшая границы Таджикистана с мятежным Афганистаном и не вмешивавшаяся в войну, вскоре вынуждена была выступить в поддержку терявшей свои позиции власти.

Бои шли с переменным успехом на протяжении ряда лет. Все чаще схватки между враждующими сторонами стали затрагивать русских, не говоря уже о том, что жизнь в стране, охваченной войной с сопровождающими ее экономическими сложностями, а то и просто безработицей и голодом, становилась невыносимой, особенно для горожан. Началась массовая эмиграция русских, бросавших почти все нажитое и стремившихся уехать куда угодно, лишь бы не погибнуть в страшной мясорубке. Тем временем слабость правительства стала компенсироваться появлением полууголовных отрядов во главе с их предводителями, которые захватили большую власть и вели себя как хозяева положения. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не раздоры между главари и гибелью наиболее влиятельных из них. Воспользовавшись этим, руководство северян обратилось за помощью к России и странам СНГ, чьи миротворческие силы (с 201-й дивизией в качестве их основы)

постепенно положили конец гражданской войне. Была поставлена задача национального примирения.

В стране в 1994 г. была принята новая конституция и избран новый президент Э. Рахмонов, который вступил в переговоры с лидерами оппозиции. Переговоры тянулись довольно долго, но в 1996 г. Рахмонов и глава оппозиционеров С.А. Нури — в значительной мере благодаря многолетним активным усилиям миротворческой миссии ООН — подписали соглашение, удовлетворившее обе стороны. Правда, не все боевики пошли за Нури и согласились на перемирие и предоставленные им возможности. Их выступления порой сильно дестабилизировали обстановку в стране. Кроме того, осложняли ситуацию в Таджикистане мятежные выступления недовольных военных, причастных к власти, в частности, упоминавшегося уже полковника Худойбердыева, опиравшегося на поддержку немалого количества таджикских узбеков, а также подчас и Узбекистана. Но все эти выступления в конечном счете быстро гасились, а с 1997 г. в стране фактически наступило долгожданное спокойствие. Непримимая в недавнем прошлом оппозиция постепенно и достаточно органично адаптируется к новым — мирным — условиям жизни в стране.

Следствием войны стал экономический упадок. Восстановление экономики идет медленно. Это касается прежде всего производства продовольственных товаров. Уровень жизни в стране невысок, заработная плата низка, по-прежнему немало безработных. До предела изношен транспорт. В полуразрушенном состоянии продолжает оставаться вся инфраструктура страны. Чувствуется отсутствие квалифицированных кадров после отъезда большинства русских. На экспорт идут хлопок и алюминий, вырабатываемый за счет дешевой гидроэнергии.

В стране продолжают вспыхивать акты насилия и процесс криминализации. Нет единства в представлениях о будущем Таджикистана, о целях и пути его эволюции. На этом фоне стала играть огромную роль торговля наркотиками, в том числе транзитная, из Афганистана. Русские пограничники и вся 201-я дивизия, состав которой сильно изменился за счет призыва таджикских солдат, постепенно заменяющих российских, с трудом справляются с защитой границы от контрабанды наркотиков и натиска связанных с ними исламистов, чаще всего радикального толка. Угроза исламского фундаментализма в Таджикистане остается одной из наиболее серьезных.

Казахстан. Как и другие среднеазиатские страны, Казахстан (около 17 млн. человек) не был готов к самостоятельному развитию. Правда, еще до начала перестройки попытка назначить руководителем местной компартии присланного из центра представителя номенклатуры КПСС, русского по национальности, вызвала здесь студенческие волнения, заставившие Москву от этой попытки отказаться. Тем не менее, о политической независимости в то время казахи и не помышляли.

Ситуация стала заметно изменяться на рубеже 80—90-х годов, когда бурно протекавшие политические события в России заставили казахских лидеров всерьез обеспокоиться будущим их страны. Руководитель компартии Казахстана Н. Назарбаев был, как упоминалось, в числе тех, кто наиболее активно противостоял попыткам разрушить СССР. Однако изменить ход истории было не в его силах.

С распадом Советского Союза Назарбаев в качестве президента уверенно взял в свои руки руководство огромной страной с ее весьма неоднородным населением. Именно в Казахстане оказалось необычайно большое количество русских из числа потомков казаков и многочисленных переселенцев, составлявших подавляющее большинство населения городов и игравших главную роль в нормальном функционировании крупных индустриальных центров, которых в стране было немало. Эта напряженная национальная ситуация, усугубленная заметной отсталостью вчера еще полукулацкого народа, а также известными высказываниями — в частности, А. Солженицына, — о том, что большей северной части Казахстана с ее абсолютной преобладающей русским казахским населением следовало бы стать частью новой России, побудила руководство республики сделать открытую ставку на национализм.

Национализм ныне едва ли не первооснова политики Казахстана (в этом прослеживается сходство с позицией некоторых прибалтийских республик по отношению к русским). Причина вполне очевидна и понятна: если в стране русскоязычных почти половина, то она — будь то Латвия или Казахстан — не может быть этим не озабочена. Вопрос лишь в том, как оптимально решить национальную проблему. В Казахстане проблеме решают не в издевательско-изощренной форме, как в Латвии, но зато весьма грубо и бесцеремонно. Это проявляется и в виде откровенной русофобии, и в стремлении выжить из страны как можно большее количество русских (включая и русскоязычных немцев), и в переименовании многочисленных русских населенных пунктов, и в преследовании лидеров русских общин либо организаций, и неприкрытом курсе на постепенную замену русских казахами на всех сколько-нибудь значимых руководящих постах, и, наконец, в перенесении столицы с юга, из Алма-Аты, на север, в Целиноград, переименованный в Астану.

На парламентских выборах 1994 г. 77 % кандидатов в депутаты были казахами. Но даже в этом своем составе первый казахский парламент оказался оппозиционным президенту и в следующем 1995 г. был распущен. Постепенно в Казахстане сформировался авторитарно-национальный режим (некоторые специалисты именуют его авторитарно-демократическим), в чем-то сходный с тем, что существует в Узбекистане. В парламенте 1995 г. было представлено несколько партий, но все они оказались не слишком свободными в своих действиях. Назарбаев не жалуется оппозиционеров и не приветствует

критику в свой адрес. Нередко в связи с этим органы средств массовой информации закрываются. Что касается исламизма, то в Казахстане его признают в умеренной форме. Поощряется строительство мечетей, но не признается право вмешательства мусульманских идеологов в политику. Армия и силовые структуры в стране создаются в основном из казахов.

Экономика Казахстана в связи с миллионными миграциями русских развивается не слишком успешно. В стране немало полезных ископаемых — цветные металлы, уголь и т. п. Здесь был в свое время заложен мощный индустриальный центр с развитыми металлургией и машиностроением. Ныне открыты месторождения газа, разработка которых пока, правда, находится в стадии проектов. Большое количество пашенных угодий при благоприятных погодных условиях позволяет собрать немало зерна (в 1996 г. — 10 млн. т, в 1997 г. — 12, а в 1999 г. — 16; стоит напомнить, что именно на Казахстан приходится основная часть возделанной при Хрущеве целины) и поставлять излишки его в Россию, а также в соседние Таджикистан и Туркмению. Земля отдается желающим в индивидуальную аренду на срок до 99 лет, причем уже всерьез ставится проблема превращения ее в частную собственность. Большое внимание уделяется содействию мелкому и среднему бизнесу. На кредитование его ориентирована банковская система. Руководство страны считает, что экономика Казахстана понемногу выходит из состояния кризиса, решаются все вызванные им проблемы, включая недостаточное энергоснабжение, а также разрушенную кризисом первой половины 90-х годов инфраструктуру. ВВП страны в 1997 г. измержался 22,3 млрд. долларов.

Киргизия. В этой небольшой (около 4,5 млн. человек) республике с ее полукочевым коренным населением и немалым количеством русских, особенно горожан, президентом в 1990 г. стал А. Акаев, один из наиболее образованных жителей страны, в прошлом профессор из Ленинграда. На его плечи выпала основная тяжесть обустройства нового независимого государства. Получив в наследство от Советского Союза весьма слабо развитую его часть, президент Акаев приложил немало усилий для того, чтобы добиться хотя бы некоторых успехов в ее развитии. И первые же годы его президентства показали, что Киргизия быстрыми темпами превращается в одну из наиболее демократических республик Средней Азии.

Курс на постепенную либерализацию экономики, включая приватизацию, в первую очередь скота (основное богатство кочевников), содействие развитию фермерских хозяйств, демократические свободы в политике, включая гласность, — все это должно было содействовать кардинальной перестройке привычной советской структуры. Однако перестройка не очень-то шла. Полукочевое в недавнем прошлом население страны явно не было к ней готово. Зато националистические эмоции, как и в других странах СНГ, быстро вышли на передний план

и выразились в стремлении оттеснить русскоязычных и занять их места. Как и в других новых независимых республиках бывшего советского Востока, это привело к миграции русских уже в начале 90-х годов. Уехало около 100 тыс. человек. Столь значительный отток квалифицированных кадров привел к заметному спаду производства, особенно в городах.

После поддержки политики Акаева на референдуме 1994 г. были приняты меры, направленные на ослабление давления на русских. В частности, руководство страны передвинуло на 2005 год дату перехода на киргизский язык как государственный. Были также приняты новые законы, специально направленные против разжигания национальной розни. Вскоре, однако, выяснилось, что националистически настроенная оппозиция имеет поддержку в парламенте. Немалую роль при этом играла и проблема внешнеполитической ориентации страны. Акаев предпочитает союз с соседними Россией и Китаем, некоторые из его оппонентов подчас делают ставку на поддержку со стороны Турции и Запада. С течением времени по меньшей мере часть оппозиции стала принимать не столько даже антирусский, сколько происламский характер. Это вызвало определенную настороженность в руководстве.

Дело в том, что при всей слабости позиций и поверхностности ислама в Киргизии подобного рода не столько даже религиозный, сколько политический акцент несет с собой немалую угрозу для страны. Для киргизов, которые познакомились с исламом в XVIII—XIX вв., получив эту религию из соседнего Коканда, исламская угроза — это узбекская угроза. Часть территории страны приходится на ту самую уже упоминавшуюся Ферганскую долину, другие части которой принадлежат Таджикистану и Узбекистану. Здесь уже довольно давно, причем активно и открыто, действуют исламские фундаменталисты. Неудивительно, что они обращают свое внимание и на Киргизию. В 1999 г. это внимание материализовалось в форме набегов отрядов экстремистов из Таджикистана, которые захватили в качестве заложников нескольких японских геологов и даже одного киргизского генерала. Заложники в конечном счете были отпущены, экстремисты покинули территорию Киргизии, но сам факт очень насторожил руководство страны. Угроза подобного рода нашествия обсуждалась весной 2000 г., когда о ней предупредил президент на заседании национального Совета безопасности. По утверждению Совета, на сей раз прибывшие из Афганистана и Чечни исламисты, равно как и наемники из других стран, могут составить бандформирование в 4—5 тыс. боевиков.

Неудивительно, что в таких условиях руководство страны приняло ряд мер, направленных на ограничение некоторых демократических свобод, в частности свободы печати. Преследуются исламские эмиссары, нелегально проникающие в Киргизию с различного рода подстрекательскими листовками и литературой с призывами к джихаду

или выпадами против власти. При этом следует заметить, что наряду с происламскими публикациями под горячую руку попадают и демократически настроенные газеты, критикующие власти, скажем, за их бездействие в больном для Киргизии вопросе о загрязнении оз. Иссык-Куль.

Экономика Киргизии, не слишком развитая и не чересчур богатая природными ресурсами (есть золото, цветные металлы), кроме разве что дешевой гидроэнергии, стала демонстрировать некоторый рост лишь с 1997 г. ВВП растет примерно на 5—6 % в год. Но этого пока еще мало, чтобы можно было говорить о заметных успехах. Уровень жизни в стране низок, что способствует развитию торговли наркотиками и расцвету наркомафии, поддерживающей тесные связи с поставщиками наркотиков из Афганистана или Таджикистана. Киргизия участвует в создании проекта строительства железной дороги из Андижана в Кашгар. Осуществление его укрепило бы связи Узбекистана и Киргизии с Китаем и, в частности, помогло бы значительно ускорить процесс оздоровления экономики Киргизии.

Проблемы республик постсоветского Востока

Как показывает краткое ознакомление с особенностями развития молодых государств Закавказья и Средней Азии за десятилетие их существования, а также события на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне и Дагестане, судьбы республик постсоветского Востока — как ставших независимыми стран, так и по меньшей мере некоторых из оставшихся в составе России восточных народов — в чем-то оказались сходными. Сходство прежде всего в том, что распад жесткой политической структуры, предоставивший этим народам, пусть в разной степени, возможность самим заботиться о себе, вызвал к жизни естественное стремление найти свой путь. Для одних, т. е. для республик Закавказья и Средней Азии, получивших официальный и международно признанный статус независимых государств, это был закономерный поиск своего места в системе международных связей. Для других, особенно для Чечни, это была решительная ориентация на то, чтобы любой ценой отстоять свое право на независимое развитие.

В зависимости от создавшихся условий ситуация привела к очень разным методам реализации стремления найти свой путь и отстоять свои права. На Северном Кавказе только чеченские лидеры выбрали открытую конфронтацию с Россией. Военный конфликт в Чечне дорого обошелся обеим сторонам и пока еще отнюдь не может считаться завершенным. Но определенные выводы из сложившейся в Чечне ситуации вполне можно сделать. Вкратце они сводятся к тому, что обе стороны переоценили свои силы и возможности и допустили массу

непростительных ошибок в процессе достижения поставленной ими цели.

Чеченцы должны были учитывать, что даже ослабевшая Россия не сможет не отреагировать на брошенный ей открытый вызов, подкрепленный силовыми методами воздействия. Руководители России, сколь ни заняты они были иными стоявшими перед ними сложнейшими проблемами, должны были вовремя обратить внимание на сепаратизм Чечни и принять соответствующие меры, не доводя дело до военного конфликта. Существовали ли реально возможности решить проблему мирным путем? Безусловно. Необходимо было пойти на определенные уступки и дать чеченцам достаточную для их горделивого самолюбия долю независимости в рамках Российской Федерации. Но это нужно было делать вовремя, до начала первой войны. Половинчатые Хасавюртские соглашения 1996 г. не могли удовлетворить Чечню, уже поверившую в действенность избранных ею военных методов. Это привело ко второй войне, исход которой опять явно не удовлетворит чеченцев.

В итоге Чечня остается больной занозой в ослабшем теле России. И вытащить ее почти не возможно, как нельзя и продолжать нормально жить с такой занозой. Это, пожалуй, наиболее существенная и болезненная из проблем, связанных с развитием восточных народов внутри постсоветской России. Что же касается получивших независимость от постсоветского Востока, то их проблемы касаются в основном их самих. Нельзя сказать, чтобы они вовсе не интересовали Россию, связанную многими узами со всеми странами СНГ, но все-таки их проблемы в основном уже не наши, не российские. Да и решают свои проблемы эти страны в основном самостоятельно, хотя нередко и не без активной помощи России.

Проблемы у молодых независимых государств постсоветского Востока разные. Общей для всех них может считаться разве что проблема экономических реформ, развития рынка, причем и здесь у каждого свои сложности, пусть даже примерно одинакового порядка (кардинальная перестройка никогда и никому легко не дается и быстро не происходит). Но из общего числа стран, о которых идет речь, следует сразу же выделить Армению и Грузию, цивилизационно всегда относившихся к христианскому Западу. Обретя независимость, они ищут активного взаимодействия и сотрудничества прежде всего с Россией, затем также с соседними Ираном и Турцией и особенно со странами Запада. В принципе со всеми этими государствами готовы активно взаимодействовать и остальные страны постсоветского Востока, но спецификой Армении (после высылки из нее азербайджанцев в ответ на изгнание из Азербайджана армян) и Грузии является отсутствие в них мусульманского населения и соответственно угрозы исламизации, тем более исламского экстремизма.

Несмотря на порой неприязненные отношения с оппозицией (в Грузии доходившие до военного противостояния), в этих странах довольно последовательно осуществляются либерально-демократические преобразования, существуют политический плюрализм и гласность, нормально функционируют свободные средства массовой информации. Словом, в движении за политические реформы эти страны являются безусловными лидерами. Иное дело — проблемы экономики. Лишенные богатых природных ресурсов и хорошо развитой промышленности, не говоря уже о наследии советского колхозно-совхозного сельского хозяйства, они находятся в тяжелом экономическом положении. Реформы, включая либерализацию собственности, приватизацию, поощрение рыночно-частнособственнических отношений, идут тяжело и не спешат давать позитивные результаты. Разрыв десятилетиями складывавшихся хозяйственных связей и несостоявшиеся надежды на сохранение единого экономического пространства в рамках СНГ больно ударяют по уровню жизни в этих странах, — как, впрочем, и во всех остальных.

Что касается Азербайджана и богатых природными ресурсами стран Средней Азии, прежде всего Туркмении, Казахстана и Узбекистана, то их проблемы сводятся прежде всего к развитию добывающей промышленности и к возможности транспортировки ресурсов, прежде всего нефти и газа. Азербайджан и Туркмения могли бы достичь процветания достаточно быстро и безболезненно только за счет доходов от экспорта энергоносителей. Но отсутствие инфраструктуры (в данном случае — сети трубопроводов) мешает этому. И нет надежд на скорое решение проблемы, ибо здесь завязаны интересы многих государств Востока и Запада, не говоря уже о том, что вести трубопроводы нужно через третьи страны.

Узбекистан тоже не лишен природных ресурсов. Но проблемы его совершенно иные. Нехватка земли и воды, отравленные реки и загубленный Арал в сочетании с серьезнейшими экологическими нарушениями в других частях страны, включая вроде бы цветущую Ферганскую долину, заставляют быстрыми темпами растущее население жить во все ухудшающихся условиях. Изменить ситуацию очень нелегко. Для этого требуется немало средств, времени и целенаправленных усилий. В этих условиях авторитарный режим для страны, не знающей, что такое демократия, но страдающей многими недугами, — не самый худший выход. Не исключено, что по меньшей мере часть своих проблем эта страна со временем сумеет решить.

Проблемы Казахстана и Киргизии с их полукочевым коренным населением в некотором смысле сходны, хотя при этом богатый землями, включая целинные, а также горно-рудными промыслами и сравнительно развитой металлургической, машиностроительной и иной промышленностью Казахстан имеет немалые преимущества (чего стоит хотя бы космодром в Байконуре, приносящий регулярный доход, хотя при этом и отравляющий часть близлежащих степных угодий) и

соответственно гораздо больше весомых шансов решить свои проблемы, даже учитывая серьезный отток квалифицированных кадров из числа русских. Стоит также принять во внимание, что Казахстан граничит не с рассадником экстремистского ислама в лице Афганистана талибов, а с национальными окраинами Китая, где исламское движение за возрождение национальных окраин в Синьцзяне пока еще находится в зачаточном состоянии и сурово контролируется центральной властью. Иное дело — слабо развитая и малонаселенная Киргизия, внутренние ресурсы которой весьма ограничены, экология заставляет желать лучшего, а угроза со стороны исламских экстремистов нарастает буквально с каждым днем.

Вообще для всех постсоветских республик, причастных к миру ислама, едва ли не главной проблемой является не столько кризис и экономический рост, сколько угроза фундаментализма в его преимущественно крайней, наиболее экстремистской воинственной форме. Везде вслед за напористыми исламскими пропагандистами и боевиками идет похищение людей (заложников) и соответственно торговля людьми, а также торговля оружием и наркотиками. В Чечне, где все это приняло наиболее яркие и неприкрытые формы, ныне весь смысл жизни сводится к тому, чтобы с помощью экстремального ислама с его идеей джихада добиться независимости. Не приходится и говорить о том, что достижение этой цели и превращение Чечни в исламскую республику было бы равнозначно взрыву порохового погреба на российском Северном Кавказе с абсолютно непредсказуемыми последствиями.

Что касается Азербайджана, то его соседство с Чечней (равно как и соседство с ней Грузии) поневоле чревато усилением в этой республике исламского влияния. И если в христианской Грузии — кроме уже фактически отъединившейся Абхазии, где проживает немало мусульман (к слову, активно сотрудничавших с чеченцами во время войны с Грузией за независимость), — граница с Чечней вызывает чаще осложнения в отношениях с Россией, нежели угрозу внутренней стабильности, то с Азербайджаном дело обстоит несколько иначе. Будучи дорогой из внешнего мира в Дагестан и затем в Чечню, он не может резко ограничить эту дорогу полицейско-пограничным кордоном, ибо это повлекло бы за собой резкое ухудшение отношений с иными странами мира ислама. Пока президент Алиев умело лавирует, о чем уже упоминалось, между Востоком, Россией и Западом. Но угроза экспансии исламских экстремистов остается и является для страны, пожалуй, угрозой номер один.

Несколько легче обстоит дело с Туркменией, причем не столько из-за принципа нейтральности, провозглашенного в этой стране, сколько вследствие того, что слабо развитая инфраструктура, включая отсутствие удобных дорог, не слишком привлекательна для тех, кто хотел бы использовать эту страну в качестве транзитного полигона. Что же касается того, чтобы развернуть энергичную пропаганду фундамен-

талистского ислама, то об этом не может быть и речи в рамках режима, созданного в Туркмении, которой не слишком угрожает даже опасное соседство с Афганистаном, ставшим ныне рассадником фундаментализма, а также близость к Ирану, где подобного рода ислам давно уже задает тон.

Наиболее опасен ислам фундаменталистского толка для Узбекистана и особенно Таджикистана, стран древней культуры и мощных собственных мусульманских традиций. Таджикистан уже вкусил плоды исламского фундаментализма, что называется, сполна. Узбекистан с его авторитарным режимом пока что не дает простора для экстремизма, но что будет дальше, особенно принимая во внимание стоящие перед ним и во многом практически неразрешимые проблемы!? Словом, пока что авторитарные тенденции и соответствующая им структура в Азербайджане, Туркмении и Узбекистане, равно как и администрация вкусившего плодов фундаментализма Таджикистана до определенной степени спасают ситуацию, играя роль предохранительного клапана. Но что будет дальше? Как быть более слабым республикам, которые с опасением взирают на грозящую им опасность со стороны активизирующихся на их границах, особенно в Киргизии, воинственных ваххабитов и иных мусульманских боевиков?

В 1994 г. четыре государства (Узбекистан, Казахстан и Киргизия, чуть позже также и Таджикистан) объединились в Центральноазиатский союз с целью противостоять различного рода внешней угрозе и совместно решать сложные внутренние проблемы. Если говорить более конкретно, то первоочередной задачей союза стало заключение таможенных соглашений и проведение совместных военных учений. Последнее из учений такого рода под названием «Южный щит содружества» состоялось весной 2000 г. с участием России на юге Таджикистана и Узбекистана, в районе афганской границы. Организуя учение, принимавшие в нем участие страны не скрывали того, что оно направлено против исламского экстремистского фундаментализма. Показательно, что Туркмения с ее демонстративной политикой нейтралитета и от союза, и от противостояния угрозе афганского экстремизма устранилась.

Что касается внешней политики, то едва ли не все новые постсоветские государства Востока, учитывая свои экономические потребности (проблема нефтегазовых трубопроводов) и внешнеполитические опасения, связанные со всем тем же напором фундаментализма, пытаются балансировать между Турцией (страна, где разгул исламизма надежно блокируется армией) и шиитским Ираном, имеющим свои счеты с суннитами, а также Россией и Западом. Для Киргизии и Казахстана (отчасти и для Узбекистана) важны еще и отношения с соседним Китаем. От более богатых стран Запада и Турции с ее неугасимой идеей пантюркизма обычно ждут финансовой помощи, инвестиций. Китай интересен как страна, нуждающаяся в энергоносителях.

В самое последнее время наметилось более тесное сближение Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии с Россией, заключивших Договор о коллективной безопасности и создавших Евразийское экономическое сообщество. Целью этого сближения является стремление перечисленных стран СНГ восстановить связи между собой и особенно с Россией, которая ныне является наиболее надежным гарантом в деле противостояния исламскому фундаментализму с его далеко идущими планами, включая создание некоего Ферганского халифата. Это объединение свидетельствует о том, что угроза экстремизма и терроризма со стороны исламских фундаменталистов не только стала главной опасностью для региона, но уже и осознана всеми как таковая.

Глава 8

Южная Азия после деколонизации

После того как план Маунтбэттена обрел юридическую силу в качестве Закона о независимости Индии (15 августа 1947 г.), на смену прежней колонии пришли два доминиона — Индийский союз и Пакистан, причем второе из этих государств оказалось состоящим из двух частей, расположенных как к востоку от Индии (совр. Бангладеш), так и на западе от нее, в долине Инда. Разделенные по религиозному признаку, оба государства с самого начала оказались резко враждебными по отношению друг к другу, не говоря уже о том, что само их формальное размежевание происходило в огне резко обострившейся индо-мусульманской вражды, порой в обстановке жестоких гонений и кровавой бойни, стоившей едва ли не миллионов человеческих жизней (по некоторым подсчетам, только в Пенджабе резня и погромы унесли около полумиллиона жизней). Ситуация была еще более усугублена тем, что княжествам давалось право свободного выбора, вследствие чего ряд князей на территории Индии (большинство их были мусульманами) выразили желание — вопреки воле населения княжества, по преимуществу индуистского, — присоединиться к Пакистану, что повлекло дополнительные эксцессы и потребовало вооруженного вмешательства правительства Индийского союза. В результате княжества на территории Индии были включены в состав этого государства, включая и северное, Кашмир, хотя часть последнего так и осталась за Пакистаном.

Кровавые столкновения вызвали многомиллионный поток беженцев и, как следствие этого, взрыв националистических и шовинистических настроений, жертвой которых, в частности, пал пытавшийся

погасить страсти М. К. Ганди, убитый в 1948 г. членом религиозно-националистической группировки Хинду Махасабха. Нелегкой задачей была и перестройка экономики каждой из частей прежде единого организма: к Пакистану отошли богатые сельскохозяйственные районы, дававшие хлопок и джут для текстильных предприятий Индии.

Реформы и политический курс независимой Индии

1949 год прошел под знаком подготовки конституционных реформ, которые были оформлены в конце ноября Учредительным собранием в качестве конституции новой Индии, вступившей в силу в январе 1950 г. Была провозглашена Республика Индия, которая при этом оставалась членом Британского содружества наций, т. е. сохраняла привычные связи с прежней метрополией. На первых выборах в центральный парламент и законодательные собрания штатов (1951 — 1952) почти три четверти мест получил ИНК — с тех пор почти бессменная правящая партия страны. Возглавил правительство Д. Неру.

Первой серьезной реформой нового правительства была аграрная, о необходимости которой ИНК давно уже ставил вопрос. Суть реформы сводилась к ликвидации слоя посредников-заминдаров и к передаче земли тем, кто ее обрабатывает (прежде всего, это касалось арендаторов). За конфискованные земли посредники-заминдары получали выкуп. Результатом реформы было сокращение доли арендаторов за десятилетие с 70% до 12 — 18% и превращение основной части индийских крестьян в землевладельцев. Параллельно при поддержке государства шло развитие кооперации, призванной уменьшить в стране влияние ростовщиков. Аграрные преобразования в 60 — 70-х годах были дополнены серией передовых агротехнических методов и приемов, связанных с так называемой «зеленой революцией» и имевших целью резко усовершенствовать сельскохозяйственный процесс. Все эти меры способствовали тому, что, несмотря на явно чрезмерные темпы демографического роста, Индия в наши дни в основном справляется с продовольственной проблемой, хотя при этом значительная доля ее населения питается крайне скудно, а то и находится на грани выживания.

Доля государства в экономике Индии, как и всех деколонизованных стран Востока, быстро увеличивалась за счет энергичного промышленного строительства в ходе осуществления пятилетних планов. Как это обычно бывает, государство брало на себя осуществление наиболее трудоемких и дорогостоящих программ и проектов, включая металлургию, химию, ядерную энергетику. Однако при всем том правительство Индии с первых же шагов своего существования взяло четкий курс на поддержку частного капиталистического сектора в экономике, как и

промышленности, так и в сельском хозяйстве. С начала преобразований в духе «зеленой революции» в середине 60-х годов результаты с особенной силой проявились в земледелии, где был взят курс на всемерную поддержку использующих передовую агротехнику зажиточных и богатых фермеров. Активное внедрение капиталистических методов в экономику и ориентация на свободный рынок с конкуренцией товаропроизводителей способствовали постепенному, но заметному наращиванию экономического потенциала страны. И хотя в целом этот потенциал не слишком велик, особенно если его сопоставить с масштабами страны, он все же достаточно весом.

Экономические реформы, энергично осуществлявшиеся в стране в 90-х годах, ставили своей главной целью либерализацию экономики в целом, приватизацию неэффективных госпредприятий, развитие финансово-банковской структуры и расширение экспорта. В Индии был достигнут устойчивый экономический рост. Успешно развивается сельское хозяйство, что позволяет обеспечивать все возрастающее население страны собственным продовольствием. Свободная конвертация валюты способствует увеличению внешнеторгового оборота. Экспорт страны резко возрастает. Развивается автодорожная сеть, увеличивается энергетический потенциал. Нефти вырабатывается свыше 100 млн. т в год. В целом реформы 90-х годов привели к резкому снижению роли государственного патернализма, что дало немедленный эффект. ВВП сегодняшней Индии оценивается примерно в 350 — 375 млрд. долларов, при этом на долю промышленности приходится 30 %, сельского хозяйства — 28 %. Темпы ежегодного прироста — 6—7 %. Инфляция невелика — 4—5 % в год. Но на фоне этих безусловных достижений не стоит забывать о том, что значительная часть населения Индии почти не пользуется их плодами. Известно, например, что по меньшей мере 300 млн. человек живут в стране ниже уровня бедности при доходе около 100 долларов на душу.

Политика государства сводится к всемерному поощрению развития при использовании для этого всех возможностей, включая привлечение зарубежного капитала и различных транснациональных корпораций (ТНК). Но агрессивность мощных иностранных компаний и тем более ТНК вызывает недовольство со стороны представителей индийского бизнеса, которые получили в результате реформ меньше того, на что они рассчитывали. Требуется определенная корректировка реформ. Призыв к этому стал знаменем серьезных перемен в стране. Остановимся на этом подробнее.

Ориентация на капиталистическое развитие гармонично сочеталась в республиканской Индии с генеральными установками в сфере политической и правовой, корнями уходящими в ту классическую вестминстерскую парламентарно-демократическую систему власти, в русле которой были на протяжении почти двух веков английского колониального господства воспитаны те образованные слои индийского общества, в чьи руки перешла власть после деколонизации страны. В

соответствии с принятой в 1950 г. конституцией республика Индия — это союз, который включает 25 штатов и 6 союзных территорий (учтены последующие территориальные изменения). Законодательная власть в стране принадлежит двухпалатному общеиндийскому парламенту (Народная палата и Совет штатов), а в штатах — законодательным собраниям; исполнительная власть в руках общеиндийского совета министров в Дели и правительств штатов во главе с главными министрами. Формально президент считается верховным главой исполнительной власти страны, фактически власть в руках премьера. Судебная власть и в центре, и на местах отделена от исполнительной и законодательной, функционирует она в соответствии с классическим европейским стандартом.

Политический процесс в стране основан на состязательности партий с полной свободой для партийных коалиций в ходе избирательных кампаний. Общеиндийским языком по-прежнему считается английский, тогда как первоначальная попытка сделать таковым к 1965 г. хинди не смогла быть осуществлена, ибо этому энергично противодействовал ряд южных штатов, для которых хинди является чужим. Так как большинство избирателей неграмотны (речь идет о письменности, в частности об избирательных бюллетенях и соответствующей предвыборной литературе, не говоря уже о газетах и текущей прессе), то важную роль в борьбе за избирателей играют символы. Для ИНК, в частности, это изображение священной коровы.

Избирательные кампании — реальный и очень важный барометр политической жизни страны. Они свидетельствуют о симпатиях основной массы избирателей: при наличии коммунистического левого (с 1964 г. — две компартии с примерно равными силами) и религиозно-коммуналистского правого крыльев основная доля голосов избирателей долгое время приходилась на центр, представленный прежде всего ИНК, позже также и коалицией оппозиционных ему группировок типа Джаната парти. Если не считать небольшого промежутка времени, 1977 — 1979 гг., когда у власти оказалось правительство Джаната парти, свыше сорока лет во главе Индии стояло правительство ИНК, которое после смерти Неру возглавляла его дочь И. Ганди, а после ее убийства — ее сын Раджив Ганди, внук Неру. После убийства Р. Ганди во главе правительства стал Н. Рао. В штатах картина была аналогичной. В большинстве их правительство устойчиво возглавлял ИНК, но в некоторых — местные национальные группы либо их коалиции, подчас также и правительства во главе с коммунистами. Случались обострения внутриштатных политических противоречий на национальной, религиозной или иной основе, для решения или погашения которых Дели обычно вводит временное президентское правление.

Ситуация стала заметно изменяться во второй половине и особенно в конце 90-х годов. Главный смысл перемен — ослабление ИНК и выход на передний план националистически настроенных коммуналистов. Реформы правительства Рао в первой половине 90-х годов не дали

ИНК ожидаемой прочности позиций. Недовольство индийских предпринимателей, о котором уже упоминалось, было сигналом роста влияния коммунализма. На выборах 1996 г. заметно выросло число голосов, поданных за Бхарата джанат парти (БДП). На следующих парламентских выборах в феврале 1998 г. БДП получила 250 мандатов из 545. Тогда же ее лидер А. Ваджапай стал премьер-министром. А на выборах осенью 1999 г. БДП, создав Национальный альянс из 24 мелких партий, завоевала уже 304 мандата, чем упрочила свои позиции.

БДП объявила себя защитницей национальных производителей. Под лозунгом «Индию должны строить сами индийцы» она позаботилась о приоритетах для национального капитала, а проведенное в мае 1998 г. демонстративное испытание ядерной бомбы стало свидетельством внутренней мощи страны. Но приоритеты БДП не ограничились сферой экономики. Индуистский коммунизм, будучи объединенной религиозно-индуистской силой в стране, где существует много разных национальностей, принадлежащих к единой древней цивилизации, стал на путь не только некоторой девестернизации, но и весьма ощутимой десекуляризации страны и выступил в качестве антиисламского движения. Для этого были свои веские причины.

Дело в том, что количество мусульман, проживающих в Индии, постоянно растет, как за счет более быстрых темпов прироста, так и в результате массовой миграции из перенаселенного соседнего государства Бангладеш. Мусульман в Индии сегодня более 10 %; ожидается, что в 2025 г. их будет 25 %. Уже в 6 штатах страны индуисты в меньшинстве. Это не может не вызывать тревогу у коммуналистов, да и многих иных индийцев. Отсюда и явственная тенденция к десекуляризации в политике, что следует считать весьма тревожным симптомом. Вспомним, в частности, о конфликте, связанном с разрушением исламской мечети Бабура в Айодхье, где на месте разрушенной мусульманской святыни ныне возводится храм в честь древнего индуистского обожествленного героя Рамы. Обратим внимание также на очевидное обострение не столько национального, сколько религиозного конфликта в Кашмире.

Внешнеполитическая позиция Индии во многом объясняется геополитической конфигурацией сил в Азии, в частности конфронтацией с КНР и ставшим ее союзником Пакистаном, что привело в свое время страну, декларировавшую независимость, нейтралитет и неприсоединение в качестве принципиальных основ политического курса, к тесному союзу с СССР. С распадом СССР его место заняла Россия. Существенно заметить, что независимая и по многим параметрам обретающая в наши дни облик великой державы Индия активно сотрудничает и с другими странами, является членом региональной группировки стран Южной Азии, выступает с различными призывами и инициативами в деле разоружения, борьбы за справедливый международный экономический порядок и т. п.

Едва ли не важнейшая из внутренних проблем страны — упоманутая уже национально-религиозная рознь. В республике проживает свыше 100 млн. мусульман. Большую и влиятельную общину составляют сикхи. Индо-мусульманские столкновения в различных районах и борьба сикхского меньшинства вначале за политическую автономию, а затем и за собственное независимое государство — серьезные проблемы для страны. Причем обе они практически неразрешимы, так что радужной перспективы здесь пока нет. К числу упомянутых проблем национально-религиозного характера может быть добавлена та напряженность, которая возникла в 80-х годах на крайнем северо-западе Индии, в Ассаме и некоторых других районах, где беженцы-мигранты из Бангладеш создают серьезную нестабильность. Воспринимая мигрантов в качестве нежелательных пришельцев, местное население активно выступает против них. Следует учесть также и сепаратистские настроения тамиллов на юге и некоторых племенных групп пригима-лайского района страны.

Другая группа проблем, внешне менее острая, но чреватая далеко идущими последствиями, — это демографическая. Быстрый прирост населения (со времени деколонизации почти вдвое) угрожает стране катастрофой. Правда, наиболее тяжелые его последствия — прежде всего голод — были смягчены успехами «зеленой революции» и фермерского хозяйства тех районов Индии, где и то, и другое достигли наибольших успехов, в частности Пенджаба. Однако проблема не только остается, но и продолжает быть крайне острой. Попытки решить ее ускоренными темпами, с административным нажимом, результатов не дали, более того, привели И. Ганди к поражению на выборах 1977 г. Вернувшись к власти спустя несколько лет, И. Ганди более к такого рода мерам не возвращалась, а демографический прирост по темпам и результатам все возрастал (ориентировочная численность населения Индии приближается к миллиарду). Если эти темпы не снизятся, то скоро проблема перенаселения станет самой острой для страны.

Проблема каст — еще одна из тех, что не могут не волновать Индию. Хотя законы формально провозглашают равенство людей вне зависимости от кастовой принадлежности, а за представителями низших каст даже забронированы определенные квоты в вузах, государственных учреждениях и т. п., касты играют в Индии практически ту же роль, что и в прошлом. Но что характерно: в отличие от первых двух острых для Индии проблем, создающих дестабилизирующие импульсы, кастовая структура в некотором смысле — как на то обращают внимание специалисты, в частности Л. Б. Алаев, — играет в современной Индии роль стабилизирующего фактора. Вошедшее в норму неравенство держит три четверти населения страны (если даже не семь восьмых) на уровне бытия вчерашнего дня. Оно, это принадлежащее к низшим

кастам большинство, привычно не претендует на ту долю имущества страны, которая по справедливости должна была бы ему принадлежать. Оставаясь на низком уровне развития и едва влача существование, оно тем самым дает возможность меньшинству, прежде всего городскому населению и социальной верхушке деревни, пользоваться благами современных достижений экономики и техники. Если бы не сдерживающие функции кастовой системы, бурный рост почти миллиардной Индии мог бы вести к катастрофическому усилению экстремизма.

Впрочем экстремизм в Индии уже ощущается. Он практически долгое время был незаметен в среде индуистского большинства страны, что свидетельствует о сдерживающей функции системы каст. Однако за последние годы он дал о себе знать, в частности, в связи с упомянутой проблемой индуистской святыни в Айодхье, где на месте разрушенного Моголами храма несколько веков назад была возведена мечеть, которую радикально настроенные индуисты в 1992 г. снесли. Это, естественно, вызвало энергичный протест мусульман и привело к серьезным конфликтам. К числу внутривнутриполитических проблем стоит отнести и неспособность городских властей справиться с притоком в города, особенно большие, переселенцев из деревни, вынужденных существовать без жилья и работы, ночевать на тротуарах. И это еще при сдерживающей функции каст, которая заметно сокращает обычную для развивающегося мира долю сельского населения, выбитого из привычной колеи бытия и стремящегося в города.

Внутриполитическая напряженность, кастовая и национальная рознь обычно являются подоплекой той предвыборной борьбы, которую ведут партии и их коалиции в ходе избирательных кампаний. Аппелируя к поддержке своих, кандидаты обычно опираются на веками складывавшиеся в той или иной части страны патронажно-клиентные связи, кастовые предпочтения, даже на престиж имени, особенно княжеского (княжества в Индии были упразднены, но получившие от правительства пенсии семьи правивших в недавнем прошлом князей по-прежнему имеют в стране немалый престиж, что играет свою роль на выборах). И в этом смысле партии в современной Индии, особенно на уровне штатов, не следует воспринимать как организации европейского типа, союзы политических единомышленников. Скорее это форма организации своих, сплоченность которых способна обеспечить поддержку тому, кто пользуется у своих достаточным престижем, во многом уходящим в традицию.

Вообще многие демократические нормы и институты современной Индии не просто вписываются в традицию, но и воспринимаются привычным к ней сознанием людей в привычно традиционном духе. Здесь сказывается определенная структурная близость того и другого (идейная терпимость, плюрализм, уважение к правам меньшинства, ненасилие и т. п.), как и играют свою роль двухвековое колониальное владычество англичан, определенная ориентация общего развития

современной Индии. Но при всем весьма существенном типологическом сходстве с европейской парламентарной демократией индийская политическая система во многом остается восточной. Причем не просто восточной, но именно индийско-индуистской с характерной для нее общинно-кастовой основой.

Община и каста живы в Индии и сегодня. Больше того, их сохранение — одна из серьезных проблем Индии. Собственно, это именно та проблема развития, которая ныне столь важна для всего развивающегося мира. Там, где каста слаба, а место общины занял фермер (например, в том же Пенджабе, прежде всего среди сикхов), там и зримы реальные итоги развития. О стабилизирующей функции касты уже шла речь, но не менее, если даже не более значима консервирующая ее функция, явно противостоящая задачам развития. Сохранит ли свою значимость эта функция? И не приведет ли демографический взрыв в последующие полвека к очередному удвоению населения страны? А если такое случится, то сумеет ли общинно-кастовая Индия, которая к тому времени явно не превратится в фермерскую, прокормить страну? И как быть с более отдаленной перспективой?

Ответов на все эти вопросы нет. Но похоже, что выход на авансцену политической жизни Индии коммуналистов с их национально-религиозными идеями — некая закономерность эволюции страны, своего рода реакция на вызов эпохи. Впрочем, коммунизм не способен решить демографические проблемы, хотя и может содействовать сохранению общины и каст и тем самым смягчить последствия энергичного развития Индии.

Итак, одна проблема упирается в другую — и снова не видится приемлемых решений. Конечно, Индия здесь далеко не одинока (стоит вспомнить аналогичные проблемы Африки), но от этого не легче. Не легче хотя бы потому, что по абсолютным цифрам в сочетании с темпами прироста Индия не только лидирует, но и далеко оторвалась от остальных (численность всей Африки пока что меньше, чем население Индии, а скромные темпы прироста населения в Китае несравнимы с индийскими).

По сравнению с острыми внутренними проблемами все остальные, включая и внешнеполитические, представляются незначительными и второстепенными. Международный авторитет страны высок, а противостояние и противоборство с Пакистаном или КНР, временами достигавшее за последние десятилетия уровня военных действий, правда, ограниченных и кратковременных, не доставляют стране слишком больших забот. Хорошо известны и заслуживают уважения миролюбие Индии, ее многочисленные внешнеполитические инициативы, ее завидная для всего развивающегося мира прочная внутренняя стабильность, вполне гармонично уживающаяся с ее упоминавшимися уже серьезными проблемами. Достаточно напомнить, что Индия не знакома ни с политическими переворотами, ни с попытками армии

играть политическую роль, ни с чересчур острыми и одинаково значимыми для всей страны социальными конфликтами. И, видимо, это является и долгое время будет нормой для Индии — нормой, уходящей корнями в традицию и огражденной соответствующими институтами парламентарной демократии, тоже уже обретающей прочность традиции.

Пакистан и Бангладеш

Мусульманские районы Британской Индии были в 1947 г. выделены в особый доминион, который принял наименование «Пакистан» и географически состоял, как говорилось, из двух частей, оторванных друг от друга. Основной частью Пакистана считалась западная, с центром в долине Инда, быстрыми темпами превращавшаяся в житницу нового государства. Восточная, населенная бенгальцами, на протяжении ряда лет, вплоть до ее отделения от Пакистана в 1971 г. в качестве самостоятельного государства Бангладеш, воспринималась как сравнительно отсталая периферия Пакистана, что проявлялось, в частности, в экономической ее дискриминации: валютные доходы от торговли джутом шли на нужды в основном западных провинций, хотя джут поставляли бенгальцы.

Если говорить об исторических судьбах, то Пакистан был частью Индии, плотью от плоти ее. Однако почти полная исламизация именно этой части Индостана имела своим следствием существенные структурные изменения, прежде всего ослабление той стабилизирующей функции, которую в основной части континента издревле играла общинно-кастовая система. Взамен здесь окрепли отношения, которые были характерны для мира ислама с типичной для него политической нестабильностью при достаточно сильной и не очень-то считающейся с народом власти как таковой. Все это не преминуло сказаться на судьбах молодой исламской республики с первых лет ее существования.

Начать с того, что управлявшее страной правительство Мусульманской лиги не спешило с институционализацией своей власти. Первое созданное с этой целью Учредительное собрание было распущено в 1954 г. при обстоятельствах, связанных с угрозой власти Лиги, особенно со стороны сепаратистов восточной части страны. Созданное в 1955 г. второе Учредительное собрание выработало конституцию, которая вступила в силу в марте 1956 г.: Пакистан был объявлен исламской республикой, генерал-губернатор стал президентом. В стране, в отличие от Индии, было введено президентское правление, а правительство во главе с премьером, равно как и двухпалатный парламент, стали обладать ограниченными полномочиями. Еще в большей мере эта особенность организации власти в республике проявилась после воен-

ного переворота 1958 г., в результате которого к власти в качестве нового президента пришел генерал М. Айюб-хан.

Айюб-хан приостановил деятельность политических партий и ввел в 1962 г. новую конституцию, укреплявшую власть президента. После этого деятельность партий была восстановлена (кроме компартии), а президентом в 1969 г. стал генерал Яхья-хан, правивший, впрочем, недолго: кризис 1971 г., в результате которого отделилась от Пакистана его восточная часть, привел к власти правительство народной партии во главе с З. Бхутто. Он управлял страной до тех пор, пока в 1977 г. не произошел очередной военный переворот. Бхутто был казнен, а к власти пришел генерал Зия-уль-Хак, который способствовал исламизации страны. Он погиб в авиационной катастрофе в 1988 г. На смену генералу пришло правительство гражданских лиц во главе с дочерью Бхутто — Беназир Бхутто. Это было в течение некоторого времени чуть ли не сенсацией: женщина, к тому же молодая, во главе одного из крупнейших (свыше 135 млн. населения) исламских государств мира. Но правила Б. Бхутто недолго: в 1990 г. ее противники, используя в качестве предлога злоупотребления правящих кругов и недовольство населения, вынудили ее уйти от власти.

После этого власть несколько раз переходила из рук в руки, правительства распускались в связи с обвинениями в коррупции, а сменявшие их (в числе их руководителей одно время снова была Б. Бхутто) оказывались не лучше своих предшественников. Но стоит заметить, что с каждым новым переворотом позиции ислама в стране усиливались вне зависимости от желания и политики нового руководства. В немалой степени это было связано со взрывом религиозного национализма в связи с войной в Афганистане, в которую Пакистан был вовлечен в очень большой степени (стоит напомнить, что современные афганские талибы — это ученики религиозных медресе при пакистанских мечетях). В 1997 г. во главе государства встал Н. Шариф, при котором Пакистан сразу же вслед за Индией в 1998 г. провел испытания ядерного оружия и продемонстрировал возможности своих ракет.

Шариф сделал еще один заметный шаг в сторону усиления роли ислама в Пакистане. При нем был принят закон о приоритете шариата и стал складываться режим, близкий к фундаментализму. В 1999 г. в стране произошел очередной военный переворот, спровоцированный Шарифом, повздорившим с генералом П. Мушаррафом. Во главе страны стал Мушарраф, резко выступивший против коррупции в стране. Это, видимо, сыграло свою роль в том, что Шариф весной 2000 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Примечательна динамика политической власти. Примерно то же, даже в еще более калейдоскопичной форме, происходило в Бангладеш (население — около 130 млн. человек), где с момента образования самостоятельной республики в 1971 г. сменили друг друга в результате военных переворотов несколько президентов. Правда, в 90-х годах

кое-что в этом смысле изменилось. В 1996 г. в результате свободных выборов президентом страны стала Х. Вазед, дочь основателя государства М. Рахмана, убитого в 1975 г. после одного из военных переворотов. Ныне в стране функционирует многопартийная система и парламент, существует свобода печати.

Обратим внимание на экономическую политику обоих государств. Вначале, когда Пакистан был еще единым, генерал Айюб-хан провел ряд серьезных реформ, направленных на укрепление экономики страны. Были ликвидированы посреднические слои в сфере аграрных отношений (с выкупом земли за счет государства), а земли переданы крестьянам, что способствовало ускоренному капиталистическому развитию в деревне, особенно в западной части страны. Были заложены серьезные основы для роста государственного сектора в промышленности параллельно с активной поддержкой частного предпринимательства и иностранных капиталовложений. Однако экономические достижения были сведены на нет неудачами в политической сфере, прежде всего во взаимоотношениях обеих частей страны. Именно это привело к отставке президента, а затем и к образованию Бангладеш. После разделения на два государства и прихода к власти правительства Пакистанской народной партии президент З. Бхутто попытался было сделать серьезный акцент на развитии государственного сектора. Он провел национализацию некоторых важных отраслей промышленности и банков страны, сделал дальнейший шаг с целью продолжения аграрной реформы. Правительство Зия-уль-Хака приостановило эту политику и заменило ее стремлением к укрупнению частного предпринимательства, что в конечном счете дало некоторые позитивные результаты и привело к заметным успехам в промышленном развитии страны, включая и активный выход пакистанского капитала во внешний мир, участие пакистанцев в реализации строительных программ в богатых нефтедолларами арабских монархиях.

Бангладеш, несравненно более отсталое государство, испытало приблизительно ту же динамику эволюции в сфере экономической политики: на смену неудачным опытом, связанным с национализацией экономики и разбуханием государственного сектора в 70-х годах, после прихода к власти президента Х. Эршада был взят курс на приватизацию экономики и поддержку частного предпринимательства. Впрочем, заметных результатов это пока не дало. Спорадические грандиозные стихийные бедствия, обрушивающиеся на страну, равно как и явная ее перенаселенность при крайне низком общем уровне экономического развития, держат экономику Бангладеш на одном из последних мест в мире.

80—90-е годы в Пакистане и Бангладеш проходят под знаком заметного оживления в политической жизни. В обеих странах активно функционирует многопартийная система, формально уважается конституция, проводятся выборы. Однако той стабильности, что характеризует Индию, здесь нет, и это является типичным для большинства

мусульманских государств. Влияние ислама в обоих государствах весьма заметно, что соответствует и официальной политике исламизации или, точнее, усилению роли ислама и его институтов. В числе других влиятельные позиции в обоих государствах занимают и группировки мусульманских фундаменталистов, хотя Мушэрраф дал понять, что он не будет предоставлять им свободу действий.

Что касается экономических успехов, то они весьма различны. В Пакистане немалых результатов достигла современная модернизированная промышленность. Освоены высокотехнологичные производства и, в частности, созданы ядерная бомба и ракеты, что говорит само за себя: без мощной научной и индустриальной базы такое просто немыслимо. Однако, тем не менее, экономическое положение Пакистана не слишком стабильно. В стране царит жесткий режим экономии, особенно усилившийся в связи с финансовым кризисом, поразившим Юго-Восточную Азию в 1997—1998 гг. Правда, в последнее время кризис начал преодолеваться. Намечился заметный экономический рост, стал возрастать экспорт. Доход на душу населения в стране в 1998 г. был равен 460 долларам. Но при этом свыше половины населения (в процентном отношении значительно больше, чем в соседней Индии) живет ниже уровня бедности.

Экономика Бангладеш много более слабая, хотя численность населения этого государства почти равна пакистанской. ВВП в 1997 г. был равен 33 млрд. долларов, но только 12 % его приходится на долю промышленности. Экспортируются джут, морепродукты. Внешний долг страны — около 17 млрд. долларов и при этом существование и развитие страны в очень большей степени зависит от помощи извне (2 млрд. долларов в год). Неудивительно, что отсталость и перенаселенность территориально небольшой страны провоцирует отток значительной части ее жителей в соседние с ней восточные провинции Индии, за счет чего там заметно увеличивается количество мусульман, о чем уже было упомянуто.

Несколько слов о внешнеполитической ориентации обеих стран. Что касается Бангладеш, то роль этой республики в международных делах сравнительно невелика. Более заметна она в сфере региональной: именно Бангладеш выступила в 1985 г. с инициативой создания Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), в которую вошли Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан и Мальдивы. Цель ассоциации — содействовать развитию и сотрудничеству членов СААРК. Не вполне пока ясно, насколько эта цель реализуется на практике. Но одно несомненно: в помощи других нуждается прежде всего именно Бангладеш. И эту помощь республика получает, в том числе со стороны развитых государств мира, богатых нефтью стран ислама. Однако решение собственных проблем в любом случае зависит от нее самой.

Пакистан ведет себя на международной арене много более активно. Занимая важное стратегическое положение, эта страна долгое время

была объектом серьезного интереса со стороны других стран, включая, в первую очередь, КНР и США. Пакистан в свое время был активным членом СЕАТО и СЕНТО. Именно на его территорию в 80-х годах мигрировали миллионы беженцев из Афганистана и здесь же, в районе Пешавара, были созданы базы вооруженной борьбы партизан с правительством НДПА. В последние годы борьбы за власть в Афганистане Пакистан, как упоминалось, начал играть еще большую роль в афганских делах. После развала военных блоков Пакистан стал членом движения неприсоединения. Несколько улучшены были в 70-х годах отношения Пакистана с Индией, однако в 90-х годах напряженные отношения между этими странами продолжали доминировать. Демонстративные испытания ядерного оружия и неугасаемый конфликт в Кашмире — убедительные тому доказательства.

Непал, Бутан, Шри-Ланка

Два небольших пригималайских государства, Непал и Бутан, издревле территориально, политически, да и в религиозно-культурном плане тяготеют к Индии (Бутан также и к Тибету). Эти монархии принадлежат, как и Бангладеш, к числу наиболее бедных и отсталых среди развивающихся стран.

Королевство Бутан с населением около 2 миллионов человек, этнически близких тибетцам (70%) и непальцам, после 1947 г. связало себя договором с Индией, по букве которого оно обязалось во внешних сношениях руководствоваться курсом и позицией своего великого соседа. Эти особые связи Бутана с Индией, однако, не слишком ограничивают его самостоятельность в международных делах, зато весьма помогают стране в экономическом плане, включая помощь со стороны Индии. Впрочем, помощь Бутану оказывают также некоторые международные организации и богатые страны. Цель ее — создать в Бутане необходимую современную инфраструктуру и помочь развить сельское хозяйство хотя бы до той степени, которая решила бы проблему самообеспечения страны продовольствием. Большой доход Бутану приносит туризм (до 2 млн. туристов в год) и альпинизм, а также изготовление и продажа почтовых марок. Все это оказывается весьма существенным для небольшой горной страны. Доход на душу населения в ней в 1998 г. равнялся 435 долларам.

Непал — страна значительно более крупная (около 22 млн. человек). Это королевство издревле было связано с Индией, да и населено оно по большей части выходцами из Индии, не говоря уже о том, что коренное население страны, гурки, еще в XIX веке активно использовалось англичанами в качестве выносливых солдат, что опять-таки говорит в пользу связей его с Индией. Как королевство Непал возник в середине XIX в. в результате политического объединения нескольких

княжеств. Управляли страной вплоть до 1951 г. представители феодально-аристократического дома Рана, выступавшие в официальной функции премьер-министров. Переворот 1951 г. привел к реставрации власти короля, к оживлению норм современной политической жизни, включая парламентарную демократию. Впрочем, эти нормы оказались для Непала преждевременными и были частично отторгнуты. На смену им пришла система панчаятов (советов или самоуправления), причем на референдуме 1980 г. население высказалось в пользу именно этой системы. В Непале был создан и Национальный панчаят (парламент с совещательными функциями). На выборах 1991 г. немалую долю голосов собрали непальские коммунисты, впрочем, пока охотно сотрудничавшие с монархом.

Непал — конституционная монархия с сильной властью короля. В парламенте нет устойчивого большинства, и кабинет министров часто меняется (иногда его возглавляет коммунист). Король Бирендра Бир Бикрам Шах Дева (на троне с начала 70-х годов) вполне современен. Он учился в Итоне и Гарварде, любит спорт, сам управляет своим вертолетом, уважает импрессионистов. Промышленность, в основном перерабатывающая, развита слабо. ВВП в 1998 г. — примерно 5 млрд. долларов. Доход на душу населения низок — ок. 190 долларов. Как и Бутан, Непал имеет немалый доход от альпинизма (здесь расположена высочайшая вершина мира Эверест) и туризма. Однако расходы по экономическому развитию страны чуть ли не на 70 % покрываются за счет помощи, в том числе из Индии и Китая, заинтересованных в сохранении своего влияния на Непал.

Государство **Шри-Ланка**, расположенное на острове Цейлон, возникло как самостоятельное политическое образование после деколонизации. В 1948 г. оно получило статус доминиона, в 1972 г. стало республикой с парламентарной основой и многопартийной системой. Борьба ведущих партий и смена правительств сопровождались изменениями в политическом курсе и в основах экономической политики страны. Акцент на преимущественное развитие государственной экономики сменился предоставлением наибольшего благоприятствования частному предпринимательству, причем именно этот последний курс осуществляется и сейчас. В республике господствует президентская форма правления. С середины 90-х годов президентом является Ч. Кумаратунге, — дочь Соломона и Сиримаво Бандаранаике, каждый из которых в прошлом тоже был президентом страны. Парламентские выборы 2000 г. укрепили ее позиции. В стране осуществляется конституционная реформа, ставящая своей целью приблизить политический строй страны к классическому вестминстерскому стандарту.

Население острова (около 19 млн. человек) состоит в основном, на две трети, из сингалов, но существенную долю его на севере составляют выходцы из Южной Индии, тамилы. Сингало-тамилская национально-религиозная вражда сильно осложнила положение на острове в 80-х годах. Остроконфликтная ситуация сделала необходимым официаль-

ное вмешательство правительства Индии, которое вместе с правительством Шри-Ланки попыталось погасить бушующие страсти и было вынуждено даже на время ввести в северные районы острова свои войска. Частично это дало результаты, острота конфликта спала. Однако до решения проблемы далеко. Взрывы и террористические акты, вера в действенность которых докатилась до Цейлона, то и дело происходят на острове. И предоставление тамилам частичной автономии, и вмешательство Индии не удовлетворили экстремистов. Именно от их рук, как стало известно в результате расследования, пал премьер Индии Р. Ганди.

Экономически Шри-Ланка принадлежит к числу быстро развивающихся, даже процветающих стран Азии, особенно после отказа в 1977 г. от государственного вмешательства в экономику. Шри-Ланка активно экспортирует чай, каучук, производит достаточное количество риса, принимает немалое количество туристов, привозящих с собой валюту. Энергично наращиваются темпы промышленного развития. Рост ВВП в 90-х годах — 5—6 %, его размер в 1997 г. — около 15 млрд. долларов, доход на душу — 820 долларов. В стране накоплено немало валютных резервов.

Все эти три страны — Непал, Бутан, Шри-Ланка — входят, как упоминалось, в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии и весьма активно сотрудничают с Индией. Влияние Индии, ее мощи, ее культуры и религии, ее этнических корней, ощутимо в каждой из них. Столь же ощутима помощь Индии, как и играет свою роль ее вмешательство в случае необходимости.

Южная Азия и проблемы политической культуры

Страны региона, о котором идет речь, различны. Они достаточно очевидно распадаются на две группы — индо-буддийскую (Индия, Шри-Ланка, Непал, Бутан) и исламскую (Пакистан и Бангладеш). Хотя у обеих групп общие этногенетические и цивилизационные корни (пусть не совсем общие, ибо исламизация принесла кое-что свое там, где она одержала верх, т. е. в Пакистане и Бангладеш), разница между ними бросается в глаза. Индо-буддийская группа демонстрирует завидную политическую стабильность. Там, где с помощью англичан была взята за основу вестминстерская модель парламентарной демократии (Индия и Шри-Ланка), правительства приходят на смену друг другу в цивилизованном порядке, в результате свободных многопартийных выборов. И пусть эти выборы не вполне адекватны европейским, главная их идея реализуется достаточно убедительно. В малых странах (Непал, Бутан), где цивилизационный уровень ниже, а парламентарная демократия пока еще развита недостаточно, тогда как

позиции монархов весомы, ситуация несколько иная, но тоже отличается стабильностью. Зато в группе исламских стран политическая нестабильность является фактически нормой.

Почему так? Ведь в конечном счете и пакистанцы, и тем более бенгалцы Бангладеша — это те же индийцы, разве что исламизированные за последние несколько столетий. Однако, если рассмотреть указанную странность на фоне всех остальных, в основном уже охарактеризованных выше исламских республик, нельзя не обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев нормой здесь является именно политическая нестабильность. Монархии — Марокко, Иордания, страны Аравии — напротив, демонстрируют собой стабильность. Создается впечатление, что республиканский строй исламским странам как бы противопоказан. Существует некая четко фиксируемая историей несовместимость ислама и республиканской демократии. Не то чтобы исламские страны и народы были в принципе против республики. Но коль скоро есть республика — есть и перевороты. Это, конечно, не означает, что переворотов не бывает и не бывало в прошлом в монархиях. Бывали, и не раз. Ими насыщена история практически любой исламской страны в прошлом. Тем не менее факт остается фактом: современная история мира ислама жестко фиксирует политическую нестабильность именно в республиках. Монархии по сравнению с ними стабильны.

Этот факт заслуживает особого внимания в нашем случае, когда речь идет о сопоставлении исламских и неисламских политических структур в рамках одного достаточно гомогенного в цивилизационном плане региона Южной Азии. Условия сопоставления делают анализ достаточно чистым в логическом плане и заставляют прийти к выводу, что политическая культура ислама относится к республиканскому строю как к своего рода нелегитимной или не вполне легитимной системе власти. Или, говоря проще, того, кто пришел к власти, опираясь не на силу (силу в мире ислама всегда уважали, уважают и, видимо, долго еще будут уважать, что и делает в глазах правоверных опирающихся на нее правителей легитимными), а на некую комбинацию чисел, на голоса избирателей, не за что уважать. Поэтому-то голоса и парламентарные демократические нормы не могут служить препятствием тому, кто ощущает за собой какую-то силу, чаще всего военную, — и совершает переворот.

В то же время для религиозной культуры, воспитанной на иных принципах, в частности религиозно-общинных и религиозно-кастовых на индо-буддийский манер, ситуация выглядит и расценивается совершенно иначе: кто почитается народом и заслуживает почитания, тот и достоин власти, тем более что на социально-политическом вершине, в числе правящей элиты обычно оказываются (и баллотируются) прежде всего выходцы из высших каст, из традиционной правящей верхушки. Соответственно традиционная политическая культура здесь оказалась функционально и духовно близкой традициям парламентарной куль-

туры англичан, что и сыграло свою роль в усвоении странами Южной Азии этих чуждых ей западно-европейских традиций. Правда, англичане сумели навязать свои вестминстерские нормы и другим бывшим колониям, например Египту, где парламент на многопартийной основе функционирует давно и устойчиво. Но при всем том парламент в Египте не столь уважаемый политический институт, как в Южной Азии. Поэтому и перевороты в Египте еще в недавнем прошлом были достаточно часты. В этом смысле нет принципиальной разницы между Египтом и Пакистаном, равно и давно знакомыми с демократией по-британски.

Напрашивается еще один вывод, вытекающий из уже сделанного. Современные исламские монархии стабильнее республиканских исламских режимов не потому, что в них нет парламентов, — они могут быть и часто бывают. Монархические режимы сильнее парламентарных потому, что опираются не только и не столько на закон, на по-европейски понимаемое право, источником которого считается и должен быть народ, сколько на волю правящего лица. А это и есть то, о чем уже шла речь: в исламской традиционной структуре уважается сила и ее носитель, будь то марокканский король или иракский диктатор. И хотя силе монарха или диктатора при случае тоже может быть противопоставлена сила рвущегося к власти кандидата в монархи или диктаторы, свергнуть его, как правило, много труднее, чем опирающееся на парламент правительство. Отсюда и результаты.

Глава 9

Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: социалистические эксперименты

Эту группу стран объединяет не только общее для всех них развитие в рамках однопартийной системы при решительном уничтожении рыночно-частнособственнических отношений. Они близки между собой в том плане, что следовали развитию по социалистической модели пути наиболее решительно и неуклонно, причем даже после того, как этот путь убедительно выявил свои пороки. Правда, некоторые из этих стран сделали необходимые выводы из неудач и провели ряд радикальных реформ, изменивших путь и направление развития при сохранении пока еще идеологического курса и привычной политической системы с соответствующими ей лексикой и лозунгами. Другие, однако, выбрали иной путь.

Все три страны близки друг к другу. В сравнительно недавнем прошлом, всего несколько веков назад, Вьетнам и Корея были вассальными территориями могущественной китайской империи. У всех трех стран единая цивилизационная база, общие исходные ценности и традиции. Но при всем том у каждой, особенно за последние столетия, — своя история, свой путь. Более подробно об этом историческом пути уже говорилось в предшествующих частях работы. Теперь речь пойдет о сравнительно небольшом отрезке их истории, о последних нескольких десятилетиях, когда каждая из этих стран избрала путь развития, ориентированный на марксистскую модель в ее наиболее жесткой, по ряду параметров карикатурной (особенно в Корее), «оружейной» модификации.

Китай. Что касается Китая, то эта страна после первых нескольких лет восстановления ее экономики и проведения необходимых реформ в 50-х годах XX в. (здесь сыграла огромную роль помощь СССР, хотя эта же помощь привела и к внедрению в структуру Китая жесткой сталинской модели со всеми ее органическими противоречиями и пороками) стала ареной рискованных экспериментов Мао Цзэ-дуна. Первым из них вскоре после XX съезда КПСС был так называемый «большой скачок», в ходе которого Мао стремился противопоставить новому курсу КПСС собственную политическую линию. Суть ее сводилась к стремлению опередить время и обогнать Советский Союз в деле строительства новой жизни. Не имея возможности за короткий срок создать в стране развитую экономическую базу, Мао решил пренебречь этим и свести скачок в будущее к реформе человеческих взаимоотношений, к стимулированию трудового энтузиазма в условиях эгалитарного быта, казарменных форм существования и при крайней степени официальной индоктринации.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в конце 1958 г. и еще больше в 1959 г. страна стала испытывать голод. Трудовая активность лишенных земли и всякой собственности крестьян снизилась, прежде бережно хранившиеся на год припасы были беззаботно потреблены в рамках народных коммун за совместными трапезами. Производство было в сильной степени дезорганизовано, причем не только в деревне, но и в городе. В ответ на критику эксперимента со стороны ряда партийных лидеров, в частности маршала Пэн Дэ-хуая, Мао обрушился на партию со всей мощью своего ставшего уже харизматическим авторитета. Вначале это не привело к заметным результатам, а взявшая в свои руки руководство страной партия и, в частности, такие ее деятели, как Лю Шао-ци, сумели несколько выправить положение на рубеже 60-х годов. Но конфликт между Мао и противостоявшими его экспериментам партийными лидерами не прекращался и в конечном счете привел к новому грандиозному эксперименту — к «культурной

революции», под знаком которой прошло целое десятилетие — последнее десятилетие жизни Мао (1966 — 1976). Смысл этого социального эксперимента сводился к стремлению Мао посчитаться с помешавшей ему и поставившей под сомнение его действия партией, что и привело к погромам партийных органов, аппарата власти и всей интеллигенции страны отрядами красногвардейцев-хунвэйбинов. Хунвэйбины свято верили в обожествленного ими вождя и преданно исполняли его указания, сводившиеся в конечном счете к главному: «Открыть огонь по штабам!»

Культурная революция дорого обошлась стране и довела экономику КНР до предкризисного состояния. Неудивительно, что после смерти Мао встал вопрос о дальнейшем пути развития. Эксперименты Мао явственно продемонстрировали, что жесткая (сталинская в своей основе) модель социалистического строительства не дает желаемых результатов. Напротив, она оказывается деструктивной. Ее установки выключают созидательную энергию незаинтересованных в плодах своего труда работников и принижают значимость знаний, опыта, высокой творческой квалификации, сконцентрированных в головах образованных слоев населения. Перед преемниками Мао в 1976 — 1977 гг. во весь рост встала острая жизненная проблема: как выйти из созданного эксперимента тупика, восстановить заинтересованность работника в плодах своего труда и обратить его творческую энергию на благо страны и народа? Выход был найден на путях решительной перестройки всей созданной Мао структуры общественных отношений. Как конкретно это выглядело?

Сегодняшнее население страны (1,3 млрд. жителей, если не более) отчетливо делит свою историю на два различных этапа — до третьего пленума и после него. Третий пленум (декабрь 1978 г.) был той гранью, за которой остались эксперименты Мао, а с ними и вся жесткая сталинская модель существования. Реформы, санкционированные этим пленумом ЦК КПК, положили начало принципиально новым формам бытия и всей системе общественных отношений в огромной стране, измученной десятилетиями непрекращающихся войн, революций и экспериментов. Суть этих реформ до удивления проста, даже банальна: был открыт путь к возвращению заинтересованности труженика в плодах своего труда, для чего были ликвидированы коммуны (китайские колхозы), а земля отдана крестьянам. В стране возникли тысячи, десятки тысяч рынков, коммерция была официально легализована. Что касается города и промышленности, то здесь были сильно ограничены роль государственного плана и централизованного регулирования, созданы возможности для развития кооперативно-коллективного и индивидуального секторов деловой активности и изменена вся система административных связей, финансирования, оптовой продажи и т. п. Директорам государственных предприятий предоставлялись невиданно широкие права и возможности,

включая право организации на свой страх и риск дополнительных производств и свободной продажи внеплановой продукции, даже с самостоятельным выходом на внешний рынок, право свободного определения цен на сверхплановую продукцию, право выпуска акций и свободных займов в целях расширения сверхпланового производства и т. д.

Реформы были радикальными и осуществлялись быстро и решительно, для чего первые три года (1979—1981) были объявлены годами реконструкции, а плановые задания на эти годы были сняты либо пересмотрены. Были резко уменьшены ассигнования на военные нужды, а затем заметно сокращена армия, не говоря уже о том, что армейским частям и военной промышленности было вменено в обязанность всемерно содействовать перестройке экономики страны. Были существенно ограничены права и полномочия административных органов, включая и партийные комитеты. Несколько позже было уделено внимание проблемам демократизации жизни общества, необходимым для этого изменениям в системе права, в привычной для однопартийных структур избирательной процедуре.

Результаты реформ сказались столь быстро, что это удивило весь мир. Резко возросло производство продовольствия: к 1984 г. страна вышла на уровень 400 млн. т зерна в год, чего было в то время вполне достаточно для обеспечения ее гигантского населения необходимым минимумом питания. Активность трудолюбивого китайского крестьянства привела к резкому повышению его благосостояния: за годы после реформы средний жизненный стандарт вырос (если учитывать доход на душу) в несколько раз. И хотя неизбежная в условиях резкого роста рыночного хозяйства инфляция съела часть этого выигрыша, значительная доля его все же осталась и продолжает возрастать. Нечто подобное, хотя и более замедленными темпами, происходит и в китайском городе, где бурное развитие частного и коллективного — приватизированного — секторов хозяйства радикально изменило образ жизни людей, особенно в сфере обслуживания.

Соответственно сильно видоизменился и весь общий стандарт существования. В стране появились слои зажиточных крестьян и горожан, работающих на рынок. Промышленность в значительной мере тоже обратилась лицом к внутреннему рынку, о чем, в частности, свидетельствует переход автотракторного и автомобильного производства к изготовлению многих сотен тысяч мелких тракторов и грузовиков, приобретаемых в собственность, иногда группой семей, и обеспечивающих механизацию работ на полях и регулярное снабжение городов производимой в деревне продукцией. Ликвидация громоздких и экономически не заинтересованных в плодах своего труда многочисленных посреднических организаций, служб и контор привела к налаживанию прямых связей между заинтересованными сторонами на рыночной и договорной основе. Изменился и общий стандарт поведе-

ния людей: отбросив скованные доктриной принципы жизни, они стали свободнее, у них появились личные вкусы, предпочтения, что повело к изменениям в одежде (куда делась униформа времен Мао?), поведении, образе мышления, в стремлении к основам гражданского общества и правового государства.

Конечно, на пути реформ были и препятствия. Сопrotивлялся привыкший к власти партийный аппарат. Давали о себе знать негативные явления, вызванные к жизни рыночным хозяйством (злоупотребления властью, коррупция, контрабанда, инфляция, социальная напряженность во взаимоотношениях между бедными и процветающими, особенно в деревне, и т. п.). Однако на фоне несомненных успехов и неслыханных темпов экономического роста, до 12 — 18% в год, а то и выше, все эти негативные явления оставались лишь досадными издержками развития, что и признавалось официально на очередных партийных съездах или сессиях китайского парламента. Съезды и сессии полностью и безоговорочно поддерживали взятый Дэн Сяо-пином и во многом успешно осуществленный благодаря его руководству курс на реформу. Идеологически этот курс был обоснован официальным признанием того несомненного факта, что Китай являет собой отсталую развивающуюся страну и что говорить о серьезном строительстве социализма в таком обществе еще рано. Пока Китай находится (как официально считается) на начальном этапе строительства социализма, причем социализма китайского типа, которому соответствует избранная страной модель развития со значительным включением элементов рыночного хозяйства и даже частнопредпринимательской деятельности, не говоря уже о весьма существенной роли приватизированного сектора, работающего прежде всего на свободный рынок, функционирующий на конкурентной основе.

К концу 80-х годов реформы в Китае привели страну к примечательным достижениям. Эти достижения измеряются не столько миллионами тонн или штук той или иной продукции, сколько принципиально новым образом жизни людей, их раскованностью и устремленностью вперед, желанием приложить свои усилия ради общей и зримой для всех пользы, ради укрепления быстро развивающейся экономики Китая, ради будущего страны, наконец-то освободившейся от дурмана тотальной индокринации и уверенно идущей к лучшему. Все это проявилось и в уровне жизни людей, и в их внутренней уверенности в себе, и в их отношении к труду. При этом то лучшее, что вышло в Китае на передний план, во многом опиралось на оживившиеся традиции, включая тысячелетиями воспитанную культуру труда — труда заинтересованного, оплаченного, приносящего пользу себе и другим, в конечном счете всем. Сыграли свою роль и привычное, воспитанное конфуцианством отношение к жизни, стремление к достижению социальной гармонии и зависимость этого от

собственных усилий, от постоянного движения вперед и самоусовершенствования человека.

Успехи Китая в десятилетия реформ были обусловлены многими причинами. Не исчезли, не были уничтожены экспериментами Мао навыки людей к производительному труду, хотя для этого Мао приложил немало усилий. Сказались века и тысячелетия традиции, что проявилось и в том, как отнесся крестьянин к возвращенной ему земле. Сыграло свою роль сохранившееся в миллиардном крестьянстве отношение к труду. Даже безжалостный разгром противников Мао из штабов, т. е. китайской административной бюрократии, сыграл, как это ни парадоксально, позитивную роль: было резко ослаблено сопротивление реформам, так что Дэн Сяо-пину оказалось сравнительно несложно одолеть сопротивление мощного, но напуганного и измороженного хунвейбинами отряда китайской партийной и административной бюрократии.

Словом, осуществленная в Китае перестройка экономики оказалась не просто удачным экспериментом. Она стала спасением для Китая, чья судьба в XX в. была крайне драматичной. Однако взятые страной на рубеже 70—80-х годов быстрые темпы реформы неожиданно привели ее руководство к проблемам, с которыми справиться оказалось не так-то легко. Но это были проблемы уже не столько экономического, сколько социально-политического и, как следствие, идеологического характера, и в попытке их решения руководство страны в 80—90-х годах встретилось с немалыми сложностями.

Проблемы Китая. Убедившись в том, что экономические принципы марксистского социализма с его отрицанием частной собственности и лишением людей заинтересованности в труде ведут к тупику, — а это наглядно и неоспоримо проявилось в ходе гигантских социальных экспериментов Мао, начиная с большого скачка 1958 г., — руководство страны буквально вынуждено было предпринять радикальные реформы с тем, чтобы возродить интерес людей к труду, к его результатам. В этом и была суть реформ, наделивших крестьян собственными участками земли и предоставивших возможность каждому завести собственное дело или принять участие в работе приватизированного предприятия, основанного на так называемой коллективной собственности и получившего права юридического лица.

Реформа быстро дала необходимый эффект, особенно в деревне. Но реализация ее означала крах маоистского, а по большому счету — марксистско-социалистического режима в Китае. Практически Китай достаточно быстрыми темпами возвращался к тем отношениям, которые в нем господствовали до Мао. Структура такого рода уже не раз характеризовалась в предшествующих главах применительно к разным странам и даже в разное время (XIX и XX вв.). Это была переходная структура, которая хранила в себе мощный пласт традиционных форм хозяйства, основанных на привычной восточно-деспотической коман-

дно-административной системе отношений с существенной ролью государственного сектора в экономике, и которая в то же время была уже хорошо знакома с рыночно-частнособственническим хозяйством. Возникла она в Китае еще в конце XIX в. и благополучно просуществовала, пережив ряд модификаций, до середины XX в., когда и начала гнуться и ломаться под нажимом экспериментов Мао, целью которых было изжить в этой структуре ее рыночно-частнособственнический пласт, оставив лишь модернизированный в сталинском духе традиционный восточно-деспотический. Крах маоистских экспериментов и всей сталинской модели в ее китайско-маоистской интерпретации как раз и означал возврат к смешанной домаоистской структуре, еще хорошо знакомой массе переживших маоизм китайских тружеников. Возврат, собственно, и обеспечил тот экономический эффект, которому не устают удивляться наблюдатели со стороны: измученный десятилетиями бесплодного труда на обезличенных огосударственных предприятиях в городе и деревне китайский труженик с охотой взялся за производительный труд на себя. Но у импульса, о котором идет речь, были свои естественные пределы действия, причем очень скоро стало ясно, что пределы уже достигнуты.

Речь о том, что при смешанной экономике с преобладающими еще государственным сектором и командно-административной системой нет условий для подлинного расцвета рынка. И отнюдь не только потому, что в Китае нет демократических свобод.

Такого рода свобод долгие десятилетия не было и на Тайване, они вообще не свойственны традиционной китайской культуре. На Тайване после 1949 г. была достаточно деспотическая власть, по сути та же традиционная командно-административная система. Но коренным отличием ее от пекинской было то, что эта власть — наподобие, скажем, современной турецкой — изначально ориентировалась на еврокапиталистическую модель и потому активно поддерживала процесс становления частного капитала, собственности, предпринимательства. Пекинские власти в ходе реформ после Мао не могли себе позволить открыто взять курс на капитализм, даже если бы захотели. С 1989 г. они отчетливо видели не внушающий оптимизма пример СССР, вступившего на путь структурной перестройки и быстрыми темпами обретавшего состояние нестабильности. Впрочем они и до этого вполне адекватно ощущали, что любое послабление в сфере социально-политической и идеологической, любая уступка требующим демократических реформ студентам и интеллигентам означали бы не просто дестабилизацию жесткой коммунистической структуры, но и быстрый развал страны. Не забывали они и об ответственности, которую каждый из причастных к власти после этого должен был бы нести.

Собственно, к этому и сводится основная проблема развития страны после успешной реформы и убедительно проявивших себя первых ее результатов. Все дело в том, что у экономического развития

по рыночно-частнособственническому пути есть своя жесткая внутренняя логика. Цены отпущены, значительная часть ресурсов и предприятий приватизирована, рынок заработал и набирает обороты. Обороты раскручивают гигантский механизм, который чреват серьезными осложнениями. Любому специалисту понятно, что сколько-нибудь развитый рынок несовместим с авторитарным режимом и с командно-административными формами контроля над страной. Всюду, где упомянутый рыночный механизм раскручивался, командно-административные структуры, до того энергично и целенаправленно его поддерживавшие, должны были уйти, сойти с политической сцены. Так было на Тайване, в Южной Корее, Турции. Необычность Китая в том, что механизм раскрутился, а представляющие командно-административную структуру коммунистические руководители уходить не хотят, да и не могут. В результате возникает эффект перегретого котла, вот-вот готового взорваться.

Стоит напомнить читателю, что «перегрев экономики» как термин вошел в официальную лексику Китая еще в середине 80-х. И термин вполне соответствовал реалиям. Экономика развивалась быстрыми темпами, а административно-политическая структура за ними не поспевала и сознательно делала все, что от нее зависело, дабы умерить темпы развития, грозившие снести все преграды. Создавалась явственная ситуация перенапряжения, рождавшая эффект массового дискомфорта. Производители напирали, управители с трудом сдерживали напор, а отражавшая интеллектуальный потенциал нации интеллигенция начинала все громче требовать демократизации, что на практике означало завуалированные требования к коммунистическому руководству уйти от власти. Требования эти в конце 80-х годов звучали год от года все громче, причем к ним прислушивались влиятельные лица в руководстве, включая генсека КПК Ху Яо-бана и сменившего его на этом посту Чжао Цзы-яна. Беда была в том, что у обоих генсеков не было той власти, что в других коммунистических странах обычно бывала у генеральных секретарей правящей партии. В Китае реальная власть продолжала оставаться в руках формально отошедшего от нее архитектора реформ Дэн Сяо-пина. И именно к нему, к Дэну, апеллировали недовольные партаппаратчики, вполне справедливо видевшие в возможных уступках демократическому напору начало конца режима.

Дэн Сяо-пин, насколько можно понять по ситуации, достаточно долго колебался. Он не мог не сознавать, что требование политических реформ разумно и справедливо, что без них, т. е. без приведения политической, социальной, правовой структуры общества в соответствие с энергичным движением по рыночно-частнособственническому пути, упомянутое движение застопорится, а «перегрев» внутри страны будет способствовать стагнации. Но он не менее четко сознавал — имея к тому же перед глазами то, что происходило в конце 80-х годов в

СССР и Восточной Европе, — что согласие на радикальные политические реформы быстро приведет режим к краху с непредсказуемыми последствиями для страны. Выбор между Сциллой и Харибдой был сделан в пользу меньшего, как его понимали коммунистические руководители Китая, зла. Демократическое движение студентов, выплеснувшееся летом 1989 г. на улицы и площади Пекина, было раздавлено проехавшимися по живому на площади Тяньаньмынь танками. Студентов направили по вузам на идеологическое перевоспитание. Снова подняли голову махровые коммунистические реакционеры. Главным козырем обвинителей стали упреки демократам в том, что они — сторонники буржуазного либерализма, какими они в действительности и были (стоит заметить, что сам этот термин, будучи использован в соответствующем контексте, стал в Китае на рубеже 90-х годов не только идеологическим клеймом, но прямо-таки чем-то вроде ругательства).

Экономика Китая после 1989 г. продолжала развиваться, хотя и более сдержанными темпами. Все чаще сталкивалось это развитие с невидимыми преградами и очевидным противодействием, связанным с сохранением правящей однопартийной структуры и административно-командного режима, отнюдь не отказавшихся от своих лозунгов и принципов. Более того, требование сохранения и усовершенствования «социализма с китайской спецификой» стало привычной нормой официальной лексики, как целиком сохранилась и соответствующая этой лексике манера поведения правящих верхов. А после крушения СССР коммунистические верхи явно с облегчением вздохнули, поздравляя друг друга с их выбором в 1989 г. Впрочем, уже весной 1992 г. все тот же неутомимый Дэн Сяо-пин снова повернул руль в сторону продолжения радикальных реформ. Капитализм и буржуазный либерализм постепенно перестали быть клеймом в Китае. Напротив, они становились маяком, ориентиром в пути.

Совершенно очевидно, что в этих обстоятельствах об успехах в движении по пути марксистского социализма не может быть и речи. Что же тогда такое «социализм с китайской спецификой»? Если кто-либо в современном Китае все еще полагает, что это и есть движение страны к светлому будущему в стиле Маркса и Мао, то он ошибается. Сегодня Китай в пути. Конечно, движение по нему может продлиться еще долго — страна огромная и не спешит, даже нарочито тормозит. Но путь уже совершенно определен. Это общее для всего развивающегося мира направление, давно уже реализованное передовыми странами Дальнего Востока с его конфуцианскими цивилизационными ценностями, установками и традиционной моделью поведения. Это путь Японии и Тайваня, Южной Кореи и Сингапура. И разговоры о «социализме с китайской спецификой» в этой связи не более, чем камуфляж. Смысл же лозунга в том, чтобы выиграть время и предотвратить взрывчатый процесс, который так наглядно проявил

себя в ходе детоталитаризации иных марксистско-социалистических режимов, прежде всего СССР.

Китай в 90-х годах стал энергично идти по пути того самого буржуазного либерализма, с которым всех в этой стране еще недавно призывали бороться. Иного пути у него нет по той простой причине, что без норм и институтов буржуазного либерализма (разумеется, в дальневосточной их модификации — японской, тайваньской и т. п.) не может быть простора для активной рыночно-частнособственнической экономики, а без такой экономики, как показал собственный столь дорого обошедшийся стране опыт последних десятилетий, нет выхода из нищеты и отсталости, нет и не может быть успехов в развитии. Но — с точки зрения руководства, от которого это прежде всего и зависит, — пусть страна идет по этому пути как можно медленнее и плавнее. Пусть уйдет в небытие поколение ветеранов войн и революций и займет свое место у руля правления страной следующее, более прагматичное поколение, все еще, как показывает опыт, приверженное коммунистическим идейным ценностям. За ним вскоре придут новые люди, для которых эти ценности будут уже относительными и которые не будут нести на себе груз ответственности за содеянное в ходе экспериментов. Вот им и карты в руки. Именно они и начнут поворачивать руль политических реформ, приводя административную практику в соответствие с требованиями рынка. По сравнению с сильно обогнавшими его соседями, Южной Кореей, Гонконгом или Тайванем, Китай запаздывает. Он слишком много времени и сил отдал не оправдавшим себя экспериментам. Но он уже идет по единственно верному пути и рано или поздно окончательно покончит с марксистским социализмом.

90-е годы прошли в Китае под знаком упомянутой уже смены поколений и соответственно значительных перемен и немалых успехов в развитии страны по столь ненавистному еще два — три десятилетия назад капиталистическому — а точнее, рыночно-частнособственническому пути. Новый, избранный еще Дэном, генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэ-минь и премьеры-прагматики Ли Пэн и недавно сменивший его Чжу Жун-цзи, позаботились о том, чтобы в конституцию страны были внесены поправки, легализующие курс на рыночно-частнособственническую экономику (пусть под прикрытием туманных рассуждений о «китайском социализме»). Параллельно с этим они стали ликвидировать узкие места, тормозившие развитие экономики. Было объявлено о постепенной приватизации неэффективного госсектора (пока еще кроме тысячи крупнейших предприятий) и о создании сети коммерческих банков, призванных обслуживать потребности бурно развивающегося частного сектора. Был также взят решительный курс на сокращение аппарата чиновников и замену отслуживших свое партийных ганьбу молодыми технократами. Жесткие методы борьбы с коррупцией, включая спорадические аресты чиновников высшего ранга, тоже дают свои позитивные результаты.

Итоги преобразований в конце 90-х годов выглядят впечатляюще. Экономическая жизнь страны обретает все большую стабильность. ВВП в 1995 г. вчетверо превысил уровень дореформенного 1978 г. (в 1997 г. — 900 млрд. долларов). Экономический рост устойчиво равен 7—9 %. Иностранные инвестиции в 1997 г. достигли 184 млрд. долларов, а после воссоединения в том же году с Гонконгом эта цифра стала еще больше. Внешняя торговля на неслыханно высоком уровне — 325 млрд. долларов в 1997 г. (примерно 20 % мирового экспорта). Специально на экспорт работают около 200 тыс. предприятий, занято внешнеторговыми сделками 5 тыс. корпораций. Уровень жизни растет, включая медицинское обслуживание и пенсионную систему в городах.

Страна постепенно дрейфует в сторону признания западной системы ценностей, хотя и не провозглашает этого вслух. На местном уровне — а это около 900 тыс. деревень — началась кампания по открытым и вполне демократическим выборам местного самоуправления с участием многих кандидатов. Народ учится демократии — и это очень важный политический симптом, основа будущих либерально-демократических преобразований в обществе. Увеличивается роль модернизации производства и ускоряются темпы обновления оборудования. В дни сурового финансового кризиса в ряде стран Юго-Восточной Азии в конце 90-х годов Китай, отказавшись от девальвации юаня, сумел смягчить кризис и помог преодолеть его.

Разумеется, в сегодняшнем Китае остается немало серьезных проблем, будь то явное перенаселение страны, нехватка земли, воды, энергоресурсов или обострение национальных проблем в Тибете и других окраинных районах страны, включая населенный мусульманами и граничащий с Киргизией и Казахстаном Синьцзян. Скверно обстоит дело с экологией. Обострились отношения с Тайванем, особенно после выборов весной 2000 года, принесших победу сторонникам независимости острова во главе с новым президентом Чэнь Шунь-бянем.

Нельзя забывать и о том, что огромная масса населения внутренних, особенно отдаленных от побережья районов, живет намного хуже среднего уровня и страдает от отсталости и бедности. Перенаселенность страны сыграла, видимо, немалую роль в том, что современный Китай — в отличие от времен империи — не только поощряет эмиграцию своих подданных, но и оказывает им содействие, проявляет о них заботу, защищает их интересы. Как известно, эта политика способствует, в частности, активному освоению китайцами дальневосточных и иных районов России, вплоть до Москвы, где китайская колония — как, впрочем, и вьетнамская — давно уже чувствует себя достаточно прочно и с каждым днем становится все многочисленней. И если принять во внимание, что в апреле 2000 г. пекинские власти разрешили — в порядке исключения либо эксперимента — иметь столичным, более обеспеченным жителям по два ребенка (раньше строго ограничивали одним), то невольно создается впечатление, что перенаселенность перестает быть

для страны проблемой номер один. Не вполне ясно, почему так и что собирается Китай делать в близком уже будущем со своими 1,5—2 миллиардами жителей.

Завершая рассказ о современном Китае, важно еще раз напомнить, что эта крупнейшая в мире страна идет вперед быстрыми темпами и уже в начале третьего тысячелетия обещает выйти на первое место в мире по размерам ВВП, а может быть и другим важным показателям. Не приходится и говорить о том, что у него сегодня хорошо обученная и обеспеченная всем необходимым, включая ракетно-ядерное оружие, армия, которая уже не занимается коммерцией, как то было еще недавно, но заботится только о профессиональной выучке. Словом, успехи Китая вне всяких сомнений. На их фоне проблемы — сколь бы важными они не были (а в их число входят столь существенные, как нехватка земли, воды, энергоресурсов, леса и т. п.) — отходят пока на задний план. Но только пока.

Вьетнам. К моменту капитуляции Японии во Второй мировой войне наиболее серьезной организованной силой во французском Индокитае была компартия, руководитель которой Хо Ши Мин в сентябре 1945 г. возглавил временное правительство Демократической Республики Вьетнам. Правда, последующие события и процессы внесли свои коррективы и во многом изменили ситуацию. Франция способствовала формированию независимого от Ханоя южно-вьетнамского государства со столицей в Сайгоне, вследствие чего Вьетнам на долгие годы оказался в огне гражданской войны. После ухода французов из Индокитае в 1954 г. южно-вьетнамское правительство стало опираться на активную поддержку США, причем неудачи в борьбе с Северным Вьетнамом побудили США ввести во Вьетнам свои войска. Почти десятилетие, с 1965 по 1973 г., американцы принимали участие в войне во Вьетнаме, но успеха не добились. В 1975 г. пал Сайгон, и весь Вьетнам вновь оказался под контролем северо-вьетнамских коммунистов.

Распространение на южную часть страны с процветающим сайгонским регионом марксистской экономической модели в ее весьма жестком сталинско-маоистско-вьетнамском варианте привело к ликвидации там частной собственности и рынка и, как следствие, к быстрой экономической стагнации. Конец 70-х — начало 80-х годов прошли во Вьетнаме под знаком нарастающего ухудшения экономического положения, несмотря на ту весомую помощь, которую оказывали этой стране СССР и другие страны марксистского социализма. Еще более ухудшилась обстановка во Вьетнаме после введения вьетнамских войск в Камбоджу и конфликта в связи с этим с Китаем. Конфликт с Китаем побудил Вьетнам еще более сблизиться с СССР, который, однако, в 80-х годах уже был не в состоянии спасти Вьетнам от экономического краха, с каждым годом становившегося все очевиднее и ощутимее. В пришедшем после смерти Хо Ши Мина (1969) к

власти руководстве возникли противоречия по вопросу о том, как выйти из кризиса, по какому пути пойти. Пример реформ в Китае был толчком к решительным действиям, а начало перестройки в СССР (1985) — сигналом для них. Смена руководства означала, что Вьетнам с его 77-миллионным населением готов к решительным реформам.

Экономическая реформа во Вьетнаме, во многом напоминаящая по духу ту, что была начата за несколько лет до того в Китае, принесла, причем достаточно быстро, существенные результаты. Рынок наполнился товарами, темпы развития стали быстро расти. Как и в Китае, некоторые слои населения пытались сочетать движение в сторону реформ с требованиями политической либерализации. Но вьетнамское руководство компартии, как и китайское, осталось твердым не столько в своих убеждениях, сколько в стремлении крепко держать власть в своих руках. Курс на социалистическое развитие формально продолжал декларироваться, хотя в реальности Вьетнам, как и Китай, на рубеже 80 — 90-х годов уже уверенно шел по рыночно-частнособственническому пути. Правда, движение его по этому пути было значительно медленнее и труднее, чем в Китае, да и сопровождалось оно прежними административными притеснениями. Не случайно многие вьетнамцы именно в эти годы стремились покинуть свою родину. Впрочем, Вьетнаму все же удалось выбраться из состояния кризиса, и ныне он демонстрирует экономические успехи, что, вопреки каждодневным лозунгам, убедительно доказывает в глазах его же собственного населения преимущества рыночного капитализма перед редистрибутивной системой марксистского социализма.

Стоит заметить, что Вьетнам в своем целеустремленном движении по рыночно-частнособственническому пути во многом копирует удачный и подходящий именно для него опыт Китая. В 90-х годах это нашло свое отражение в приватизации многих убыточных предприятий госсектора и создании сети коммерческих банков, не говоря уже об идеологическом сопровождении реформ разговорами о социализме и, что много важнее, жестком руководстве со стороны правящей компартии. Президентом страны по-прежнему является руководитель правящей партии; ныне это — с 1997 г. — Чан Дык Лыонг. В стране функционируют парламент (Национальное собрание) и Отечественный фронт, что очень напоминает структуру недавнего прошлого. Впрочем, идеологический флёр, как и подкрепляющее его авторитарное правление, не мешают проведению курса на создание многоукладной экономики и либерализацию внешней торговли.

Вьетнам экспортирует нефть и рис, овощи и фрукты, трикотаж. Темпы экономического роста во Вьетнаме в 90-х годах росли, увеличившись с 3 % в 1991 г. до 9 % в 1997 г., причем промышленное производство ежегодно давало 12—14 % прироста. Правда, производительность труда пока еще сравнительно низка, как невелик и доход на душу населения (200—300 долларов — по разным данным). В стране

много безработных и мало лиц с высшим образованием. Резюмируя, следует заметить, что по многим показателям Вьетнам пока еще сильно отстает от Китая. Тем не менее плоды реформ здесь очевидны.

Северная Корея. В результате изгнания японцев из Кореи в 1945 г. эта страна обрела свою независимость. Но реалии послевоенного времени и советско-американское соперничество на Дальнем Востоке привели к тому, что в 1948 г. она оказалась разделена на две части вдоль 38-й параллели. В Северной Корее, находившейся в зоне влияния СССР, в 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика, во главе которой стал советский ставленник Ким Ир Сен. Достаточно быстро новый руководитель решительными мерами обеспечил себе диктаторскую власть в стране. Используя привычные методы тоталитарного режима, умноженные на восточно-деспотические традиции и культ социальной дисциплины среди населения, ставший президентом Ким добился абсолютного господства, сделался кем-то вроде живого бога для населения КНДР. Введенный Ким Ир Сеном режим существования не раз описывался очевидцами и не имеет себе равных. Абсолютный регламент со строгими проработками и жестокими наказаниями за его нарушения превратил страну с 23-миллионным населением в коммунистическую казарму, в реальное воплощение самых страшных утопий типа оруэлловской.

Индустриальная основа страны, заложенная и с успехом совершенствовавшаяся еще японцами, была реконструирована и усилена новым режимом. Высокая традиционная культура труда в сочетании с жесткой дисциплиной казармы позволила достичь определенных результатов в экономике. Пропаганда, закрывшая доступ людям к иным средствам массовой информации, кроме тех, что даются по официальным каналам, создала в стране культ великого руководителя, а заодно и его сына, которого Ким Ир Сен официально провозгласил своим наследником. Ветры перемен, охватившие на рубеже 80 — 90-х годов страны марксистского социализма, обошли север Кореи. Здесь все оставалось по-прежнему. Престарелый президент, опасаясь за будущее своего режима, более всего боялся, что рано или поздно изменения коснутся и КНДР. Он лихорадочно готовился к борьбе не на жизнь, а на смерть, ускоренными темпами создавая оружие массового уничтожения, а также стремился наладить контакты с процветающей Южной Кореей, тесных связей с которой он тем не менее боялся, как огня.

В конце 1991 г. Южная Корея заключила с КНДР соглашение о перемирии, ненападении, сотрудничестве и обменах, что призвано было способствовать снижению напряженности в отношениях между обеими частями в прошлом единой страны. Параллельно с этим американцы вывели из Южной Кореи подразделения, оснащенные ядерным оружием, желая тем самым лишить КНДР оснований для продолжения работ над созданием атомной бомбы. Но в 1993 г. режим Кима демонстративно отказался от сотрудничества с МАГАТЭ, что

означало неприятие любого контроля за его ракетно-ядерной программой.

90-е годы прошли в КНДР под знаком угасания старшего Кима и воцарения его сына Ким Чен Ира. Будучи несколько экстравагантным и, видимо, лишенным того неумного честолюбия — не говоря уже о жестокости, — какими обладал его отец, младший Ким управляет страной без лишних эксцессов. Впрочем, это не означает, что замена одного Кима на другого привела к сколько-нибудь существенным изменениям в политике и режиме страны, в образе жизни ее многострадального и обрабатываемого мощными залпами каждодневной индоктринации народа.

Вернее сказать, что, лишившись помощи со стороны распавшегося СССР и не получая большой поддержки от решительно перестраивающегося Китая, страна в годы правления второго Кима стала заметно нищать, а голод превратился в постоянного спутника ее жителей. По-прежнему тратя основные средства на содержание одной из самых мощных в регионе армий и на завершение работ по созданию ядерного оружия и ракет, руководство КНДР мало заботится о чем-либо ином, кроме прославления идей своего умершего вождя (чучхе). Было даже введено «чучхеское» летосчисление, начало которого восходит к 1912 году, когда родился Ким старший (день рождения — 19 апреля — официально провозглашен «днем Солнца»).

Странно выглядит эта страна сегодня. Чисто подметенные улицы, тишина и строгий порядок, жесткая дисциплина казармы для всех. Транспорта в городах почти нет. Передвижение населения ограничено. Редкие поезда из Пекина обычно облепляются на каждой остановке жажущими что-либо выменять или получить просто так. Это и неудивительно. Бедность населения КНДР бросается в глаза. Нормой здесь являются скудные выдачи по карточкам (50 кг капусты и 100 кг риса в год) и зарплата в 1—2 доллара в месяц (100—200 вон) — по данным на 1999 г. И вместе с тем — страшная жажда доказать всему миру свое превосходство и, во всяком случае, не утратить это иллюзорное превосходство при сравнении с процветанием Южной Кореи, которая со своим богатством является бельмом в глазу для своего амбициозного северного соседа.

Успехи в развитии ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи обеспокоили мир и побудили США вступить в переговоры с ее руководством. Была достигнута договоренность, что республика согласится на контроль со стороны МАГАТЭ в обмен на помощь США в создании реакторов, исключающих возможность получения ядерного плутония. В 1996 г. с большой неохотой было также достигнуто соглашение с Южной Кореей, которая обещала принять участие в осуществлении этого проекта вместе с США. В целом страна продолжала оставаться такой, какой была, все глубже уходила в коммунистический тупик, что не могло не вызывать опасения со стороны ее соседей

и всего мирового сообщества. Безысходный тупик в стране, обладающей ракетно-ядерным потенциалом, никого не может оставлять равнодушным.

Следует заметить, что общественность Южной Кореи давно уже пыталась делать шаги навстречу северу, но успеха это долго не приносило. Только в самое последнее время ситуация изменилась. Летом 2000 г. южно-корейский президент Ким Те Чжун, который давно уже предлагал начать проводить в отношениях с севером «политику солнечного тепла», посетил, наконец, КНДР и был принят там достаточно сердечно. Была достигнута договоренность и об ответном визите на юг Ким Чэн Ира. Этот обмен визитами обнадеживает, хотя и не стоит пока рассчитывать на быстрые и тем более радикальные сдвиги в отношениях как между обеими частями Кореи, так и между КНДР и всем остальным миром. Впрочем мир заинтересован в смягчении политических позиций КНДР, о чем свидетельствуют визиты в Пхеньян президента В. Путина и видных руководителей некоторых держав Запада.

Конфуцианская традиция и марксистский социализм

Все три только что охарактеризованные страны демонстрируют с некоторыми вариациями единую и весьма жесткую модель марксистского социализма. Модель была создана на основе конфуцианских традиций, причем именно это обстоятельство многое в ней объясняет.

Прежде всего речь идет о сравнительной легкости создания и завидной устойчивости существования модели. Как-то очень просто и даже по-своему гармонично на конфуцианской административно-командной основе создавалась марксистско-социалистическая: никаких внутренних неразрешимых противоречий и несоответствий. Трудно сказать, что при этом сыграло решающую роль: то ли склонность уважать сильную власть и стабильную администрацию, то ли привычно пренебрежительное отношение к торговцам и собственникам, к частникам, против которых при всяком социальном кризисе обращалась ненависть народа в странах конфуцианской традиции; то ли, наконец, высокий, воспитанный тысячелетиями уровень социальной дисциплины, готовность не показным образом, а всей глубиной натуры, воспитанной на идеях великого Конфуция, почитать старших и мудрых. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что сила и авторитет власти сыграли при этом свою важную роль.

В странах ислама власть тоже сильна. Более того, держится в основном на силе. Но она не имеет того авторитета, даже если апеллирует к Аллаху. И это сказывается в момент решающих перело-

мов, в период реформ. Некоторые из стран ислама тоже пытались реализовать марксистско-социалистическую модель — достаточно напомнить о Египте, Йемене, с оговорками можно вспомнить об Алжире, где социализм не вполне марксистский. Тупик, в который завело каждую из упомянутых стран движение в сторону марксистской модели, и связанная с этим необходимость реформ сразу же выявляли внутреннюю нестабильность власти, ее неавторитетность и ослабленность. Известен и результат. Нечто подобное происходит и в европейских странах марксистского социализма — с аналогичным результатом. Не то в странах конфуцианской традиции. Более того, создается впечатление, что именно в странах дальневосточно-конфуцианского мира привычный авторитаризм режима способствует в конце XX века развитию либерального рыночного типа хозяйства при фактическом признании частной собственности в качестве важнейшей основы экономического процветания. И это относится далеко не только к тем странам региона, которые избрали марксистско-социалистический путь. Ниже будет показано, что авторитаризм как режим власти был свойствен практически всем или почти всем государствам региона, в котором ощутимо влияние конфуцианской традиции (кроме может быть Гонконга, бывшего английской колонией, и Сингапура, также тесно связанного с колониальной империей Великобритании).

Несмотря на то что модификация марксистской модели здесь наиболее жестка, она оказалась достаточно жизненной и не ослабляет авторитета власти даже в момент серьезного кризиса. Ведь далеко не случаен тот факт, что в странах, о которых идет речь и которые оказались в том же тупике, реформы проходят если и не безболезненно, то во всяком случае без слишком радикальных осложнений, порождающих острую политическую нестабильность.

Практически сказанное означает, что конфуцианская традиция создает и хранит некий социальный ген устойчивости внутренней структуры. Это не значит, что конфуцианские страны не знали социальных катаклизмов. Напротив, они хорошо с этим знакомы. Но катаклизмы здесь — реакция на нарушение нормы, не более того. Эксперименты Мао, Хо или Кима не слишком нарушали привычную норму, а вынужденные реформы возвращали к этой норме. Неудивительно, что реформам в Китае и Вьетнаме сопутствует не кризис, а стабилизация и даже процветание. Другое дело, что после этого в силу вступает логика современного развития, суть которой сводится к неизбежной либерализации всей структуры во имя дальнейшего развития рыночно-частнособственнической экономики. При этом радикальная ломка привычной структуры неизбежна. Но, как показывает опыт КНДР, можно обойтись и без реформ. Жесткий вариант марксистского социализма на привычной конфуцианской основе создает объективную возможность длительное время оставаться в тупике, сохраняя при этом определенную жизнеспособность.

Это еще одна группа стран, развивавшихся определенное время по марксистско-социалистической модели, но их развитие шло на иной — буддийской — цивилизационной основе, отсюда и несколько иные результаты. Существенно также оговориться, что неодинаковы исходные позиции. Кочевники Монголии были силой втянуты в социалистические преобразования. Лаос и Камбоджа волею судеб оказались в зоне, где эти преобразования давно уже происходили. Что же касается Бирмы, то она избрала свой и достаточно особый путь к социализму, причем социализм по-бирмански — это не вполне марксистский социализм, хотя кое-что от него и было заимствовано. Но вглянем на каждую из только что перечисленных модификаций отдельно.

Монголия. Монголы вплоть до XX в. оставались кочевниками. Монгольские ханы — как и бедуинские шейхи — были, к слову, не феодалами, как их подчас считают и именуют, а едва вышедшими за пределы первобытности племенными вождями, главами протогосударственных образований, выше уровня которых кочевники подняться не в состоянии именно в силу их образа жизни. Таким был уровень существования подавляющего большинства монголов в начале XX в. несмотря на то, что страна и народ в XIII — XIV вв. знавали лучшие времена и что распространившийся в Монголии буддизм, равно как и имевшаяся у них собственная письменность, являлись собой необходимый фундамент для дальнейшего развития.

Собственно, развитие такого рода понемногу и шло. Еще в XVIII — XIX вв. территория Монголии была уже не только царством кочевников. Существовали крупные монастыри, рядом с которыми строились жилые дома, возникали городские сооружения, развивались ремесла и торговля. Правда, ремесло, торговля и городской образ жизни во многом были связаны не с самими монголами, а с оседавшими в Монголии иностранцами. Но факт остается фактом: страна развивалась, причем все большее количество монголов становились городскими жителями. А после революции 1911 г. в Китае, частью которого в то время была Монголия, создались даже условия для возникновения самостоятельного монгольского государства, во главе которого стал самый уважаемый в то время в стране человек — духовный глава монгольских буддистов.

После переворота 1921 г. в столице Монголии Урге страна стала народной республикой и оказалась под сильным влиянием СССР, без ведома и согласия руководителей которого местные власти, как правило, не принимали сколько-нибудь важных решений. Советское влияние позволило монголам, во всяком случае многим из них, уйти от первобытного кочевого быта. С помощью советских специалистов и рабочих в богатой ресурсами стране было построено несколько крупных предприятий, особенно в сфере горно-добывающей промыш-

ленности. С помощью советских тракторов распахивались целинные земли, на которых дети кочевников учились вести земледельческое хозяйство. Разумеется, вся экономика страны контролировалась государством и принадлежала ему, а сельское хозяйство строилось по советской модели. По этой же модели развивались политическая структура, социальные отношения — словом, все, вплоть до беспредельной власти репрессивных органов. Известно, что около 70% лам в стране, где существовала традиционная норма одного из сыновей отдавать в монастырь и обучать там, дабы он стал монахом, ламой, было физически уничтожено. Соответственно разрушались и храмы.

Конец 80-х годов прошел в Монголии под знаком серьезного и всестороннего кризиса. Непопулярная власть, лишившись поддержки советского руководства, которому было уже не до этого, стала быстро сдавать позиции. В стране формировалась оппозиция, благо количество грамотных и образованных городских жителей в этом двухмиллионном государстве было уже достаточно внушительно. Активизация оппозиции и широкое движение за демократические реформы привели к решительным преобразованиям в стране. Начало 90-х годов проходило в обновленной Монголии под знаком многопартийного плюрализма. В Монголии быстро стали осуществляться радикальные реформы, широким фронтом шла приватизация, создавались мелкие и средние частные предприятия, была сокращена армия, энергично росло национальное самосознание, выразившееся прежде всего в прославлении национального героя монголов Чингис-хана.

Сегодня Монголия с ее 2,5 млн. населения достаточно уверенно смотрит в будущее. Имея не такой уж плохой для слабой в общем-то страны доход на душу населения (ок. 500 долларов), она активно прибегает к иностранной помощи, открывает простор для инвестиций и очень рассчитывает на то, что ее богатейшие природные ресурсы в скором времени смогут обеспечить стране высокий экономический стандарт. Однако рост ВВП пока невелик (2—3 % в год), заработная плата низка, как и уровень жизни. Впрочем, рынок заметно оживил торговлю и дает толчок развитию экономики. Совершенствуется система образования, в том числе и сеть частных школ. Президент Н. Багабанди (с 1997 г.) поддерживает систему многопартийного плюрализма и гражданских свобод. Не приходится и говорить, что восстанавливается монастырская инфраструктура, увеличивается количество новых лам и возрождаются утраченные нормы и ритуалы монголо-тибетского буддизма.

Камбоджа*. Камбоджа была признана независимым государством по условиям Женевского соглашения 1954 г. Поначалу страну возглавлял король Н. Сианук, который затем отрекся от престола и остался

* Одно время, в 70 — 80-х годах, страна именовалась Кампучией.

во главе страны в качестве ее президента. В 1970 г. в результате военного переворота к власти пришло правительство Лон Нола, что вызвало реакцию со стороны коммунистического подполья. Захватив в 1975 г. власть в Камбодже, коммунистические отряды красных кхмеров под водительством Пол Пота превратили свою небольшую страну (сегодня в ней ок. 11 млн. населения) в полигон для страшного социального эксперимента, перед которым отходят на задний план даже те, что осуществляли Ким Ир Сен в КНДР или Мао в Китае. Кровавый эксперимент Пол Пота привел к уничтожению всех камбоджийских городов с их промышленностью и развитой инфраструктурой, к физической ликвидации миллионов людей, прежде всего образованных и специалистов, к превращению страны в огромный концлагерь, где безнаказанно распоряжались красные кхмеры. Для полпотовцев, ориентированных на ценности марксистского социализма, жизнь человека ничего не стоила: чтобы не тратить пули, людей убивали лопатами и иными подручными средствами, морили голодом, не говоря уже об изощренных издевательствах. Стоит заметить в этой связи, что попытки коммунистов ряда стран, прежде всего советских, отмежеваться от этих преступлений и не увидеть в них родственные всем коммунистическим диктатурам репрессии малоубедительны. Конечно, кхмерский красный террор может восприниматься как карикатурный, но если присмотреться и сравнить его с тем, что стало известно, скажем, о нашем собственном красном терроре за последние годы открытых публикаций и разоблачений, то сомнений в родстве не будет. Источник убеждений красных кхмеров, равно как и их бесцеремонности и неуважения к жизни людей, все тот же — марксистская теория диктатуры пролетариата, идея уничтожения враждебных классов и вообще всех врагов революции, к которым, как известно, можно отнести любого, кто сам не убивает лопатой (а при случае и его самого тоже).

В начале 1979 г. в результате сложной борьбы политических сил (кхмеров поддерживал Китай, Вьетнам склонялся к тесному союзу с СССР) вьетнамская армия вошла в Камбоджу, после чего остатки полпотовцев вынуждены были уйти в пограничные с Таиландом горные районы, а власть в стране оказалась в руках немногих случайно оставшихся в живых образованных камбоджийцев, прокоммунистически настроенная часть которых объединилась в Единый фронт национального спасения. Была создана народная республика, гарантом независимости которой стал Вьетнам.

Освобожденная от полпотовцев Камбоджа лежала в руинах. Все следовало воссоздавать заново, причем в первую очередь с помощью Вьетнама, который тем самым взял на себя ответственность за все камбоджийские дела. Это вызвало, как известно, международные осложнения: новое правительство Хун Сена не было признано в ООН. Сианук и Китай активно выступали против его признания, видя в нем марионетку Вьетнама. Началась длительная эпоха переговоров и по-

исков компромисса, в которые были вовлечены многие страны мира, как соседние с Камбоджей, так и весьма далекие от нее. На рубеже 80 — 90-х годов наметились контуры решения проблемы. Были выведены из Камбоджи вьетнамские войска и на специальных конференциях и встречах заинтересованных сторон выработано решение, суть которого сводилась к тому, что представители всех сторон возвратятся в Пномпень и получат свое определенное место в коллегиальном органе, призванном временно управлять страной и подготовить выборы. Во главе страны вновь стал Сианук.

90-е годы, когда этот план начал реализовываться, были отмечены в Пномпене и всей Камбодже серией энергичных реформ, направленных на развитие страны по рыночно-капиталистической модели. Были приватизированы предприятия, открыт путь для иностранных инвестиций и приглашены вернуться в страну покинувшие ее в свое время бизнесмены как кхмерского, так и китайского происхождения (китайцы всегда имели прочные экономические позиции в хозяйстве Камбоджи). Словом, был открыт путь для возрождения Камбоджи. 1992 год принес, однако, немало разочарований и был отмечен усилением в стране позиций красных кхмеров. Политическая обстановка заметно накалилась.

Середина 90-х годов прошла под знаком очередного противостояния как внутри руководства страной, где одно время сосуществовали два премьера, Хун Сен и сын Сианука Нородом Раннарит, так и между ним и красными кхмерами. Впрочем, смерть Пол Пота и переход Йенг Сари на сторону правительства в 1997—1998 гг. привели к крушению мощи повстанцев. Небольшая группа их во главе с Кхиеу Самфаном, продолжавшая с трудом сохранять свои позиции на границе с Таиландом, уже не представляла опасности для страны. Камбоджа во главе с одержавшим верх над своими соперниками Хун Сенем в конце XX в. вновь сосредоточивает свои усилия на экономическом развитии и проводит необходимые для этого реформы. ВВП в 1997 г. был равен 3 млрд. долларов, доход на душу — почти 280 долларам.

Лаос. В Лаосе, добившемся, как и Камбоджа, независимости по условиям Женевских соглашений 1954 г. уже в 60-х годах создалась обстановка острой политической нестабильности. Борьба враждующих группировок в этой небольшой (ок. 5 млн. человек) и отсталой стране вела к расколу и гражданской войне. Тот самый 1975 год, который был годом падения сайгонского режима и триумфа в Камбодже красных кхмеров, сыграл роковую роль и в судьбах Лаоса — стоит напомнить в этой связи о так называемой теории домино, которая часто поминалась политиками в то время и смысл которой сводился к тому, что падение южновьетнамского режима неизбежно повлечет за собой крушение нестабильных режимов в соседних странах примерно так, как упавшая костяшка домино, когда несколько из них стоят на ребре рядом друг с другом, приведет к падению всех остальных. Это предсказание, как

известно, сбылось, во всяком случае в том, что касается Камбоджи и Лаоса.

В 1975 г. коммунистически настроенные повстанцы одержали победу над всеми своими соперниками и провозгласили Лаос народно-демократической республикой. Ведущим сектором экономики стал государственный, были национализированы банки, поставлена под строгий контроль мелкая частная собственность и декларировано движение к социализму марксистского толка. Лаос счастливо избежал катастрофы, подобной той, что принесли в Камбоджу красные кхмеры. Но отсталая его экономика пришла в результате марксистско-социалистического эксперимента в еще более убогое состояние. Дух реформ конца 80-х годов способствовал тому, что к такого рода реформам приступили и в Лаосе, благодаря чему тяжелое экономическое положение стало понемногу выправляться.

Развитие рыночно-частнособственнической структуры и приватизация госпредприятий способствовали ускорению темпов развития страны. В конце 90-х годов ежегодный экономический рост достиг 7 %, а доход на душу населения — 380—400 долларов. Но ощущается общая неразвитость инфраструктуры, отсутствие квалифицированных специалистов и недостаток в образованных людях. Увеличиваются ассигнования на образование, но результатов здесь ждать приходится долго. Вопрос о социализме в Лаосе снят с повестки дня из-за признания руководством правящей прокоммунистической партии отсталости страны. Большое внимание уделяется буддизму. Буддийская ступа заменила собой красную звезду на гербе страны. К потоку хлынувшей в Лаос современной западной культуры здесь относятся весьма настороженно, предпочитая привычные традиции.

Бирма (Мьянма). Бирма (ок. 40 млн. человек) несколько отличается от группы стран с ориентацией на марксистскую модель социализма. Разница прежде всего в том, что в других странах во главе соответствующих партий, правительств и преобразований стояли коммунисты (даже если сами партии при этом именовались несколько иначе). В Бирме было по-другому. Коммунисты с 40-х годов существовали и здесь, причем в виде различных групп, включая и организации экстремистского толка. Но в дальнейшем они предпочли позицию борьбы с существующим правительством, подчас вооруженной борьбы, при всем том, что в первые годы после войны входили в состав правящей Антифашистской лиги народной свободы. Впрочем, изменялись и позиции лиги, равно как и составлявшей ее ядро социалистической партии.

Первое десятилетие ее власти (1948 — 1958) прошло под знаком укрепления государственной экономики и борьбы с вооруженной оппозицией, включая коммунистов. Но добиться экономических успехов в состоянии перманентной вооруженной борьбы было невозможно, что и привело к политическому кризису в конце 50-х годов.

Вначале гражданское правительство У Ну было заменено военным, во главе с генералом Не Вином, причем военные и поддерживавшие их силы взяли курс на некоторую демократизацию в стране. Затем на недолгое время возвратилось гражданское правительство У Ну, что, впрочем, привело к нарастанию кризисных явлений в экономике и политике, а в марте 1962 г. в Бирме был совершен военный переворот, и власть снова попала к Не Вину — на сей раз в качестве главы Революционного совета. Буквально через несколько недель после захвата власти Революционный совет опубликовал программу «Бирманский путь к социализму», под лозунгом реализации которой Бирма просуществовала около 30 лет.

Суть программы сводилась к отказу от парламентарной демократии и эксплуатации человека человеком, к национализации основных средств производства и провозглашению экономической основой нового общества государственной и кооперативной собственности. Частное предпринимательство резко ограничивалось, а рабочие и крестьяне провозглашались опорой нового социалистического строя. Декларация звучала вполне в духе, который привыкли воспринимать в качестве нормы все те партии и страны, где шло развитие по марксистско-социалистическому пути с ориентацией на сталинскую модель. Это означает, что при всей специфике ситуации в Бирме (коммунисты не в правительстве, а в вооруженной оппозиции) официальный курс был близок к тому, который провозглашался взявшими власть коммунистами. И именно этот курс стал реализовываться в стране.

Национализация иностранного и крупного капитала, ликвидация экономических позиций землевладельческой знати, серьезное ограничение возможностей национальной буржуазии, объявление государственных монополий в ряде важных сфер хозяйства, затем едва ли не полная национализация всех предприятий в стране и введение такой налоговой системы, которая ограничила частное накопление, — все эти и другие шаги привели на рубеже 60 — 70-х годов к превращению экономики Бирмы в государственную. Государство же, со своей стороны, приняло ряд мер для развития инфраструктуры, сельского хозяйства, системы трудового законодательства, образования и т. п. Неудивительно, что уже на рубеже 60 — 70-х годов стали обозначаться первые серьезные проблемы, резко упали экономическая эффективность и темпы роста экономики. Подрыв позиций мелкого производителя в городе и деревне привел к упадку рынка и товарного производства и соответственно к расцвету черного рынка и теневой экономики. Появились инфляция и заметная безработица, причем все это сочеталось с непрекращавшейся внутривнутриполитической нестабильностью. Лидеры созданной в 1964 г. Партии бирманской социалистической программы во главе с Не Вином предпринимали усилия для урегулирования своих взаимоотношений с оппозицией, во всяком случае в первые годы существования новой партии. В народе пропа-

гандировались идеи бирманского социализма, заметно окрашенного в привычные буддийские тона. Опорой партии стали народные советы. Все иные партии в стране были запрещены, причем эти нововведения были официально закреплены конституцией 1974 г.

Последующий ход событий показал, что жесткая линия на ограничение частного сектора и свободного рынка не может быть компенсирована апелляцией к буддийским традициям. Кризис в стране нарастал. Темпы развития были неудовлетворительными, росло сопротивление, прежде всего со стороны студенчества. Ответом на недовольство были репрессии, но они уже не помогали. Позиции правительства становились все слабее. В стране нарастал взрыв. Под давлением народного возмущения в 1988 г. власть в стране взяли военные. Было объявлено о введении новых принципов управления, проведены некоторые реформы экономического характера, открывшие простор для рыночных отношений. Было дано согласие на восстановление норм парламентской демократии на многопартийной основе. Страна получила новое имя (Мьянма — впрочем, это новая транскрипция ее имени) и ждала выборов, состоявшихся в 1990 г.

На выборах неожиданно для властей одержала решительную победу Национальная демократическая лига во главе с дочерью национального героя Бирмы Аун Сана — Су Чжи. Генералы, фактически правящие страной, не признали их результаты и отказались передать власть Су Чжи и ее сторонникам. Более того, руководители Лиги оказались под арестом, причем сама Су Чжи была взята под домашний арест еще до выборов, в 1989 г. Опираясь на первые достигнутые ими экономические успехи, генералы упорно держались за власть и лишь туманно обещали в будущем созыв Учредительного собрания, которое должно решить политические проблемы. Присуждение Су Чжи осенью 1991 г. Нобелевской премии мира не повлияло на их позиции и даже не помогло лауреату освободиться из-под ареста.

Ситуация, сложившаяся в стране в начале 90-х годов, побудила в 1992 г. ставшего во главе руководства страной генерала Тан Шве приступить к экономической реформе. Была провозглашена программа либерализации экономики и приватизации предприятий раздувшегося и крайне неэффективного госсектора. Покончив с волнениями на окраинах страны, подавив сопротивление коммунистических групп и наркомафии, военные обеспечили некоторый постоянный прирост ВВП (6—8 %) и повысили доход на душу населения до 250—300 долларов. Они обещали в скором будущем создание многопартийной системы, но при этом предложили Су Чжи уехать из страны. Су Чжи отказалась и объявила о намерении ее партии Национальная лига демократии выработать новую конституцию. Этот вариант был отвергнут военными, которые заявили, что сами создадут текст конституции, где будет определено их место в руководстве страной.

Следуя апробированной в Китае, Вьетнаме и Лаосе модели, руководители Бирмы пытаются осуществить радикальные экономические реформы при условии сохранения жесткой авторитарной власти. Однако политическая обстановка в их стране оказалась препятствием для этого. Отношения между враждующими сторонами обострились в 1998 г., в десятую годовщину военного переворота. Су Чжи потребовала передать власть избранному в 1990 г. парламенту, но военные вновь заявили, что скоро ими будет подготовлена новая конституция. Студенты, поддерживая Су Чжи, покинули стены вузов. Напряжение в стране усилилось после свержения в Индонезии власти Сухарто, правление которого было одним из эталонов, на который бирманские военные ориентировались. Словом, конца противостояния в Бирме пока не видно. И не приходится говорить о том, что в сложившихся условиях экономические преобразования в стране идут медленно, а уровень жизни остается весьма невысоким.

Социализм в странах буддизма

Таковы четыре страны, из которых три небольшие демонстрируют неодинаковые модификации одной и той же марксистско-социалистической модели развития на фундаменте цивилизации буддизма. Многое неодинаково в этих странах. Сильно различается цивилизационный фундамент, весьма слабый в культурном плане у кочевников Монголии или горцев Лаоса и много более мощный, уходящий корнями в глубь тысячелетий — у кхмеров и бирманцев. Еще более разительны отличия в судьбах. Красные кхмеры не поколебались самым зверским образом уничтожить миллионы своих сограждан, убивая их просто за то, что те не отвечали признанному ими за норму стандарту. Монголы терпеливо и вынужденно ждали часа своего освобождения и в этом смысле мало чем отличались от любой из азиатских республик СССР. Бирманцы долгие десятилетия находились под жестким гнетом власти военных. Лаосцы почти покорно испытывали на себе очередные удары судьбы, во многом зависевшие от политической конъюнктуры и баланса сил вне своей страны. Но что общего у всех этих стран, даже имея в виду все особенности и контрасты?

Общим был и остается цивилизационный фундамент, во многом предопределивший принципиальный характер социальных отношений и государственной власти. Преобладающей чертой социума являются здесь веками воспитывавшиеся буддизмом терпеливое смирение, покорность, готовность к страданиям. Правда, сквозь привычную покорность порой прорывается и готовность к сопротивлению, как например, в Бирме в 80—90-х годах. Да и далеко не одни буддисты вынуждены склоняться перед жестокой силой. Но, тем не менее,

обстоятельства, когда сотни тысяч, даже миллионы людей покорно дают убивать себя лопатами и не пытаются восстать, вооружившись хотя бы теми же лопатами, говорят сами за себя. В мире ислама, в Китае в годы социальных катаклизмов люди вели себя в аналогичной ситуации иначе.

Впрочем, у только что отмеченной цивилизационной особенности буддийских стран есть и иной аспект: буддистов трудно воодушевить и заставить с энтузиазмом строить светлое будущее. Китайцев или мусульман — легче, как, к слову, и европейцев. Те, кто привык не очень-то ценить земную жизнь и в чьи цивилизационные ценности входит видеть светлое будущее в иной жизни, не проявляют подобного энтузиазма. А это неизбежно сказывается на манере поведения и жизненных стандартах, обрекая любую социалистическую модель даже в момент развития ее по восходящей линии на вялость. Другое дело — рыночно-частнобизнеснические отношения, не требующие особого энтузиазма и удовлетворяющиеся размеренным трудом собственника. Пусть не слишком быстро, но эта стихия и в странах буддизма способна проявить себя и дать должный эффект, как то будет показано ниже на примере буддийского Таиланда.

В целом сравнение модели марксистского социализма на конфуцианском и буддийском цивилизационном фундаменте демонстрирует существенное различие именно в основах, причем оно, это различие в основах, весьма отчетливо сказывается на результатах. И Китай, и Вьетнам, и Северная Корея в процессе развития марксистско-социалистической модели по восходящей, т. е. на первых ее порах, когда она еще не выявила своих органических внутренних пороков и даже могла зажечь сердца людей энтузиазмом и верой в светлое будущее, продемонстрировали определенные успехи. Ни одна из стран с буддийской цивилизационной основой этим не может похвастать. Правда, кое-чего в плане развития достигла за семьдесят лет Монголия. Но здесь нужно принять во внимание не только советскую помощь, но и постоянную советскую опеку, которая позволяет, как упоминалось, приравнять в этом смысле Монголию к обычной советской азиатской республике, что в корне меняет точки отсчета и оценки.

Разумеется, здесь следует учитывать и разницу в исходном уровне. Страны конфуцианской традиции в этом смысле были значительно более подготовленными к рывку вперед. Однако, даже имея это в виду, нельзя не заметить тех различий, о которых упоминалось. Но при всех различиях судьбы обеих групп стран в принципе все же одинаковы: развитие по марксистско-социалистической и бирманско-социалистической модели оказалось в конечном счете экономически неэффективным и социально деструктивным как для стран конфуцианской традиции, так и для стран буддийских. Печальный итог в обоих случаях однозначен, как одинаково несомненно и то, что теперь уже выбраться из ямы, куда они попали в результате эксперимента, все те страны, о

которых идет речь, могут лишь при решительном курсе на развитие рыночно-частнобизнеснической экономики. Соответственно должны быть решительно перестроены социально-политическая система, стратегические установки, привычные стереотипы и т. д. Собственно, именно это все страны и делают, каждая по-своему, своими темпами. Это касается и Бирмы, где военные пытаются осуществлять реформы, направленные на развитие по рыночно-частнобизнесническому пути. Даже КНДР, как кажется, готова сдвинуться в том же направлении.

Глава 10

Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока: путь капиталистического развития

Группа стран, о которых теперь пойдет речь, весьма противоречива и неоднородна. Объединяет их одно — развитие по капиталистическому пути с ориентацией на японскую модель развития. Под термином «японская модель» имеется в виду развитие с учетом собственных традиций по пути, соответствующему в основных своих параметрах еврокапиталистическому стандарту. Как показывает практика, с точки зрения результатов это для стран Востока оптимальный путь развития. Сложность, однако, в том, что страны, ориентирующиеся на такую модель, различны, в том числе и по традициям, что, естественно, сказывается на результатах. В соответствии с этим и будут группироваться страны. Начать следует с эталона, дабы в последующем был ориентир.

Япония

О феномене **Японии** уже достаточно подробно шла речь в предыдущей части работы. Обратим внимание на то, что особенно выпукло характеризует Японию сегодня и составляет суть той японской модели развития, которая является ныне ориентиром для многих стран Востока. Итак, что же такое современная Япония?

Прежде всего — очень быстро и динамично развивающееся богатое и процветающее государство, современное поколение жителей которого (ок. 126 млн.) уже полностью вкусило плоды упорного труда своих

предшественников. Для экономики страны характерны высокие темпы прироста; очень высокий (выше, чем в США) объем ВВП на душу населения, первоклассная промышленность, повсеместно вытесняющая конкурентов с мирового рынка, высший класс качества изделий, невиданный подъем научно-технического стандарта, превративший Японию в центр науки и техники завтрашнего дня, великолепно развитое сельское хозяйство, обеспечивающее на скудных почвах маленькой страны все ее большое население необходимыми продуктами, невиданная по степени развития инфраструктура, включающая лучшие из современных дороги, транспортные средства и т. п., высококачественную систему народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. Этот перечень можно продолжить, перечисляя все японские достижения мирового класса. Разумеется, все это не означает, что у Японии нет проблем. Они есть и проявляются в болезненной напряженности людей, стремящихся не отстать от быстрых темпов прогресса, в невозможности для части молодежи выдержать общепринятый темп и объем усваиваемых в школе или вузе знаний, в росте непривычного для традиций этой страны отчуждения людей, уставших от напряженной погони за стандартом, даже в некотором замедлении темпов развития в самые последние годы. Но согласимся, эти проблемы иные, нежели у развивающихся стран вчерашнего традиционного Востока. Иной стандарт жизни, иные реалии и совсем иные проблемы.

Традиция и воспитанная ею высокая культура труда, корпоративная дисциплина общежития способствуют достижению тех успехов, коими по праву может гордиться современная Япония. За счет этой традиции достигается высокое качество продукции при сохранении социальной гармонии во взаимоотношениях старших и младших (важнейший принцип конфуцианства!), особенно в рядах средней фирмы, каждая из которых в современной Японии являет собой все ту же традиционную конфуцианскую разросшуюся семью с общими интересами и полным взаимопониманием. Доблесть и достоинство самурая, трансформировавшиеся в этику инженера, ученого, предпринимателя, политического и общественного деятеля, способствуют сохранению высокого стандарта самоуважения и отношений в обществе, что дает дополнительный импульс немалой силы для достижения все новых успехов.

Политическая система современной Японии основана на многопартийной парламентской демократии с сохранением императора в качестве главы государства. Практически неизменно господствует на выборах и формирует правительство одна ведущая либерально-демократическая партия, что свидетельствует об устойчивости политических симпатий избирателей и завидной внутривнутриполитической стабильности страны. Государство в современной Японии — весьма активный политическо-правовой институт, заботливо стоящий на страже интересов

общества, прежде всего цветущей национальной экономики. Оно постоянно покровительствует бизнесу, заботится о выгодной структуре экспорта и импорта, активно поддерживает мелких собственников, не забывает о народном образовании, культуре и прочих жизненно важных потребностях населения.

Важно заметить, что национальное процветание сыграло решающую роль в отмирании японского милитаризма, чему способствовала и буква послевоенного мирного договора, запретившего Японии иметь большую армию. Нет у Японии и территориальных притязаний, если не считать некоторых обоснованных претензий на группу южно-курильских островов, силой отобранных у Японии в конце войны без закрепления этого акта в общепризнанных документах международного права. Словом, традиционный военный дух самурайской Японии на глазах уходит в прошлое. Соответственно меняется, особенно за последние полвека, и все японское общество. Разумеется, традиции чтутся, но многие из них на глазах превращаются в раритеты напоподобие знаменитых гейш или заметно трансформируются в новых условиях жизни. В то же время обращает на себя внимание стремление японцев продолжать учиться у развитых стран Запада, перенимая все современные достижения мировой науки, техники, технологии, при всем том, что во многих отраслях знаний и достижений японцы уже опережают других.

Давно ушло в прошлое время, когда на Японию смотрели как на любопытное и почти экзотическое явление, как на страну, способную лишь на жестокости и насилия. Сегодня Япония совсем иная — и другое к ней отношение. На эту страну смотрят с замиранием сердца. Едут туда, как в Мекку. Уже ничто японское не удивляет — люди привыкли ожидать новое, интересное, необычное, феноменальное именно оттуда. Этому активно содействует и сама Япония, чьи товары заполнили мир, чьи предприятия и капиталы осваивают новые рынки, чьи туристы занимают заметное место среди людей, посещающих разные страны мира. Такова Япония сегодня, если обратить внимание именно на то, что наиболее показательно характеризует японскую модель как ориентир для других.

Если говорить о Японии последнего десятилетия, то стоит заметить, что эта лишенная природных ресурсов и в некотором смысле одна из наиболее бедных стран мира по-прежнему процветает. Доход на душу населения в 1997 г. равнялся 30 тыс. долларов. Столь огромная цифра может показаться невероятной, но она точно отражает тот уровень жизни, который характерен для современных японцев. Произведенные в Японии товары хорошо известны и желанны во всем мире. Особенно это касается автомобилей. Прочные, удобные и недорогие, они распространились повсюду, а подержанные из их числа, которые подчас уже почти ничего не стоят в самой Японии (где принято эксплуатировать машину не слишком долго, а затем менять ее на новую), заполо-

нили сегодня русский Дальний Восток и верно служат сотням тысяч их новых владельцев, весьма довольных удачным приобретением. Примерно то же самое касается современной электроники, да и многих других товаров. Япония время от времени подвергается сильным землетрясениям или извержениям вулканов. Однако стоит заметить, что высокие городские дома, построенные с большим запасом прочности в расчете именно на это, обычно выдерживают даже весьма сильную встряску. Устойчива и система японских финансов и банков. Кризис в Юго-Восточной Азии конца 90-х годов задел и Японию, однако ее мощная экономика и финансово-банковская система справились с ним довольно легко и быстро.

Страны, следующие по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Сингапур)

Перечисленная группа стран, включая и такие территории, как Тайвань, которые формально не имеют самостоятельного политического статуса или имеют не вполне ясный с точки зрения международного права статус, но фактически являют собой вполне самостоятельно существующие политические образования, — это как раз те страны конфуцианской цивилизационной традиции, которые демонстрируют ныне, наряду с Японией, потенциалы дальневосточной цивилизации. Что они представляют собой сегодня?

Две наиболее крупные из них, **Южная Корея** (46 млн. жителей) и **Тайвань** (22 млн.), принадлежали на протяжении ряда десятилетий, вплоть до конца 80-х годов, к числу политически весьма жестких, авторитарных структур. В Южной Корее после войны и вплоть до 1961 г. президентом был выходец из США Ли Сын Ман. В годы его правления большую роль в стране играли американцы, немало сделавшие как для отражения агрессии со стороны Северной Кореи в начале 50-х годов, так и для внедрения в эту страну основ либеральной демократии, вначале преимущественно в сфере экономики. После Ли Сын Мана модернизацию страны опять-таки в условиях жесткой авторитарной власти осуществляли его преемники, в основном генералы — Пак Чон Хи (1961—1979), Чон Ду Хван и (с 1987 г.) Ро Дэ У, сменявшие друг друга у руля правления.

Особую ненависть сторонников все укреплявшейся в стране демократии вызывали последние двое, совершавшие военный переворот и твердой рукой подавлявшие выступления требовавшей политических свобод оппозиции, прежде всего студентов, многие из которых были уничтожены. Лишь с рубежа 80—90-х годов в Южной Корее стали постепенно утверждаться нормы парламентарной демократии, прав и свобод человека. Утверждение этих норм сопровождалось демонстративным покаянием вчерашних диктаторов и тюремным заключением

их за насилие по отношению к протестовавшим. В стране сложилась и окрепла многопартийная система, а на выборах в 1995 г. президентом стал Ким Ен Сам. Следующий демократически избранный президент страны — Ким Те Чжун, тот самый, что выступил с инициативой встречи с северо-корейским правителем Ким Чен Иром летом 2000 г.

На Тайване, где ситуация развивалась примерно таким же образом (имеется в виду ориентация на американскую помощь в реформировании экономики при жестком авторитаризме в политике), страной управляли вначале мигрировавший в 1949 г. с континента с остатками своей армии и аппарата власти Чан Кай-ши, твердой рукой проводивший свою политическую линию, а затем — с 1978 г. — его сын Цзян Цзин-го, начавший постепенный переход в стране к демократическим реформам. После смерти Цзян Цзин-го президентом стал всенародно избранный новый руководитель правящей гоминьдановской партии Ли Дэнь-хуэй, а в 2000 г. на выборах в условиях политического плюрализма верх взял глава партии сторонников независимости Тайваня Чэнь Шунь-бянь, что необычайно насторожило власти КНР, выступившие с официальным предостережением.

Снова стоит обратить внимание на характерный именно для стран дальневосточно-конфуцианской традиции процесс перехода от авторитарного правления к демократическому. Авторитаризм в этих странах не имел ничего общего с коммунистическим тоталитаризмом, который был присущ маоцзедуновскому Китаю, коммунистическому Вьетнаму или Корее Ким Ир Сена. Но он тем не менее был, причем был весьма жестким. Похоже на то, что для стран этого региона с их классической традицией — начиная с Японии столетней давности — переход к западнокапиталистическим стандартам в экономике, политике и других важных сферах жизни неизбежно должен был пройти через этап авторитарного правления. Такое случалось и в иных регионах Востока, но там многое происходило иначе и жесткой необходимости в этапе авторитарного правления, фиксируемой в дальневосточном регионе, не было.

В обеих странах государство, опиравшееся вначале на однопартийную систему с ограниченными прерогативами парламента и с президентским правлением, не менее энергично и активно, чем государство в Японии, поддерживало частное предпринимательство и иные соответствующие еврокапиталистическому стандарту условия развития экономики, опирающейся на свободный рынок с конкурентной борьбой.

Этот отчетливо фиксированный курс в сфере экономической политики сыграл свою роль и способствовал развитию капитализма, и приобщению к нормам капиталистической экономики основной массы населения как в городе, так и в деревне. По мере развития и убыстрения темпов капиталистического развития в обеих странах осваивались, как и в Японии, передовые наукоемкие отрасли современного производства, что способствовало включению творческого потенциала населе-

ния, уровень образованности которого год от года рос. Традиционная культура труда, проявленная и в учении, и в работе на предприятиях, приносила, как и в Японии, свои плоды. И хотя не все фирмы на Тайване или в Южной Корее формировались по японскому патерналистскому стандарту, значительная часть их была именно такой — сказала бы общая для рассматриваемой группы стран конфуцианская традиция. Это обстоятельство способствовало стабилизации экономических успехов и наращиванию научно-технического потенциала.

Южная Корея с ее устойчивыми темпами роста в 7—8 % (иногда до 12 %) в год за последние три десятилетия стала одной из наиболее развитых стран, особенно в сфере передовых технологий. Уже в 1992 г. она вошла в пятерку главных мировых производителей телевизоров и компьютеров, а доход на душу населения ныне достиг здесь 14 тыс. долларов. На Тайване экономический рост шел примерно такими же темпами и тоже преимущественно в сфере новейших современных технологий. Неслыханное прежде богатство выпало на этот лишенный природных ресурсов и в недавнем прошлом практически нищий остров с его редким и экономически очень слабо развитым населением. Доход на душу населения в 1997 г. здесь превышал 13 тыс. долларов. Кроме того, в стране насчитывается около 85—90 млрд. долларов резерва. Кризис в Юго-Восточной Азии конца 90-х годов оказал очень заметное воздействие на экономику обеих стран. Временно снизились темпы роста, доход на душу населения, сократился объем производства и валютный резерв. Возросла безработица. Однако экономическая мощь Тайваня и Южной Кореи позволила им достаточно быстро справиться с последствиями кризиса и вновь выйти на докризисный уровень процветания.

Стоит обратить внимание на сходство и различия в судьбах стран, о которых идет речь. Что касается их становления в послевоенное время (в обоих случаях это были заново созданные политические образования), принципов политики и эволюции политической структуры и экономических процессов, то они в основных своих параметрах весьма сходны. Сходными были даже проблемы выживания. Для Тайваня доминантой все время была (и остается) угроза со стороны КНР, для Южной Кореи — вторжение со стороны Северной. Это обстоятельство, с одной стороны, способствовало внутреннему сплочению населения обеих стран, а с другой — служило дополнительным весомым основанием для сравнительно длительного существования здесь авторитарных режимов, опирающихся на военную силу (в Южной Корее) или однопартийную систему, ядром которой был созданный еще Сунь Ят-сеном и окрепший в борьбе с коммунистами Гоминьдан.

Однако наряду со сходством существуют и весьма заметные различия. Противостоящий Тайваню Китай несопоставим с Северной Кореей. Конечно, КНДР может угрожать своим южным соплеменникам ракетно-ядерным ударом, но практически до этого дело едва ли когда-нибудь дойдет, причем не только потому, что это было бы

самоубийством для сторонников чучхе. Гораздо больше оснований рассчитывать на эрозию их агонизирующего режима. В любом случае южно-корейские граждане не воспринимают угрозу с севера как самое страшное, а многие из студенческих выступлений во времена господства в Южной Корее генералов-диктаторов были связаны как раз со стремлением сблизиться с КНДР. Иное дело — Тайвань. Даже официально декларированный ядерный зонтик США не в состоянии вытравить опасения среди тайваньцев за свое существование. Правда, пока у власти на острове находились гоминьдановцы с их утверждениями, что континентальный Китай и остров Тайвань являют собой нечто единое, опасения могли быть не слишком заметными. Теперь, после избрания президентом главы партии, выступающей за независимость острова, ситуация меняется в этом смысле в худшую сторону. И неизвестно, как пойдут дела дальше.

Различия между двумя странами, о которых только что шла речь, во многом обусловили и политическую ситуацию в каждой из них. Если в Южной Корее оппонентами правящих авторитарных режимов были в основном студенты, склонные к форсированию процесса объединения Кореи, подчас даже ценой уступок тоталитаризму коммунистического режима чучхе, то на Тайване оппозиция имела прямо противоположный характер и выступала за независимость острова, о чем уже было сказано. Однако, завершая эту тему, стоит заметить, что в конечном счете оба оппозиционных движения в обеих странах сыграли свою позитивную роль, способствуя преобразованию авторитарных режимов в плюралистические демократические государства.

Признание роли оппозиции и введение многопартийной системы в свою очередь способствовали сближению структуры Тайваня и Южной Кореи с привычной капиталистической. Суть дела, помимо всего прочего, здесь сводится к тому, что на определенном витке развития по капиталистическому пути авторитарный режим, до того вынужденно необходимый в странах с неподготовленными к новому стандарту жизни массами местного населения, уступает свое место более демократическим формам правления в новых условиях. Примерно такой же путь продемонстрировало в свое время и японское государство.

Что касается **Сингапура**, то здесь несколько иная ситуация. Разница в том, что сравнительно недавно, в 1965 г., ставший независимым Сингапур с его 3-миллионным населением обязан своим процветанием выгодному стратегическому положению. Это торговый форпост на важных морских путях. Впрочем, геополитическое положение было лишь стартовой основой, не более того. Последующее развитие Сингапура во многом связано со все теми же цивилизационными особенностями этого населенного в основном китайцами района Азии. Здесь не было жестких авторитарных режимов, но не было и сжатых исторических сроков для важных внутренних преобразований. Сингапур с прошлого века был колонией Англии, которая здесь, как и в других

своих колониях, вела курс на сближение местных условий с еврокапиталистическим стандартом. Этот курс на протяжении более чем века не мог не дать определенных результатов, так что последние десятилетия развития, в том числе уже в условиях независимости (президент Сингапура с 1993 г. — Онг Тенг Ченг), были лишь заключительным аккордом: импульсы колониальной политики и цивилизационный потенциал местного населения совпали по вектору, что и обусловило результат.

Если попытаться сопоставить между собой все страны, о которых идет речь, то на первое место, пожалуй, выйдет Южная Корея — и по темпам развития, и по его результатам. Ныне южно-корейская экономика уже наступает на пятки японской, а крупнейшие ее фирмы занимают почетное место в ряду первых десятков богатейших корпораций мира. Считается, что по уровню и темпам развития корейская экономика отстает от японской лишь на десять — пятнадцать лет, причем разрыв этот имеет тенденцию к сокращению (речь не об отсталости промышленности, но лишь об общем стандарте экономики). Тайвань, в еще большей степени Сингапур несколько отстают, хотя каждая из этих стран стремится взять свое.

О Тайване уже немало было сказано. Что же касается Сингапура, расположенного на крошечном острове, то он усилиями своего трудолюбивого населения превращен если и не в рай, то во всяком случае в весьма ухоженное место для жизни. По-прежнему извлекая огромные доходы из своего выгодного расположения, остров вместе с тем формирует наращивание производства в тех отраслях экономики, которые наиболее соответствуют его положению, его возможностям. Доход на душу населения в 1996 г. был равен 25 тыс. долларов.

В целом же, несмотря на заметные различия, все три страны обычно ныне рассматриваются и оцениваются в рамках единого блока, что вполне справедливо, ибо все они развиваются по единой общей японской модели на сходной цивилизационной основе. Это не значит, однако, что иная цивилизационная основа обязательно меняет дело кардинальным образом. Здесь многое зависит от обстоятельств. При благоприятных обстоятельствах даже сравнительно слабый импульс со стороны конфуцианской цивилизации — имеются в виду хуацяо — может сыграть решающую роль в развитии по японской модели, как то продемонстрировали некоторые страны Юго-Восточной Азии.

Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины

Четыре государства Юго-Восточной Азии, о которых теперь пойдет речь, являют собой нечто вроде второго эшелона стран, активно развивающихся по капиталистическому пути — с ориентацией на японскую модель — и добивающихся при этом заметных результатов.

У всех этих стран немало общего: парламентский демократический многопартийный режим (при президентском либо конституционно-монархическом правлении), курс на развитие частнособственнического предпринимательства и свободного рынка, опора на поддержку со стороны развитых стран и открытость для внешних инвестиций. Но самым основным для всех них общим фактором, сыгравшим решающую роль в процессе развития, следует считать определенное место хуацяо в экономике.

Таиланд (ок. 61 млн. населения) — единственная из стран региона, не бывшая колонией, — после Второй мировой войны открыл свои рынки для иностранного капитала, особенно американского, что принесло свои результаты и способствовало ускоренному промышленному развитию. К этому уже в 50-х годах была добавлена американская экономическая и военная помощь, масштабы которой были весьма существенны хотя бы потому, что территория страны служила плацдармом для противостояния США странам Индокитая, избравшим марксистскую модель развития. Вплоть до 70-х годов внутривнутриполитическое положение страны было неустойчивым, что нашло свое отражение в sporadических военных переворотах. Государственный сектор в экономике был весьма значительным, а злоупотребления в этой сфере со стороны военно-бюрократических верхов оказывались столь велики, что время от времени вызывали грандиозные скандалы. Естественно, это не вело к быстрому и эффективному экономическому развитию. Ситуация заметно изменилась в конце 70-х годов, когда очередной государственный переворот привел к принятию новой конституции, восстановившей принципы конституционной монархии (заложенные еще в 1932 г.), в том числе многопартийную систему и парламентскую демократию. Попытки поколебать эту систему, предпринятые было военными в 1991 г., потерпели крах в 1992 г.

90-е годы были периодом мирного и энергичного развития страны. Многопартийная система и парламентарная демократия функционировали нормально. С 1997 г. исполнительную власть представляет премьер Ч. Ликпай. Экономика наращивает свою мощь весьма быстрыми темпами. Вообще последние годы характеризуются как уверенной поступью страны по пути промышленного развития, так и стремлением ее правительства наладить добрососедские отношения с окружающими ее странами, в первую очередь с Лаосом и Камбоджей. Как известно, остатки войск красных кхмеров пребывали в пограничных с Таиландом районах Камбоджи, так что от позиции этого государства зависит достаточно многое. Тенденция к урегулированию конфликта в Камбодже начала проявляться на рубеже 80 — 90-х годов, в частности, в том, что Таиланд продемонстрировал добрую волю и внес свой вклад в решение камбоджийской проблемы.

Для современного развития Таиланда характерно не только наращивание производства и экспорта сельскохозяйственной продукции

(риса и каучука), но также и энергичный акцент в сторону развития ряда новых отраслей промышленности, в том числе современных и наукоемких, таких, как электротехника, электроника, нефтехимия. Центр тяжести перенесен на частные инвестиции — здесь стоит напомнить о солидных позициях китайской общины, хуацяо, — а правительство взяло на себя обеспечение экономического развития необходимыми элементами инфраструктуры. Кроме того, Таиланд взял курс на создание отраслей производства, ориентированных на экспорт (готовое платье, драгоценности, текстиль, электроника). Все эти усилия содействуют росту темпов развития страны (в 1980 г. доход на душу населения удвоился по сравнению с 1960 г.; в 1997 г. он стал равен 3 тыс. долларов. ВВП в 1997 г. достиг 181 млрд. долларов).

Малайзия (ок. 17 млн. населения), т. е. Малайя и соединенные с ней в рамках единого государства территории Северного Калимантана, Саравак и Сабах*, являет собой конституционную монархию, хотя монарх здесь больше напоминает президента: из 13 штатов Малайзии 9 являются султанатами и именно из числа 9 наследственных монархов-султанов избирается сроком на пять лет правитель Малайзии. Двухпалатный парламент на многопартийной основе и назначенный монархом, но ответственный перед парламентом кабинет управляют страной. Нефть, олово и каучук — национальные богатства страны, в немалой степени обеспечивающие ее успехи в развитии: по темпам роста среди стран АСЕАН Малайзия вышла на второе место (после Сингапура).

В 80-х годах произошла приватизация заметной доли государственного сектора в экономике страны, что еще больше способствовало увеличению темпов роста. Как и в Таиланде, здесь еще в 70-х годах был взят курс на производство трудоемкой экспортной продукции. Системой льгот и поощрений правительство стимулирует частное предпринимательство в промышленности. Заботится оно и о создании необходимой инфраструктуры. Специально принятая в 70-е годы так называемая новая экономическая политика поставила своей целью усилить социальную защищенность основной, наиболее отсталой и бедной части населения страны — самих малайцев. Речь идет о предоставлении малайцам большей части рабочих мест в городах, где до того преобладали китайцы-хуацяо и индийцы. Дело в том, что мигрировавшие из деревни в город коренные жители Малайзии с трудом адаптировались к городской жизни. Следствием этого стали национально-социальная напряженность в городах и связанные с этим конфликты.

* Стоит заметить, что рядом с этими территориями расположен крошечный султанат **Бруней**, буквально залитый нефтью. Население этого государства процветает, а султан Брунея с его роскошными дворцами и огромными доходами считается одним из богатейших людей планеты.

Целью новой политики было посредством льгот, кредитов и специальной поддержки помочь малайцам адаптироваться, найти им рабочие места (не менее 50%) и даже довести долю малайского капитала в современных отраслях промышленности к 1990 г. до 30% (1970 — 2%). Независимо от того, сколь успешно реализовывался этот курс, направленность его была вполне определенной: Малайзия хочет и в экономическом отношении быть главным образом малайской, что осуществляется за счет некоторого уменьшения влияния в городской промышленной экономике китайцев-хуацяо, — стоит напомнить, что китайская община здесь многочисленна, едва ли не треть населения страны. При все том политика «малаизации» Малайзии проводится осторожно и взвешенно, дабы не породить встречное недовольство и обострение национальной розни. Пока ничего подобного не наблюдается. Напротив, важнейшие национальные партии — Всекитайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии — входят вместе с Объединенной малайской национальной партией в единый Национальный фронт (Союзная партия Малайзии), которому в 1988 г. принадлежало 148 мандатов из 177 в палате представителей (сенат из 58 членов частично представлен сенаторами из штатов, по два от каждого, частично лицами, назначенными по воле монарха).

За последние годы и особенно явственно в 90-х годах политика «малаизации» Малайзии принесла весьма ощутимые плоды. Премьер М. Махатхир, основной ее проводник, за два десятилетия добился резких перемен в положении малайской общины. Правда, он не форсировал превращение малайского языка в государственный. Напротив, пришел к выводу, что лучше оставить первым языком страны английский, ибо это способствовало быстрым темпам экономического развития. Махатхир не мешал китайцам оставаться лидерами в осуществлении основных финансовых и промышленных программ страны, но он добился того, что к современному уровню деловой и производственной активности подтянулось большое количество малайцев, для соответствующего обучения и стажировки которых им было потрачено немало целенаправленных усилий. Сегодняшняя Малайзия процветает. Она демонстрирует быстрые темпы экономического роста — 8 % в год. Освоены высокотехнологичные виды производства. Страна не только изготавливает первоклассную электронику, но запускает спутники и даже намерена построить собственный космодром. Заработная плата высока, что привлекает немалое количество эмигрантов, в том числе нелегальных, которые стремятся подзаработать. Их число достигает уже 10 % рабочей силы страны (примерно 300 тыс.). Принято также считать, что отказ Махатхира принять условия МВФ в момент кризиса конца 90-х годов спас Малайзию от тяжелых последствий этого кризиса и способствовал быстрому урегулированию экономики и финансов.

Индонезия с ее свыше чем 200 млн. населения после деколонизации и обретения независимости напряженно искала свой путь развития.

40 — 50-е годы здесь прошли под знаком острого соперничества между правыми и левыми силами, в качестве верховного арбитра по отношению к которым выступал президент Сукарно, сформулировавший в конце 50-х годов свою концепцию направляемой демократии, сводившейся к укреплению его личной власти. На рубеже 50 — 60-х годов президент опубликовал программу, получившую наименование Политического манифеста и включившую в себя ряд теоретических позиций — индонезийский социализм, направляемая экономика, самобытность страны и др. Последовавшие за тем реформы привели к разбуханию государственного сектора в экономике и злоупотреблениям управлявшей этим сектором бюрократии. Пожалуй, в рамках «направляемой демократии» по Сукарно едва ли не с наибольшей отчетливостью проявилась неэффективность государственной экономики, особенно в условиях политической нестабильности, обострившихся противоречий между национально-религиозными партиями и компартией. Провалы в экономике ощущались на каждом шагу. Инфляция за 6 — 7 лет к 1964 г. привела к росту цен на товары первой необходимости в 20 раз. Производственные мощности использовались едва наполовину. И в этой тяжелой внутренней обстановке был выдвинут политический лозунг противостояния Малайзии — Сукарно не хотел, чтобы части федерации, Саравак и Сабах, граничили на островах Индонезии с индонезийскими землями.

Однако антималайзийский лозунг, хотя он и сплотил националистические силы, не сыграл той роли, которую должен был сыграть (явно имелось в виду ослабить значимость экономических кризисных явлений в условиях роста патриотического накала страстей). Напротив, он внушил угрозу левым силам во главе с компартией, что и послужило одной из причин заговора этих сил с последующим их разгромом армией, которая и взяла после этого в 1965 г. власть в свои руки. Президентом страны в 1968 г. стал генерал Сухарто, а компартия была исключена из политической жизни страны, что привело к восстановлению политической устойчивости и к перемене курса в направлении развития. Рамки государственной экономики стали сокращаться в пользу частнопредпринимательской. Рынок страны широко открылся для иностранных инвесторов. Основой же развития и даже расцвета экономики Индонезии стала нефть (добыча в 1985 г. — 65 млн. т). Страна могла уже обеспечивать свои потребности в продовольствии.

Развитие промышленности и особенно современных ее отраслей шло в Индонезии, однако, много медленней, чем в Таиланде или Малайзии, которые активно, как о том говорилось, работают на экспорт. В Индонезии намного больше и внутренних проблем, связанных как с огромным населением страны, так и с исходно низким уровнем жизни подавляющего его большинства, индонезийской деревни, для развития которой серия аграрных реформ пока что предоставляла лишь потенциальные возможности. Словом, Индонезия по

развитию стоит заметно ниже Таиланда, Малайзии и даже Филиппин. Однако важно заметить, что взятый в 1965 г. курс развития за четверть века дал немалые позитивные результаты и привел страну к заметному развитию капитализма, а активность индонезийских хуацяо этому во многом способствовала. Новым условиям экономической жизни соответствуют и конституционные преобразования: страна объявлена унитарной республикой с президентским правлением. Существует многопартийная система (деятельность компартии запрещена). Страна играет активную роль в мировых делах, способствует урегулированию разногласий в регионе, в частности решению камбоджийской проблемы.

Все, как казалось, в Индонезии шло достаточно хорошо. Страна уже проявила свои способности в сфере современной экономики, сумела развить автомобильную промышленность, производить собственные спутники. Доход на душу населения был достаточно высок (1000 долларов), но одновременно процветала коррупция, прежде всего на высшем уровне власти, а также ощущалась заметная разница в уровне жизни между большинством местного мусульманского населения и сравнительно немногочисленной (всего 7 млн. из 200 с лишком), но очень богатой общиной китайцев-хуацяо. Тем не менее ничто вроде бы не предвещало неожиданных осложнений. Однако финансовый кризис 1997—1998 гг., о котором не раз уже упоминалось, начался именно в Индонезии.

Трудно сказать, что явилось главной его причиной. Скорей стоит говорить о комплексе причин, вызвавших и обвал цен, и недовольство проворовавшимся президентом с его ближайшим окружением, и усилением хуацяо, и иными существенными для малайско-мусульманского большинства страны причинами. Кризис развивался очень быстро и еще быстрее перерастал в массовые движения протеста различных слоев городского населения, которые выражали свое недовольство прежде всего в форме разграбления и поджога китайских лавок, предприятий и домов, а также убийства хуацяо. Был вынужден с позором уйти в отставку президент Сухарто, которого заместил вице-президент Б. Хабиби. Но недовольство долго не стихало, несмотря на активное вмешательство вооруженных сил.

Кризис сопровождался не только падением производства и ростом цен, но также и инфляцией, безработицей, ростом долгов. До полутора тысяч хуацяо в страхе бежало из страны, унеся с собой около 20 млрд. долларов. Хабиби был вынужден принять ряд решительных мер в сфере экономики и финансов, приступить к необходимым в этой ситуации реформам, в том числе политическим. Был объявлен переход страны к системе политического плюрализма, и сразу же возникло до сотни новых партий. Около 70 генералов, высших военачальников, было отправлено в отставку, но от опоры на армию Хабиби не отказался. На выборах в июне 1999 г. большинство в парламенте

(36 % голосов) получила оппозиционная Демократическая партия Индонезии во главе с Мегавати, дочерью первого президента страны Сукарно. Сторонники Хабиби заняли второе место. Сам Хабиби продолжает оставаться президентом страны и осторожно, не торопясь, проводит нужные Индонезии реформы.

Послевоенная ситуация на Филиппинах (ок. 70 млн. жителей) чем-то напоминает индонезийскую. Как и в Индонезии, на Филиппинском архипелаге большую роль играла компартия с весьма радикальной установкой на вооруженные методы решения проблем. Борьба с коммунистами привела в начале 50-х годов к успеху правительственных войск, а последовавшая за тем серия реформ закрепила этот успех. В эти же годы на передний план вышел курс на филиппинизацию экономики страны, что способствовало развитию по капиталистическому пути. Такое развитие было также активно поддержано США, которые вели дело к ликвидации остатков колониального феодализма времен испанского господства и содействовали преобразованиям в соответствующем духе. Хотя влияние США на ход дел было косвенным, от этого оно не было незначительным, ибо тесные связи с США здесь долго сохранялись. Словом, на Филиппинах все послевоенное время осуществлялся последовательный курс на развитие капитализма, причем существенную роль в его реализации играла община китайцев-хуацяо. В деревне усилиями правительства и зарубежных инвесторов создавалась необходимая для реализации принципов «зеленой революции» инфраструктура (дорожная сеть, ирригация, система снабженческих, сбытовых пунктов и т. п.). Велась работа по созданию перерабатывающей сельскохозяйственные продукты местной промышленности, по организации экспорта. И хотя эта программа пока еще не дала значительных результатов и даже вызвала побочные негативные явления (рост нищеты вытесненных из деревни маргинальных слоев населения), она тем не менее имеет будущее, которое выражается в постоянном увеличении сельскохозяйственного экспорта и доходов от него, в развитии первоклассного плантационного хозяйства.

Филиппины не имеют нефти и вынуждены ее импортировать. Акцент в капиталистическом развитии страны делается на трудоемкие отрасли хозяйства, прежде всего сельского. Однако с конца 70-х годов был взят курс на создание современной промышленности, причем практически целиком за счет усилий частного капитала, включая и иностранный. Правда, заметных успехов долго не удавалось достичь. Лишь с конца 80-х и особенно в 90-х годах в стране стала развиваться электроника, атомная энергетика, горно-добывающая промышленность. Ежегодные темпы роста — свыше 5 %. Однако доход на душу населения пока еще крайне низок — менее 200 долларов.

Политический баланс в целом соответствует уровню развития и состоянию экономики в стране. При президенте Ф. Маркосе этот баланс сохранялся с помощью силы, в том числе и поддержки военных.

После поражения и изгнания Маркоса в 1986 г., когда на выборах была избрана президентом К. Акино, сохранять баланс сил стало сложнее, ибо курс на демократизацию начал вызывать сопротивление не только справа, со стороны военных и прежних сторонников Маркоса, но и слева, со стороны компартии маоистской ориентации, ведущей в стране вооруженную борьбу. Несколько мятежных выступлений против правительства Акино на рубеже 80 — 90-х годов — свидетельство неустойчивости баланса сил в стране. Стоит в этой связи напомнить о национально-религиозных проблемах: действующая на юге группировка мусульманских националистов-моро активно продолжает борьбу за автономию южных провинций. И все же при всех сложностях экономического развития и политической ситуации Филиппины не только выбираются из кризисного состояния, но и делают заметные успехи в развитии по капиталистическому пути.

После президентства Ф. Рамоса (1992—1998), сумевшего достичь мирного урегулирования проблемы филиппинских моро, новым главой государства был избран Д. Эстрада, который энергично приступил к реформам в экономической (аграрная реформа; формирование развития электроники и т. п.) и социальной (строительство жилищ, финансирование системы образования) сферах. Эстрада оказался близок к семейству Маркосов. Он амнистировал покойного президента Ф. Маркоса и разрешить захоронить его прах на Филиппинах. Затем он распорядился выпустить из тюрьмы мадам И. Маркос, «за недостатком улик», как было официально заявлено. Миллиарды, награбленные в свое время этим семейством, остались в распоряжении амнистированной вдовы президента Маркоса (их велено было перестать искать), что заметно укрепило политические позиции ее и ее сына, ныне губернатора одной из провинций страны. Возможно, этот акт следует считать важным шагом в сторону национального примирения. Страна в принципе в этом сейчас очень нуждается, ибо находится на подъеме. Некоторые видят сегодня в Филиппинах еще одного пробуждающегося «азиатского тигра», хотя пока всерьез говорить об этом еще рано. К сожалению, Эстрада, видимо, не оправдывает возлагавшихся на него надежд. В конце 2000 г. по всей стране развернулись мощные демонстрации против него, а нижняя палата парламента приняла даже решение об импичменте президента, объявив его в коррупции.

Стоит также упомянуть о незаживающей ране на юге страны. Речь о мусульманах-моро (исп. «мавры»), ведущих партизанскую борьбу с правительством в джунглях страны. Захват заложников (чаще всего туристов) не только наносит болезненные удары по властям, но и создает для них международные осложнения.

Сравнивая все четыре государства, можно заметить разницу между ними и даже вытянуть их в некую линию на шкале развития. Легко заметить, что всем им, особенно Индонезии и Филиппинам, весьма далеко до развитой японской модели и даже до тех стран дальнево-

сточной конфуцианской культуры, которые вплотную подошли к реализации такой модели. Видимо, здесь сыграли свою роль многие причины и не в последнюю очередь исходный уровень развития и цивилизационный фактор. Совершенно очевидно, что рассматриваемым четырем странам, особенно последним двум из них, предстоит еще большой путь и что большинство населения в этих странах долго еще не достигнет приемлемого стандарта жизни. Но одно несомненно: с избранного пути эти страны уже не сойдут. Более того, альтернативные пути развития, представляемые экстремистскими группировками, явно в этих странах не имеют будущего, тогда как развитие по еврокапиталистическому пути набирает темпы. В заключение стоит еще раз напомнить о той роли, которую сыграли при этом хуацяо.

Глава 11

Восток после деколонизации: наследие колониализма

В предшествующих главах в общих чертах был продемонстрирован процесс развития стран Востока после деколонизации. Обратимся теперь к осмыслению изложенного материала. Задача состоит в том, чтобы попытаться понять и объяснить закономерности и особенности исторического пути различных стран и регионов Востока в целом в период современной его истории, так или иначе отмеченной знаком колониализма.

Историческая роль колониализма

Колониализм не пользуется доброй репутацией. Более того, в самих странах Востока, равно как и во многом поддерживавшей их в этом марксистской историографии, до сравнительно недавнего времени было принято едва ли неоднозначно считать, что колониализм — это зло. Еще недавно всерьез разрабатывались концепции, исходившие из того, что если бы не колониальное вмешательство держав, принесшее столько несчастий народам Востока, они бы достигли на сегодня много большего. Сейчас от столь прямолинейных позиций специалисты в основном отходят. Но предубеждение к капиталистической колонизации остается. И, надо сказать, далеко не безосновательное.

Прежде всего колониализм, особенно ранний, был отмечен не только жестокостями, начиная с работорговли, но и беззастенчивой

ставкой на разграбление природных богатств Востока и эксплуатацию дешевого труда его населения. И далеко не случайно именно там, где это проявлялось дольше всего и к тому же в весьма неблагоприятной форме, уже на рубеже XX века сложилось нечто вроде комплекса вины колонизаторов (воззвание Девентера «Долг чести» в голландской Индии). Черным пятном на совести европейцев навсегда останется африканская работорговля. Да и рассуждения англичан на тему о том, сколь тяжело «бремя белого человека», взятое ими на себя в Индии, — тоже в конечном счете лишь попытка сделать хорошую мину при плохой игре: каждому из английских колонизаторов было хорошо известно, что никто никогда не просил их брать на себя столь тяжелое для них «бремя». Словом, колониализм приукрашивать не приходится.

Другое дело — проблема исторической роли колониализма. Об этом стоит сказать особо. Дело в том, что современные арабы или индийцы, не говоря уже об африканцах, имеют немалый счет именно к колониализму, с ненавистью говорят о его наследии, гневно обличают проявление неоколониалистских тенденций и в то же время, как правило, весьма спокойно относятся к зверствам Чингис-хана или Тамерлана, к бесчеловечности африканских вождей, продававших за ружья и спирт в рабство своих пленников и даже соплеменников. Почему так? Дело объясняется достаточно просто. На войне как на войне: одни завоевывают, другие от этого терпят урон. Все понятно и само собой разумеется, как понятно и то, что правители распоряжаются жизнью своих подданных. Иное дело — чужие, европейцы, появляющиеся на Востоке со своими непонятными для его жителей нормами, иными принципами и целями. Это не просто враг, а бедствие, грозящее разрушить все, чем люди живы, на чем стоят. И неудивительно, что традиционная структура Востока всегда сопротивлялась колониализму, мобилизуя для этого все свои силы. Отсюда и неиссякаемая ненависть не только к нему, но и вообще ко всему западному, не просто дожившая до наших дней, но и время от времени набирающая силу и проявляющаяся в мощных взрывах наподобие иранского и афганского.

Иными словами, принципиальное, структурное несоответствие и, как следствие этого, энергичное неприятие западного стандарта на протяжении веков формировали определенный стереотип отношений Востока к колониализму, колониальному капиталу. Суть такого стереотипа сводилась к сопротивлению, отторжению чужого. А поскольку противостояние своего чужому является одним из древнейших модусов поведения человека, восходящим не только к первобытности, но и к досапиентным формам его стадного существования, то неудивительно, что стереотип оказался устойчивым и сильным, дожил до наших дней и во многом задает тон и сегодня.

Академический анализ не может пройти мимо подобного явления. Но исследователь не должен идти на поводу у него и, руководствуясь какой-либо политической, идеологической или публицистической злободневностью, искажать истину. Истина же состоит в том, что колониализм отнюдь не может быть однозначно охарактеризован лишь как зло. И дело не только в том, чтобы сбалансировать саму формулу: колониальный капитал жестокими методами эксплуатировал Восток, грабил его ресурсы, но, взламывая традиционную структуру, способствовал тем самым развитию колоний. Речь не только о взвешенности оценки, хотя это само по себе уже достаточно важно, ибо позволяет избежать односторонности и прямолинейности и восстановить реальное положение дел, что важно для любого непредвзятого исследования. Перед нами всемирно-исторического значения феномен, который нуждается в объективном анализе прежде всего потому, что без этого многое останется непонятным и необъясненным и по-прежнему будет оспариваться и решаться сквозь призму идейно-политических лозунгов, обычно отнюдь не содействующих постижению истины.

Оставляя в стороне значение колониализма для самой Европы, для развития в ней капитализма (имеется в виду первоначальное накопление; стоит, однако, оговориться, что роль ресурсов колониального Востока в отечественной марксистской историографии обычно преувеличивалась), обратим преимущественное внимание на то, что колониализм и затем колониальный капитал во всех его модификациях сыграли решающую роль внешнего фактора, мощного импульса извне, не просто пробудившего традиционную структуру Востока, но и придавшего ей новый ритм поступательного развития. Без такого импульса традиционная структура по-прежнему развивалась бы в привычном ей русле при скромной роли контролируемого рынка и ограниченной в правах и возможностях частной собственности. И это касается абсолютно всего Востока, включая и Японию. Вот почему важность внешнего импульса можно сопоставить по значимости с ролью оплодотворения живого организма: это было условие *sine qua non* для последующего развития, для рождения нового качества.

Отталкиваясь от сказанного, мы вправе теперь обратиться к проблеме воздействия колониального капитала на ту или иную страну Востока, к вопросу о значимости, силе, времени, интенсивности его влияния. Вопрос можно поставить примерно так: имело ли значение — и если да, то какое именно, — то обстоятельство, что та либо иная страна была колонией длительное время или недолго? Важно ли то, что она представляла собой в момент колонизации — развитое общество или полупервобытное? Имеет ли значение, что одни страны были

колониями, другие находились в положении зависимых, (как Турция, Иран, Китай), третьи ощущали едва заметную степень зависимости (Сиам), а четвертые, как Япония, практически вовсе не были зависимыми и, более того, сами достаточно быстро стали колониальными державами?

Конечно, разница есть, причем весьма существенная. Но в чем именно? Вектор колониального импульса был общим для всех — к капитализму европейского типа. Именно поэтому независимые страны Востока, будь то Япония или Сиам, уверенно взяли старт в этом направлении и, каждая в меру своих сил и содействовавших этому благоприятных обстоятельств, приступили к энергичной трансформации собственной структуры. Там, где зависимость от иностранных держав и колониального капитала была ощутимой, целенаправленной трансформации в этом же направлении содействовали, причем весьма активно, сами европейцы, что можно видеть на примере Турции, Ирана, Китая (до середины XX в.) и в меньшей степени таких более отсталых стран, как Афганистан.

Теперь о собственно колониях. Конечно, мощь внешнего влияния здесь была сильнее, чем где бы то ни было. В Южной и Юго-Восточной Азии длительное воздействие колониализма постепенно преодолеvalo инерцию традиции и трансформировало структуру на капиталистический лад. Это заметно и для Африки, где именно целенаправленная и несущая с собой цивилизационное начало политика колониальной администрации была той силой, которая пусть медленно, но неустанно и успешно прокладывала дорогу к еврокапиталистическому стандарту. И исходный уровень развития, и длительность периода колониализма, и религиозно-цивилизационный фундамент при этом играли свою немаловажную роль, что несомненно сказывалось на результатах и темпах развития. Но при всем том развитие в целом шло в четко определенном направлении — к капитализму. И в этом смысле разница в статусе — колония, зависимая страна, едва зависимая или вовсе не зависимая — была несущественной. Гораздо более важными в этом смысле факторами были такие, как исходный уровень развития, цивилизационная принадлежность и благоприятные обстоятельства, о чем уже шла речь в третьей части работы.

Говоря о воздействии колониализма на Восток в целом, нельзя не рассматривать его в комплексе, с учетом всех протекавших и протекающих на современном Востоке процессов. Речь идет о формировании в странах колониального и зависимого Востока нового государства и нового общества, соответствующих трансформирующейся структуре и призванных способствовать дальнейшей ее трансформации. Именно в этом историческая роль колониализма проявилась наиболее отчетливо.

Как известно, результатом деколонизации стало появление на политической карте мира свыше полусотни новых самостоятельных государств и обретение подлинной политической независимости еще несколькими десятками их. Внешним знаком и символом суверенитета этих стран стало их членство в ООН. Заслуживает внимания то обстоятельство, что государства деколонизованного Востока обычно обретали суверенитет в пределах веками складывавшихся границ, хотя в ряде случаев (Индия, некоторые арабские страны, Индонезия) эти границы перекраивались или создавались заново в зависимости от национальных, религиозных и иных причин. Большую роль играли при этом и границы колоний — в Африке именно они определяли очертания вновь возникавших государств. В странах зависимых и тем более слабо зависимых, независимых государства вообще не возникали заново. Однако и они, как правило, изменяли свой характер, и в частности форму правления. Среди этих форм в XX в. на Востоке стали преобладать республиканские, до того там вовсе неизвестные. Что же касается тех политических лидеров, которые оказывались во главе новых государств, особенно республик, то среди них практически абсолютно преобладали те, кто был воспитан в русле европейской политической культуры и чаще всего получил образование в какой-либо из стран Европы либо в учебном заведении европейского типа. И это тоже был закономерный результат вполне определенной и целенаправленной политики.

Если вести речь о колониях, проводниками такой политики были колониальные державы в лице их администрации в этих колониях. Англичане, французы, голландцы, португальцы, испанцы, бельгийцы, не только не препятствовали, но всячески содействовали процессу формирования в своих колониях влиятельного слоя европейски образованных и соответствующим образом подготовленных людей, преимущественно из числа выходцев из местных правящих кругов, высших слоев. Именно из их числа колониальная администрация подбирала себе надежных помощников, проводников ее политики. Что касается стран зависимых, то там тоже складывалась влиятельная элита ориентированных на европейские ценности людей, в основном из числа высокопоставленных слоев общества. Там тоже создавались учебные заведения европейского типа, готовившие кадры будущих управителей, технической и иной интеллигенции.

Эта большая подготовительная работа, ведшаяся на протяжении многих десятилетий, а кое-где и века-полутора, не могла не дать результатов. К моменту деколонизации проблема кадров, способных возглавить новые самостоятельные государства и повести их по европейскому пути, в основном уже не стояла. Возникал лишь вопрос о выработке политики, об организации управления, характере власти,

формах социально-политического устройства, наконец, о выборе пути развития. Все эти вопросы были новыми для традиционного Востока, прежде не имевшего никаких представлений о подобных проблемах. Выход их на передний план — это и есть в определенном смысле наследие колониализма, т. е. то новое, что проявило себя под его воздействием и способствовало преодолению консервативной традиции.

Важным моментом, вначале характерным едва ли не для всех государств Востока после деколонизации либо обретения политической независимости, стало ограничение характерного для традиционной структуры всеислия власти, типичной для недавнего прошлого абсолютной безнаказанности, произвола администрации на местах. Конечно, не следует преувеличивать. Многое осталось от прошлого, а со временем кое-где и окрепло, освоило новые формы существования, адаптировалось к переменам. Речь идет о коррупции и nepотизме, бюрократизме и волоките, семейно-клановых и патронажно-клиентных связях, опоре на земляков-соплеменников в ущерб всем остальным, да и о многом другом, аналогичном уже сказанному. Тем не менее степень всеислия власти и произвола на местах была все же иной, не той, что прежде, — даже в тех нередких случаях, когда молодые республики с их демократическими институтами и процедурами замещались военными диктатурами.

Важным элементом политической культуры, чаще всего сознательно насаждавшимся колонизаторами либо естественно воспринимавшимся от Европы странами, зависевшими от колониализма, стала практика многопартийной борьбы, политического плюрализма. На традиционном Востоке нечто в этом роде всегда существовало, но там это проявляло себя в форме скрытных закулисных либо дворцовых интриг и переворотов и разве что изредка принимало облик скольнибудь организованной оппозиции, как то было во времена династии Мин в Китае или в Корее. В эпоху колониализма, особенно в последний ее период, все изменилось: государства Востока не только познакомились с идеей многопартийности и открытой политической борьбы, включая парламентские выборы, свободную прессу и гласность, да и многие прочие демократические свободы, но и по меньшей мере с XX в., а кое-где и раньше научились активно всем этим пользоваться. Это не значит, что все эти институты, права, свободы и принципы европейской политической культуры заработали на Востоке в полную силу: ведь традиция здесь еще достаточно сильна, включая и традицию сильной центральной власти. Но даже в тех нередких случаях, когда в той либо иной из современных стран Востока демократический режим на долгое время вытеснялся привычным строем однопартийной власти или вовсе беспартийной военной диктатуры, ситуация оказывалась вовсе не безнадежной: трансформированные восточные общества, уже знакомые с идеей многопартийности и плюрализма в принципе, явно дорожили ею, видя именно в этом надежный противовес всеислию

диктата сверху. Наиболее тонко ощущала эту разницу молодежь, легче всего адаптирующаяся к изменившимся условиям жизни (имеется в виду изменение в сторону свободы) и активнее всего выражающая свой протест, как то проявило себя в сравнительно недавнее время, на рубеже 80 — 90-х годов и в Африке, и в Азии.

Сыграла свою роль на современном Востоке и заимствованная из Европы не без помощи колонизаторов практика независимого от властей судопроизводства. Пусть она заимствовалась разными способами (в Индии ее внедрили англичане, в Турцию она пришла в ходе радикальных реформ Ататюрка и т. п.), важен сам принцип: европейский тип судопроизводства проник во многие страны Востока, и это сыграло там немалую роль, хотя во многих случаях, особенно в исламских странах, параллельно продолжал существовать и традиционный суд. Вместе с независимостью суда проникла и в большинстве случаев заняла весомые позиции европейская по происхождению идея разделения властей, необходимая в практике республиканского правления, парламентской демократии. Не чужды многим странам современного Востока и заимствованные из Европы идея индивидуальных свобод, принцип гражданского общества, феномен правового государства — то, чего прежде нигде и никогда на Востоке не было, да и быть не могло. Все это, независимо от механизма приобретения (в колониях насаждалось; в зависимых странах воспринималось в ходе реформ; реформы были характерными и для политически независимых государств, например для той же Японии, хотя здесь свою роль сыграла американская военная оккупация после Второй мировой войны), можно считать на Востоке наследием колониализма, т. е. результатом целенаправленной активной политики, вектором которой было заимствование еврокапиталистического стандарта.

Наследие колониализма и Восток

Нетрудно заметить, что основные элементы европейской (колониальной) администрации и цивилизации и всей политической культуры Востока не только противостоят друг другу, но и практически несовместимы. С одной стороны, ставка на материальный успех индивида, собственника, гражданина, обладающего правовой защитой закона, огражденного веками выковывавшейся и направленной против произвола власти броней демократических процедур, свобод, гласности, разделения властей. С другой — привычные нормы всевластия власти и бесправия подданного, произвола власть имущих и безгласности отдельного человека, включенного для выживания в состав различного рода социальных корпораций, внутренне тоже организованных по принципу безоговорочного подчинения младших старшим. Соединить одно с другим означало бы попытку соединить несоединимое. Стало

быть, речь должна была идти не столько о синтезе старого и нового, своего и чужого, сколько о вытеснении и замещении одного другим.

Но так бывает только в теории. Социальная практика сложнее, и она в конечном счете сводится именно к соединению, пусть даже к насильственному и неорганичному, сближению одного с другим, по меньшей мере вначале, на первых порах. Впрочем, последующее скрепление либо органичное соединение элементов, равно как и вытеснение одних другими, зависело уже от многих обстоятельств, которые были в разных странах Востока весьма различными и в свою очередь обуславливались множеством факторов.

Индия, например, с ее древней многовековой традицией религиозного плюрализма и ненасильственных действий, с огромной ролью в ее жизни общины и касты при сравнительно ограниченных функциях государства оказалась достаточно благоприятным полигоном для насаждения там элементов британской политической практики и культуры, включая вестминстерскую парламентскую традицию. Принимая во внимание длительность правления англичан в Индии и целенаправленность политики британской колониальной администрации, не приходится удивляться тому, что английская парламентарно-демократическая модель в Индии была воспринята, а затем и закреплена, внедрена в жизнь достаточно основательно. Впрочем, это далеко не значит, что весь механизм демократической культуры работает в Индии так, как в самой Англии. Достаточно обратить внимание на поведение электората, склонного поддерживать имя и личность кандидата, но не его программу, чтобы зафиксировать существенную разницу между этими странами. Разница станет еще более очевидной, если принять во внимание принцип организации в Индии политических партий, фракций и группировок, многие из которых организованы по традиционному принципу вчерашних социальных корпораций с их подчинением и преданностью тесно и навсегда связанных друг с другом людей возглавляющим их лидерам. Впрочем, это характерно не только для сравнительно еще отсталой Индии, но и для переловой Японии.

Если это заметно в Японии и Индии, то что же говорить об Африке?! Здесь спаянность и взаимозависимость электората восходят не только к социальным корпорациям, но и прямо к племенным первобытным связям. Тем не менее именно в Африке наиболее активно насаждаются европейские стандарты администрации и партийно-демократической практики, причем за неимением весомой альтернативы (если не считать за альтернативу первобытно-племенные нормы и неконтролируемый произвол власти) эти стандарты постепенно укрепляются, вживаются в ткань традиционной структуры. Новые поколения все органичнее адаптируются к ним. Правда, далеко не все так гладко. Время от времени происходят перевороты, с удивительной легкостью возвращающие структуру к исходному уровню и порой отмечаемые кровавыми тенденциями упивающихся властью вождей и царьков. Но что характерно: слишком долго всевластный диктатор или взбравшийся

на трон тиран не удерживается. Политическая почва в Африке зыбка, традиций институционализированной и тем более устойчивой власти и сильного централизованного правительства, столь типичных для Азии, здесь нет. И это способствует восстановлению демократической нормы, привнесенной колонизаторами. Правда, местные особенности оказали свое воздействие на эту норму: несмотря на племенной плюрализм и даже во многом благодаря именно ему многие из молодых африканских государств отошли от практики опирающейся на привычные нормы трибализма многопартийной борьбы, распыляющей и без того слабые силы политических верхов, и предпочли ей однопартийные режимы на весьма широкой основе (организации типа народного фронта и т. п.) с пропорциональным представительством.

Между Индией, почти идеально вписавшейся в парламентскую демократию по-английски, и Африкой с ее происходившей на ходу переработкой колониального наследия в политическо-правовой сфере находятся остальные страны Востока, будь то исламские или буддийские. Где-то парламентские республики приживаются лучше, где-то хуже. В одних странах часты военные перевороты, другие почти свободны от них. Однако везде европейский стандарт корректируется восточной традицией. Собственно, именно этого и следовало ожидать. Вопрос лишь в том, к чему в конечном счете сводится корректировка.

Казалось бы, учитывая все рассмотренное выше, следовало ожидать, что наследие колониализма или влияние еврокапиталистических стандартов так или иначе должны были потеснить, если даже не подорвать традиционные позиции восточного государства, издревле бывшего не просто всемогущим, но всемогущим. Государство, оказавшись под контролем со стороны общества, народа, вооруженного системой тщательно разработанных Западом и активно внедренных в странах Востока избирательных процедур, демократических институтов, прав и гарантий, должно было не просто утратить свое былое могущество и всевластие, но уйти на задний план, очистив место для общества, осознавшего свои возможности, ставшего символом и знаменем народа, общества европейского типа. Можно было ожидать, что именно к этому должно было все свестись, пусть даже не сразу и не по всем пунктам, но все же в этом направлении, даже невзирая на сопротивление традиции. Однако на практике произошло нечто иное. Государства на современном Востоке после его деколонизации и обретения политической независимости отнюдь не стали такими, какие столь типичны для капиталистической Европы. Они оказались едва ли не столь же всемогущими, что и прежде, во всяком случае на раннем этапе постколониальной истории Востока, т. е. именно тогда, когда, казалось бы, должны были активно начать работать те институты, которые отражали интересы пробудившегося народа и соответственно ослабляли позиции всемогущего традиционного государства. Более того, в ряде случаев новые государства обрели даже дополнительную мощь. Почему же это произошло?

Дело в том, что на Востоке было иное государство, чем в Европе. Об этом немало уже сказано выше. На этом строится вся концепция данной работы. И если принять во внимание то обстоятельство, что на Востоке государство никогда не было выразителем интересов общества, а напротив, выражаясь марксистскими терминами, всегда было субъектом производственных отношений (т. е. не надстройкой, а элементом базиса) и что соответственно выглядела вся традиционная структура, принципиально в этом плане отличавшаяся от европейской, то не приходится удивляться тому, что заимствование важнейших по своей значимости политическо-правовых стандартов европейского типа, сыгравшее огромную роль в процессе трансформации традиционного Востока, не привело к превращению восточного государства в европейское. Не привело потому, что процессы, происходившие в экономике трансформировавшегося Востока, не только существенно отставали от трансформации в сфере политики либо права (это особенно заметно на примере Тропической Африки, где молодые государства от первобытности делали скачок в сторону парламентской демократии), но и, эволюционируя, требовали, как это ни парадоксально, все большего внимания со стороны государства, все большего участия его в системе трансформирующихся политических, экономических и социальных отношений. Как о том уже шла речь, государства постколониального Востока не только продолжали быть субъектами всех этих отношений, но и как бы наращивали это свое обычное для Востока качество. Чтобы более обстоятельно разобраться в причинах и обстоятельствах, сопровождавших процесс вовлечения молодых государств постколониального Востока в хозяйственные проблемы, рассмотрим этот вопрос специально.

Проблемы, о которых идет речь, принадлежат к числу едва ли не самых важных для выявления сути феномена современного Востока. На эту тему написано много специальных исследований, высказано огромное количество различных точек зрения. Даже короткий обзор их, если бы была поставлена такая задача, не вместился бы в рамки главы. Поэтому, не вникая чересчур глубоко в споры, попытаемся разобраться в том, что является наиболее очевидным. Конечно, следует сразу же оговориться, что очевидное для одних может не быть очевидным для других, тем более для всех. Поэтому обратим внимание на то, что представляется наиболее существенным для выявления как генеральных закономерностей, так и специфических особенностей развития современного Востока в целом — при всех характерных для различных его стран и регионов отличиях.

Изложение теоретических позиций, без которых в анализе не обойтись, потребует апелляции к тем материалам и выводам, которые были уже изложены и сформулированы. Но эти повторы необходимы для раскрытия проблемы.

Традиционное хозяйство и колониальный капитал: проблемы взаимодействия

Для начала стоит вспомнить о том, что в Европе капитализм возник на основе свободного рыночного хозяйства с развитой частной собственностью и конкуренцией. Эта основа, защищенная институтами гражданского общества и правового государства, восходит к античности. Оказавшись в состоянии упадка в период раннего германского феодализма, генетически чуждого античному миру, она затем стала возрождаться, прежде всего в форме городских республик и городов феодального средневековья, и в эпоху Ренессанса и Великих географических открытий достигла необходимого уровня для того, чтобы сделаться фундаментом европейского капитализма. Как известно, в сфере идеологии и социопсихологии этому помогла Реформация, т. е. прежде всего протестантизм с характерной для него этикой взаимоотношений между человеком и Богом, равно как и между людьми.

Учитывая все это и принимая во внимание тезис о единстве всемирно-исторического процесса, многие марксисты вплоть до недавнего времени исходили из того, что и на Востоке, особенно после начала эпохи колониализма, процессы и механизмы должны были быть аналогичными. Но так ли это?

Структурообразующим элементом традиционного Востока является институт власти-собственности с централизованной редистрибуцией при вторичной, зависимой роли рынка и товарно-денежных отношений. Практически это означает, что внеэкономические отношения зависимости населения от государства в структуре задают тон. Вторичные и зависимые рыночные связи — при всей их жизненно важной роли для социального организма в целом — не свободны и не могут быть свободными от доминирующих административно-политических отношений господства и подчинения. Рынок и товарно-денежные отношения здесь всегда опосредованы отношениями зависимости, как официальной (от государства, чиновника, казны), так и полуофициальной либо неофициальной, но весьма жесткой (от ростовщической кабалы, хозяина-патрона, главы социальной корпорации, в том числе объединения мафиозного типа, и т. п.). Именно доминирующие в такой структуре хозяйственные связи, присущие несвободному обществу и несвободному труду, обуславливали господство в обществе отношений редистрибуции, столь очевидно и принципиально противостоящих отношениям рыночно-частнособственнического характера и особенно

капитализму с его товарно-рыночным противостоянием труда и капитала, с его экономически обусловленной свободой продающей себя рабочей силы.

Итак, перед нами два принципиально разных типа хозяйственных отношений, две чуждые друг другу структуры: рыночная и командно-административно-распределительная, свободная и несвободная, европейская и неевропейская, восточно-традиционная, — т. е. явное несходство буквально по всем основным параметрам. Можно ли было рассчитывать на то, что данный колониализм и в принципе необычайной важности импульс приведет на традиционном Востоке в движение те же механизмы, что и в Европе? И что было на самом деле?

Проникновение на Восток колониального капитала, вначале внедрявшегося преимущественно в сферу обращения и использовавшего в своих интересах традиционный восточный рынок и привычные, основанные на внеэкономическом принуждении хозяйственные связи, привело к феномену сосуществования, симбиоза двух различных секторов экономики: традиционного и колониального, своего и чужого. Первый из них был хорошо знаком с рынком, второй был целиком основан на рыночных связях. Казалось бы, разве это не достаточная основа для сближения? И очень многие специалисты вплоть до сегодняшнего дня исходят именно из этого, не видя разницы между рынком, функционирующим в рамках системы внеэкономического принуждения, и свободным рынком. А разница огромна. И именно она, в частности, объясняет, почему крестьянин на Востоке никогда не был и не должен считаться и именоваться мелким буржуа: это не крестьянин-собственник в европейском смысле слова. Это совершенно иной крестьянин, даже если он регулярно продает излишки продукции на рынке. Это крестьянин-подданный, т. е. человек зависимый, функционирующий в рамках системы внеэкономического принуждения со всеми вытекающими из этого весьма существенными для политэкономического анализа следствиями.

Однако положение не было безвыходным. Несмотря на огромный и труднопреодолимый разрыв между двумя чуждыми друг другу секторами экономики, на колониальном Востоке шел процесс преодоления этого разрыва за счет, прежде всего, вовлечения в колониально-капиталистический, чуждый по типу традиции, сектор некоторых групп местного населения, вначале, как правило, из числа аутсайдеров (в Турции это были нетурецкого происхождения горожане, прежде всего армяне, греки, кавказцы и славяне; в Индии — выходцы из некоторых исламизированных каст, а также джайны и парсы; в Юго-Восточной Азии — хуацяо). Именно позиция аутсайдеров облегчала этим слоям населения включение в чуждый структуре сектор колониально-капиталистической экономики, но это же обстоятельство и не слишком способствовало преодолению разрыва между секторами: переход из одного в другой лишь менял соотношение сил между ними, что само по себе весьма существенно, но не сближал эти сектора между собой

в сколько-нибудь значительной степени. Разрыв продолжал существовать, и это не могло не беспокоить колонизаторов, не могло удовлетворить их.

Дело в том, что, хотя европейский капитал был, по меньшей мере вначале, заинтересован лишь в выкачивании необходимых товаров и получении за этот счет прибылей и несмотря на то, что колониальный капитал умело приспособливался к господствовавшим на Востоке внеэкономическим связям, активно использовал их, даже ставил себе на службу, он при этом всегда оставался все-таки именно капиталом. Это значит, что для своего развития и тем более процветания он нуждался в подходящих для него условиях, прежде всего в свободе действий, которых на Востоке никогда не было. Такого рода условия и необходимые свободы нужно было создать, пусть даже в несколько видоизмененных в силу обстоятельств формах. Собственно, именно это и происходило на колониальном Востоке, причем чем позже, тем энергичнее. Ведущей в этом направлении силой была в колониях колониальная администрация. В зависимых странах, где ситуация была хотя иной, но, с точки зрения социально-экономической, весьма близкой к той, что наблюдалась в колониях, функции колониальной администрации выполняли в ходе реформ местные руководители, как то было в Турции, Иране, Китае.

Смысл преобразований в колониях и реформ в зависимых странах сводился к расчищению почвы для развития, а затем и господства капиталистического по характеру рынка, работающего по законам европейского типа частной собственности с сопутствующими ей конкуренцией, борьбой за прибыль и т. п. Именно для обеспечения этого создавались компании типа Ост-Индских, генеральной целью которых было не столько вывезти товары, сколько создать условия для эксплуатации колоний капиталистическими методами. Для достижения цели строились фактории и порты, развивалось портовое и плантационное хозяйство, создавалась необходимая инфраструктура, включая банки, страховые компании, пароходства, железные дороги, почту, телеграф, наконец, организовывались промышленные предприятия по добыче полезных ископаемых, предприятия обрабатывающей промышленности. Вместе со всем этим возникали и быстро развивались города-порты, города с заводами и фабриками, строившиеся по европейской капиталистической модели.

Это был массивированный рынок, все усиливавшийся нажим колониального капитала на традиционный и трансформирующийся под этим нажимом Восток. Однако этот нажим в XIX в. еще не принес ожидаемого результата: хотя колониальные власти и (в зависимых странах) колониальный капитал стремились активно взаимодействовать с традиционным рынком и всей системой основанного на внеэкономическом принуждении хозяйства, обеспечивая именно через такого рода взаимодействие свои все возрастающие доходы, оба рынка тем не менее как бы сосуществовали, но воедино не сливались, ибо по

ряду важнейших параметров продолжали быть практически несовместимыми. Рано или поздно один из них должен был уступить место другому. А пока именно для связи между обоими рынками сложилась на Востоке влиятельная прослойка посредников-компрадоров, процветавшая достаточно долгое время со времен первых португальских колонизаторов и исчерпавшая себя лишь в начале XX в.

Существенные изменения в характере отношений между двумя рынками, начавшиеся с XIX в. вследствие промышленной революции в Европе, которая была ознаменована появлением массовой машинной продукции, привели в XX в. к энергичной трансформации как традиционного восточного рынка, так и колониального капитала. Колониальный торговый капитал был замещен в XIX в. промышленным, а в XX в. — финансово-промышленным, банковско-промышленным с присущими ему транснациональными тенденциями, стремлением к укрупнению фирм и корпораций. Действуя в пределах всего мира, этот капитал создал единый мировой рынок и превратил его в сферу своего господства. Это повлекло за собой не только постепенное оттеснение традиционного восточного рынка на задворки и изменение соотношения сил не в его пользу, но также и существенную трансформацию такого рынка, всей его тысячелетиями складывавшейся внутренней структуры.

Она проявилась в заметном разрушении традиционных форм хозяйства, основанных на внеэкономическом принуждении и централизованной редистрибуции. Много больший, чем прежде, простор получили товарно-денежные отношения, что явилось следствием серии реформ, приведших к наделению крестьян землей и превращению земельных наделов в отчуждаемый товар. Это стало характерным для аграрных отношений на Востоке уже в первой половине XX в. Соответственно принципиальная разница-разрыв между традиционно-восточным и колониально-капиталистическим рынками сократилась, трансформированный рынок во многом сблизился с еврокапиталистическим, стал интегральной частью мирового. Казалось, еще некоторое небольшое усилие, еще немного времени — и старый Восток с господством внеэкономического принуждения и основанным на этом господстве рынком рухнет, уступив свое место капиталистической структуре.

Для подобного вывода было немало оснований. Колониальный капитал уверенно теснил разваливавшееся традиционное хозяйство еще в XIX в. Разорявшиеся ремесленники пополняли собой ряды бездомных. Обезземеленные крестьяне стекались в большие города. Теряли свои привычные позиции ростовщики и купцы, даже еще вчера процветавшие компрадоры. Словом, вполне могло показаться — долгое время именно так и представлялось, в том числе и идеологам революционного обновления мира, от Маркса до Ленина, — что традиционный Восток обречен и вот-вот рухнет под напором капитала. Следствием же этого станут пробуждение Востока и мощный револю-

ционный взрыв многомиллионных масс, потенциально рассматривавшихся в качестве союзника европейского пролетариата.

Эта точка зрения позже, уже в середине XX в., была обстоятельно разработана в рамках концепции так называемого «догоняющего развития», смысл которой сводился ко все той же идее: развитие Востока в принципе подобно развитию Запада, разве что несколько отстало; а коль скоро так, то вполне можно ожидать, что с некоторого момента оно ускорит свой путь и нагонит отставание, став в ряд стран развитых. Концепция, о которой идет речь, просуществовала недолго, ибо достаточно скоро стало очевидным, что на деле все обстоит далеко не так, как то разрабатывалось в теоретических построениях. Правда, небольшая группа стран во главе с Японией действительно энергично выдвинулась и не только нагнала развитые страны, но и вышла на передовые позиции среди них. Однако это была лишь очень небольшая часть стран традиционного Востока. Что же касается остальных, то они не только не догнали развитые, но явно отстают от них по всем параметрам, а в некоторых случаях (что касается прежде всего Африки, хотя и не только ее) отставание даже возрастает. Феномен «догоняющего развития» сработал, таким образом, лишь выборочно, так что теперь перед теоретиками встал иной вопрос: чем объяснить, что в случае с рядом дальневосточных стран все оказалось не так, как с большинством остальных? Иными словами, снова следует сначала искать общие закономерности, а потом уже причины, обусловившие исключения. Что же следует считать закономерностями развития современного Востока?

Государство и экономика на современном Востоке

Только что шла речь о том, как в процессе освоения колониальным капиталом Востока в целом и традиционного восточного рынка в частности постепенно уходили в прошлое прочные позиции старой структуры, основанной на внеэкономическом принуждении подневольного, во всем зависевшего от властей и сильных мира сего подданного-производителя. Упоминалось и о том, что многие видели в этом знак гибели старого Востока. Почему же он не погиб? Прежде всего потому, что в его недрах шли два параллельных процесса: приспособление к изменившимся обстоятельствам (о чем на примере укрепления позиций колониального капитала и элементов западной капиталистической структуры говорилось выше) и сопротивление называемым извне переменам.

Сопротивление в зависимости от обстоятельств принимало разные формы, от бурных массовых движений типа китайских ихэтуаней до пассивного неповиновения властям в духе М. Ганди. Однако суть его

в конечном счете была одинакова: насильственная ломка привычного стандарта жизни вызывала протест со стороны населения, прежде всего консервативно настроенной крестьянской массы, всегда выше всего привычно ставившей незыблемость существующих устоев, гарантированное статус-кво.

В колониях этот протест подавлялся администрацией. В зависимых странах ситуация обычно была сложной и неоднозначной, ибо традиционное государство в принципе было на стороне недовольного большинства, но в то же время не всегда могло открыто поддержать его протест, как то наиболее наглядно проявило себя в ходе все того же восстания ихэтуаней. В любом случае, однако, — и это существенно еще раз подчеркнуть, — пробуждение трансформировавшегося под влиянием колониализма Востока отнюдь не было революционным прорывом к новому, как то еще недавно было принято считать в отечественной историографии. Конечно, во главе массовых движений часто оказывались представители европейски образованных слоев населения, ориентировавшиеся на революционные изменения по европейскому стандарту. И нередко это играло решающую роль. Однако даже в тех случаях, когда революции побеждали и на смену деспотическим монархиям приходили молодые республики, как то было в Турции или в Китае в начале XX в., это еще отнюдь не означало, что соответствующая страна уже созрела для радикальных перемен и была готова к ним. Как правило, и после этих революций на протяжении десятилетий сопротивление структуры не ослабевало, а временами даже усиливалось. И если в Турции Ататюрк сумел обуздать его, то в Китае с этим было гораздо сложнее, а в Иране силы сопротивления даже сумели в конечном счете взять реванш за поражения в прошлом.

Но дело не только в естественном сопротивлении традиционной и обычно с трудом приспособлявшейся к новому структуре. Гораздо более важным для судеб Востока следует считать то обстоятельство, что в качестве медиатора между приспособлением и сопротивлением с начала XX в. вновь стало выступать государство. Если говорить пока о зависимых странах, где государство как институт не было уничтожено, но оказалось лишь на время придавленным колониальной экспансией, как это весьма наглядно предстает на примере Ирана или Китая, в меньшей степени Турции, то важно заметить, что для такого рода выхода на авансцену были весомые причины. Во-первых, государство как символ и основа сопротивления традиционной структуре обрело крылья. Оправившись от колониального шока, длившегося где столетия, а где десятилетия, оно должно было взять на себя задачу управления страной в изменившихся условиях. Но перемены, о которых идет речь, были многосторонними. Они не просто были связаны с унижением страны европейцами, с колониальным шоком, с необходимостью как-то выбраться из кризиса, преодолеть комплекс неполноценности, подогревавшийся постоянно демонстрируемым превосходством европейской техники, включая военную, которая производила особенно

сильное впечатление на Востоке. Много более значительными были те изменения, которые происходили в сфере хозяйства, в экономике страны и выражались, как о том уже шла речь, в оттеснении на задний план тех привычных элементов структуры, что были связаны с внеэкономическим принуждением, в том числе традиционного рынка.

Поскольку на Востоке не было традиций, способствующих расцвету частной собственности, да и вообще вычленению индивида как такового, самостоятельности общества перед лицом государства (о чем специально речь пойдет ниже), именно государство должно было осваивать новую технику, включая военную, налаживать необходимую для капиталистического рынка инфраструктуру, т. е. выступать в функции собственника и важнейшего субъекта экономики, народного хозяйства — в привычной для него, во всяком случае на Востоке, функции. Не сразу, но по мере осуществления навязанной Востоку политики национального капиталистического развития создавался в странах Востока новый, промежуточный по структуре и характеру сектор хозяйства — государственно-бюрократический по форме, государственно-капиталистический по характеру.

Что касается колоний, особенно таких, как африканские, то здесь вновь возникшие после деколонизации государства сразу же взяли на свои плечи заботы, до того лежавшие на колониальной администрации. В условиях традиционной восточной структуры это было естественным и практически единственно возможным выходом: государство берет на себя распоряжение хозяйством, ответственность за благосостояние общества, контроль за жизненно важными экономическими процессами, патронирование экономики капиталистического типа. Гибридность и промежуточность нового сектора экономики была в том, что от капитализма в нем были техника и технология, частично экономические связи, а от традиции — вынужденное невнимание к законам свободного рынка с его требованием рентабельности, конкурентоспособности, прибыльности, что на практике всегда оборачивалось экономической неэффективностью и дотациями со стороны казны.

Наряду с новым сектором хозяйства и под его защитой, подчас буквально под покровительством государства в постколониальных восточных обществах постепенно укреплял свои позиции сектор колониально-капиталистический, трансформировавшийся в обычный частнокапиталистический со свободным рынком, конкуренцией, стремлением к рентабельности. Этот трансформирующийся и расширяющийся сектор терял свой прежде принципиально чуждый внутренней структуре традиционного Востока облик, переставал быть сектором колониально-европейским и становился просто капиталистическим, частнобизнесным. Правда, в большинстве случаев в нем по-прежнему задавали тон вчерашние колонизаторы либо иные европейские, американские, позже также и японские фирмы, подчас уже лишившиеся национальной окраски (речь прежде всего о ТНК), но все более весомую роль здесь начинали играть и свои предприниматели

и банкиры. Это в XX в. было характерным для Индии, Турции, ряда стран Юго-Восточной Азии, да и многих других стран современного Востока. Правда, по-прежнему среди местного населения выделялись те его слои, которые в прошлом, будучи аутсайдерами, в большей степени, чем остальные, контактировали с колониальным капиталом — будь то джайны, хуацяо или компрадоры. Но приобщались к этому процессу, особенно под покровительством государства, также и другие группы местного населения (вспомним политику малаизации национальной экономики в современной Малайзии).

Итак, на позднеколониальном и постколониальном Востоке — речь не только о колониях, но и о зависимых странах, даже о таких, как Япония, — роль государства в хозяйстве не только не уменьшилась под воздействием колониального капитала и свободного рынка, но в некотором смысле даже возросла. По всем параметрам государство в странах современного Востока занимает ведущие позиции в сфере хозяйственной деятельности и лишь в немногих из них, прежде всего в высокоразвитых дальневосточных, оно в последние годы начало отходить на задний план, уступая место уже целиком завладевшим экономикой отношениям рыночного капитализма. О том, почему именно так произошло, речь уже шла. Обратим теперь внимание на то, почему усиление государства оказалось не только не помехой, но в определенном смысле поддержкой, может быть, даже единственно возможным условием развития по капиталистическому пути в странах постколониального Востока.

Прежде всего здесь следует принять во внимание уже упоминавшийся жизненно важный момент: колониально-капиталистическая, принципиально чуждая традиционному Востоку по всем основным параметрам система рыночного хозяйства требовала для эффективного своего существования хорошо подготовленных людей — предпринимателей, собственников, мастеров рыночных свободных связей, готовых к жесткой конкуренции, ориентированных на извлечение прибавочного продукта. На Востоке таких людей не было. Были купцы, ростовщики, ремесленники, богатые землевладельцы; были рынки и даже международные торговые связи с большими торговыми оборотами. Были специализировавшиеся на этих связях мастера транзитной торговли, знавшие толк в прибыли, понимавшие смысл конкуренции, значение рынка. Именно эти люди, как-то подготовленные к жестким условиям функционирования капитала, и оказались первыми посредниками-компрадорами, агентами колониального капитализма в своих странах, той базой, на которую опирался в этих странах колониальный капитал. Но всего этого было недостаточно, что с особенной отчетливостью проявилось тогда, когда торговый колониализм сменился промышленно-банковским, энергично осваивавшим колонии и зависимые страны. Людей, подготовленных для оптимального функционирования по законам развитого капитализма, на Востоке было мало, кое-где практически не было вовсе. Это и стало объективной причиной того,

что функции совокупного предпринимателя рыночно-капиталистического типа в изменившихся условиях взяло на себя государство, — больше некому было. Государство приняло на себя вызов эпохи. В его лице сконцентрировались и сопротивление традиционной структуры натиску колониального капитала, и приспособление к изменившимся вследствие этого обстоятельствам.

Почему именно государство? Само собой разумелось, что только государство, традиционно вовлеченное на Востоке в экономические заботы, издревле бывшее там генеральным субъектом централизованной редиистрибуции и имевшее огромный тысячелетиями накапливавшийся опыт в деле организации хозяйства и контроля за оптимальным его состоянием, должно было взять на себя столь сложное, новое, непривычное, небезвыгодное, но и чреватое риском банкротства дело. При этом предполагались издержки, причем немалые. Накопленный веками хозяйственный опыт государства никогда и нигде на Востоке не был ориентирован на прибыльное ведение хозяйства, на экономическую эффективность, тем более в рамках свободной международной рыночной конкуренции. Однако общество в странах Востока, составлявшие его зависимые от власти индивиды не имели и этого опыта. Что же касается государства, то оно в силу его мощи и всевластия, его высшего права распоряжаться достоянием страны и народа (функция централизованной редиистрибуции) было именно тем единственным институтом, который оказался способен гарантировать слабую развивающуюся рыночно-капиталистическую экономику страны от потрясений и неожиданностей, от ошибок и провалов с помощью своего покровительства и казенных дотаций.

И еще одно обстоятельство. Именно и только государство на Востоке владеет теми большими материальными средствами, включая богатства казны, которые могут быть сконцентрированы и реализованы в том направлении, что считается по тем либо иным причинам наиболее важным для страны, ее хозяйства, оборонных нужд или иных стратегических целей. Именно казенные доходы государства легче всего при случае могут быть преобразованы в капитал, необходимый для создания тех или иных современных предприятий, отраслей экономики, а также инфраструктуры. Государство же чаще всего выступает и как субъект внешнего кредитования: именно оно гарантирует внешние займы — те самые, которые ныне столь тяжелым бременем лежат на бюджете многих, почти всех развивающихся стран. Займы эти, как правило, идут в руки государства, а далее соответствующие средства через бюджет вкладываются в различные отрасли хозяйства, включая дотации для нерентабельных предприятий государственного сектора и субсидирование цен на продукты первой необходимости ради удержания их на приемлемом для беднейшей части населения уровне.

Государство и общество

В этом пункте тема «государство и экономика» достаточно плавно переходит в близкую к ней и тесно с ней связанную тему «государство и общество». Дело в том, что колониально-капиталистическая трансформация, силовыми методами решительно взламывавшая традиционное хозяйство и буквально вынуждавшая государство взять в свои руки и даже возглавить перевод экономики — насколько это было практически возможным в той или иной стране — на рыночно-капиталистические рельсы, не могла достаточно быстро изменить то, что подчас именуется «человеческим фактором» (или human relations) и что зависит от традиции, норм поведения и образа жизни, социопсихологических и ценностных установок, привычек и ориентации населения. В этом смысле отличие социума в восточных странах от гражданского общества в странах Запада было огромным, принципиальным, во многих отношениях решающим.

На Западе веками труженик приучался к тому, чтобы стать рабочим, т. е. тем, кто продает свою рабочую силу на свободном рынке. И без такого труженика капитализм не мог развиваться во всю свою мощь, это было условием его существования и развития. На Востоке такого труженика не было и не могло быть, ибо даже издревле существовавший здесь наемный труд, в том числе и функционировавший на казалось бы добровольных договорных началах, всегда был опутан густой паутиной внеэкономических связей, вне которых индивид существовать здесь просто не мог. Это было нормой, традицией, стереотипом поведения, элементом привычного образа жизни, как такого же рода элементом были корпоративные связи, делавшие работника несвободным. Иной характер, иная система политических, экономических и социальных отношений вели к тому, что работники, трудившиеся на предприятиях вроде бы вполне современных, действующих в рамках рыночно-капиталистического сектора, по сути являли собой — а во многом являют и сейчас — вчерашних крестьян традиционно-восточного типа, с ног до головы опутанных привычными социальными, экономическими и, главное, внеэкономическими (административно-политическими, корпоративными) связями. При этом давление избытка населения — фактор, все более ощутимый в развивающихся странах и механически во все возрастающих масштабах воспроизводящий именно привычные традиционные формы отношений, — отнюдь не способствует возникновению нормальных для функционирования капитала европейского типа условий, особенно таких, как свободный рынок рабочей силы, свободный выбор места работы и т. п.

В самом деле, многое в традиционной экономике Востока в наши дни переменялось. Изменился характер производства, особенно в больших городах, — оно стало машинным и крупномасштабным. Изменился характер труда — на смену прежним подданным, обязанным государству налогами и отработками, на смену несвободным батракам

и наемникам пришли обычные рабочие, получающие за свой труд заработную плату (на государственном предприятии — из казны). В немалой мере изменился и характер социально-экономических отношений: на смену традиционным связям между всеильным государством и бесправными подданными, опосредованным централизованной редистрибуцией и принципиально не имевшим отношения к рынку, товарообмену, тем более к частной собственности, пришли связи товарно-рыночного типа, пусть даже не вполне последовательные. Казалось бы, сдвиги огромные. Но, как о том только что говорилось, все на деле было не так, как может показаться при анализе с использованием лишь политэкономического инструментария.

Социологический анализ свидетельствует о том, что иной «человеческий фактор» создает иную ситуацию, в том числе и в экономике. В исторических трудах, особенно отечественных, специалисты долгие годы не видели, старались не замечать этой разницы. Много и охотно писали они, например, о рабочем движении, о профсоюзах, забастовках в странах Востока, о революционных выступлениях там пролетариата. Конечно, все это было, но в иной социальной среде, при иных политических реалиях, при господстве иных традиций и типа личности, иных форм соединения производителя со средствами труда (форм, опосредованных внеэкономическим принуждением). Все это не только выглядело иначе, но и играло другую роль как в реальной жизни Востока, так и в процессе его развития. И здесь опять нужно сказать несколько слов о государстве.

Конечно, колониальный капитал адаптировался к местным условиям, даже умело использовал их, приспособливал для своих нужд. Однако при этом он должен был вынужденно меняться сам, изменять в какой-то степени и себя. Для такого рода изменений были естественные пределы, за которыми современный капитал переставал быть независимым и ориентирующимся на свободный рынок конкурентной борьбы капиталом. Далеко не случайно колониальный капитал всегда стремился ограничить сферу своего функционирования добывающими промыслами и обрабатывающими предприятиями (вынужденно необходимыми и трудоемкими), тогда как создание капиталоемких производств, особенно тяжелой промышленности, обычно выпадало на долю государственного сектора. Что же касается государственного сектора, то он хотя и был в зависимости от рынка, но не страдал от конкуренции и не гнался за экономической эффективностью и конкурентоспособностью, покрывая убытки дотациями. Более того, он поддерживал на плаву тем же способом либо посредством льготных тарифов национальную промышленность капиталистического типа, которая всегда оказывалась слабейшей частью современного сектора, ибо не только не имела необходимого опыта, но и сталкивалась все с теми же препятствиями — с несвободными работниками, традиционным рынком, внеэкономическими связями и т. п.

Словом, речь не только о том, что структурно чуждый традиционному Востоку капитализм развивался с трудом и приживался нелегко, что-то ломая и изменяя, как-то приспособляясь и постоянно идя на компромиссы. Дело даже не только в том, что хуже всего приживался частный национальный капитал, постоянно нуждавшийся в щедрой поддержке со стороны государства. Главная сложность состояла в том, что слишком много и тем более быстро капитал, в том числе в его преимущественно государственной форме, достичь не мог по той простой причине, что традиционное восточное общество, даже пройдя через многие десятилетия, а кое-где и века колониализма, к этому не было готово. Конечно, на протяжении веков колониализма кое-что в этом направлении было достигнуто. Занял свои позиции колониальный капитал с его рынком, передовыми форпостами, торговыми факториями, плантациями и т. п. Активно вовлекались в сферу колониально-капиталистического рынка определенные слои местного населения, компрადоры и аутсайдеры. Частично приобщались к этому же социальные верхи, особенно правящие. Но всего этого было явно недостаточно для достижения серьезных результатов в деле капиталистического преобразования Востока — недостаточно прежде всего для преобразования общества, для трансформации специфического, с точки зрения европейского стандарта, восточного социума. Как ни медленно шел процесс индустриализации Востока, темпы его намного превышали темпы трансформации социума. Возникал драматический разрыв между необходимостью (общество должно было уметь управлять промышленной экономикой) и реальностью. Именно этот разрыв и вынуждено было заполнить государство.

Почему восточное общество даже после длительного периода колониализма и радикальной внутренней трансформации всей структуры оказалось, как правило, не готовым к существованию в рамках капитализма, и в частности к необходимому для этого самоуправлению? Быть может, период колониализма оказался для этого все же недостаточным? Едва ли. Индия прожила в качестве британской колонии около двух веков, а Япония колонией не была вовсе. И хотя колониализм сыграл и не мог не сыграть своей роли, дело, видимо, все же не в этом. Возможно, сыграла роль сила сопротивления нововведениям? Безусловно, этот фактор нельзя не принимать во внимание, а кое-где, как в Иране, он активно действует и в наши дни. Но Иран все же крайний случай. А что же следует считать средним, типичным?

Оставляя в стороне ту модель, которая связана с крайне низким исходным уровнем развития (это касается в первую очередь Тропической Африки, хотя и не только ее), обратим еще раз внимание на то, что процесс индустриализации опережал много более сложный процесс адаптации к вызванным им переменам в образе жизни людей. Конечно, некоторые слои местного населения в силу ряда объективных причин быстрее остальных заимствовали чужой опыт, получали европейское образование, необходимую профессионализацию, сближались с евро-

капиталистическим стандартом (как правило, не теряя при этом связи с родной почвой и традициями). Это способствовало адаптации общества в целом, но ненамного: основная часть населения в большинстве стран Востока даже после деколонизации (а в ряде случаев после деколонизации и обретения самостоятельности в еще большей степени, нежели прежде) не только не была готова к необходимой адаптации, но и решительно выступала против этого.

Здесь играло свою роль многое. Это и привычка, консервативный традиционализм крестьян; это и приверженность к собственным системам ценностей, апробированному веками образу жизни; это и противодействие нажиму извне, со стороны чужих, пытающихся навязать свою волю. На Востоке не знакомы с европейской демократией, не ощутили ее преимуществ, не приспособлены к правовым нормам, свободам, индивидуальным гарантиям европейского типа и не стремятся к ним, а то и активно не хотят иметь с ними что-либо общее. Здесь привыкли к иерархии и неравенству, к веками сложившимся стереотипам бытия, к давлению верхов, к всемогуществу власти. Пожалуй, именно в этой связи стоит еще раз напомнить о «поголовном рабстве». Теперь эта формула предстает пред нами не только как красочная метафора, символизирующая всемогущество власти и государства. В гораздо большей степени она — символ слабости, неразвитости, зародышевого состояния гражданского общества, общества самостоятельных и ценящих свое достоинство, свои свободы индивидов. Может быть, мы вправе даже говорить о практически полном отсутствии на Востоке такого института, как общество (далеко не случайно нередко используется заменяющий его термин «социум»). Именно вместо общества и был феномен, именуемый «поголовным рабством».

Речь идет не о рабстве в юридическом или экономическом смысле слова, а о социально-политическом и даже в еще большей степени о социально-психологическом феномене. Ленин писал в свое время, что никто не виновен в том, что родился рабом, однако раб, довольный своим положением, способен вызвать презрение и достоин называться холоум и хамом. И хотя эта формула относится к России, в ней заключен немалый смысл. Можно к ней добавить и существенное для нашего случая пояснение: именно многовековые традиции Востока (Россия в этом плане — тоже Восток) создали ситуацию, при которой рабы — рабы с европейской точки зрения, т. е. лица, не ценящие свободы, — не только удовлетворены своим положением, но и, даже зная уже о существовании иных стандартов бытия, не желают отказываться от привычного образа жизни (имеющего, к слову, свои преимущества, особенно с точки зрения гарантированного обеспечения жизненного минимума). Это и есть то, что можно было бы назвать сервильным комплексом и что сыграло и все еще играет свою роль в истории Востока и, увы, в судьбах нашей страны.

Иными словами, виноват не человек как таковой (тот, кто удовлетворен положением раба или, скажем мягче, бесправного подданно-

го) — виноват веками апробированный стиль жизни, строй, командно-административно-распределительная система, при которой ведущая сила не народ, а государство. Народ же довольствуется тем, что имеет, более того, склонен обоготворять власть и неустанно благодарить ее за ее щедрые деяния. Эта привычка прошла через века, дошла до наших дней и во многом определяет современные стереотипы взаимоотношений на Востоке. В частности, это касается феномена обоготворения носителя высшей власти. Неважно, как он называется — королем, императором, президентом или лидером революции. Важно, что для традиционно ориентированных подданных он и сегодня является законным носителем власти, символом ее. Не имеет значения, как он пришел к власти с точки зрения принятых в Европе процедур — законно или нет, демократическим путем или иначе. Кто взял власть, тот и достоин ее, тот и хозяин. А по отношению к хозяину все остальные — его слуги, если не рабы. И хотя понятие «раб» здесь соотносится не столько с полным бесправием, сколько именно с феноменом холоумства, само по себе все это далеко не безобидно, это отсутствие человеческого достоинства в европейском смысле этого слова играет весьма немаловажную роль в создании определенных социопсихологических установок, замедляющих процесс адаптации населения к еврокапиталистическому стандарту и даже препятствующих выработке таких личных качеств и личностных отношений, без которых упомянутая адаптация просто невозможна.

Здесь уместно снова остановиться на восточном крестьянине как социальном феномене. Неевропейский крестьянин никогда не был мелким буржуа и не являлся им в массе своей и сегодня (за редкими исключениями типа пенджабских фермеров, которые к тому же далеко не всегда «мелкие» буржуа). Даже торгуя на рынке, крестьянин на Востоке всегда был общинником и коллективистом. Причем не только по формальной своей принадлежности к какой-либо социальной корпорации, что существенно, но и социально-психологически. Он не превращался в буржуа потому, что жил в условиях, несовместимых с буржуазными. Он не имел ни прав, ни гарантий, ни привилегий собственника, не знал свободного рынка и конкурентной борьбы, но зато всегда зависел от власти и был опутан густой сетью внеэкономических связей.

Неудивительно поэтому, что восточный крестьянин, в принципе хорошо знакомый с рынком и издревле соприкасавшийся с товарно-денежными отношениями, знавший и аренду, и наемный труд, и жесткие ростовщические проценты, оказался неприспособленным к условиям капиталистического рынка примерно так же, как большинство из людей старшего поколения, воспитанных в старых привычках, не готовы или с трудом воспринимают в наши дни реалии компьютерного века. Неудивительно и то, что, не имея соответствующего опыта, крестьянин быстро разоряется в мире чистогана, пополняя собой ряды пауперов и оказываясь тем самым тяжелым грузом для все того же

государства, вынужденного брать на себя заботы о его хотя бы минимальном жизнеобеспечении. Впрочем, сказанное касается и значительной части горожан, выбитых из жизни и перебравшихся в города бедняков и пауперов. Правда, адаптируются горожане в силу оторванности от деревенских корней и разнородности контактов в городе быстрее. Но строить иллюзии не приходится: в том, что касается потребительского стандарта, адаптация идет полным ходом, но далеко не так обстоит дело со всем остальным, что порождает множество проблем.

Ко всему сказанному в заключение важно добавить и еще один очень существенный фактор: прирост населения. Как ни относиться к колониальной экспансии (а на Востоке до нынешнего дня, как упоминалось, обычно относятся к ней более чем сурово, клеймят колониализм и неоколониализм), нельзя не заметить того, что вместе с ней в страны Востока проникали европейская культура, более высокий уровень цивилизации, включая современную систему здравоохранения, просвещения, социальной защиты, следствием чего, в частности, были распространение и постепенное усвоение элементарных представлений о гигиене, квалифицированной врачебной помощи. Эти новые условия бытия быстро сказались на изменении темпов прироста населения. Демографический взрыв, повлекший за собой резкое увеличение населения на Востоке, особенно заметное в XX в., означал, что трансформирующийся Восток не просто оказался перенаселенным, но начал вынужденно воспроизводить бедность, даже просто нищету, ориентированную к тому же на традиционный стандарт. Это, естественно, оказалось серьезным тормозящим адаптацию фактором, не говоря уже о том, что перенаселенность вызвала новые проблемы, справиться с которыми большинство стран Востока (особенно это касается Африки) практически не в состоянии.

Естественно, что забота о решении всех проблем, включая вызванные сложностями адаптации и перенаселенностью, легла на плечи государства, которое одно только могло как-то гарантировать минимальный жизнеобеспечивающий стандарт и которое издревле было так или иначе занято именно этим. Но в новых условиях трансформирующегося и активно индустриализирующегося Востока это вызвало серьезные внутренние противоречия в политике. С одной стороны, государство должно содействовать развитию, ибо в этом будущее страны, залог ее процветания в дальнейшем. Для этого оно должно создавать благоприятствующие свободному рынку условия, что объективно ведет к экономическому расслоению населения и к выбиванию из привычной жизненной колеи все новых миллионов не приспособившихся к изменившемуся стандарту жизни людей, прежде всего из числа беднейшего крестьянства. С другой стороны, государство вынуждено заботиться о сохранении в определенных рамках традицион-

ной структуры и связанных с ней институтов, так как только это способно реально обеспечить минимальный стандарт существования для угрожающе возрастающего населения, — стоит еще раз напомнить в этой связи о ситуации в современной кастовой Индии, где огромное количество низкокастового населения по привычке вполне удовлетворено нищенским существованием и не стремится к лучшему.

Эта объективная позиция восточного современного государства между Сциллой капиталистической индустриализации и рыночного хозяйства и Харибдой традиционно ориентированных людей, количество которых все возрастает, во многом объясняет шараханье в политике развивающихся стран, особенно из числа слабейших. В ходе политических переворотов на передний план выходят то одни, то другие лидеры с различными установками и рецептами в поисках выхода из нелегкого положения. Одни исходят из того, что задача сохранения минимума и гарантий для большинства — наиважнейшая и что выполнить ее можно лишь привычными жесткими административными методами с ориентацией на традиционные формы существования. Логика такого рода ориентации ведет к отрицанию чуждого структуре капитализма и, как следствие, к попыткам ориентации на альтернативную модель развития, представленную в XX в. преимущественно в одном варианте — советском, тоталитарно-марксистском, ленинско-сталинском. Другие видят выход именно в предоставлении статуса наибольшего благоприятствования капитализму во всех его модификациях, сознавая при этом всю сложность ситуации и болезненность трансформации, связанной с радикальной ломкой привычного стандарта, но обещающей успехи в будущем.

Как хорошо известно, шараханье в политике и ориентации тех или иных современных восточных государств вело к их переориентации, а порой и ко вторичной, обратной переориентации с одной модели развития на другую. Однако в итоге большинство из них избрало ориентацию на капиталистический стандарт, продемонстрировавший свою эффективность. И здесь стоит сделать весьма определенный вывод: капитализм на современном Востоке не является и в силу структурных причин не мог быть, как то было на Западе несколькими веками ранее, итогом некоего динамично развивавшегося, но в основе своей стихийного саморегулировавшегося процесса, лишь иногда подправляемого, корректируемого политикой государства. Здесь это был процесс, субъективно осмысленный и сознательно определяемый государством. Это был результат определенной политики. Возможно, именно в этом — основа специфики процесса капиталистического развития на Востоке. Лучше всего это видно из того, как в послевоенном мире освободившиеся от колониальной зависимости страны Востока выбирали свой путь, свою модель развития.

Проблемы развития: выбор пути

Страны Востока, обретя политическую независимость, получив либо упрочив свою государственность и оказавшись перед объективной необходимостью преодоления отсталости и ускорения развития, в середине XX в. должны были сделать выбор — тот самый выбор пути, который столь зависел от решения государства, от его политики. Государство, встав над всем и отвечая за все, брало на себя решение, вырабатывало стратегию развития. Будучи вынужденным балансировать между двумя едва ли не равными по силе и значимости тенденциями (как лучше содействовать развитию и как при этом легче гарантировать прожиточный минимум людям, не подготовленным для радикальных изменений в образе жизни), оно было свободным в выборе, хотя на деле эта свобода была более чем относительной и условной.

Итак, государство — или, точнее, представлявшие его руководители — должно было избрать ту или иную политику и следовать ей, причем от этого зависело очень многое. Можно было открыть в стране свободный рынок и поощрять его, но можно было сделать прямо наоборот: закрыть рынок почти наглухо, как то было в Китае при Мао. Государство могло стимулировать развитие частной собственности, но могло и пресечь ее, вырвать с корнем; могло разрешить деятельность в стране иностранных компаний и ТНК, а могло и запретить эту деятельность, решительно изгнав иностранцев. И от того, какая именно политика будет взята на вооружение тем или иным свободным государством развивающегося мира, зависела вся его судьба в последующем. Так что выбор пути был делом весьма важным. От чего же он зависел? Что влияло на выбор? И в конечном счете на что можно было ориентироваться, делая выбор?

Эталоны для ориентации

Естественным ориентиром для развития стран Востока с XIX в. была Европа, т. е. капиталистическая структура в целом и, более конкретно, олицетворенные метрополиями ее модификации. Изучая язык страны-метрополии, получая образование в ее университетах, пропитываясь ее культурой, представители высших социальных слоев колониальных и зависимых стран в большинстве своем становились как бы представителями двух цивилизаций, двух социальных структур — собственной и оказавшей на них огромное влияние чужой. Логично, что в перспективе они представляли себе будущее своих стран как нечто промежуточное между традиционным прошлым и заимствованным

иностранном. И если принять во внимание, что во главе вновь образовывавшихся самостоятельных государств постколониального Востока оказывались пропитанные культурой метрополии представители высших слоев местного населения, то не приходится удивляться тому, что еврокапиталистическая структура метрополии представлялась им чем-то вроде образца.

К этим субъективным представлениям можно прибавить и нечто более объективное. Речь прежде всего о длительной целенаправленной деятельности колониальной администрации в колониях, которая вела к насаждению принятых в метрополии порядков, ее языка, культуры, политических и правовых норм и т. п. Оба фактора, накладываясь один на другой, усиливали друг друга и создавали мощный импульс с четким вектором. Что касается стран зависимых, где фактора колониализма в форме длительного господства колониальной администрации не было, то там на передний план обычно выступала политическая ориентация своего правительства. Иногда определенную роль играли случай, борьба политических сил, соперничество великих держав, даже свободный выбор (вспомним миссию Ито, посланную в Европу в конце XIX в. для ознакомления с теми политическими системами, из которых следовало выбрать нечто наиболее подходящее для Японии). Кроме того, объективным фактором огромной силы был сам колониальный капитал во всех его модификациях. Этот капитал зримо демонстрировал свое технико-технологическое и экономико-индустриальное превосходство и буквально подавлял своей мощью традиционное хозяйство и связанный с ним образ жизни Востока. Стать капиталистической, развиться до такого уровня было если и далеко не всеми осознанной, то во всяком случае подспудно вызревавшей целью каждой из стран отсталого Востока. К этому вело и развитие национального капитала, пусть медленное и противоречивое. В еще большей степени такого рода целью было обычно озабочено бравшее на себя экономические функции государство.

Словом, многое говорило в пользу именно капиталистического стандарта. Этот стандарт, олицетворенный той или иной его конкретной модификацией (страной-метрополией), обычно и брался за эталон для подражания. Именно на такого типа развитие ориентировались на рубеже XIX — XX вв., и тем более в XX в. практически почти все страны Востока. Ситуация несколько изменилась во второй половине XX в., причем это изменение было связано с революцией 1917 г. в России и возникновением в мире мощного коммунистического движения.

Идеи марксистского социализма в их большевистской модификации оказали немалое воздействие на Восток. Подспудно они проникали туда, скажем, в Иран, еще до 1917 г. Но после русской революции и образования СССР эти идеи обрели организованную форму. Во многих странах Востока возникли компартии, руководство которых ставило своей целью ориентироваться на революционный переворот и строительство марксистского социализма, т. е. такой социально-экономиче-

ской структуры, которая была противопоставлена капитализму и призвана преодолеть, заместить его, ликвидировав при этом такие его «язвы», как частная собственность и эксплуатация человека человеком. Естественно и логично, что молодые и теоретически не очень-то искушенные, вначале численно весьма слабые компартии Востока не только ориентировались на русский опыт, но и просто всему учились у большевиков, практически внимая каждому слову, раздававшемуся из Москвы, где для координации коммунистических сил и руководства их политикой был создан Коминтерн. Разумеется, все перемены в Москве соответственно сказывались на компартиях вне ее, включая и страны Востока. В частности, приход к власти в СССР Сталина и строительство там жесткой силовой системы марксистского социализма (сталинская модель) означали для компартий Востока, что именно на такую модель им отныне и следует ориентироваться. Это было тем более естественным и логичным, что соперники Сталина, предлагавшие иные модели, были заклеены как враги народа и уничтожены. Осталась одна-единственная (лишь в 1948 г. Тито в Югославии попытался создать другую), и именно она стала для коммунистов всего мира эталоном. Впрочем, с середины XX в. эта модель стала ориентиром уже не только для коммунистов, но и для многих близких к марксизму националистов, что проявилось в феномене так называемой социалистической ориентации в ряде стран Азии и Африки, олицетворяли которую радикально настроенные реформаторы, готовые многое заимствовать из сталинской модели, но в то же время не всегда отождествлявшие себя с коммунистами (речь не о букве, не о названии той или иной партии, а о сути дела).

Что привлекало определенные и чаще всего руководящие слои ряда стран Востока в сталинской модели марксистского социализма? Ответ на этот вопрос не составляет труда. В этой модели лидеры стран Востока, прежде всего отсталых, видели казавшуюся им едва ли не оптимальной возможность для ускоренного развития в условиях, которые не требовали радикальной трансформации структуры, не вынуждали ломать веками устоявшуюся норму и на ее развалинах формировать свободный рынок с конкуренцией действующих на свой страх и риск частных собственников. Не имея ни развитого капиталистического рынка, ни знакомых с его принципами и тем более умеющих извлекать прибыль из конкурентной борьбы частных собственников, лидеры этих стран вместе с тем принимали во внимание, что сталинская модель с ее жесткой командно-административно-распределительной системой, функционально до мелочей сходной с политическо-правовыми нормами классического Востока («восточная деспотия», «поголовное рабство» и т. п.), продемонстрировала принципиальную возможность за кратчайший исторический срок вырваться из состояния отсталости, совершить индустриализацию, превратить страну в мощную военную державу. О цене этого рывка тогда не было известно, но мало кого она — даже если была бы известна — остановила бы.

Главным было добиться цели, пусть даже очень дорогой ценой, избегнув при этом болезненной ломки структуры, к чему отсталая страна обычно менее всего готова, добиться цели, используя те рычаги и издревле существовавшие нормы жизни, которые были привычны как для управителей, так и для управляемых.

Не все и не всегда полностью отдавали себе отчет в том, к чему это может привести. Что касается коммунистов первого поколения, то в них было немало от революционного порыва и искренней веры в то, что они несут своим народам освобождение. Именно эта вера и эта искренность сыграли едва ли не решающую роль в том, что в годы серьезного политического и социального кризиса, вызванного Второй мировой войной и японской оккупацией Китая и Юго-Восточной Азии, поднявшиеся на борьбу с оккупантами крестьянские массы в ряде случаев пошли за коммунистами, что и привело после победы революций в этих странах к созданию там сходных с СССР режимов марксистского социализма.

Итак, в качестве генерального ориентира для развития деколонизованного Востока оказались в середине XX в. две основные модели — западнокапиталистическая и марксистско-социалистическая в ее сталинской модификации. Обе продемонстрировали успехи, причем вторая сделала это в условиях, весьма близких к тем, что были характерны для Востока. Нельзя сказать, что в СССР не было крутой ломки структуры и решительных радикальных преобразований всего образа жизни страны и людей. Было и то, и другое, да и много еще такого, о чем в то время мир не знал или только смутно догадывался. Но одно четко отличало сталинскую модель от капиталистической: она принципиально выступала против свободного рынка и свободной частной собственности, т. е. как раз против того, что было чуждым традиционному Востоку и требовало от него болезненной структурной ломки, правда, уже давно начатой, а кое-где и приведшей к ощутимым позитивным результатам. Сталинскую и капиталистическую модели развития следует считать своего рода полюсами широкого диапазона возможного выбора пути для стран Востока. Между этими полюсами лежал веер направлений промежуточного характера. Что же сыграло решающую роль в выборе пути развития? Какие факторы и обстоятельства повлияли на выбор?

Религиозно-цивилизационный фундамент как фактор выбора

Об этом фундаменте уже немало было сказано в третьей части книги. Теперь вопрос необходимо поставить в несколько иной плоскости: как та или иная из восточных цивилизаций содействовала

выбору пути развития в середине XX в.? Для этого следует провести небольшой сопоставительный анализ.

1. Генеральная установка-ориентация

В мире *ислама* — явственный акцент на религиозно-детерминированное социальное поведение при покорности каждого воле Аллаха, соблюдении строгой обрядово-этической дисциплины. Заметны фанатизм и фатализм правоверных, забота о благосостоянии социума (уммы) с неким подобием социального страхования (закят).

Для *индо-буддизма* характерен акцент на религиозно-детерминированное индивидуальное поведение различающихся кармой людей с установкой на личностные усилия ради исключения из мира сансары и слияния с небытием. Материальное благополучие, социальная гармония и тем более идея равенства людей высшей ценности не имеют.

Дальневосточно-конфуцианская традиция-цивилизация характеризуется акцентом на социальную этику и административно-регламентированное поведение. Высоко ценятся стремление к гармонии, благосостоянию при постоянном личном самоусовершенствовании, а также идея равенства.

2. Отношение к человеку и обществу, взаимоотношения людей

В мире *ислама* сфера человеческих отношений строго регламентирована, простор для самореализации минимален, социум довлеет над человеком безоговорочно.

В *индо-буддизме* нет такой степени подавления человека социумом, как в исламе. Но простор для индивидуальных поисков ограничен сферой потустороннего. Взаимоотношения людей регулируются строгими нормами общины и касты.

На *Дальнем Востоке* статус социума выше статуса человека, но за каждым признается право на самореализацию и самоусовершенствование в рамках общепринятой нормы. Поощряется состязательность, способствующая выявлению потенций каждого.

3. Отношение к собственности и власти

В мире *ислама* государство всесильно, общество и личность подчинены ему абсолютно. Частная собственность признается, но ограничивается.

В *индо-буддизме* государство не сильно. Частная собственность престижем не пользуется.

На *Дальнем Востоке* государство, как правило, сильно. Социальным престижем собственники не пользуются, но условия для проявления энергии и инициативы в сочетании с высокой культурой труда и постоянным самоусовершенствованием способствуют реализации частнособственнических потенций.

4. Сравнительное сопоставление основных параметров

Генеральная установка всех трех восточных цивилизаций (да и африканцев Тропической Африки, не выработавших своей религиозно оформленной цивилизации) отлична от европейской с ее постоянной

ориентацией на материальный успех индивида-собственника. На Востоке, включая Африку, преобладают ценности духовно-религиозные и этические. Но, сравнивая эти ценности между собой, мы вправе заключить, что на фоне исламской с ее религиозным фатализмом, жесткой обрядовостью и всеобщей покорностью воле Аллаха, а также индо-буддийской с ее поисками спасения во внефеноменальном мире заметно выделяется дальневосточная с характерной для нее установкой на стремление к социальной гармонии в результате личной активности каждого, на реализацию производительной энергии и постоянное самоусовершенствование дисциплинированного индивида, действующего в пределах санкционированной нормы.

Дальневосточный индивид, резко отличающийся от ищущей спасения во внефеноменальном мире личности индо-буддийского мира и от скованного религией правоверного, не может, конечно, быть поставлен рядом с европейским гражданином-собственником, на страже прав и свобод которого стоят общество и государство. Однако стоит дать дальневосточному индивиду хотя бы некоторые из тех условий и гарантий, которыми обладают европейцы, и избавить его при этом от чрезмерной регламентации сверху, со стороны государства, как он при его культуре труда, социальной дисциплине с ориентацией на этическую норму, неприхотливости и умении довольствоваться малым не только сравняется с европейцем, но и кое в чем превзойдет его, — достаточно еще раз напомнить о феномене хуацзо.

Если коснуться сферы человеческих отношений, личности и социума, то опять-таки окажется, что ближе всего к европейскому стандарту стоит дальневосточная цивилизация, где при всей строгости социального регламента всегда поощрялись способности, соревновательность в условиях нерелигиозной ориентации и стремления к достижению благосостояния. Ислам с формальным равенством приниженных и задавленных социальным регламентом рабов Аллаха или Индия с ее кастами, да и буддизм с его ориентацией на спасение в мире потустороннего не оставляют много места для самореализации потенций индивида. Что же касается власти, то во всех цивилизациях Востока она имеет абсолютный авторитет и право контролировать собственника. Более того, структура выработала механизмы (речь о крестьянских восстаниях или общинно-кастовой системе в Индии), которые призваны компенсировать ослабление власти, особенно когда она находится в состоянии кризиса, и не дать собственнику использовать это в своих интересах. Здесь все три восточные цивилизации едины и равно противоположны европейской структуре, в чем и заключается основа структурных различий между Европой и Востоком.

Таким образом, из трех больших сфер, избранных для сопоставительного анализа, одна (третья) четко фиксирует принципиальное несходство Востока с Европой, а две другие позволяют заключить, что

ближе остальных к европейскому стандарту стоит дальневосточный, тогда как далее всего от этого стандарта отстоит мир ислама. Мир ислама в некотором смысле наиболее гармонично ложится на самые отсталые структуры, как то можно видеть на примере значительной части современной Тропической Африки, Афганистана, ряда арабских стран, Индонезии, да и некоторых других регионов. Сталкиваясь с развитыми цивилизациями — будь то Индия, страны буддизма, Дальний Восток, — он не добивается аналогичного эффекта. Это может показаться противоречащим истории, ибо в пору своего распространения ислам быстро одолел районы древних ближневосточных цивилизаций. Однако ни Египет, ни Двуречье не имели религиозно-цивилизационного фундамента, сравнимого с индо-буддийским или дальневосточно-конфуцианским.

Но мало сказать, что мир ислама как религиозно-цивилизационный фундамент в наибольшей степени соответствует отсталым структурам. Он в наибольшей мере консервативен, обладает наивысшей инерцией и в наименьшей степени поддается внутренней трансформации. Причем это зависит не только от его доктринальной сущности, анализ которой в общих чертах только что производился, но также и от его внутренней силы как тотальной религии, охватывающей все стороны жизни, сливающейся воедино с политикой, с государством, доходящей в своем религиозном рвении до нетерпимости (джихад). В случае с шиитским исламом, где слитность с государством отсутствует, компенсацией выступает еще большая степень нетерпимости, питающаяся веками борьбы за самоидентификацию.

Несколько иначе обстоит дело с индо-буддийским миром, где религиозная терпимость и нейтралитет по отношению к государству создают определенные предпосылки для постепенной трансформации внутренней структуры в условиях энергичного высшего воздействия. И хотя религиозная ориентация здесь сковывает возможности человека, воздействует на него путем создания определенных социопсихологических стереотипов, она практически не вмешивается в нерелигиозные сферы бытия. А сформированная самой религией генеральная установка на определенную активность индивида (пусть даже только в сфере поиска спасения во внефеноменальном мире) все же делает свое дело, облегчая каждому — при создании благоприятной для этого ситуации — вовлечение в процесс развития. Что же касается только что упомянутых благоприятных обстоятельств, то они в интересующем нас плане связаны как с длительным воздействием колониализма, так и — в Юго-Восточной Азии — с феноменом хуацяо. Словом, при отсутствии характерной для ислама мощной инерции торможения (а стоит напомнить, что ислам в Юго-Восточной Азии в этом смысле не столь силен, как на Ближнем Востоке) и активной религиозно-идеологической индокринации, особо сильной у шиитов, индо-буддийская

традиция-цивилизация почти нейтральна по отношению к импульсам со стороны. И хотя многое в Индии (закон кармы и сила касты) и в Юго-Восточной Азии (сравнительно низкий уровень развития в условиях субтропиков и тропиков) задерживает развитие, иные факторы способствуют ему.

Что касается дальневосточного религиозно-цивилизационного фундамента, то о нем уже было сказано достаточно много: этот фундамент наиболее благоприятен для активной трансформации традиционной структуры. Мешает этой трансформации лишь сильное государство. Там, где его не было (Япония, хуацяо Юго-Восточной Азии), позитивные результаты налицо.

Завершая сопоставительный анализ, можно заключить, что религиозно-цивилизационный фундамент — важный фактор, определяющий потенции развития стран Востока. Это очень заметно на примере тех стран, где фундамент минимален, а то и вовсе отсутствует, как то имеет место в Тропической Африке. Это хорошо заметно на примере исламского фундамента: там, где он сравнительно слаб (Малайзия, Индонезия, частично Пакистан), результаты развития более ощутимы. Там, где он сильнее, нужен был в качестве компенсирующего фактора более сильный эффект колониализма, что видно на примере Турции или Египта, длительное время ощущавших на себе давление со стороны европейского капитала. Особых оговорок требует феномен богатых нефтедолларами арабских стран, где именно богатство выступило в качестве компенсатора инерции ислама. Наконец, роль цивилизационного фундамента блестяще демонстрируется на примере Дальнего Востока, где позитивное воздействие его наиболее очевидно.

Следует заметить, что с особой силой этот фактор, действовавший и до того, начинает действовать с момента деколонизации, когда он функционирует в своем, так сказать, чистом виде. Именно с этого момента ощущаются как внутренняя его сила, так и вектор импульса, что сказывается на результатах.

Условия и обстоятельства выбора пути развития

Вернемся, однако, к проблеме выбора пути развития. Проблема эта для стран зависимых встала в начале XX в., для колоний — после деколонизации в середине века. Однако если учесть сложность и неоднозначность процесса выбора и принять во внимание вызванную обстоятельствами переориентацию, то в конечном счете решать проблему пришлось всем так или иначе в одно и то же время, в основном — во второй половине XX в. (включая колебания и переориентации). От чего же зависел выбор пути?

Снова вспомним об исходных позициях: конец эпохи колониализма; политическая независимость и выход на передний план усилившегося и взявшего на себя заботы о развитии страны государства; противоречивость позиции государства (как содействовать развитию, не слишком резко меняя привычный для людей образ жизни); религиозно-цивилизационный фундамент, содействующий или препятствующий курсу на трансформацию традиционной структуры; противоположные по многим параметрам эталоны-полюса возможного индустриального развития. И главное — необходимость все же сделать выбор, подчинив ему в дальнейшем политику страны, разработав соответствующую стратегию развития. Исходные позиции в общем были однотипны для всех, хотя равнодействующая всех упомянутых факторов могла быть весьма различной по мощи и вектору импульса. Этот импульс мог быть сильным и позитивным, т. е. объективно содействующим энергичной внутренней трансформации, что было наиболее характерно, как о том уже шла речь, для стран Дальнего Востока с их конфуцианским религиозно-цивилизационным фундаментом. Он мог быть, напротив, сильным и негативным, т. е. олицетворять собой мощь инерции, что наиболее характерно для стран ислама, особенно шиитского ислама. Но для многих стран Востока, включая и Африку, импульс был слабым, порой практически нулевым.

Что означала или могла означать разница в мощи и векторе импульса? Сильный негативный импульс означал прежде всего энергичное сопротивление структуры любым воздействиям на нее извне, стремление остаться самим собой, кульминацией которого можно считать события рубежа 70 — 80-х годов в Иране. Смягчающие факторы и обстоятельства могли несколько повлиять на положение дел, как то имело место в богатых нефтедолларами аравийских монархиях: нефть здесь сделала внутреннюю трансформацию безболезненной, а ориентацию на капиталистический стандарт ненавязчивой, даже в некотором смысле необязательной — особенно для тех, кто этого не желал (бедуины). Однако это действовало отнюдь не обязательно. Богатые нефтью Ливия и Иран использовали свои нефтедоллары для того, чтобы еще резче противопоставить неисламскому и особенно западному миру с его еврокапиталистическими стандартами свои, нарочито акцентированные исламские ценности с явно фундаменталистской окраской. За ценности фундаменталистского ислама высказываются ныне определенные силы и в иных исламских странах, от Афганистана и Судана до сравнительно развитого Алжира. И только там, где сам ислам и тем более его негативный импульс изначально были ослаблены, т. е. вне территории Ближнего Востока, от Пакистана до Индонезии, развитие по еврокапиталистическому пути в наши дни явно выходит вперед по сравнению с привычными исламскими ценностями, хотя и при сохранении чтимых традиций.

Слабый или нулевой импульс, характерный для стран индо-буддийской цивилизации и для Африки, означал, что многое в развитии,

в ориентации при выборе пути здесь зависит от внешних обстоятельств, порой просто от случая. Пример Африки наиболее нагляден. Но стоит вспомнить и об Индии, чей путь был избран за нее англичанами, о буддийских странах Индокитая, с легкостью становившихся жертвами любителей социальных экспериментов. Впрочем, ослабленный импульс всегда был залогом неудачи любителей рискованных экспериментов, что опять-таки видно и на примере современной Африки, и в буддийском Индокитае, где последний из такого рода экспериментов — бирманский — явно близится к благополучному концу. Во всяком случае благоприятные для успешного развития внешние обстоятельства могут сыграть в условиях слабого или нулевого импульса решающую роль.

Сильный позитивный импульс, характерный для стран, внутренне как бы готовых к активной трансформации, проявляет себя далеко не автоматически. Можно даже сказать, что внешне он себя вовсе не проявляет, так что феномен Японии долгие десятилетия был своего рода уникальным явлением. Но выявившиеся во второй половине XX в. закономерности развития стран Дальнего Востока, ориентированных на конфуцианские цивилизационные ценности, позволяют поставить вопрос иначе, т. е. выдвинуть на передний план именно способность и потенции для трансформации как таковые. Стоит напомнить, в частности, что именно дальневосточные страны оказались лидерами в движении по обоим наметившимся в послевоенном мире путям развития и радикальной трансформации — по марксистско-социалистической и еврокапиталистической модели.

Было ли в странах этого региона внутреннее сопротивление структуры навязываемым извне переменам? Безусловно, оно ощущалось даже в Японии. Но по сравнению с другими регионами это сопротивление было каким-то иным, достаточно своеобразным. Менять свои привычки под бесцеремонным нажимом извне никто особенно не хотел, как это видно из истории Китая, Кореи или Вьетнама в конце XIX — начале XX в. Достаточно еще раз напомнить об их этуанях. Но коль скоро ситуация стала необратимой и практически с этим уже ничего нельзя было поделать, прагматизм дальневосточной традиции вышел на передний план и сказал свое веское слово. В Японии раньше других; на континенте — несколько позже и иначе. Но во всех случаях прагматическая реакция стран Дальнего Востока означала, что страны, раз уж это неизбежно, к переменам готовы. Они готовы мобилизовать свои потенции для того, чтобы даже способствовать такого рода переменам. Вопрос лишь в том, в каком направлении начать трансформацию, какой путь избрать для развития. И если в этом пункте пути стран Дальнего Востока кардинально разделились, то зависело это прежде всего от случайных и тем более внешних обстоятельств. Рассмотрим ситуацию в этом смысле более подробно.

Как о том уже шла речь, компартии вскоре после 1917 г. возникли во многих странах Востока, однако далеко не везде они смогли стать

влиятельной политической силой. Ранее других этого удалось добиться компартии Китая, несколько позже — Вьетнама. Этому способствовало многое, но едва ли не важнейшую роль сыграло то, что лозунги компартий с их призывом к социальному переустройству посредством достижения власти в ходе массового революционного движения были не только близки и понятны именно в странах Дальнего Востока (как они были чужды массам в Индии и не всегда понятны в мире ислама или в буддийских странах), но и во многом сущностно совпадали с нерелигиозной в своей глубинной основе конфуцианской ориентацией на социальную справедливость и государство всенародной гармонии во главе с мудрыми и заботливыми правителями. В ходе Второй мировой войны и японской оккупации Китай и Вьетнам оказались в состоянии глубокого внутреннего кризиса, а выход из него, как то обычно бывало в странах конфуцианской культуры, оказался тесно связан с массовым народным движением, которое на сей раз было возглавлено коммунистами. Во Вьетнаме это привело к победе компартии в бывшей колонии, не имевшей собственного правительства, хотя и хорошо знакомой с традицией независимого государства: незадолго до революции 1945 г. во Вьетнаме еще был жив император, правда, к тому времени уже фактически давно лишенный власти французскими колонизаторами. В Китае, где существовало собственное независимое правительство, переход власти к коммунистам был облегчен внешними обстоятельствами, т. е. оккупацией советскими войсками Маньчжурии, которая была японской колонией. Это же внешнее обстоятельство сыграло еще более важную, практически решающую роль для севера Кореи, тоже бывшей японской колонией и, естественно, не имевшей собственного государства и правительства.

Итак, во Вьетнаме, Китае и на севере Кореи была заимствована сталинская модель с жесткой властью классического восточного типа при ограничении индивидуальных прав и свобод и всесилиии бюрократической администрации, опирающейся к тому же на мощную идеологическую индоктринацию. Эта модель функционально и структурно оказалась не столь уж чужда классической конфуцианской, хорошо знакомой и Китаю, и Корее, и Вьетнаму, так что нет ничего удивительного в том, что все три страны, о которых идет речь, достаточно гармонично в нее вписались. Конечно, дело не обошлось без серьезных внутренних реформ, без радикальных социальных преобразований и массовых репрессий, но многое осталось по-старому. Не только не получил развития свободный капиталистического типа рынок с конкуренцией и борьбой за прибыль частных собственников, но наоборот, все дело промышленно-индустриального развития, и финансово-экономического регулирования взяло на себя централизованное государство, а свободный рыночный обмен во многом был заменен привычной бюрократической редистрибуцией. Социальная дисциплина стала еще более жесткой, а власть божественного правителя (это особенно касается Китая и Кореи) еще более всемогущей, чем когда-либо.

Иная судьба постигла юг Кореи, остров Тайвань, бывшие английские колонии Сингапур и Гонконг, не говоря уже о Японии. Эти части все того же дальневосточного цивилизационного региона тоже были внутренне готовы к трансформации, что и было продемонстрировано оказавшейся в исключительных обстоятельствах Японией еще в XIX в. Но иные внешние обстоятельства сыграли решающую роль в судьбах этих стран и в выборе ими пути развития. Тайвань, куда бежали гоминьдановцы с захваченного коммунистами континента, стал быстрыми темпами развиваться по капиталистическому пути. Такой же путь начал реализовываться на юге Кореи, попавшем, как и Япония, после войны под контроль американской администрации и продолжавшем пользоваться и впоследствии военной и всякой иной поддержкой США. Ликвидация колониального статуса в Сингапуре и ослабление его в Гонконге означали то, что эти территории стали теперь энергично развиваться по тому пути, по которому они шли уже достаточно давно, к тому же умело используя геостратегические преимущества своего расположения на оживленных морских торговых путях. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны вскоре стали демонстрировать невиданные темпы экономического и промышленного роста, что и позволило им если и не догнать Японию, то во всяком случае заметно к ней приблизиться, стать с ней почти вровень, оказаться вместе с ней флагманами капиталистической экономики всего развивающегося мира (а в недалеком будущем, вполне возможно, и вообще всего мира).

Любопытная ситуация. Цивилизационно близкие друг другу страны одного и того же региона демонстрируют потенции в развитии по противоположным моделям. Что здесь сыграло свою роль? В основе, безусловно, как о том уже говорилось, внутренняя готовность к трансформации в принципе. Но что существенно: если при трансформации по марксистско-социалистическому пути сыграли свою роль такие конфуцианские стереотипы, как извечное стремление к социальной справедливости и царству гармонии, правда, в сочетании с жесткой бюрократической структурой сильного патерналистского государства, с мощным зарядом идеологической индоктринации, то успеху в развитии по капиталистической модели способствовали совсем иные стороны той же конфуцианской традиции. Это стимуляция к самоусовершенствованию, высокая культура труда в сочетании с социальной дисциплиной и патерналистской заботой старших о младших, высокоразвитое чувство долга и моральной ответственности, постоянное стремление к знаниям, умение довольствоваться малым в неуклонном продвижении ко все большему и т. п. Все это так или иначе не просто лежит в основе японо-дальневосточной модели развития, но и дает ей те ощутимые преимущества перед евроамериканской, которые ныне уже очевидны для всех.

Специфика ситуации со странами конфуцианско-дальневосточной цивилизации, где цивилизационный фундамент сам по себе оказался

одинаково подходящ для успеха в движении по принципиально разным путям (об эффективности движения пока речи нет — имеются в виду лишь благоприятные условия для старта и первых видимых успехов), позволяет сделать вывод, что едва ли не решающим фактором оказывается внешний. Вряд ли он имеет равную силу для всего Востока, но по отношению к странам Дальнего Востока он сыграл важную роль. Вопрос, который встает в связи с такого рода выводом, имеет, однако, более широкое, нежели просто региональное значение. Он может быть сформулирован примерно так: какие обстоятельства выводят на передний план внешний фактор?

Если поставить вопрос таким образом, то логичным будет следующий ответ: тогда, когда возникает ситуация вакуума власти. Или, иными словами, когда то или иное государство на распутье, чаши весов истории сбалансированы, так что роль случая, личности и внешних обстоятельств может оказаться в данный момент решающей. Выше уже много говорилось о противоборствующих тенденциях, о гасящих друг друга факторах. Логично заключить, что эта-то ситуация и создает уравновешенный, как бы нейтральный баланс сил и что опирающаяся на этот баланс власть непрочна, как бы висит в воздухе. Это и есть вакуум власти.

Но вакуум власти — еще не все. Это лишь благоприятное условие. Для реализации его нужен тот самый внешний по отношению к стране и власти фактор, который выше был назван решающим. Но как действует этот фактор? Случайный ли это импульс или нечто постоянно действующее? Видимо, могло быть по-разному. Но приоритет безусловно за постоянно действующей силой, рождающей определенное поле политического напряжения. И поскольку это поле сыграло свою весомую роль в судьбах современного Востока, о нем стоит сказать подробнее.

Роль идеологическо-политического поля напряжения

Понятие поля идеологическо-политического напряжения не является общеупотребительным в современной политологической терминологии и потому требует некоторых пояснений. В самом общем виде речь идет о том, что в политологии XIX—XX вв. именовалось зонами влияния тех или иных держав. Но к одному этому проблема не сводится. Имеются в виду не только зоны политического влияния, т. е. непосредственного воздействия одних стран на другие, но и влияние косвенное, идеологическое, доктринальное.

Векторы политического и идеологического влияния могли совпадать, как то чаще всего бывало в случае с исламизацией, но могли и не совпадать. Буддизм, например, мирно проникал в страны, весьма

далекие от Индии, где он появился на свет. Но для XIX и тем более для XX в. стало закономерностью сближение этих векторов, даже слияние их и соответственно взаимное усиление. Отчего это произошло?

XIX век поляризовал мир на две его неравные части, западную и незападную, капиталистическую и некапиталистическую. Хотя эта поляризация в реальности была противостоянием, но просто к противоборству не сводилась. Напротив, доминантой ее было активное воздействие капиталистического Запада на некапиталистический мир традиционного Востока (в широком смысле этого слова) с тем, чтобы преобразовать его по своему образу и подобию. Эта объективная поставленная историей сверхзадача способствовала сближению цивилизационного (западного идеологического), политического и экономического (экспансия капитализма) векторов и слиянию их в противостоянии всему незападному и некапиталистическому миру в целом, включая и такие его давно уже прозападные части, как Россия. Некапиталистический не-Запад, в том числе и Россия, этому активно сопротивлялся, выдвигая на передний план идею собственной самобытности в самых различных ее вариантах. В результате в мире возникало великое множество доктринальных религиозно-идеологических импульсов, противостоявших западнокапиталистическому и в меру своих сил нейтрализовавших его. При этом доктринальные идейно-религиозные импульсы обычно сливались по вектору с политическим сопротивлением соответствующих стран, так что сближение и слияние политического и идеологического векторов стало нормой и для трансформирующегося традиционного Востока.

XX век внес свои весомые коррективы в это противостояние. Во-первых, он положил конец кажущемуся единству глобального западнокапиталистического противостояния некапиталистическому не-Западу. Противоречия между странами Запада, до поры до времени как-то решавшиеся на уровне европейской политики и дипломатии, вышли за пределы этого уровня, проявив себя в двух мировых войнах, в ходе которых многие из стран Востока оказались втянутыми метрополиями во враждующие политические блоки. Во-вторых, мощные тоталитарно-утопические европейские по происхождению доктрины в силу ряда благоприятствовавших им обстоятельств превратились в глобальную идеологическо-политическую силу. С одной из таких доктрин, фашизмом, весь мир соединенными усилиями покончил во Второй мировой войне. Вторая, коммунистическая, напротив, вышла из этой войны в числе победителей и обрела дополнительный престиж, весьма привлекательный для незападного некапиталистического мира, о чем уже достаточно подробно говорилось.

В результате этих исторических перемен в мире сложился новый и еще более, чем в XIX в., резкий биполярный баланс сил. Он возник сразу же после Второй мировой войны, когда место поверженного

фашизма в качестве грозной противостоящей буржуазной демократии силы занял сталинский коммунизм, да еще и оснащенный атомной, а потом и водородной бомбами. Биполярный баланс, усиленный средствами массового уничтожения с обеих сторон, создал в мире два мощных по импульсу и заряду противостоящих друг другу вектора силы. Эти векторы, в свою очередь, породили мощные поля идеологическо-политического напряжения, причем такие поля стали постоянно действующими, хотя и пульсирующими, волнообразно усиливающимися либо чуть ослабевающими. Важно добавить к сказанному, что, хотя поля напряженности, о которых идет речь, сложились только после Второй мировой войны, первые признаки их существования появились в мире значительно раньше, вскоре после октябрьского переворота в России в 1917 г. и возникновения Коминтерна, ставившего своей целью координацию усилий коммунистов во всем мире ради уничтожения капитализма и буржуазной демократии. Коминтерн, как известно, активно работал и в странах Востока, но преуспел только в некоторых из них, более всего — в странах Дальнего Востока, для чего, как явствует из приводившегося выше анализа, были благоприятные условия.

Поля напряженности как глобальная всепланетная сила состояли как бы из двух надвигающихся друг на друга и теснящих одна другую противостоящих и заряженных противоположными зарядами сил. И от того, в чьей зоне оказывались те или иные страны, многое зависело. Стоит сразу же оговориться, что речь не только о зоне непосредственного политического влияния, как о том уже упоминалось, но также и о сфере опосредованного идеологического воздействия, которое временами проявляло себя в самых разных местах — практически везде, где возникал феномен вакуума политической силы, причем именно тогда, когда этот вакуум становился особенно серьезным и заметным.

Итак, феномен вакуума политической силы, превращающийся под воздействием идеологическо-политических полей напряжения в важный фактор ориентации и выбора пути, начал играть весьма существенную роль в жизни стран современного Востока в постколониальное время. Как конкретно это выглядело?

Восток на перепутье

Постколониальный Восток не мог оставаться таким, каким он был до времен колониально-капиталистической экспансии. Не мог потому, что времена изменились, что весь неевропейский мир так или иначе был уже втянут в систему мирового рынка, т. е. рынка капиталистического со всеми вытекавшими из этого следствиями, вынуждавшими страны Востока к трансформации в сторону западнокапиталистической

модели развития. Соппротивление такого рода трансформации было естественным для любого нормального социополитического организма. Практически это означало, что в каждом регионе, в каждой из стран Востока, да и в любой другой неевропейской некапиталистической стране складывалось свое соотношение сил между теми, кто ощущал и сознавал необходимость перемен ради выживания и направлял свои усилия к тому, чтобы оптимально приспособиться к новым условиям жизни, и теми, кто ни при каких обстоятельствах не желал изменений и решительно им сопротивлялся. Япония и Иран были своего рода символами, олицетворением обеих тенденций, крайними точками достаточно обширного диапазона вариантов, продемонстрированного Востоком.

Противоборство обеих тенденций внутри каждой страны было нормой для стран Востока в XX в., причем оно еще более усилилось после деколонизации. Во многих случаях результатом его было взаимное гашение противостоявших друг другу импульсов. И хотя эти импульсы временами усиливались, порой даже рождая мощные вспышки, сама по себе постоянная ситуация противоборства рождала синдром внутренней политической слабости, неуверенности и шатаний, колебаний в выборе пути для новых, да и не новых государств. Это и есть тот вакуум политической силы, о котором уже упоминалось. Вакуум не в том смысле, что нет власти или у власти нет никакой силы. Порой бывало в избытке и то, и другое. Суть вакуума в том, что у власти нет серьезной и надежной опоры в стране, как нет никакой уверенности в том, что народ готов ее активно поддерживать. Соответственно нет и политического иммунитета. А это значит, что при любом легком воздействии со стороны, при слабом даже сгущении туч идущего извне политического и идеологического напряжения того или другого характера страна достаточно легко подвергается инфекции, заражению чужими идеями. А так как ветры меняются, а вместе с ними на смену одним тучам могут прийти другие, то изменяется и поле напряжения, характер заражения. И если отойти от метафор и говорить строгим политологическим языком, то все это означает, что на политический выбор страны оказывается достаточно несложно повлиять извне. Решающим фактором в этих условиях, как то уже отмечалось, становится фактор внешний. Под сильным внешним воздействием большинство стран Востока и делало свой выбор судьбы, выбор пути.

Каждый знает, что такое выбор, особенно серьезный, судьбоносный, единственный в своем роде. Сделать его непросто, и правильное решение дается не всем и не всегда. Особенно когда есть весомые «за» и «против» в любом из вариантов выбора. Для стран постколониального Востока выбрать западный капиталистический путь и открыть все двери частной собственности, включая иностранную, и свободному рынку означало обрести поддержку метрополии и вчерашней колониальной

администрации, получить необходимую финансовую, техническую и иную помощь. Но это в то же время означало длительное и достаточно унижающее существование под давлением структурно чуждой силы (синдром неокOLONиализма) и в большинстве случаев требовало в какой-то мере пожертвовать традициями, а то и религиозно-цивилизационной и национально-культурной идентичностью. То есть жить уже не так, как жили предки. И хотя сложность ситуации и степень зависимости при этом сильно варьировали (одно положение в Индии, другое в Африке), чем-то жертвовать в обмен на успехи в развитии по капиталистическому пути все-таки так или иначе приходилось всем. Но, как известно, несмотря на это, многие страны Востока твердо избрали именно такой путь, бескомпромиссно следовали ему и, как правило, за несколько десятилетий уже немало достигли. Практически сказанное означает, что страны, сделавшие подобный выбор, оказались в поле идеологическо-политического напряжения Запада, его образа жизни.

Был, как упоминалось, и иной выбор, сделав который можно было сохранить привычную структуру, но при этом, как тогда казалось, тоже преуспеть в развитии. Этот выбор был притягателен тем, что можно было решительно отказаться от ненавистного капитализма, сохранить традиционные для Востока нормы эгалитарного коллективизма с авторитарной властью при жесткой, но привычной социальной дисциплине населения. Правда, при этом не было места ни экономической, ни вообще какой-либо иной свободе, без чего немислим свободный рынок. Но зачем он, этот рынок, если можно обойтись и без него, как о том свидетельствовал опыт стран марксистского социализма, прежде всего могущественного СССР?

Марксистский социализм в его псевдонаучной упаковке и с его зримыми тогда, в середине XX в., достижениями был весьма привлекателен для многих интеллектуалов Востока, активно искавших выход для своих стран из кризисного тупика. Преимущество его было, помимо прочего, в том, что идеологический заряд утопической доктрины был в чем-то схож с привычными эгалитарными утопиями народных масс и тем самым хорошо на них воздействовал, бил, что называется, в самую точку. Богатые собственники и собственность как таковая, если она не была обусловлена силой власти, ставились под сомнение, особенно в их не слишком уважавшейся на Востоке частной индивидуальной форме, что явно импонировало воспитанному во многих странах Востока на эгалитарных утопиях населению. Преимуществом, о чем уже шла речь, было также то, что марксистско-социалистический выбор не требовал радикального переустройства структуры. Достаточно было отнять имущество у собственников и раздать его неимущим — и все преобразования, к удовольствию большинства, на этом заверша-

лись. Далее восстанавливалась привычная норма, разве что несколько более жесткая, чем прежде.

Итак, сложившееся в мире еще до Второй мировой войны и затем резко усилившееся, поляризовавшееся противоборство двух полей политического и идеологического напряжения настоятельно требовало от деколонизовавшегося Востока определить свои позиции, сделать свой выбор. Этот выбор определялся многими факторами, о которых уже говорилось достаточно подробно. Сложность была в том, что факторы действовали в разных направлениях, опирались на противостоявшие друг другу тенденции и в силу этого нередко взаимно нейтрализовывались. Во многих случаях в результате возникал вакуум политической силы. И тем самым на передний план выходили факторы субъективные, будь то случай, стечение обстоятельств, решение группы активных деятелей и т. п. А все эти субъективные факторы, в свою очередь, были весьма подвержены влиянию со стороны, обретали потенции под воздействием тех самых полей напряжения, о которых идет речь. Именно так решила в свое время наша судьба, судьба России, после чего опыт России внес свой вклад в расстановку сил и определение сфер влияния разных полей напряжения.

Говоря о постколониальном Востоке на перепутье, следует обратить внимание еще на один аспект проблемы. Выбор капиталистического пути давал в целом однотипные результаты, хотя они и варьировали в зависимости от потенциала страны, ее исходного уровня и возможностей. Выбор марксистско-социалистического пути означал выход на зыбкую почву уже не вариантов, а экспериментов, что вело к непредсказуемым и весьма различным результатам. Конечно, в чем-то общем и главном они тоже были однотипны: ни один из экспериментов к добру не привел. Но в остальном различия были весьма существенными. Одни режимы оказывались жесткими, другие более умеренными, третьи вообще отходили от догмы марксизма и искали истину в создании идейно-институциональной смеси из марксизма и социализма иных типов, прежде всего исламского. Даже в официальной марксистской лексике этот диапазон различий нашел свое отражение («страны социализма» и «страны социалистической ориентации»), хотя на деле разница была много более ощутимой и существенной и, главное, гораздо более связанной с цивилизационным фундаментом соответствующих стран, нежели то воспринималось догматической терминологией истматовского марксизма.

Цивилизационный фундамент в процессе выбора в условиях вакуума силы и постоянно действовавших полей напряжения сыграл, между тем, настолько существенную роль, что целесообразно учитывать именно его в первую очередь при рассмотрении конкретных ситуаций в различных странах современного постколониального Востока.

Пути развития современного Востока. Капитализм или марксистский социализм?

Рассмотрев проблемы, связанные с выбором пути развития в постколониальное время и обратив особое внимание как на импульсы, рождавшиеся цивилизационной традиций, так и на все прочие условия и обстоятельства выбора пути, включая эталоны для ориентации, проблему вакуума власти и роль поля идеологическо-политического напряжения, можно сделать вывод, что в послевоенном мире середины XX в. страны и народы Востока оказались на перепутье. Они вынуждены были под воздействием множества различных факторов сделать свой серьезный судьбоносный выбор.

Уже упоминалось, что сделать такой выбор нелегко. История показала, что было совершено немало роковых ошибок, которые затем приходилось исправлять. Это коснулось многих стран и народов Востока, хотя затронуло различные их группы, порой целые регионы, по-разному. Выше, в ряде предыдущих глав данной части работы об этом уже было сказано, причем в меру возможности достаточно подробно. Обратим теперь внимание на некоторые общие закономерности процесса выбора пути для каждого из крупных регионов Востока и, наряду с учетом таких внешних факторов первостепенной важности, как поле напряжения и вообще воздействие извне, постараемся выяснить роль таких не раз выше упоминавшихся, но пока еще не подвергавшихся специальному анализу факторов внутреннего характера, как национализм и религиозный фундаментализм.

Дальний Восток и Юго-Восточная Азия

Дальневосточный регион — это страны конфуцианской традиции; регион Юго-Восточной Азии в цивилизационном плане более сложен, хотя и тут конфуцианская традиция не только ощутима, но и порой, при посредстве хуацяо, явственно доминирует как раз в той самой сфере экономики, развития, которая прежде всего важна для анализа. Много общего в судьбе этих двух соседних регионов было в те решающие годы, которые для большинства стран определили выбор пути. Стоит напомнить в этой связи, что почти все страны, о которых идет речь, были в годы Второй мировой войны оккупированы Японией, а это практически означало ликвидацию или сведение на уровень марионеток правительств соответствующих государств там, где эти государства существовали. Там, где до того были колонии, это означало ликвидацию колониальной администрации и замену ее оккупацион-

ным режимом. Поражение Японии привело к освобождению оккупированных стран и территорий обоих регионов с последующей их деколонизацией. Но деколонизация в подобном рода обстоятельствах как раз и вела к ситуации вакуума власти и выхода на передний план субъективных факторов, потенции которых выявлялись под заметным воздействием извне, со стороны того или иного поля напряжения.

В первую очередь упоминания в этой связи заслуживает Вьетнам. Сразу же после капитуляции Японии в условиях практического отсутствия власти и системы администрации наиболее организованной силой здесь оказались коммунисты, чья ориентация на определенное поле напряжения в аргументах не нуждается. Вьетнам — северная его часть — был первым из государств Востока, если не считать Монголию и советские азиатские республики, где был сделан решительный выбор в пользу марксистского социализма. Выбор вполне осознанный и активно поддержанный местным населением, охотно солидаризировавшимся с коммунистическими лозунгами о равенстве, социальной справедливости, а также с осуждением частной собственности и т. п. В том, что на этот выбор оказало решающее воздействие влияние извне, т. е. поле идеологического воздействия, сомневаться не приходится: и сам Хо Ши Мин, и другие руководящие деятели вьетнамской компартии получали свое образование и становились коммунистами во Франции, где в те годы соответствующие идеи были широко распространены, особенно в студенческих кругах. Но в той же Франции получали то же образование и заражались теми же идеями и представители иных стран Востока. Однако коммунистическое правительство возникло именно на севере Вьетнама, а не где-либо еще, по крайней мере в 1945 г. Почему? Как раз потому, что конфуцианский цивилизационный фундамент оказался наиболее для этого благоприятен, а обстоятельства политического характера были таковы, что социополитический организм потерял иммунитет. В итоге занесенная извне коммунистическая идея с легкостью овладела этим ослабленным и податливым именно по отношению к ней организмом.

Нечто подобное при сходных, хотя и заметно иных обстоятельствах случилось с родственными Вьетнаму в цивилизационном плане Китаем и Кореей. Вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г., уже после Хиросимы, когда Япония находилась в состоянии шока, сыграло едва ли не решающую роль в создании на Дальнем Востоке принципиально новой ситуации. Оккупированные советскими войсками Маньчжурия и северная часть Кореи сразу же стали базой коммунистических преобразований. Все трофейное, да и, видимо, значительная часть советского оружия оказались в распоряжении руководимых китайскими коммунистами армий, что позволило им резко усилить свои позиции и нейтрализовать военную силу гоминьдановского правительства. Решающую же роль в победе сыграло идеологическое поле напряжения, о котором уже шла речь.

Китайские коммунисты и Коминтерн еще в 30-х годах создали это поле, которое в условиях политической нестабильности, вызванной поражением Японии и советской оккупацией, и становившегося все более очевидным вакуума силы сыграло в 1949 г., как и несколькими годами ранее во Вьетнаме, решающую роль. Китай, как и Вьетнам, оказался лишенным иммунитета по отношению к идеям коммунизма именно потому, что цивилизационно был податлив для соответствующих настроений. Нечто подобное произошло и в оккупированной советскими войсками Северной Корее, хотя здесь вообще не стоило бы говорить о каком-либо выборе и об активной роли масс: режим коммунизма был жестко навязан Корее оккупантами и их ставленниками во главе с Ким Ир Сеном.

Ситуация в целом достаточно понятна и убедительна. Конфуцианский цивилизационный фундамент не только не был несовместим с идеями и принципами марксистского социализма, но, напротив, оказался в чем-то внутренне близок такого рода идеям, что не могло не сыграть своей роковой роли в судьбах соответствующих стран. Более того, укрепление режима марксистского социализма в странах, о которых идет речь, позволило резко усилить соответствующее поле напряжения на всем Дальнем Востоке и даже в близлежащем регионе Юго-Восточной Азии. Среди наиболее слабых частей этого региона, отмеченных знаком вакуума власти, оказались Лаос, Камбоджа, Индонезия, Малайзия и даже Филиппины; косвенно поле повлияло и на события в Бирме. Однако во всех этих странах, чей цивилизационный фундамент существенно отличался от конфуцианского, многое происходило иначе, чем в Китае, Корее и Вьетнаме. Иными были даже сами марксистско-социалистические режимы там, где они все-таки были установлены, как в Лаосе и Камбодже. В Лаосе этот режим оказался заметно ослабленным, умеренным, в Камбодже, напротив, экстремальным, но зато и кратковременным.

Вообще регион Юго-Восточной Азии, хотя и оказался под заметным воздействием со стороны коммунистов, сумел найти в себе силы не только противостоять им, но и обнаружить серьезные внутренние потенции, позволившие усилить в этом регионе влияние капиталистического поля напряжения. Частично этому способствовала возрождавшаяся быстрыми темпами Япония. Но не только она. Нельзя забывать, что конфуцианский цивилизационный фундамент благоприятен отнюдь не только для коммунистических идей, как о том ранее говорилось. На этот же фундамент со столь же очевидной легкостью в иных обстоятельствах опираются и противостоящие коммунизму идеи и принципы капитализма. Об этом свидетельствует не только пример Японии. Китайское гоминьдановское правительство до своего поражения шло таким же путем. Более того, ситуацию на Дальнем Востоке в середине XX в. можно было бы описать с помощью классического закона физики: действие рождает противодействие. Особенно когда

каждое из них опирается на свое поле напряжения, а оба поля активно противостоят друг другу именно в этом регионе.

Превращение Китая, северных частей Кореи и Вьетнама в бастионы мирового коммунизма и соответствующее резкое усиление его позиций на Дальнем Востоке заметно нарушило баланс сил в мире в пользу коммунизма, и это вызвало мощную ответную реакцию. Активизировались военные действия во Вьетнаме, хотя они в конечном счете завершились в пользу севера. Был не только принят вызов Северной Кореи в 1950 г., когда Ким Ир Сен с благословения Сталина попытался было аннексировать южную часть полуострова, но и создана мощная ответная сила в виде войск ООН, успешно противостоявших агрессии. От континентального Китая отделился Тайвань, где установилась власть Гоминьдана, получившего, наконец, возможность в условиях стабильности завершить свою программу преобразования страны по капиталистической модели с явной ориентацией на японскую ее модификацию. И хотя все эти меры восстановить статус-кво не могли, а во Вьетнаме вовсе не имели успеха, в целом баланс сил, пусть несколько сместившийся в этом регионе в пользу коммунистического лагеря, был стабилизирован. Даже крушение южно-вьетнамского государства и последующий приход к власти коммунистических сил в Лаосе и Камбодже этот новый баланс уже не очень-то сильно поколебали. Тем более что 70-е годы, когда все это случилось, были уже временем упадка коммунистического лагеря. Приход марксистов к власти в Лаосе и особенно очевидно в Камбодже был уже чем-то вроде отчаянного пароксизма, карикатурной (в Камбодже) гримасы упавшего лагеря.

Хотя коммунистическое поле напряжения затронуло, таким образом, значительную часть Индокитая (нельзя забывать и о Бирме, военные власти которой в немалой мере питались за счет все тех же идей), Юго-Восточная Азия в целом и тем более в островной ее части оказалась в ином положении. Здесь было заметным соприкосновение обоих полей, но цивилизационный фундамент региона оказался менее податлив для коммунистических идей и более подходящ для капиталистических. Преимущество капитализма и воздействие соответствующего поля ощутили на себе и реализовали в первую очередь китайские мигранты-хуацяо, сыгравшие роль дрожжей в экономическом тесте Юго-Восточной Азии. А коль скоро процесс начался, то в условиях нейтральности буддийского цивилизационного пласта и слабости исламского именно конфуцианский пласт сыграл решающую роль в развитии стран региона. В сочетании с Японией, Южной Кореей, Гонконгом и Сингапуром страны Юго-Восточной Азии, за исключением четырех индокитайских (Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Бирмы), настолько усилили, особенно за последние десятилетия, капиталистическую активность, что баланс сил на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии вновь изменился в пользу некоммунистического юга.

Этому содействовал и общий кризис марксистского социализма, вынудивший коммунистические страны, прежде всего Китай, уже в 70-х годах пойти на радикальные реформы и тем заметно подорвать позиции прежде столь высоко чтившейся и тщательно соблюдавшейся утопической доктрины.

Африка южнее Сахары

Африка, при всей несопоставимости этого полуострова (южнее Сахары) с метарегионом Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, являет собой, пусть в миниатюре, аналогичную картину. Здесь тоже ясно фиксируются два противоборствующих поля — капиталистическое и коммунистическое. Однако цивилизационный фундамент в Африке неизмеримо слабее, слаба и социальная база власти с ее неинституционализированной административной структурой. Поэтому ситуация вакуума власти здесь оказалась почти перманентной, а роль внешних воздействий, случайных обстоятельств огромной. Иными словами, все сорок с лишним молодых государств Тропической и Южной Африки с самого своего появления на свет были легко подвержены влиянию извне. Не имея иммунитета, они покорно воспринимали тот или иной поток идеологического или политического влияния, который затем мог перекрываться противоположным по характеру. Только после этого многие из африканских стран обретали, наконец, желанный иммунитет.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что влияние марксистского социализма было в Африке очень заметным с первых же шагов деколонизации. О причинах этого уже немало было сказано. Но важно добавить, что в ряде случаев это влияние держалось на прямом и активном вмешательстве, как то было в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Намибии, где на протяжении десятков лет шли непрерывные войны и соответственно потоком текло советское оружие, не говоря уже о специалистах, а то и солдатах, например, кубинцев в Анголе. Впрочем, это же влияние, пусть в иной форме, ощущалось и в других странах вроде Танзании, Ганы, Гвинеи, Мадагаскара, Мали, Зимбабве. Список можно продолжить, но ситуация и без этого ясна: Африка оказалась податлива для распространения коммунистических идей. Правда, для закрепления там этих идей она была непригодна.

Капиталистическое влияние тоже не имело благодатной почвы для успеха в Африке. Но иммунитет, вырабатывавшийся по мере разочарования в марксистском социализме, способствовал его усилению. Иллюзии, связанные с утопическими идеями, улетучивались, а реалии жизни вынуждали прошедшую через эксперименты страну выбирать наконец рыночно-капиталистический путь. Чем дальше, тем большее количество африканских стран проходило этот тяжелый путь, а общий

кризис марксистского социализма на рубеже 80 — 90-х годов окончательно прояснил все связанные с прошлыми заблуждениями проблемы. На сегодняшний день баланс политических сил в Африке убедительно свидетельствует о крахе иллюзий. Коммунистическое поле напряжения практически исчезло буквально на глазах. Его место уверенно заняло поле капиталистическое. Однако это еще отнюдь не означает, что Африка быстро превращается в сумму буржуазных государств. Для этого у молодых африканских государств многого еще не хватает. Одно Африка имеет в достатке — горький опыт недавних заблуждений.

Этот опыт совершенно по-новому ставит сейчас проблему взаимоотношений негритянских стран Африки с ЮАР. Дело даже не только в реформах, направленных на изживание апартеида, хотя эти реформы сыграли едва ли не решающую роль в изменении отношения к ЮАР во всем мире. Дело еще и в том, что ЮАР — это витрина капитализма в Африке и что по мере разочарования в коммунистических иллюзиях Африка все более внимательно смотрит на эту витрину. Показательна в этом смысле судьба маленькой Намибии. На протяжении многих лет намибийских повстанцев содержали и соответственно ориентировали силы марксистско-социалистические. Поле коммунистического напряжения на юге Африки было огромным. Можно в этой связи напомнить, что в Москве, где не было посольства ЮАР, было представительство АНК, через которое осуществлялось сильное воздействие на южно-африканские дела. Но стоило только найти решение намибийской проблемы, как тот же С. Нуйома, глава намибийских повстанцев, став президентом Намибии, резко изменил свой политический курс. Правда, по времени эта перемена совпала с тем самым общим кризисом марксистского социализма, о котором не раз упоминалось. Однако сам факт показателен: придя к власти, Нуйома забылся не об идеях коммунизма, а о практической выгоде. Практическая же выгода диктовала ему не только хорошие, но прямо-таки близкие отношения с ЮАР. И очень похоже на то, что уже в скором времени малонаселенная, но весьма богатая ресурсами Намибия станет примерно такой же витриной африканского капитализма, что и ЮАР.

В этой связи еще раз обратим внимание и на Зимбабве, чей президент Р. Мугабе на словах продолжает провозглашать свою преданность идеям марксистского социализма, а на деле давно и весьма успешно осуществляет политику поощрения рынка и частной собственности, причем делает это не только по условиям Лондонского соглашения, но явно с трезвым пониманием реальности, т. е. так же, как и намибийский Нуйома. Быть может, нет оснований утверждать, что такая политика в случае с Мугабой является результатом резкого изменения баланса сил в Африке и практического исчезновения там присутствия СССР с его военной помощью, что представляется совершенно очевидным в случае с Нуйомой. Однако сам факт впечатляет. Он еще раз убедительно свидетельствует о том, что коммунистическое влияние в Африке исчезает, если уже не исчезло вовсе.

Страны исламского Востока и прежде всего государства арабского мира, в отличие от молодых негритянских государств Африки, давно уже до предела институционализированы в рамках жестких властных структур. И если принять, что многие страны исламского Востока долгие годы были близки к СССР и что поле коммунистического напряжения постоянно как бы окутывало мир ислама, теоретически можно было бы ожидать, что тоталитарные нормы марксистского социализма с легкостью овладеют этим миром. Однако ничего подобного не произошло, хотя и было приложено — прежде всего со стороны СССР — для этого немало усилий. Конечно, кое-какие успехи марксистский социализм в мире ислама все же может записать на свой счет: Египет времен Насера, Южный Йемен 70 — 80-х годов, с оговорками Алжир и тем более Афганистан. Но достаточно внимательно взглянуть на этот перечень, чтобы убедиться в том, что эти успехи мнимые, что они как раз подчеркивают полный провал марксистского социализма в мире ислама, причем провал быстрый и бескомпромиссный. Почему же так?

Объяснение достаточно простое, хотя для того, чтобы его понять и принять, нужно было отрешиться от прямолинейных истматовских позиций, коими руководствовались советские руководители, определявшие контуры политики в мире ислама. Ведь то несомненное обстоятельство, что между традициями ислама и лозунгами, а еще больше реалиями марксистского социализма есть немало общего и что общее здесь — прежде всего в привычной жесткости деспотизма власти, в бесчеловечности произвола администрации, в приниженности индивида и т. п., как раз и означало, что исламский мир не приемлет, не в состоянии принять марксистский социализм. Ислам — религия сильная и жесткая, даже не столько религия, сколько образ жизни. Религия здесь заменяет и идеологию, и политику, к тому же она нетерпима по отношению к любым иным идеям и несовместима с ними. Да и зачем, в самом деле, воспринимать марксизм с его лозунгами и идеями (не забудем, что марксизм — идеология западная, чуждая по происхождению), если ислам проповедует практически почти то же, не говоря уже о том, что ислам лучше просто потому, что он свой?!

Руководители коммунистического лагеря не очень-то разбирались в тонкостях ислама (и потому, к слову, часто и жестоко просчитывались, особенно в Афганистане). Но они хорошо сознавали, что ислам духовно и институционально близок к марксизму именно в том, о чем только что упоминалось. Поэтому ставка делалась не только и даже не столько на тех, кто, наподобие слабого и малонаселенного Южного Йемена, в свое время открыто примкнул к коммунистическому лагерю, сколько на те сильные режимы, которые склонялись к различным вариантам исламского социализма или национал-социализма. Дикта-

торы Сирии, Ливии и особенно Ирака всегда были духовно близки правителям стран коммунистического лагеря, причем это ощущали обе стороны. Сходство позиций по отношению к ненавистному западному капитализму как структуре и буржуазной демократии как ее политической форме сближало упомянутых диктаторов с коммунистическим миром и позволяло им рассчитывать на щедрую помощь с его стороны, которая лилась потоками, особенно если иметь в виду вооружение и вообще все, служащее милитаризации соответствующих арабских стран.

Важно оговориться, что ненависть к капитализму и буржуазно-демократическим нормам гибко сочеталась в этих арабских странах с экономическим прагматизмом, причем не только во всем том, что касалось умелого использования нефтедолларов, но и вообще в экономической политике. Не будучи связанными нелепыми догмами марксизма о частной собственности и капиталистическом рынке, диктаторы в странах арабского Востока охотно допускали умеренное развитие того и другого, продолжая при этом в традиционном восточном стиле жестко их контролировать. Эта политика в сочетании с нефтедолларами выгодно отличала если и не всегда процветающее, то вполне жизнеспособное хозяйство соответствующих стран. И важно в этой связи специально подчеркнуть, что правители стран, о которых идет речь, стремились и продолжают стремиться сделать из своих режимов нечто вроде третьей силы, не капиталистической и не коммунистической. В этом смысле рядом с ними стоило бы поставить и Иран, наиболее последовательно осуществляющий именно такого рода политику.

Именно усилиями лидеров агрессивных стран арабского и вообще исламского мира биполярная структура мирового баланса сил за последнюю четверть века начала деформироваться, по меньшей мере в регионе Ближнего Востока. Оба поля напряжения, капиталистическое и коммунистическое, активно боролись за воздействие на Ближний и Средний Восток. Оба имели там определенные позиции, сталкивались друг с другом в борьбе, но при всем том именно в этом едва ли не наиболее хрупком для дела мира регионе сказывалась ограниченность силы обоих полей, к тому же явно нейтрализовавших одно другое. Можно даже сказать, что на Ближнем Востоке закладывались основы для своего, третьего, воинственного исламского поля напряжения, противостоявшего не без успеха двум главным полям. А центром, ядром, связующей силой и большим местом нового поля была и остается Палестина. Вот на этой-то болезненной для исламского ближне- и средневосточного мира проблеме и решили было сыграть руководители коммунистического лагеря. Расчет был прост, даже примитивен: поддержав палестинцев и резко осудив Израиль, лагерь коммунизма завоеует поддержку воинственных арабских режимов, превратит мир ислама в своего союзника и тем самым ослабит мир

капитала. И если идеи коммунизма не воспринимаются на исламском Востоке, то прагматическая выгода должна взять свое.

Надо сказать, что до известной степени эти расчеты оправдались. В острой проблеме Палестины позиции коммунистов были предпочтительнее. Связи с арабским миром становились достаточно тесными, хотя и были экономически выгодны именно арабам, не очень-то торопившимся оплачивать счета, например, за советское оружие, потоком шедшее в наиболее агрессивные арабские страны. Но достаточно быстро, особенно после начала нефтяного бума, выяснилось, что влиятельная часть арабского мира, аравийские монархии, сделали открытую ставку на капитализм. Выяснилось также, что без капиталистических арабских нефтедолларов агрессивные антикапиталистически настроенные режимы просуществовать уже не могут. Иранская революция внесла в нарушившийся тем самым баланс сил свой заметный вклад, резко выступив как против капитализма, так и против коммунизма. В результате стратегические расчеты стали рушиться, а позиции коммунизма на Ближнем Востоке быстро ослабевали.

80 — 90-е годы завершил начавшийся процесс. Кризис марксистского социализма в планетарном масштабе практически снял с повестки дня проблему противостояния двух враждующих сил. Влияние агонизирующего лагеря коммунизма быстрыми темпами шло к нулю. Авантюра иракского Хусейна продемонстрировала ярче всего, что этого лагеря больше нет, тогда как капитализм по-прежнему процветает и при этом достаточно силен, чтобы дать хороший урок любому агрессору. Логическим результатом разрядки напряженности в зоне Ближнего Востока стал разгром войск Хусейна с последующим ростом престижа Израиля и установлением с ним дипломатических отношений странами бывшего лагеря коммунизма. Жесткая конфронтация в регионе, видимо, подходит к концу. Начинается период поиска компромиссов, прежде всего в решении проблемы Палестины.

Несколько слов в связи с проблемой пути развития необходимо сказать и о молодых государствах постсоветского Востока, — о тех, коренное население которых более или менее тесно связано с исламской традицией. После того, как поле коммунистического напряжения в этих странах стало быстро исчезать, а влияние западной капиталистической цивилизации с основными ее аксессуарами стремительными темпами расти, здесь со всей остротой встал затронутый выше вопрос о роли третьего, исламского поля напряжения. В главе, посвященной республикам постсоветского Востока, уже затрагивалась эта проблема. Не повторяясь, необходимо лишь заметить, что роль этого третьего поля становится с каждым годом все ощутимее. Оно как бы вытесняет первое (коммунистическое), вступая на каждом шагу в противоборство именно с ним. И если в рядах руководства государств постсоветского Востока преобладают выходцы из советской коммунистической партноменклатуры, то на более низком уровне администрации влияние

ислама чувствуется достаточно сильно. Более того, оно всерьез затрагивает и руководителей из числа бывшей партноменклатуры, которые вынуждены считаться с реальностью и, как не раз упоминалось выше, поддерживать ислам умеренного толка, стараясь, пока это в их силах, не допустить его представителей к политическим рычагам.

Южная Азия

Индия и соседние с ней страны, включая те, что отошли от нее в процессе деколонизации, с первых же послевоенных лет были устойчивой зоной развития по капиталистическому пути. Цивилизационный фундамент здесь оказался принципиально неблагоприятным для экспериментов в марксистско-социалистическом духе, при всем том, что в Индии есть две влиятельные компартии, одна из которых многие годы провела у руля правления такого штата, как Бенгалия с ее столицей в Калькутте. Можно даже сказать, что индийские коммунисты настолько цивилизованны, что больше заботились об успехах демократической администрации в той же Калькутте, чем о реализации кардинальных тезисов марксизма (уничтожение частной собственности и буржуазной демократии). Зато занесенные в Индию англичанами демократические традиции хорошо вросли в местную структуру, упрочив иммунитет по отношению к эгалитаристским и тем более революционаристским доктринам. Постепенно трансформируясь в сторону рыночно-частно-собственнической структуры, страны Южной Азии, включая и исламские, достигли немалых успехов. Впрочем, это отнюдь не означает, что Индия и другие страны региона полностью интегрированы с капиталистическим Западом и готовы слиться с ним во всех отношениях. Отнюдь.

Хотя регион Южной Азии не противопоставляет себя миру развитых капиталистических стран и менее всего заботится о создании чего-то вроде третьей силы, чем столь озабочены некоторые ближневосточные режимы, он тем не менее не упускает случая подчеркнуть свой нейтралитет. Индия — крупнейшая из так называемых неприсоединившихся стран. И хотя смысл неприсоединения в условиях исчезновения коммунистического лагеря как бы испарился, факт остается фактом: Южная Азия существует как бы сама по себе, сама выбирает свое место в общемировом балансе сил, включая отношения с Западом, СССР (теперь — Россией и иными республиками бывшего Союза) и Китаем. При этом внутри региона есть свои разногласия и напряженные отношения, например между Индией и Пакистаном, двумя крупнейшими странами Южной Азии.

Специфика цивилизационного фундамента и нейтралистской политики региона, особенно самой Индии, заметно уменьшают роль

Южной Азии в мировом балансе сил. Коммунистический лагерь никогда всерьез на успехи в этом регионе не рассчитывал, капиталистические страны не боялись его утратить и легко смирились с нейтральным его статусом, видя в нем резонно залог некоей стабильности. За Индию никто и никогда не вел и не ведет борьбу, как за Ближний Восток или Африку, ибо здесь все было до предела ясным. Можно даже сказать, что здесь никогда не было того вакуума власти, которым отличались многие другие страны Востока. И вовсе не потому, что государства Южной Азии традиционно сильны, — как раз напротив, они традиционно слабы, и об этом уже шла речь. Все дело в том, что государства с их стабильным политическим курсом устойчиво и надежно всегда опирались на привычные нормы существования и отвечали в своей политике этим нормам. И коль скоро о вакууме силы и власти говорить не приходится, то отсюда вытекает, что в этом обширном регионе практически не было сколько-нибудь значительных полей напряжения, ни коммунистического, ни капиталистического. Просто тех зерен, что посеяли в свое время колонизаторы-англичане, оказалось достаточно, чтобы в Южной Азии проросли капиталистические всходы.

Резюмируя все сказанное о роли внешних влияний и полей идеологического напряжения на постколониальный Восток, легко сделать вывод, что вакуум власти был не везде. Его практически не было в мире ислама, где власть традиционно внутренне сильна, и в Южной Азии, где она традиционно слаба. Зато вакуум оказался решающим фактором в Африке с ее неинституционализированной структурой и в ослабленном колонизацией, а затем японской агрессией метарегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Наличие или отсутствие вакуума силы и власти сыграло свою едва ли не решающую роль в том, что в процесс естественной вызванной веками колониализма трансформации традиционного Востока по западнокапиталистической рыночной модели вторгся силовой фактор коммунистического эксперимента.

Созданное этим влиятельным фактором мощное силовое поле своим напряжением воздействовало как раз на те регионы, где был вакуум власти и где цивилизационный фундамент в силу разных причин оказался подходящ для социальных экспериментов по-марксистски. Начатые в XX в. в России эксперименты были продолжены в Китае, Корее, во Вьетнаме и ряде стран Африки, не говоря уже о Кубе или небольшом Никарагуа в Латинской Америке. На первых порах процесс отпадения от нормы и присоединения к коммунистическому лагерю одной за другой все новых стран не ощущался чересчур болезненно. Позже, однако, он стал вызывать заметную обеспокоенность, особенно среди тех, кто хорошо знал, что такое коммунистический лагерь, кто испытал на себе все прелести ГУЛАГа. Но уже с конца 70-х и особенно

в 80-х годах процесс прекратился и, более того, дал обратный ход, причем чем дальше, тем ошутимее. Почему?

Можно было бы просто ответить на этот вопрос, что сила коммунистического лагеря стала иссякать, а притягательность его в глазах стран Востока резко упала. И этот ответ был бы совершенно справедливым. Но остались бы другие, вполне закономерные вопросы: а почему именно так? Почему лагерь ослаб? Что обусловило его упадок и как именно это ощутили на себе те страны Востока, которые оказались к нему причастны? В самом общем виде об этом уже шла речь, и не раз. Но стоит взглянуть внимательнее на те механизмы, которые привели к известному всем результату. Или, иначе говоря, почему коммунистический эксперимент провалился? Обязательно ли он должен был провалиться? Каковы, если так, его внутренние пороки?

Многие из стран современного Востока — их явное большинство — так или иначе отдали дань социалистическому выбору. И хорошо, если это был немарксистский социализм типа дестуровского в Тунисе. Но в подавляющем большинстве речь идет либо прямо о марксистском социализме, либо о близких к нему типах деспотического социалистического режима (Сирия, Ирак, Ливия), в лучшем случае в несколько смягченном варианте (Зимбабве, Алжир, Бирма, Индонезия).

О том, чем именно привлекал к себе отсталые страны Востока социализм и как воздействовало на эти страны созданное лагерем коммунизма поле идеологическо-политического напряжения, включая подчас и прямое вмешательство во внутренние дела тех или иных стран Востока, речь уже шла. Можно добавить к сказанному, что в пользу марксистско-социалистического или близкого к нему пути работало много разных факторов, как специфических для данной страны, региона, цивилизации, так и общих для всего Востока, для всего неевропейского мира. То общее, что имеется в виду, — это прежде всего объективная несовместимость неевропейских стран с капиталистической структурой и совместимость их с марксистско-социалистической. Обращая внимание на это обстоятельство, существенно заметить, что и марксистский социализм со своей стороны — пусть не как доктрина (ибо доктрина разрабатывалась как раз для развитых стран капиталистической Европы), но как практическая ее реализация — оказался пригодным именно для неевропейского мира, начиная с России. Ни в одной из развитых стран европейской культуры марксизм не победил — разве что некоторым из них был навязан силой, как в Восточной Европе. И это не случайно. Он оказался несовместимым с европейской традицией, системой ценностей, внутренней структурой, а потому и не имел шансов на успех, что с горечью ощутил сам творец доктрины на склоне своих лет. Зато марксизм победил в России, где структура была переходной, где шел процесс, аналогичный тем, что испытывали в ту же эпоху иные страны Востока, от Японии до Турции, и где в кризисной ситуации вакуум власти был компенсирован жестким идеологическим прессом (имеются в виду не только большевики, но

и вся ориентация страны, прежде всего ее интеллигенции, ее мыслящей части, на революцию).

Докапиталистическая, традиционно-восточная в основе своей структура России, в которой капитализм был еще крайне слаб, несмотря на успехи промышленности после великой реформы Александра II и преобразований Столыпина в сельском хозяйстве, оказалась не только совместимой с марксистско-тоталитарной, она совпала с ней по вектору, ибо обе были резко против капитализма. И это сыграло роковую роль в судьбах России. Стоит в этой связи вкратце рассмотреть, как проявила себя марксистско-социалистическая модель развития в России, ибо в конечном счете именно она стала в XX в. эталоном для подражания в неевропейском мире.

Марксистский социализм в России

Модель, о которой идет речь, чаще всего ассоциируют с именем Сталина, сыгравшего решающую роль в ее реализации. Однако начали работу в том же направлении и действовали теми же методами Ленин и Троцкий, возглавившие в свое время большевистский переворот в России и навязавшие измученной и ослабленной стране режим военного коммунизма. Только неминуемый крах, ожидавший этот режим в 1921 г., симптомом чего был кронштадтский мятеж моряков революционной Балтики, заставил большевистских вождей ввести в стране нэп, позволивший ей вздохнуть и начать жить по-человечески. Однако нэп, как известно, был лишь передышкой. Возглавивший затем большевиков Сталин достаточно скоро отказался от послаблений и стал быстрыми темпами закручивать гайки, возвращая страну к угасшему было режиму военного коммунизма, принявшему внешне чуть иной облик. Не останавливаясь на деталях, несколько слов о сути той модели, что была создана Сталиным в 20 — 30-х годах и с незначительными изменениями просуществовала более полувека.

Были ликвидированы частная собственность и свободный рынок, весь экономический механизм оказался сконцентрированным в руках всесильного государства, которое взяло на себя, естественно, и функции до предела централизованной глобальной редистрибуции. Процесс концентрации власти и экономических функций сопровождался введением режима жесточайшей диктатуры, социального (против целых классов и слоев населения) и политического (против инакомыслия или неподчинения властям) террора. Сильнейшая индоктринация, возможная лишь в век развитых средств массовой информации, спекулировала на иллюзиях революционного порыва к светлому будущему. Одураченный лозунгами народ ориентировался на скорейшее преодоление трудностей и строительство основ нового общества в условиях неслыханного перенапряжения сил при нищенском уровне существования.

И многие искренне верили в лозунги, были готовы все отдать во имя светлого будущего.

Для тех, кто не верил или верил недостаточно активно, в ход пускался тщательно разработанный, утонченный до изуверства механизм принуждения. Речь идет не просто о запугивании, стремлении пресечь любое недовольство. Режим создал индустрию репрессий — ГУЛАГ и все обслуживавшие его органы, бравшие за образец ленинских чекистов. Был создан и воплощался в жизнь нормативный принцип всеобщей слежки и взаимного доноительства с наказаниями за недонесение. Все это привело к тому, что людей сковал страх, который сделал из них рабов режима, а подгонявший рабов кнут репрессий заставлял их работать, причем много, до изнеможения.

Вера, с одной стороны, и страх — с другой, а также репрессии и постоянное сверхперенапряжение — все это были составляющие того зримого успеха, которым могли похвастать коммунисты, особенно в 30-е годы, когда закладывалась основа военной индустрии Советского Союза. Война с фашистской Германией, ведшаяся в том же режиме перенапряжения и с тем же бездумным расточительством человеческих ресурсов, лишь усилила генеральные принципы сталинской модели, как бы доказав миру ее преимущества. Послевоенное время перемен измученной стране в этом смысле не принесло. Но зато именно в это время страна оказалась на пределе своих возможностей, и это объективное обстоятельство не преминуло сказаться сразу же после смерти Сталина.

Дело в том, что основанный на перенапряжении населения командно-административно-распределительный режим в его тоталитарной модификации может приносить сколько-нибудь позитивные результаты недолго, не более срока жизни одного попавшего под его безжалостные колеса поколения. Энтузиазм следующего поколения неизбежно ослабевает, вера в достижение быстрых результатов при сверхперенапряжении сил у него исчезает, а страх без веры и энтузиазма перестает безотказно действовать, все чаще дает сбой. В условиях отсутствия хоть какого-то рынка, выполняющего функции кровеносной системы социально-политического организма, когда заменой рынка выступает именно сверхперенапряжение (нечто вроде искусственного кровообращения), социальная структура быстро и резко ослабевает, оказывается на грани катастрофы. Нужны срочные меры по спасению. Какие же?

Нужен спасительный рынок. И в условиях общего ослабления социально-политического организма и его органов, включая и репрессивные, в условиях исчезновения веры и тотального страха рынок появляется. Но нелегальный, черный, со временем разрастающийся до уровня второй — теневой — экономики, берущей на себя обслуживание населения. Параллельно с теневой экономикой проявляется осмелевшая от страха репрессий, столь свойственная командно-распределительному режиму бюрократия, тесно связанная с дельцами теневой экономики в единую мафиозного типа суперструктуру.

Казалось бы, есть рынок, пусть черный, значит, вот оно, спасение! Но не тут-то было. Бюрократия и при черном рынке олицетворяет собой все то же государство, ту же власть, ту же систему тотальной редистрибуции. А причастность экономики к власти принципиально несовместима с экономической эффективностью хозяйства, ибо бюрократ не заинтересован ни в прибыли, ни в открытом рыночном регулировании, ни в сбыте товаров, произведенных на предприятии, которым он руководит. Его зарплата зависит не от рынка или сбыта, не от качества либо конкурентоспособности произведенного товара, а от регулярных выплат из казны. Примерно так же обстоит дело с теми, кто работает на предприятии и производит товар: не качество и конкурентоспособность, но количество товара, вал определяют норму выработки и соответственно заработок. Бюрократ может при этом погреть руки на связях с дельцами теневой экономики, но эффективности экономике в целом это не добавит.

Экономическая неэффективность, являющаяся следствием такого рода хозяйственного механизма, ведет к развалу народного хозяйства, к разращению отвыкающего от качественного труда работника, не заинтересованного в хорошей работе и потому не включающего всех своих потенциалов. А без экономического интереса, реализуемого на свободном рынке, структура в целом приходит в состояние стагнации. Правда, черный рынок, теневая экономика включает те потенции, которые оказались ненужными экономике государственной. Именно здесь на первое место выходит интерес, который не работает там, именно здесь имеет первостепенное значение качество товара. Но теневая экономика потому и теневая, что официально существовать не может, ибо основана на рынке и частной собственности, официально системой не признаваемых и преследуемых в уголовном порядке. Для того, чтобы все-таки существовать в таких условиях, свыше половины своих доходов дельцы теневой экономики вынуждены отдавать на подкуп представителей власти. Результат очевиден: тотальная коррупция администрации и не только стагнация, но и гниение структуры в целом.

Весь этот путь проделала наша экономика, причем последние его этапы характеризовались лихорадочным стремлением отдать все средства страны на военную индустрию, что окончательно изуродовало баланс народного хозяйства. Только гигантские доходы от нефтедолларов удерживали страну от окончательного краха в 70 — 80-х годах. Но и нефтедоллары кончались, что сыграло существенную роль в наступлении эпохи кризиса первой в истории страны марксистского социализма. Кризис, о котором идет речь, был глобальным и всесторонним. Касаясь его причин и конкретных форм, не следует ограничиваться 70-летним периодом коммунистического эксперимента.

Нет слов, этот губительный эксперимент сыграл свою роковую роль в истории огромной страны, приведя к гибели и — во много меньшем объеме — к эмиграции не менее полусотни (скорей значительно боль-

ше) миллионов граждан, правильной сказать — бесправных подданных. Но почему подданные коммунистической империи столь легко оказались во власти небольшой кучки коммунистов-экстремистов, не только сумевших на удивление легко взять власть в 1917 г., но и выигравших после этого Гражданскую войну и заставивших всех делать то, что они считали нужным? Конечно, сыграли свою роль насилие и страх, о которых было упомянуто. Свое дело сделала и отстаивавшаяся коммунистами сладко-привлекательная вера в светлое будущее. Но почему все это сработало? Где была традиционная нравственность людей, которая должна была противостоять жестокостям и террору насильников, рушивших все, на чем веками стояла Россия?

Этот вопрос задают себе сегодня многие, но мало кто способен дать на него адекватный ответ. Между тем ответ есть. И уходит он корнями в историю России с ее огромными просторами и разъединенными людьми, не привыкшими к корпоративной солидарности в рамках семьи и рода, крепкого клана, землячества. Русская община («мир») была искусственным образованием, возникшим поздно и игравшим в деле сплочения и корпоративной солидарности весьма ограниченную роль. Что касается нравственного стержня, крепкой традиции моральных устоев, то и в этой сфере трудно найти что-либо менее завидное, чем русские нормы. Православная церковь, оторванная от людей церковнославянской вязью своих проповедей, мало преуспела в том, чтобы укрепить среди своей паствы прочный и нерушимый нравственный стандарт, который вообще-то является нормой для всех народов. Отсюда распушенность, находящая свое проявление в пьянстве, воровстве, сквернословии, неуважении к личности и собственности, не говоря уже о широко распространенном и охватившем все слои населения, снизу доверху, сервильном комплексе, сохранившимся до наших дней: снизу вверх — ты холуй (в наши дни — Вы, Иван Иванович), сверху вниз — хам (ты, Петров) и соответственно об отсутствии чувства собственного достоинства.

Все эти особенности нашей социально-нравственной истории, всей русскоправославной субцивилизации, сыграли свою роковую роль и нашли отражение в стремлении русской интеллигенции к революции (так дальше жить нельзя, надо помочь мужику стать человеком, следует радикально изменить жизнь!), а простота народа, ненавидевшего образованное сословие, — к бунту. Большевики, как известно, использовали то и другое. И именно это помогло им так легко, используя и мечтания образованных верхов, и стремления вчерашних крепостных мужиков, добиться своего, пропустив всю империю через кровавую мясорубку.

Крушение марксистского социализма в СССР было шоком для всего мира, ибо резко изменило баланс сил, превратило привычную в XX в. биполярную его структуру в нечто иное — то ли монополюсную, то ли многополюсную, что в условиях огромного количества накопленного в развалившемся СССР оружия массового уничтожения ока-

залось весьма небезопасным для всего мира. Но проблемы развалившегося СССР — иная тема. Для уяснения же проблем современного Востока важно обратить внимание на то, как воплотившаяся в СССР марксистско-социалистическая модель эволюции проявила себя в тех странах, которые, будучи замороженными ею, решились повторить у себя этот губительный для любого социума, в том числе и для привыкшего к командно-административной структуре, рискованный, хотя и для многих притягательный социальный эксперимент.

Марксистско-социалистический режим на Востоке

Официальная марксистская историография — и в этом с ней вполне можно согласиться — подлинно марксистско-социалистическими считала лишь несколько неевропейских стран: Китай, Северную Корею, Вьетнам, Кубу. Особый статус у Монголии. Иногда с оговорками в это число включались такие страны, как Лаос, Камбоджа, с еще большими оговорками — Ангола, Эфиопия, Никарагуа. Остальные страны с марксистско-социалистическими режимами обычно относились к разряду стран «социалистической ориентации» — категория весьма расплывчатая, о чем речь впереди. Обратим прежде всего внимание на три основные из названных стран, о которых специально уже шла речь и которые могут считаться олицетворением марксистско-социалистического режима в странах современного Востока. В чем их путь схож с советским и в чем от него отличен?

Прежде всего сформулируем специфику российского пути. Россия была первой, причем эксперимент здесь затянулся почти на три четверти века, т. е. захватил срок жизни нескольких поколений. Синдром враждебного окружения и агрессивность режима вызвали к жизни в нашей стране уродливую экономику, работавшую почти исключительно на войну. Мир не знает ничего подобного советскому ВПК: своими щупальцами он опутал всю страну, забрав себе все самое ценное в ней. Последние десятилетия при столь уродливой экономике страна выживала только за счет нефтедолларов, пока не иссякли и они. Наконец, в мире нет ничего похожего на наше сельское хозяйство с его крепостнической системой колхозов, которая довела русскую деревню до разорения и обезлюдения, а всю богатую природу России — да и не только собственно России — до трагического разрушения, экологической катастрофы. Существенно заметить, что все приведенные черты, признаки и особенности нашего пути следует воспринимать не по отдельности, но именно в комплексе. Подобного не было более ни у одной из стран Востока, избравших наш путь.

Во всех них эксперимент был сравнительно недолог, в пределах тридцати-сорока лет, если считать до начала радикальных реформ

(разве что в КНДР он затянулся несколько дольше). Ни у одной из них не было синдрома враждебного окружения, при всем том, что страны, о которых идет речь, вели реальные войны и, если иметь в виду Китай и Корею, до сих пор активно противостоят своим более удачливым некоммунистическим южным частям. При всех непропорционально больших затратах на войну и милитаризацию общества у них, кроме разве что КНДР, нет ВПК, сравнимого с нашим. Но самое главное — во всех них сохранилось крестьянское население. Над ним измывались, его мучили экспериментами, но оно все же выжило. И стоило в Китае или во Вьетнаме начать рыночные реформы, как крестьяне первыми поняли, что от них требуется, и энергично взялись за производство и рыночный обмен, что и позволило реформам быстро набрать силу и дать результаты.

Все перечисленное, что отличает марксистско-социалистические режимы в странах Востока от советского, говорит об одном: им легче было реформировать марксистские режимы и, выйдя из тупика, вернуться к исходному стартовому рубежу. Однако на этом разница кончается. Остальное — в общности судеб. Как и СССР, все перечисленные страны (в том числе Куба, с оговорками Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа) испытали на себе, что такое структура без частной собственности и свободного рынка, которые замещаются жестким тоталитарным режимом с гипертрофированной экономической и редистрибутивной функцией, с жесткой социальной дисциплиной и суровыми репрессиями за малейшее отклонение от строго сформулированной нормы. Как и в СССР, в них после первых связанных с верой и энтузиазмом успехов в строительстве новой жизни — к тому же при помощи СССР — возникло естественное разочарование в достигнутых результатах и резко упали производительность труда, результативность экономического развития. Всюду развилась бюрократическая администрация, в большей или меньшей степени теневая экономика, основанная на черном рынке и коррупции власти. Люди постепенно переставали хорошо работать и производить качественные изделия. В Китае, например, вскоре после реформ 1978 г. в печати стали раздаваться жалобы на то, что за годы экспериментов люди разучились хорошо трудиться и что молодому поколению следует учиться качественному труду заново.

Словом, все пороки, имманентные системе, которая стоит на тотальном огосударствлении экономики и самого человека, проявили себя в полной мере в каждой из стран Востока, где был установлен марксистско-социалистический режим. Разумеется, у каждой из стран были своя судьба, свои особенности. Но все они, включая Кубу и КНДР, которые пока еще из последних сил пытаются стоять на своем, прошли один и тот же сходный с советским путь. Во всех них первоначальный энтузиазм и вера, сопровождавшиеся репрессиями и животным страхом, некоторое время давали определенный эффект. Затем наступил период сомнений, неуверенности, потери энтузиазма

и, как результат, экономических трудностей, перераставших в тяжелый кризис. Попытки половинчатых реформ, как правило, лишь усугубляли положение, как и новые рискованные эксперименты типа маоцзедунских в Китае. По-прежнему подавлялись частная собственность и черный рынок, причем в отдельных случаях, как на Кубе и КНДР, весьма решительно. Словом, при всех существенных различиях в конкретике каждый марксистско-социалистический режим за несколько десятилетий своего существования испытал на себе одни и те же внутренние пороки утопической доктрины, которую он пытался воплотить в реальность. Каждый прошел свой крестный путь и оказался в итоге в состоянии мучительной стагнации, если не явного гниения.

Преимущества по сравнению с СССР, о которых говорилось выше, позволили марксистско-социалистическим режимам Востока, хотя и не всем, найти выход из тупика в радикальных реформах, коренным образом менявших внутреннюю структуру и де-факто кончавших с марксистской утопией. Такого рода реформы в Китае начались после смерти Мао, в 1978 г.; во Вьетнаме — позже, в 80-х. Сегодня они проводятся также и во многих других странах, жестко или не очень жестко следовавших по пути марксистского эксперимента. Реформы всюду идут достаточно успешно, причем их успеху содействует прежде всего то обстоятельство, что уставшие от экспериментов люди еще не забыли старую (до социалистических экспериментов) жизнь, пусть даже в условиях по-восточному контролируемого рынка. Этот-то рынок и восстанавливается в странах, о которых идет речь, в первую очередь.

Иными словами, все марксистские режимы сделали из тупика, в котором они оказались, шаг назад. Этот шаг и позволил им обрести твердую почву под ногами и начать движение вперед, но теперь уже по принципиально иному, капиталистическому пути. Разумеется, вслух об этом предпочитают не говорить: публичный отказ от доктрины означал бы вынужденный уход руководства от власти с угрозой для судеб многих тысяч, а то и миллионов ретивых администраторов и тем более идеологов, ревностно эту доктрину реализовывавших. Однако сам факт, что лидеры обанкротившегося режима сохраняют свою власть и даже продолжают рассуждать о марксистском социализме, означает, что радикальные реформы в соответствующих странах идут сравнительно легко и безболезненно — в отличие от того, что происходит в СССР.

Обобщая ситуацию, можно заключить, что марксистско-социалистические режимы на Востоке в силу ряда причин не сыграли здесь той роковой роли, что аналогичный режим сыграл в России. Неизвестно, как будет обстоять дело с теми странами, которые не пошли по пути спасительных реформ. Затяжка с этим явно будет содействовать более болезненному для страны выходу из тупика. Но относительно КНДР можно прогнозировать, что скорее всего ее ждет судьба ГДР, — и это несколько обнадеживает, ибо в любом случае спасает положение. Одно несомненно: даже не принеся необратимого ущерба страшный

социальный эксперимент губителен для каждой втянутой в него страны. Годы, ушедшие на него, — это потерянные годы, не говоря уже об уничтоженных людях, искореженных судьбах, изуродованных социопсихологических стереотипах. Конечно, можно козырять некоторыми индустриальными достижениями. Но согласимся, что на убедительном фоне аналогичных и много более существенных достижений южных частей тех же стран, о которых идет речь (прежде всего имеются в виду Тайвань и Южная Корея), эти козыри оказываются безнадежно битыми. Банкротство марксистских режимов очевидно.

Сказанное означает, что внутренние пороки системы, соответствующие букве и духу доктрины (прежде всего отказ от частной собственности, свободного рынка, буржуазной демократии, защиты прав и свобод индивида со ставкой на силу обезличенного коллектива, не говоря уже о культе одного класса и его диктатуры), не есть случайный результат, некое отклонение от марксистской истины. Это важно подчеркнуть, ибо у доктрины во многих странах все еще есть сторонники, склонные списывать ее неудачи на бездарное воплощение либо отклонения от нормативного эталона. Опасное заблуждение! Чтобы развеять его, стоит специально обратить внимание на ту группу стран Востока, где был открыт в силу ряда причин широкий простор для поисков и вариантов и где не следовали слепо советскому либо китайскому эталону, но, принимая советскую, китайскую и любую иную помощь, старались творчески, по-своему использовать те преимущества марксистской доктрины, которые всем ее сторонникам представляются именно ее преимуществами (огосударствление экономики, коллективизм труда и быта, высокий уровень социальных гарантий вплоть до социального иждивенчества и т. п.). Речь пойдет о многочисленной группе стран так называемой «социалистической ориентации».

Глава 14

Социализм и национализм. Угроза фундаментализма

Среди стран Востока, склонившихся было во второй половине XX в. под влиянием коммунизма в сторону социалистических либо национально-социалистических экспериментов, было немало таких, кто по разным причинам не хотел или просто не мог следовать советскому либо китайскому эталону. Ведь нельзя забывать то важное обстоятельство, что для развития по марксистско-социалистическому пути нужна была крупная, внутренне цельная и мощная партия так

называемого особого типа, строившаяся на железном принципе «демократического централизма», что на самом деле означало абсолютное повиновение нижестоящих вышестоящему. Для сложения такого рода партии нужны были благоприятные условия и многие годы, даже десятилетия.

В большинстве стран Востока, готовых или хотя бы отчасти склонных идти по марксистско-социалистическому пути, после деколонизации такого рода партий и соответственно почти сложившейся административной структуры не было. Поэтому они были вынуждены либо склонны идти несколько иным путем, ориентирующимся не столько на партийную дисциплину, сколько на диктаторские методы руководства харизматического лидера. Здесь были возможны варианты, более или менее близкие к тому, что именуется социализмом или национализмом. Обратим внимание на эти варианты

Страны «социалистической ориентации»

Еще раз стоит в самом начале заметить, что принципиальной грани между жесткими марксистскими режимами и странами, ориентировавшимися на марксизм, нет. Не потому, что нет разницы; она есть и вполне ощутима. Но прежде всего потому, что одна и та же группа стран (упоминавшиеся уже Ангола и Эфиопия, Лаос и Камбоджа) в недавнем прошлом могла быть с оговорками отнесена и к той, и к другой категории. Только при отнесении ее к первой категории нужны были одни оговорки, при отнесении ко второй — иные. Связано это с тем, что группа стран, о которой идет речь, характеризовалась неустоявшимся режимом, чаще всего в сочетании с экстремальной ситуацией перманентной войны, когда стояла задача не столько последовательно воплощать в жизнь утопические требования доктрины, сколько находить оптимальные варианты для выживания.

Но была и другая группа стран, ориентировавшихся на марксистский социализм. Это преимущественно страны Африки, включая в разные периоды их современной истории Мали и Гвинею, Гану и Танзанию, Конго и Мадагаскар, Египет и Зимбабве, да и ряд других. Это упоминавшийся уже Южный Йемен, может быть, еще некоторые страны — опять-таки в разные периоды их современной истории. Главное отличие режимов этих стран от жестких марксистско-социалистических было в том, что все они так или иначе стремились с самого начала их «социалистической ориентации» в сторону марксизма сочетать генеральные установки доктрины с ее отношением к частной собственности, рынку, индивиду и коллективу с различного рода послаблениями в сфере мелкой частной собственности, ограниченного рынка и т. п. С марксистскими режимами, кроме прочего, всех их сближал нарочитый акцент в сторону огосударствления экономики, а то и национализации основной ее части. Кроме того, сближающим

фактором всегда была идеологическая жесткость, опять-таки во многом восходящая к нормам марксистской доктрины, пусть не по букве, но по духу, как то было, в частности, в Египте при Насере, когда компартия официально была запрещена, а власти действовали в близком к марксистскому духу стиле.

Для всех этих стран были характерны сильное политическое и идеологическое воздействие на них со стороны лагеря коммунизма и постоянная помощь оружием. Лидерам Танзании и некоторых других африканских стран явно импонировала идея кооперации по-марксистски, коллективизации сельского хозяйства, которая и была в наиболее последовательной форме воплощена в танзанийской системе уджамаа. На правителей Ганы в 60-х годах произвела впечатление плановая система управления экономикой (был принят 7-летний план в 1962 г.). Аналогичный интерес к плану по-марксистски проявил в 80-х годах Йемен. О помощи Египту при Насере и говорить не приходится — она была разнообразной и объем ее был весьма велик, начиная от поставок оружия и кончая Асуанской плотиной. Но даже в тех странах, где помощь и влияние со стороны коммунистического лагеря были относительно слабы, косвенное воздействие лагеря (вот оно — поле напряжения) ощущалось и воспринималось, в том числе и при отсутствии заявлений о намерении идти по марксистскому пути.

По-разному страны этой категории находили избранный ими путь. На чаще всего ориентация на социализм по-марксистски была как бы вынужденной, объяснялась отсталостью. В слаборазвитых африканских странах необходимую роль посредника, основного субъекта рыночных связей с внешним миром и в то же время гаранта сохранения жизнеобеспечивающего уровня жизни населения брало на себя государство, которое всегда так или иначе было связано с командно-административно-распределительными методами управления и бюрократической неэффективностью руководства хозяйством. Это, естественно, способствовало консервации старой структуры, т. е. мешало развитию частной экономики и самому принципу конкурентоспособного предпринимательского хозяйства, базирующегося на экономической эффективности. Выход из этого замкнутого круга в 60-х годах многие видели в иллюзии быстрого и легкого решения этой сложной проблемы по-марксистски. Но для стран той категории, о которой идет речь, это была именно иллюзия. Ни у одной из них практически не было шансов рассчитывать даже на те начальные успехи, что продемонстрировали в первые годы коммунистического эксперимента хорошо институционализированные страны с конфуцианским цивилизационным фундаментом. Объясняется это тем, что африканские молодые государства не имели ни такого фундамента, ни той степени институционализации, социальной дисциплины и готовности к перенапряженному труду, какими обладали дальневосточные страны (что касается Египта, то здесь сыграли свою роль иные причины, имеющие отношение к исламу; это же относится и к другим исламским странам, делавшим шаги в сторону ориентации на марксизм).

Там, где не было ни фундамента, ни дисциплины труда, ни административной институционализации, ориентация на социализм по-марксистски приводила к приостановлению движения вперед по пути развития, к неспособности прокормить себя, наконец, к перманентному более или менее глубокому кризису. Но, так как все это не уходило слишком вглубь и было в немалой степени внешним, искусственным, наносным, то от него сравнительно легко можно было избавиться, что и продемонстрировали миру едва ли не все африканские страны, отдавшие в свое время дань иллюзиям развития по-марксистски. Выход из кризиса был в смене режима либо в реформах, порой в том и другом сразу. Особенно заметным процесс прозрения стал на рубеже 80 — 90-х годов, в период глобального краха марксистского эксперимента во всем мире. Зашедшие в марксистский тупик страны «социалистической ориентации» одна за другой, пятась, выбирались каждая из своего тупика на исходные позиции и, наученные горьким опытом, начинали движение вперед по рельсам капиталистического рынка.

Общим для всех стран этой категории является меньшая степень потерь и большая легкость переориентировки, нежели то было со странами первой категории, т. е. жесткого марксистского режима. Здесь многое сыграло свою роль, но главным образом — относительная гибкость политико-стратегического курса, сочетавшего требования доктрины с разумным допущением элементов частной собственности, рынка и всего традиционного образа жизни. Ситуация вакуума силы и воздействие со стороны противостоявшего коммунизму капиталистического поля напряжения тоже играли свою роль, как, впрочем, и влияние ислама и исламской третьей силы (третьего поля) в случае с мусульманскими странами, будь то Египет, Алжир или Йемен.

Немарксистский национальный социализм

Что можно сказать на очевидном фоне внутренних пороков марксистского социализма как доктрины и как реальности о социализме немарксистском? Здесь тоже есть два разных типа, условно обозначим их третьим и четвертым. К третьему типу относятся хорошо известные страны диктаторского, деспотического социализма во всех его модификациях, от национал-социализма Сирии и Ирака через жесткий исламский социализм Ливии до сравнительно мягких социалистических режимов с уклоном в сторону ислама. Такие режимы, как бирманский, тоже могут быть отнесены к третьему типу социализма. Во всех них марксизм не слишком заметен, а национальный и цивилизационный уклон (в сторону ислама в одном случае, буддизма — в другом) вполне ощутим.

Социалистические страны третьего типа сближают с марксистскими жесткая, близкая к тоталитарной политическая структура, производ

власти, ставка на унифицированность социального поведения, строгий контроль над инакомыслящими, религиозное рвение поверивших в официальную идею и обязательность репрессий по отношению к тем, кто сомневается или оспаривает ее. Аналогичным является режим Ирана, но он решительно не приемлет самого термина «социализм», считая его несовместимым с подлинным, фундаментальным исламом. Существенно подчеркнуть, что, кроме Бирмы, страны третьего типа — мусульманские. Даже Индонезия, где во времена Сукарно много говорили об «индонезийском социализме», формально тоже может считаться исламской, хотя цивилизационный ее фундамент достаточно сложен. Впрочем, индонезийский вариант при Сукарно был несравненно более мягок, нежели другие, только что охарактеризованные диктаторские социалистические режимы. Можно было бы даже вывести этот вариант из числа режимов третьего типа или, во всяком случае, поместить его где-то между третьим и четвертым.

Для режимов третьего типа социализма характерна та особенность, которая отличала страны «социалистической ориентации»: при всей их структурной жесткости, при всем деспотизме и произволе власти эти режимы существуют в пределах привычной для традиционного Востока нормы с характерными для него мелкой частной собственностью, ограниченным по потенциям рынком и т. п. Более того, эти режимы в принципе допускают и частнокапиталистический сектор в сфере экономики и финансов, хотя этот сектор, как и все прочие, включая мощный государственный, тоже находится под сильным контролем власти — на то она деспотическая власть. Впрочем, здесь тоже нет ничего нового, особенно для исламского Востока. Новое лишь в том, что режимы щедро пользуются социалистической фразеологией и эксплуатируют идею национального или религиозного (исламского) социализма, чем они и отличаются, например, от принципиально не имеющего ничего общего с социализмом режима в Иране.

Все страны третьего типа социализма можно считать режимами националистического типа. Только национализм в каждой из них свой. Вообще в националистические тона большей или меньшей интенсивности окрашены почти все государства постколониального Востока, что следует считать нормальным, естественным, само собой разумеющимся. Но далеко не все из них хоть как-либо связаны с идеями социализма, неважно какого именно. Страны, которые относятся к третьему (после марксистского социализма и социалистической ориентации) типу социализма, преимущественно являются именно национально-социалистическими (я сознательно избегаю термина «национал-социализм», хотя в ряде случаев, как например по отношению к Ираку С. Хуссейна, он явно напрашивается).

Национальный социализм жесткого диктаторского типа, родственный, как уже упоминалось, отрицающему социализм столь же жесткому исламскому режиму Ирана, — это явление особого порядка. Хотя оно в нашей рубрикации именуется третьим типом социализма, на самом

деле к социализму в собственном смысле слова такая форма государственного устройства, быть может, вообще не имеет отношения. От социализма здесь чаще всего лишь социальная демагогия и некоторые нарочитые, рассчитанные на популистское внимание, акценты или акции, имеющие своей целью задобрить нищий народ и побудить его петь хвалу диктатору.

Социализм такого типа можно было бы считать не столько национальным, сколько именно диктаторским. Но тогда терминологически была бы смазана разница между ним и предыдущими двумя типами социализма, где роль диктаторов тоже на первом плане. Поэтому вернемся к принятому выше наименованию. Перед нами группа стран национального (третьего) типа социализма. Что представляют собой эти режимы и в чем их принципиальное отличие от первых двух, от стран марксистского социализма и государств социалистической ориентации?

Наиболее существенное отличие и даже весьма важное преимущество стран национального социализма в том, что они имеют под собой достаточно прочную основу и опираются на традиции. Иными словами, страны этого типа жизнеспособны. Именно этим они кардинально отличаются от социалистических режимов первых двух типов, или, иначе, в этом их отличие от нежизнеспособных и утопических, внутренне порочных марксистских режимов. Частнопредпринимательский сектор в странах национального социализма достаточно активен, причем его активность — как и нефтедоллары — в известной мере компенсирует экономическую неэффективность государственного сектора. Соответственно исламско-социалистические государства внутренне устойчивы и даже способны к некоторому саморазвитию, к заметным успехам. Но значит ли это, что исламский социалистический национализм или вообще социализм диктаторского типа с явно выраженным национальным либо национально-религиозным уклоном оптимален как успешно справляющийся со своими задачами режим на современном Востоке?

Достаточно поставить вопрос в таком разрезе, как ответ становится очевидным. Особенно если оставить в стороне богатые нефтедолларами Ливию и Ирак, снабжаемую достаточно щедро теми же нефтедолларами Сирию, и обратиться к Бирме, очевидно продемонстрировавшей миру за несколько последних десятилетий экономическую неэффективность режима. Далеко не случайно бирманские генералы, давно уже стоящие в этой стране у власти, вынуждены были после пробуждения страны в конце 80-х годов начать широкую кампанию реформ примерно того же типа, что и в странах марксистского социализма. Правда, Бирма всегда стояла ближе к марксистскому социализму, чем исламские страны деспотического социализма. Стоит заметить, что и в принятой здесь классификации Бирма стоит как бы посередине между вторым и третьим типами социализма, относясь к ним обеим. Однако апелляция к бирманскому варианту позволяет предположить, что без нефте-

долларов агрессивная политика исламских национально-социалистических стран быстро привела бы соответствующие режимы, при всей их внутренней жизнеспособности, к неминуемому краху. Стоит вспомнить об Ираке, пережившем за последние два-три десятилетия две тяжелые войны, но продолжающем существовать достаточно стабильно именно благодаря нефтедолларам.

Словом, страны немарксистского национального социализма сильны вовсе не своей игрой в социализм, а национализмом и питающими его нефтедолларами, что хорошо видно на примере рискованных экспериментов в богатой нефтедолларами Ливии, покупающей продовольствие. В этом смысле они сущностно близки Ирану, с социализмом не заигрывающему. И даже более того, как бы расчищают дорогу исламскому фундаментализму. Вспомним и об Алжире, который можно классификационно приравнять к третьему типу социалистических стран Востока. И далеко не случайно здесь поворот от социализма полумарксистской-полуисламской ориентации к исламскому фундаментализму готов был совершиться в 1991 — 1992 гг.

И наконец, несколько слов о социализме четвертого типа, о немарксистском социализме социал-демократического, как в Сенегале, или дестуровского, как в Тунисе, характера. Немарксистский социализм четвертого типа распространен на Востоке слабо, и этому есть немало причин. Прежде всего, такой социализм сущностно почти ничем не отличается от капитализма, точно так же, как шведский или австрийский социализм в Европе есть интегральная часть западного капитализма, его модификация. Но, сближаясь с мягкими формами исламского (например, в индонезийском его варианте) или «африканского» социализма (в разных его модификациях), этот социализм тоже играет свою роль, образуя своего рода левую фракцию в мощном потоке идей, апеллирующих к национальным, национально-религиозным, национально-цивилизационным ценностям. Идеи, о которых идет речь, далеко не всегда и не везде становились официальным знаменем, как в Тунисе или Сенегале. Но они тем не менее весомо влияют на политику и общественное мнение стран Востока.

Прежде всего имеются в виду националистические идеи. В отличие от националистических идей в Европе, обычно несших в себе заряд буржуазно-демократических преобразований, национализм на современном Востоке характеризуется иным социально-политическим вектором. При всей пестроте составляющих его направлений и фракций это движение отражает реалии современного Востока с его сложными взаимоотношениями между традицией и модернизацией по европейскому стандарту, собственными и заимствованными ценностями. Именно национализм с его апелляцией к интересам не подготовленной к трансформации по капиталистическому образцу крестьянской массы, ставит своей целью увязать интересы народа в самом широком смысле этого слова с объективной необходимостью перемен во имя этих самых интересов. Национализм на современном Востоке не буржуазный или,

во всяком случае, не вполне буржуазный. Можно сказать, настолько же не буржуазный, насколько страна, где взяты на вооружение его лозунги, не демонстрирует заметных успехов в развитии по капиталистическому пути. Более того, национализм здесь часто обретает религиозную форму.

Национализм в его религиозной форме — это отчаянный крик души народа, поставленного на перепутье, перед необходимостью сделать выбор, который он в большинстве случаев не хочет делать, ибо не готов к этому. Но жизнь требует выбора, а иногда и нового выбора взамен неудачного. Неудивительно, что вокруг сложившейся ситуации идет борьба, накаляются страсти, появляются идеологи, пытающиеся дать свое понимание происходящего и предложить свой ответ на неумолимый вызов эпохи.

К чему же сводятся ответы в наши дни, когда выбор в большинстве случаев уже сделан, иногда и по второму разу, а результаты его все же остаются неутешительными? В самом общем виде — к противопоставлению себя, своей страны, своего народа, его культуры, религии, цивилизации, ценностей, даже вообще Востока с традиционным для него приоритетом духовных ценностей всему западному, чужому, с характерными для него преимущественно материальными ценностями, погоней за прибылью, за улучшением качества жизни. Генеральная установка на противопоставление своего чужому и духовного материальному тесно переплетается с подчеркиванием высокого морального стандарта собственной религиозно-цивилизационной традиции, противопоставленного аморальности капитализма, которая проявляется в отчуждении человека от средств производства, в безразличии общества к индивиду, в многочисленных иных пороках современного развитого мира.

Смысл сопоставления очевиден. Да, мы не можем угнаться за развитыми странами с их динамичной экономикой и высокоразвитой техникой и технологией, с их бросающимся в глаза процветанием. Но мы в то же время хорошо видим неурядицы и моральные потери, являющиеся платой за прогресс. Нужен ли нам такой прогресс? Стоит ли за ним гнаться? Может быть, правильнее выбрать иной путь развития, в центре которого стояли бы собственные традиции и критерием которого были бы веками накопленные ценности? Словом, мы желаем остаться самими собой, т. е. тем, кем всегда были.

Конечно, в такого рода позиции немало лукавства. Едва ли какая-нибудь из стран Востока отказалась бы, например, стать такой, как Япония. Но выше головы не прыгнешь. Не у всех есть потенции для достижения таких успехов. Следует считаться с реальностью. Реальность же такова, что народ не готов к радикальным изменениям — именно народ, причем даже тогда, когда объективные предпосылки (например, нефтедоллары) вроде бы позволяют достичь многого из капиталистических стандартов. Неудивительно поэтому, что требования национально-культурной и национально-религиозной идентифи-

кации как бы пропускаются сквозь призму народного восприятия и обретают подчас популистский характер, о котором идет речь. Национализм именно поэтому оказывается не буржуазным, а чаще всего религиозно-популистским.

Диапазон конкретных модификаций его широк, а мощь потока в наши дни явно возрастает. В современном национализме представлены социалистические и близкие к ним течения, народно-религиозные с некоей социалистической или псевдосоциалистической окраской (доктрина М. Каддафи). Встречаются серьезные теории революционно-демократического характера (Ф. Фанон и его учение), культурно-цивилизационные доктрины типа негритуада (Л. Сенгор), а также порой достаточно наивные коллективистские конструкции (идеи А. Секу Туре или Д. Ньерере). Все эти доктрины в конечном счете объединяются воедино генеральной идеей: Восток — это не Запад, нужно искать собственный путь развития. Но так как поиск идет по классическому методу проб и ошибок, то неудивительно, что он дает чаще всего негативный результат. Практически это означает, что националистические идеи мало помогают решению сложных проблем развития. Проблемы остаются, порой обостряются. В идейном плане это ведет к определенной радикализации, что, в частности, нашло свое выражение за последние годы в рассматривавшемся уже феномене фундаментализма.

Угроза фундаментализма

Дело в том, что ставка на национальную самодостаточность — это вынужденная реакция традиционного социального организма на неудачи в процессе развития. И чем больше эти неудачи, чем драматичнее разрыв между желаемым и возможным, между различными политическими силами, стремящимися к разным целям (особенно заметно это в странах ислама, где защитный панцирь традиции и стоящие на страже его силы прошлого наиболее сильны), тем мощнее становится реакция сопротивления структуры, порой переходящая в реакцию отторжения всего нового и чужого. Собственно, именно эта реакция — точнее, ее идеологическое оформление — и есть фундаментализм, т. е. возвращение к истокам, к фундаменту. Смысл этого феномена — в резком разрыве со всякими попытками угнаться за чужими стандартами и вообще ориентироваться на них. В лучшем случае это замещается призывом к некоему иному развитию, в остальных — апелляцией к высшим изначальным религиозно-цивилизационным ценностям. В том, что фундаментализм наиболее отчетливо и с наивысшей силой проявил себя в странах ислама, а из исламских стран — в шиитском Иране, нет ничего удивительного. Более того, в свете всего сказанного

именно этого и следовало ожидать, так как ислам — наиболее жесткая и сильная из религий Востока, а шиизм — наиболее радикальное из мусульманских идейных течений, наиболее фанатичное из них.

Но фундаментализм свойствен не только миру ислама. Нечто похожее можно встретить и в Индии, где в качестве влиятельной оппозиции Конгрессу выступают религиозно-коммуналистские партии и группы, ориентирующиеся не только на индуистские, но и на древневедические духовные ценности и традиции, не говоря уже о сикхах. И это особенно ощутимо в сегодняшней Индии после прихода к власти коммуналистов. Пожалуй, только динамичная дальневосточная цивилизация, демонстрирующая потрясающие успехи в развитии, свободна от подобного рода идей.

Словом, тесная связь фундаментализма с неудачами в развитии (а в случае с шиитским Ираном — с неудачами в политике, ставившей своей целью ускоренное развитие) вполне закономерна. Мощь его — в силе неумирающей традиции. Похоже на то, что взрыв фундаментализма в 70 — 90-х годах может быть воспринят как отчаянная попытка противостоять болезненной ломке привычных социопсихологических установок и ценностных ориентаций, всего традиционного образа жизни, как реакция на гримасы городского быта, втягивающего в свой неумолимый водоворот все новые миллионы быстро увеличивающегося, преимущественно крестьянского населения не слишком быстро развивающихся стран. Это в общем-то закономерная реакция живущего и даже как-то развивающегося социального организма. Более того, это реакция слабого, но готового отчаянно сражаться за свои права социума. Впрочем, на этот аспект проблемы стоит обратить особое внимание, ибо проблема фундаментализма в наши дни становится с каждым годом все более актуальной и опасной.

Создается — и весьма обоснованно — впечатление, что из всех массовых современных движений фундаментализм как реакция агрессивных отставших в своем развитии народов против далеко ушедшего вперед и — в глазах многих людей из развивающихся стран — морально распущенного, даже развращенного богатого Запада решительно выходит на передний план. Более того, он становится своего рода знаменем борьбы и своего рода новым критерием разделения мира на богатых и бедных. Но и это еще далеко не все. Фундаментализм, как упоминалось, бывает не только исламским. Однако если быть честным и смотреть правде в глаза, среди современных фундаменталистов мусульмане не только задают тон, но и составляют 90, если даже не все 99 %. Приняв это во внимание, мы вправе оценить фундаментализм как натиск исламского поля напряжения на весь неисламский мир.

Это хорошо заметно на примере нашей страны, где исламисты и особенно наиболее агрессивные среди них, ваххабиты, быстро распространяющие свое влияние среди народов с ослабевшими в годы

советской власти мусульманскими традициями, видят своих идейных врагов в лице тех, кто отнюдь не принадлежит к богатому Западу. Практически это означает, что агрессивные фундаменталисты ставят своей целью ослабить и в конечном счете одолеть, обратить в свою веру всех тех, кто каким-либо образом стоит у них на пути, кто мешает им видеть мир принадлежащим к единой мусульманской умме и принявшим средневековые религиозные принципы чистого, фундаментального, ислама.

В свое время роль такого рода агрессивных апологетов чистого ислама играли исмаилиты (ассасины). Ныне они не то чтобы сошли с исторической сцены, но весьма изменились, стали вполне миролюбивым этноконфессиональным меньшинством, глава которого, Ага-хан IV, охотно сотрудничает с ООН, выступает за либеральную демократию и рыночные реформы и тратит немалую часть своего богатства (ему присылают подношения исмаилиты из всех стран мира, где имеются их общины) на благотворительные цели. Но как говорится, свято место пусто не бывает. Место исмаилитов заняли ваххабиты и иные фундаменталисты, а ислам как религия, религиозная традиция и образ жизни по-прежнему энергично питает все виды мусульманского экстремизма и не отказывается от активного прозелитизма.

В мире живет много мусульман. Мало того, они активно распространяются там, где еще сравнительно недавно их не было вовсе. Мусульманские общины во всем мире внутренне очень крепки и религиозно активны. Обычно они увеличиваются очень быстрыми темпами, причем в этом играет огромную роль не столько признаваемое Кораном многоженство, сколько определенное шариатом приниженное положение женщины, главное дело которой — рожать новых мусульман. Статистика фиксирует, что ныне в мире их насчитывается около миллиарда, шестая часть человечества. Демографические прогнозы утверждают, что в 2030 г. будет два миллиарда мусульман. И это не считая тех новообращенных, которые появляются ежегодно в достаточно заметном количестве. Показательно, что в прежние времена мусульмане подчас принимали христианство и шли на службу, скажем, к русскому царю, а в наши дни дело обстоит прямо наоборот: христиане нередко принимают ислам, тогда как мусульмане практически не признают никакую иную веру, кроме своей и более того, нередко карают вероотступников.

Исламский фундаментализм опасен не только экстремизмом своих наиболее активных ревнителей, количество которых среди приверженцев этой религии растет ныне угрожающими темпами, но также и тем, что он очень умело находит те горячие точки в мире, где могут возникнуть условия для увеличения его влияния и завоевания им все новых и новых позиций. Эти горячие точки имеются не только в Азии (отсталый Афганистан на глазах стал гнездом фундаменталистов самого

реакционного и агрессивного толка) или Африке, где позиции ислама зримо укрепляются. Они возникают в середине Европы (Косово и другие части расчленяемой Югославии), республиках постсоветского Востока (Кавказ и Средняя Азия), в самой России и даже Америке.

Не везде точки, о которых идет речь, действительно горячи. В ряде случаев можно говорить лишь об этноконфессиональной сплоченности, связанной со строительством мечетей и медресе, с совершением хаджа и отправлением регулярных мусульманских обрядов, что само по себе не может вызывать нареканий и не должно внушать опасений. Однако практика, к сожалению, свидетельствует о том, что там, где усиливается влияние мусульманской религии и ее активных адептов, начинается энергичная политика прозелитизма с прославлением истинности фундаментальных принципов ислама. А от этого — лишь шаг к усилению влияния фундаментализма и — в подходящих для этого условиях — для экстремистских выступлений. Пример вчера еще в религиозном отношении почти не обращавшего на себя внимания сербского Косово в этом смысле весьма показателен и поучителен. Почти то же самое можно сказать о многострадальном Таджикистане. Словом, исламский фундаментализм в наши дни быстро и решительно расправляет свои крылья. Он внимательно оглядывает весь мир и особенно пристально — страны, где влиятельны исламские традиции. В реформированной Атаатюрком Турции, ставшей за последние три четверти века почти европейской державой, наибольшее число голосов на выборах последних лет завоевывают, как о том говорилось выше, сторонники активного ислама.

Быть может, экстремизм наиболее энергичных воинов ислама создает преувеличенное представление об угрозе фундаментализма. Но нельзя и недооценивать эту угрозу. Она заявляет о себе вполне очевидно. Ислам как бы взял на себя миссию от имени всего Востока, всего бедного и отсталого развивающегося мира активно противостоять благополучному и богатому Западу. Разумеется, современный Восток его на это не уполномочивал. Более того, в немусульманских странах Востока (а их пока явное большинство) его активность нередко вызывает противодействие. В странах Южной Азии, в частности, в Индии, ему решительно противостоит индуизм, причем проблема исламского фундаментализма в Индии способствует активизации коммуналистского индуизма в этой огромной стране. Меньше забот в этом смысле у Китая, где мусульман в окраинных районах очень немного. Однако и Китай озабочен активностью ислама в Синьцзяне. И все-таки, если ставить проблему в самом общем плане, экстремистский фундаментализм ислама не просто знамение времени, но и совокупная реакция отсталого Востока на вызов со стороны богатого и развращенного своим благополучием Запада.

Восток сегодня: основные модели и перспективы развития

Современный Восток противоречив и неоднозначен. Пожалуй, пора всерьез осознать, что развитие неевропейского мира за несколько последних десятилетий многое изменило в нем. Конечно, Восток и тем более весь неевропейский мир никогда не был единым или хотя бы однообразным. Он всегда разделялся и по уровню развития, и по типу цивилизационной и тем более религиозной культуры, и по многим другим параметрам. Но при этом было и нечто общее, что соединяло между собой неевропейский мир и отличало его от Европы, Запада. Это общее — господство командно-административно-распределительной системы, приниженная роль несвободной частной собственности, рынка и соответственно бесправие подданных — не только очевидно, но и имеет основополагающий для понимания мировой истории характер. И вот теперь, на рубеже третьего тысячелетия нашей эры, то, что разделяло мир на Восток и Запад на протяжении тысячелетий, не только отходит на второй план, но и как бы размывается, постепенно исчезает как структурообразующий признак неевропейского мира.

Проявляется это в том, что в мире появилась группа стран Востока (регион Дальнего Востока), которая структурно буквально на наших глазах перестает быть Востоком в классическом смысле этого слова. В таком же направлении несколько медленней и много трудней идут еще две группы стран — ряд латиноамериканских и юго-восточноазиатских. В то же время другая часть стран Востока, двигаясь в сторону структурной перестройки, являет собой сложные системы из сосуществующих и имеющих шансы еще долго сосуществовать двух структур, старой и новой. И наконец, остальные достаточно твердо держатся за сохранение старой структуры либо просто не в состоянии добиться существенных результатов в попытке ее трансформации. Если в заключение попытаться как бы подытожить сказанное и подвести все разнообразие современного Востока под какие-то генеральные рамки, то перед нами окажутся три основные модели. Рассмотрим их более основательно, с учетом потенций и перспектив.

Модель первая, японская

Совершенно очевидно, что к группе стран, объединяемых в рамках первой модели, относятся страны Дальнего Востока, да и то пока не все. Видимо, к странам этого типа можно отнести и некоторые латиноамериканские, что стоит учесть для полноты картины, имея в виду трансформацию развивающегося мира в целом. Как легко понять,

речь идет о странах, добившихся наиболее заметных успехов в развитии по капиталистическому пути.

Эти страны зримо сближаются с западным капиталистическим стандартом по многим основным параметрам: для них характерно полное, практически абсолютное господство свободного рынка с конкуренцией выходящих на него частных собственников. Здесь важно оговориться, что речь идет отнюдь не о примитивной базарной конкуренции мелких частников, отбивающих друг у друга покупателей или заказчиков. Такого рода ситуация была нормой капиталистического рынка на зародышевых этапах его формирования (или где-либо в античности, да и то не без оговорок). Для развитого современного мира рынок являет собой нечто гораздо более сложное. Велика здесь и патронирующая роль государства, и контролирующая роль системы налогов, пошлин, банковских процентов и учетных ставок, и т. д. Как известно, огромную роль на современном рынке играет искусство маркетинга. Не менее известна та роль, которую играют на нем мощные капиталистические объединения, включая ТНК. Словом, современный рынок — очень сложное и весьма развитое финансово-экономическое хозяйство, к регулированию которого во всех странах, включая самые развитые капиталистические, так или иначе причастно государство (впрочем, речь не идет о госкапитализме как секторе хозяйства — только о патронирующе-контролирующей функции власти, способствующей созданию наиболее благоприятного режима для своих при приемлемости его и для всех других).

Для нормального функционирования рынка такого типа нужно его полное господство в рамках той или иной страны, которая к такому рынку причастна. Или, точнее сказать, чем полнее господство рынка, тем экономически эффективнее его воздействие на экономику страны. И далеко не случайно с этой точки зрения то стремление к приватизации даже в развитых странах Европы (Англии, Франции), которое явилось фактом последних лет и привело к преодолению кризиса и экономическому оздоровлению в упомянутых странах. Вывод очевиден: рынок не терпит посторонних иноструктурных вкраплений. Чем больше в той или иной стране развит государственный (госкапиталистический) сектор со всеми присущими ему элементами неэффективного хозяйствования, тем меньше влияние рынка и меньший эффект дают рыночные связи, тем с большими затруднениями связана экономика страны.

Все это хорошо известно странам первой модели. Более того, Япония в этом смысле показывает пример оптимального решения сложных проблем. Государство здесь напоминает чуткий барометр, моментально реагирующий на экономические затруднения и принимающий почти автоматически меры, необходимые для регулирования рынка. Не будучи само втянуто в экономику через какие-либо госкапиталистические предприятия, оно тем не менее все время держит свою

весомую руку на руле хозяйственного регулирования, экономической политики. И за этот счет японская экономика обретает дополнительные очки в конкуренции с другими.

Государство в Японии давно, по меньшей мере с послевоенного времени, стало инструментом обеспечения эффективного функционирования хозяйства страны, сохранив при этом за собой все остальные функции, необходимые для нормального развития общества. Главное, что важно отметить, оно перестало быть государством традиционно-восточным и стало едва ли не более государством капиталистического типа, чем страны Западной Европы или США. И это касается не только государства, но и многих остальных элементов капиталистической структуры, включая институты демократии, правовые, да и многие другие стандарты. Но что характерно, при всем том Япония не перестала быть Японией. Мало того, оставив по многим показателям позади себя передовые государства Европы, Япония не потеряла своего лица, она осталась страной Востока, причем в этом ее сила и даже ее преимущество перед Европой. Достаточно напомнить о дисциплине труда и отсутствии забастовок при достаточно гармоничном сотрудничестве труда и капитала (корни такого сотрудничества социопсихологически и институционально восходят к нормам конфуцианства). В общем, Япония — убедительный пример гармоничного и во многих отношениях весьма удачного, едва ли не оптимального синтеза.

По пути Японии ныне идут сегодня и другие страны. Для всех них — это и есть критерий отнесения их к первой группе — свойственное господство рыночных связей и вовлечение подавляющего большинства населения в сферу такого рода связей. Характерно и приведение системы государственного воздействия к японскому стандарту или в состояние, близкое к нему. Наиболее заметен такого рода процесс на примере Южной Кореи, которая буквально на наших глазах превратилась в демократическую страну. Государство восточно-автократического типа здесь, как и на Тайване, немало сделало в качестве силового административного института, целенаправленно способствовавшего трансформации традиционной структуры и переориентации населения в сторону существования в условиях рыночной экономики. Коль скоро успехи на этом пути были достигнуты (а в плане жизненного стандарта это выразилось в виде многократного улучшения уровня жизни), авторитарное государство стало отходить на задний план, уступая место более подходящим для эффективного функционирования рыночной экономики демократическим институтам. Разумеется, при этом Корея осталась Кореей, так же как и населенные китайцами автономно существующие территории (Тайвань, Сингапур) не утратили своего китайского лица, что отражается в сохранении многих традиций, норм и принципов жизни.

Важно обратить внимание на то, что те традиции, которые могли помешать трансформации структуры, ослаблены либо видоизменены;

те же, что не мешали ей, сохранились, пусть подчас тоже в несколько измененной форме. В целом же именно влияние традиции делает сегодня Японию Японией, а Корею — Кореей, но при всем том это уже иная традиция: не та, что задавала тон веками, а та, что гармонично слилась с наиболее важными элементами западной капиталистической структуры. Это-то и привело к синтезу, т. е. к созданию качественно нового стандарта. Именно феномен синтеза и является определяющей характеристикой стран первой модели. Не берясь строго определять, какие именно страны и сколько их уже относятся к группе стран первой модели (часть стран находится на подходе к ней), можно тем не менее считать, что такого рода группа уже реальность. В некотором смысле первая модель — образец, ориентир для многих. Увы, недостижимый пока для большинства.

Модель вторая, индийская

Вторая модель заметно отличается от первой внутренней неоднородностью, порой даже кричащим контрастом. Речь идет о достаточно большой группе стран, успешно развивающихся по капиталистическому пути, но при этом далеко еще не перестроивших свою традиционную внутреннюю структуру. Практически это значит, что заметная часть страны и ее населения (речь преимущественно о городах, хотя и не только о них) уже существует в рамках новой, трансформированной по капиталистическому образцу экономики, что в масштабах государства в целом активно функционируют важные элементы капиталистической структуры — многопартийная система, демократические процедуры, европейского типа судопроизводство и т. п. В то же время большая часть населения, подчас подавляющее его большинство, по-прежнему остается в плену привычного для их предков образа жизни, лишь едва затронутого нововведениями и переменами. И хотя обе части активно контактируют друг с другом, они в то же время остаются обособленными и живут каждая по своим законам, составляя в то же время единый организм.

Это упоминавшийся уже применительно к колониальным структурам недавнего прошлого феномен симбиоза. Суть феномена в том, что сохраняется какая-то грань, незримо, но жестко отделяющая одних, перепрыгнувших через барьер традиции, от других, которым пока что не удается это сделать. Такая грань была везде, в том числе и в странах первой модели. Но там ее удалось сравнительно быстро преодолеть, и после этого она исчезла. Здесь грань солиднее, потолок ее выше, преодолеть ее сложнее, причем причины этого уходят в глубь самой традиции, ее религиозно-цивилизационного фундамента. Для того чтобы грань была ликвидирована, нужны время и благоприятные

обстоятельства. Метафорически ситуацию можно сравнить с яйцом, где белок и желток сосуществуют в органической связи, взаимно дополняя друг друга, но не смешиваясь. Только при определенных условиях начинается процесс, ведущий к поглощению одной части яйца другой, развивающейся и совершенствующейся качественно за ее счет.

Наиболее типичный представитель стран второй модели — Индия с ее системой общин и каст, которая продолжает держать в плену большинство населения страны. К этой же модели относятся многие страны Юго-Восточной Азии, от Таиланда до Индонезии, а также ряд стран ислама (Турция, отчасти Пакистан, Египет и др.). В любой из них активно идет процесс экономического роста, укрепляются многие элементы структуры европейского типа, но в то же время существует определенный барьер, опирающийся как на экономическую отсталость сельского населения, так и на социопсихологические стереотипы массового сознания и связанные с ними жесткие формы социального бытия, что особенно заметно в странах ислама.

Какова динамика развития стран этой группы? Для всех них характерно заметное поступательное движение в сторону постепенного сближения с западным капиталистическим стандартом. В частности, это хорошо прослеживается на примере постепенного изменения роли государства, что особенно заметно там, где государство традиционно наиболее сильно, прежде всего в странах ислама. Дело в том, что усиление роли и влияния капиталистического сектора экономики и упрочение позиций европейского типа политической, правовой и иной культуры ведут к уменьшению важности командно-административных и бюрократических методов управления. Элементы европейской структуры постепенно превращаются в ведущую идейно-институциональную основу успешного развития. В результате в стране возникает новая ситуация, ослабляющая потенции старой структуры и силу ее возможного сопротивления, включая взрывы национализма и тем более экстремизма в форме прежде всего фундаментализма.

Это касается и политических либо военных переворотов. Речь не обязательно о том, что таких переворотов становится меньше. Имеется в виду другое: сужаются возможности для честолюбивых генералов и амбициозных политиков. В Турции, например, где генералы достаточно регулярно брали в свои руки власть, сложилась уже некая примечательная закономерность: взяв власть, генералы гасят страсти и создают условия для перехода руководства страной к гражданскому, демократическим способом избранному правительству, опирающемуся на европейского типа идейно-институциональную норму, соответствующие принципы. Нечто похожее происходит и в Таиланде. Развитие событий в Пакистане в 80 — 90-х годах свидетельствует об аналогичных тенденциях. В Индонезии, где у власти еще недавно стоял генерал, взявший ее в результате переворота 1965 г., эта власть была

институционализована и по существу превратилась в президентское правление в рамках парламентской многопартийной демократии, что подтвердили драматические события 1998—1999 гг.

Конечно, нет никаких гарантий, что не произойдет новый переворот, и ситуация в интересующем нас смысле в какой-либо из стран второй модели не изменится. Но, несмотря на это, отмеченная тенденция несомненна, причем именно ее существование характеризует положение дел. Более того, ряд стран описываемой модели, как Турция или Таиланд, уже стоят на грани перехода к первой — японской — модели, к структуре гармоничного синтеза.

Вариантом второй модели следует считать примыкающую к странам этой группы, но по ряду важных параметров отличную от нее группу арабских нефтедобывающих монархий. Здесь тоже симбиоз, тоже резкое, даже бросающееся в глаза сосуществование двух секторов хозяйства, двух частей населения в пределах каждого из государств. Но, в отличие от стран первой группы той же модели, здесь мало институциональных элементов европейской структуры, как нет и заметных признаков движения в сторону цивилизационного капиталистического стандарта со стороны основной части местного населения и привычно стоящего во главе его аппарата власти. Симбиоз здесь построен не просто на контрасте, но и как бы на сепарации, сознательном отделении коренного населения (или, по меньшей мере, его большинства) от современного сектора хозяйства и соответствующей ему инфраструктуры (то и другое функционирует в основном благодаря усилиям мигрантов, тогда как местное население выступает преимущественно в качестве получателей ренты). Трудно говорить о тенденциях и перспективах, но похоже на то, что заметного изменения ситуации здесь пока не предвидится.

Как следует расценивать положение стран второй модели в целом? Общее для всех них в том, что они в принципе находятся в состоянии определенного равновесия, устойчивой стабильности. Экономика их если и не процветает, то во всяком случае вполне может обеспечить существование страны и народа. В регулярной помощи страны, развивающиеся по этой модели, не нуждаются, и даже есть определенные перспективы экономического роста. От стран первой, японской модели страны второй модели отделяет определенная дистанция, несмотря на то, что по доходу на душу населения некоторые нефтедобывающие страны (это относится не только к арабским монархиям и Ливии, но и, например, к Брунею) могут соперничать с той же Японией. Дело ведь не только и не столько в доходе, сколько во внутренней структуре, в динамичности самой модели. Существенна политическая стабильность большинства стран второй модели. Некоторое беспокойство может вызывать демографическая проблема, особенно ощутимая в Индии, крупнейшей из всех стран этой группы. Пока что успехи «зеленой революции» в Пенджабе и некоторых других районах, разви-

вающих по западному капиталистическому образцу, позволяют компенсировать резкий рост населения, хотя миллионы все еще находятся в этой стране буквально на грани голода. Естественно, что при любом неблагоприятном повороте событий положение может резко ухудшиться.

И все-таки, при всех оговорках, положение стран, объединенных в рамках второй модели и функционирующих в условиях симбиоза, достаточно устойчиво. В ряде стран этой модели, как говорилось, намечается тенденция к преодолению ситуации симбиоза, к перерастанию симбиоза в синтез.

Модель третья, африканская

Для стран, объединенных в рамках этой модели — а они численно преобладают, да и по количеству населения, особенно с учетом темпов прироста, необычайно весомы, — типичны не столько развитие и тем более стабильность, сколько отставание и кризис. Именно здесь накал драматизма наиболее заметен и ситуация наименее перспективна. К странам этой модели относится подавляющее большинство африканских стран, некоторые страны исламского мира, в частности Афганистан и Бангладеш, а также другие бедные страны Азии, как Лаос, Камбоджа, Бирма и т. п.

Хотя в подавляющем большинстве этих стран капиталистическая структура имеет весомые позиции в экономике, отсталая, а то и полупервобытная периферия здесь много более значима и практически задает тон. В строгом смысле слова применительно к странам этой модели тоже можно говорить о симбиозе, ибо сосуществование современного и традиционного секторов очевидно. Но если в странах второй модели симбиоз как феномен сопровождается внутренней устойчивостью и явной позитивной динамикой в сторону укрепления экономической базы и даже развития по направлению к будущему синтезу, то в странах третьей модели положение иное. Лишь немногие из них со временем и при благоприятном стечении обстоятельств имеют шансы передвинуться в ряды стран второй модели, т. е. добиться некоей внутренней устойчивости и самообеспечения. Для большинства же видится удел незавидный, во всяком случае в обозримой перспективе. Страны африканской модели в большинстве своем обречены на отставание, причем разрыв между ними и развитыми странами долго еще, видимо, будет только возрастать.

Причины этого очевидны: здесь и низкий исходный уровень развития, отсутствие либо слабость имеющегося религиозно-цивилизационного фундамента, и скудость природных ресурсов, во всяком случае таких, которые, как нефть, могли бы легко приносить доход. Видимо,

следует принять во внимание и некоторые другие факторы, сыгравшие свою негативную роль. Но сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить ситуацию: перед нами феномен некомпенсируемого существования, неспособности к самообеспечению или, в ряде случаев, феномен полупервобытного комплекса, способного гарантировать существование на полупервобытном уровне. Речь, разумеется, не столько об уровне цивилизованности (в ряде стран, будь то Бангладеш или Бирма, этот уровень достаточно высок), сколько об уровне существования, уровне потребления.

Важно учесть и еще одно обстоятельство. Там, где такой уровень привычен и где феномен потребительства не слишком известен, как в Афганистане, экономические проблемы не очень заметны, особенно на фоне непрекращающихся внутренних междоусобиц. Сложнее обстоит дело там, где демонстрационный эффект, т. е. связанное с законами капиталистического рынка энергичное стимулирование потребления, достиг внушительных размеров при невозможности обеспечить население теми товарами, которые в обилии на рынке и которые оно желало бы иметь. Драматический разрыв между желаемым и возможным рождает эффект иждивенчества, естественное стремление потреблять, не производя эквивалента. Частично такой разрыв покрывается за счет кредитов, но задолженность при этом растет угрожающими темпами, что рано или поздно приводит к прекращению кредитов и к еще более драматическому несоответствию между предложением свободного рынка и возможностями населения.

Если принять во внимание, что именно в наиболее отсталых странах едва ли не наивысший темп прироста населения, о чем уже упоминалось, то ситуация предстанет еще более напряженной и еще менее обнадеживающей. Отсталость и нищета угрожающими темпами не только воспроизводятся, но и увеличиваются абсолютно; то и другое здесь явно уходит из-под контроля и выходит за все разумно приемлемые пределы. И хотя войны, болезни (СПИД) и природные катаклизмы (засухи и сопутствующий им массовый голод) нередко уносят миллионы жизней, абсолютный рост бедности и нищеты, особенно в Африке, продолжается. И это проблема проблем, причем не только для Африки, но и для всего мира.

Единственный выход — массированная целенаправленная политика, преследующая своей целью искусственное форсирование развития с прицелом на постепенное втягивание в экономику рыночного сектора все большего количества пока еще мало пригодного для этого местного населения. Нужно создавать рабочие места, вести работу по социопсихологической перестройке массового сознания. Тому и другому способствуют большие города, число и размеры которых, в частности в Африке, быстро увеличиваются. И это несколько обнадеживает. Но не слишком: нужны долгие десятилетия дорогостоящих усилий для достижения хоть сколько-нибудь заметных позитивных результатов.

Возможно, рано или поздно необходимость таких усилий для всеобщего блага будет осознана в мире. Нельзя сказать, что сейчас на это мало обращают внимания. Существует немало исследований, авторы которых предлагают свои рекомендации. Создано множество фондов и программ под эгидой ООН, ее специализированных учреждений или других организаций, ставящих своей целью содействовать развитию отсталых стран, прежде всего африканских. Ставится вопрос о финансировании такого рода программ за счет предполагаемого — и представляющегося теперь реальным в свете наметившегося ныне прогресса в области международных отношений — сокращения расходов на военные цели с направлением части их в фонд помощи отсталым странам.

Видимо, кое-что для собственного спасения могут сделать и сами отсталые страны, особенно богатые природными ресурсами. Региональные проекты, любые формы межнациональной и межгосударственной интеграции могут принести определенную пользу, концентрируя усилия на наиболее выгодных и результативных направлениях развития. Но, даже учитывая все такого рода возможности, следует сознавать, что проблема кризиса развития и даже просто выживания населения большинства стран африканской модели остается пока еще очень острой.

Основные модели и перспективы развития

Не все страны современного Востока вписываются в вычлененные основные три модели. Часть их находится как бы вне их. Это относится, в первую очередь, к таким странам, как Китай и Вьетнам, энергично приступившим к переделке структуры, а также таким, как КНДР, где все это еще впереди. Что следует сказать об особенностях развития упомянутых стран в свете закономерностей, выявленных при анализе основных моделей?

Формально руководство КНР (да и Вьетнама) все время подчеркивает, что ориентируется на строительство социализма. Однако на деле речь идет о существенной роли социальных гарантий и об ограниченности функций рынка и частной собственности, которые традиционно контролирует восточное государство. Если это так, то КНР скоро сможет стать в ряд со странами второй модели и быть еще одним вариантом развития в рамках этой модели. Впрочем, некоторые признаки динамики Китая дают основание заключить, что в будущем он не будет слишком строго придерживаться принципа централизованного контроля над рынком и частной собственностью. Если же учесть, что предприятия коллективной собственности в Китае вполне гармонично могут стать чем-то вроде обычных фирм с юридическим лицом

и правом независимого от контроля поведения на свободном рынке и принять во внимание, что в этом же направлении эволюционируют ныне и многие государственные предприятия, то вполне можно допустить, что Китай как страна дальневосточной цивилизации сумеет достичь в будущем успехов, сравнимых с теми странами, что ныне входят в группу первой модели. Словом, будущее покажет, как повернутся в этом смысле события. Пока же, учитывая описанные варианты и особо стоящих аутсайдеров, мы вправе сформулировать некий генеральный вывод.

Восток в наши дни состоит из трех основных групп стран, развивающихся в рамках отличных друг от друга моделей. Первые две из них — японская модель гармоничного синтеза и индийская модель симбиоза — жизнеспособны и в постоянной помощи извне не нуждаются. Более того, часть из них сама способна оказать помощь другим и делает это (имеются в виду Япония и нефтедобывающие страны). Третья группа стран, развивающаяся по африканской модели и тяготеющая к традиции в ее наиболее отсталой, чаще всего полупервобытной модификации, явно нежизнеспособна. В лучшем из ее вариантов развитие по этой модели ведет к стагнации, в худшем — к кризису и катастрофам. Эта группа стран не может жить без чужой помощи в самом элементарном смысле слова: страны Африки, пусть даже не все, просто не в состоянии себя прокормить. Это же относится и к некоторым беднейшим странам Азии.

Помощь, как упоминалось, оказывается. Но проблема остается и обостряется с каждым годом из-за демографического роста, нарастания задолженности, отсутствия стратегии развития. Что можно сделать в этой ситуации? Видимо, вовсе не обязательно беднейшим странам третьей модели напрягать все силы и стремиться к развитию по первой модели. Это невозможно, да и не нужно. Необходимо найти какой-то иной путь, наметить очертания иного развития. Это касается также и тех стран, развивающихся в рамках второй модели, где большинство населения по-прежнему пребывает в рамках традиционной структуры. Если приплюсовать это большинство (а в Индии оно многократно превышает ориентирующееся на свободный рынок меньшинство) к населению стран африканской модели, то в итоге — даже исключив Китай — мы получим колоссальную цифру, которая будет намного больше (видимо, в несколько раз) того количества населения мира, что живет в условиях рыночной структуры и так или иначе причастно к благам экономического прогресса. В Китае соотношение приблизительно то же самое, хотя там более активно идет процесс приобщения к современному рынку всего крестьянства.

Не претендуя на точность подсчетов, хотелось бы обратить внимание на главное: в странах второй и третьей модели, включая Китай, живет большинство населения мира, которое пока что не затронуто благами современной экономики или соприкоснулось с ними в очень

незначительной степени. Это значит, что поиски новой стратегии развития должны вылиться в какой-то общий глобальный принцип.

В чем может быть сущность такого принципа? Прежде всего в ограниченной роли рынка и современной экономики и в ориентации того и другого на оптимизацию базирующегося на достижениях современной науки сельского хозяйства, способного обеспечить гарантированное существование населения. В мобилизации всех возможностей — под эгидой собственных государств, международных организаций, стран-доноров и т. п. — для повышения урожайности полей и для борьбы с природными аномалиями (засухи, наводнения и т. п.). Можно ли ставить задачу добиться большего? Едва ли, особенно если принять во внимание экологическое состояние планеты и учесть, что промышленное развитие влечет за собой горы отходов, мусора, вредных выбросов (их и сейчас, когда промышленно развита лишь небольшая часть мира, приходится в среднем 20 т на каждого человека в год), переработка которых в более глобальных масштабах пока просто не под силу человечеству. Можно напомнить также и о проблеме чистой воды и чистого воздуха, о сведении лесов, о парниковом эффекте с угрозой серьезных неблагоприятных климатических перемен, об угрожающе растущей озоновой дыре на полюсах, да и о многом другом в том же плане. Сказанное означает, что стратегия развития (она же — стратегия помощи отсталым странам и неспособной обеспечить себя части населения) не может и не должна исходить из того, чтобы всемерно подтягивать страны третьей группы к уровню второй, а второй — к первой. Видимо, гораздо целесообразнее исходить из сложившейся уже разницы в уровнях, тем более, что изменить что-либо в этом смысле достаточно сложно, если вообще возможно, и ставить перед собой только выполнимые задачи, главная из которых — обеспечить жизненный минимум для самых отсталых, имея при этом в виду демографический рост именно в этих странах. Может быть, частью стратегии развития должно стать регулирование рождаемости в отсталых странах, хотя практика свидетельствует, что добиться этого очень трудно.

Перспективы Востока и проблемы будущего

С высоты надвигающегося на мир третьего тысячелетия отчетливо видится, что исторический процесс демонстрирует два различных пути развития, второй из которых, европейский, отпочковался от первого, генерального, где-то на рубеже античности. Именно динамично ускоряющееся развитие европейского пути привело к торжеству научно-технического прогресса на земном шаре. Вопрос лишь в том, в прогрессе ли счастье человечества.

Вопрос поставлен далеко не случайно. Генеральный путь — первый путь развития, для которого характерно господство государственной командно-административно-распределительной системы при второстепенной роли рынка и частной собственности, приниженности человека и безусловном господстве государства над социумом, а социума над личностью, — не вел к научно-техническому прогрессу, не способствовал раскрепощению личности и не создавал условий для активной реализации выдающихся открытий человеческого ума. Зато он заботливо сохранял необходимое единение человека с природой, гарантировал статус-кво и в своей консервативной стабильности мог сосуществовать с нашей матерью-Землей еще, быть может, тысячелетия и тысячелетия. Европейский путь, раскрепостив личность и придав ей мятежный дух Прометея, довел уровень прогресса к концу второго тысячелетия до неслыханных, непредсказуемых, подчас непредставимых прежде величин. Но именно за это люди заплатили столь же неслыханной ценой: гибнет на наших глазах природа, цветут и мутнеют моря, загрязняется воздух, угрожающе увеличивается озон. Мир содрогается под тяжестью ядерной угрозы, а на смену этой угрозе, как-то регулируемой человеком, идет нерегулируемая им беда — неудержимый демографический взрыв и, как реакция природы на него, пожирающий всех без разбора и пока что неостановимый СПИД. И где гарантия, что дальнейший путь прогресса не приведет завтра к новым, еще более грозным, непредсказуемым и неостановимым потерям, если даже не к всеобщей гибели?

Не стоит, конечно, нагнетать апокалиптические страсти, но нельзя и умалчивать об угрозе жизни на Земле, делать вид, что ее нет, что она чуть ли не искусственно раздувается бьющими в колокола алармистами, «зелеными» и т. п. Нет оснований также во всех несчастях человечества винить сам прогресс как таковой. Все намного сложнее. Но с позиций историка, пытающегося охватить исторический процесс в целом, многое видно, особенно сегодня, на рубеже тысячелетий. Видно, в частности, то, что путь первый в лице традиционного Востока заканчивает свое обособленное движение и явственно сливается с путем вторым, который буквально за несколько коротких веков из

специфического, европейского, и в силу этой географической ограниченности первоначально очень узкого, стал всемирным, а затем и генеральным. Чем грозит миру это слияние двух путей, даже если иметь при этом в виду, что далеко не все страны Востока уверенно влились в движение по широкой дороге современного прогресса, что едва ли не большинство из них осталось пока на обочине этого нового для них пути и не то чтобы не движется по нему, но движется столь медленно и несут при этом на себе столь весомый груз традиций старого (первого) пути развития, что движение их по новому подчас почти не заметно? Грозит, если так можно выразиться, многим...

Прежде всего природа явно не в состоянии вынести издержки прогресса в том их объеме, который характерен для сегодняшнего дня. А включение в орбиту прогресса все увеличивающегося количества людей объективно способно только ухудшить положение дел. С этой точки зрения — пусть не обижаясь поборники справедливости и равноправия — может расцениваться весьма позитивно то, что далеко не все страны мира уже досыта вкусили от прогресса. Если бы было так, ситуация на планете, видимо, оказалась бы уже непоправимой. Так что же, так и оставаться бедным бедными, а голодным голодными? Это явно не выход. Выход следует искать в другом. В чем же?

Вероятно, следует решительно пересмотреть не только стратегию развития отставшего Востока, но и всю стратегию глобального прогресса человечества. Собственно, это уже делается, хотя и пока очень медленными темпами. О чем идет речь?

О том, чтобы перестать наращивать не только военную, но и вообще тяжелую, разрушительную мощь человека. Перестать злоупотреблять металлургией и химией, ограничившись самым необходимым и учтя при этом все возможности, которые способны гарантировать природу от заражения, от лишнего отходов, газов и т. п. Добиться стопроцентной утилизации всех промышленных отходов, а там, где это невозможно, — таких способов уничтожения отходов, которые не вредили бы природе. Энергично развивать прогрессивные виды производства, включая и сельскохозяйственное, с тем, чтобы за счет наращивания производственного потенциала всегда иметь необходимые запасы, за счет которых развитым государствам долго еще, видимо, придется оказывать помощь отсталым. Всемерно наращивать в отставших странах не наиболее вредные и трудоемкие — как то подчас делается — виды производства, а те, что могут максимально способствовать их развитию, имея в виду под развитием не достижение высот современного мирового прогресса, но прежде всего способность к самообеспечению необходимыми продуктами и товарами.

В последние десятилетия многие специальные организации, компетентные группы специалистов — вроде тех, что объединены в рамках хорошо известного «Римского клуба», — заняты обоснованием новой стратегии развития и предлагают свои рекомендации. Нет сомнений в том, что детально разработанная и учитывающая все сложности окружающего нас мира такого рода стратегия нужна, жизненно важна.

Видимо, для участия в разработке и осуществлении соответствующих рекомендаций нужно привлечь и страны Дальнего Востока из числа добившихся наивысших успехов в развитии по пути прогресса за последние годы (в первую очередь, Японию, хотя и не только ее). Вообще проблемы развития стран Азиатско-Тихоокеанского бассейна выходят на передний план, это своего рода знак времени. Так пусть же страны, о которых идет речь, будут в первых рядах тех, кто озабочен выработкой генеральной, необходимой для выживания человечества в целом стратегии!

И в заключение еще об одном важном соображении глобального характера. Похоже на то, что человечество вступает в третье тысячелетие не только с тяжелым грузом экологического кризиса и экономических неурядиц и диспропорций, но также и с явной необходимостью решить наконец свои политические проблемы. Речь о тех проблемах, что веками разделяли людей и вели их к войнам. Время военного решения конфликтов, очевидно, подходит к концу: новой мировой войны планете не выдержать. Вероятно, придется отказаться ей и от крупных региональных конфликтов, ибо они все чаще грозят использованием ядерного оружия и опасностью разрушения АЭС, что вполне может, как показал опыт Чернобыля, привести к последствиям, сравнимым с теми, чем грозит использование ядерного оружия. Объективная логика необходимости сотрудничества с целью спасти планету от экологической гибели, спасти людей от ядерной и иной глобальной катастрофы в новом тысячелетии будет с каждым десятилетием все энергичнее направлять мировое сообщество в русло политической и любой иной интеграции.

Собственно, этот процесс уже идет, причем едва ли не решающий вклад в его необратимость внес крах идеи марксистского социализма и развал вчера еще всемогущего лагеря коммунизма, прежде всего СССР. Правда, все идет далеко не так гладко, как хотелось бы. Позитивное продвижение время от времени сопровождается мощными откатами. Силы дезинтеграции огромны, они питаются соками этнических и религиозных предпочтений и предрассудков, политическим неравенством народов, их экономической несамостоятельностью, да и многими другими причинами. Решить все вопросы быстро и удовлетворительно невозможно, так что еще достаточно долго, видимо, мир будет сталкиваться с неприязнью арабов и Израиля, проблемой курдов и режимов тех стран, в которые этот народ политически включен (Турция, Иран, Ирак), негров и европейцев в ЮАР, не говоря уже о сепаратистских тенденциях в различных районах планеты, о старательно поддерживаемом все еще немалым количеством людей представлении о важнейшей и первостепенной роли классового антагонизма. Словом, проблем, разделяющих людей, немало. Но как-то решать их человечеству завтрашнего дня придется — решать во имя будущего самого человечества, во имя будущего жизни на Земле. И в качестве решения этих проблем, как своего рода ключ к их решению выходит на первый план интеграция.

Речь идет о различных формах объединения, как регионального, так и всемирного, под эгидой ООН. Видимо, только здесь может быть найден реальный путь для развития и жизнеобеспечения той самой численно преобладающей части населения мира, которая пока что не способна себя прокормить либо может сделать это на уровне, граничащем с голодом и голодной смертью. Имеется в виду отнюдь не вечная благотворительность богатых по отношению к бедным в некоем всемирном социальном организме. Разумеется, помощь такого рода будет оказываться еще долго, без этого, как о том уже шла речь, просто не обойтись. Но важнее другое: развитая часть мира объединенными усилиями должна будет позаботиться, чтобы достижения современного прогресса поставить на службу именно там, где он слабее всего ощущается и где от его применения многое может измениться, пусть даже далеко не сразу.

Прогресс, о котором идет речь, отнюдь не сводится к достижениям техники и технологии, хотя это имеется в виду едва ли не в первую очередь. Он должен всей своей мощью коснуться культурного стандарта людей, позволить им вырваться из плена традиций, особенно традиционных предрассудков, размыть веками отработавшиеся социопсихологические стереотипы. В частности, речь идет о воспроизводственных нормах, демографической проблеме, о необходимости побудить всех, особенно население беднейших и отсталых народов мира, со всей серьезностью отнестись к проблеме перенаселенности мира. Реально ли это?

Нет смысла делать пророчества в духе Кассандры, но есть все основания полагать, что если проблему перенаселенности мира не решат сами люди, ее решит природа — приблизительно так, как то происходит с численно перевалившими за разумную норму популяциями животных. Конечно, люди не животные и добровольно топиться в море или выбрасываться на берег не станут. Но у природы найдутся другие механизмы для самоспасения и саморегулирования. Одним из таких механизмов можно, как о том уже упоминалось, считать СПИД, имеющий непосредственное отношение к воспроизводству человека. Не исключено, что появится и еще что-либо в этом же роде. Словом, сам вопрос не столь уж нелеп, как может показаться на первый взгляд: природа проявляет осмысленность там, где происходят грозящие ей гибелью перекосы. Пусть это только инстинкт самосохранения, но кто сказал, что наша Земля в целом лишена такого инстинкта?

Словом, человечество несет с собой в третье тысячелетие тяжелый груз нерешенных проблем, подавляющее большинство которых имеет самое непосредственное отношение к модусу существования наиболее отсталой его части, стран Востока. От того, как будут решены людьми эти проблемы, зависит их будущее. Не некое светлое будущее в некоем бесклассовом дистиллированном социуме, а реальное будущее достаточно близких наших потомков, уже, быть может, в третьем-четвертом поколении. Следует надеяться, что у грядущих поколений хватит сил, знаний и мудрости решить проблемы нашего века и тем обеспечить существование и развитие человечества надолго.

Учебное издание

Васильев Леонид Сергеевич

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Том 2

Редактор *С.А. Юшина*
Художественный редактор *Ю.Э. Иванова*
Художник *В.Н. Хомяков*
Технический редактор *Н.В. Быкова*
Компьютерная верстка *С.Н. Луговая*
Корректор *С.А. Юшина*
Оператор *М.Н. Паскарь*

ЛР № 010146 от 25.12.96. Изд. № Риф-184. Сдано в набор и подп. в печать 21.12.2000.

Формат 60 x 88¹/₁₆. Бум. газетн. Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Объем 34,30 усл. печ. л. + 0,25 усл. печ. л. форз. 30,88 усл. кр.-отг. 39,70 уч.-изд. л. +
0,29 уч.-изд. л. форз.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1759 (к).

ГУП «Издательство «Высшая школа»,
101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Факс: 200-03-01, 200-06-87

E-mail: V-Shkola@g23/relcom/ru

<http://www.v-shkola.ru>

Набрано на персональных компьютерах издательства.

Отпечатано на Государственном унитарном предприятии Смоленский полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, д.1.